

СВЕНЪ ГЕДИНЪ

ТАРИМЪ. ЛОВЪ-НОРЪ.
ТИБЕТЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ 1899-1902 Г.

ИЗДАНИЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА, С. П. Б.

Свехъ Тедихъ.

ТАРИМЪ — ЛОБЪ-НОРЪ ТИБЕТЪ.

Путешествіе по Азіи.

1899 — 1902 г.

Переводъ — извлечение съ шведскаго.

Съ 126-ю рисунками въ текстъ и картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

1904.

Описаніе моего четвертаго путешествія посвящается даннымъ въ мое распоряженіе по всемилостивѣйшему повелѣнію Его Императорскаго Величества Императора Николая Второго четыремъ казакамъ:

Сыркину и Чернову

изъ Вѣрнаго,

Шагдурову и Чердонову

Забайкальскаго казачьяго войска

въ знакъ дружбы и искренней благодарности за молодецкую ихъ службу, за понесенные труды и за преданность, оказанную ими втеченіе всего нашего совмѣстнаго путешествія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Черезъ первый переваль материка и Кашгаръ до Яркендъ-Дарьи	5
II. Верфъ въ Лайлыкъ	11
III. На баркѣ по Тариму	19
IV. Отъ Кетеклыкъ-аяги до рѣки Аксу-дарьи	26
V. Наступленіе зимы	37
VI. Конецъ плаванія и устройство зимнихъ квартиръ	47
VII. Рекогносцировки. Визитъ француза	55
VIII. По пустынь Такла-маканъ	61
IX. Безконечная пустыня	66
X. Между забытыми могилами и высохшими рѣками	74
XI. Прибытіе бурятскихъ казаковъ въ Тура-салганъ-уй. Курукъ-тагъ и Курукъ-дарья.	82
XII. Страна дикаго верблюда	92
XIII. Вывшее мѣсто озера Лобъ-нора.	97
XIV. Двадцать пять дней въ челнокѣ.	107
XV. Опасныя озерныя путешествія	114
XVI. Внизъ по Тариму.—Послѣднее путешествіе на баркѣ.	119
XVII. Выступленіе въ Тибетъ	125
XVIII. Черезъ Чименъ-тагъ, Ара-тагъ и Калта-алаганъ къ верхнему Кумъ-Кулю	133
XIX. На высотѣ 5,000 метровъ надъ уровнемъ моря	141
XX. Продолжительное путешествіе по озеру	151
XXI. Черезъ бурныя озера и поднебесныя горы	158
XXII. Смерть Алдата. Убійственные перевалы	168
XXIII. Дома.	175
XXIV. Черезъ шесть переваловъ. Два дня въ Аягъ-кумъ-кулѣ.	180
XXV. Къ Анамбаруинъ-голю.	190
XXVI. У монголовъ Сыртына и черезъ пустыню Гоби.	198

	СТРАН.
XXVII. По неизвѣстной странѣ въ поискахъ за водой	205
XXVIII. Развалины около древняго Лобъ-нора	210
XXIX. Нивелировка черезъ пустыню Лобъ. — Своевременная помощь	221
XXX. Кочующее озеро	225
XXXI. Приготовленія въ Чарахлыкѣ. — Судьба Исламъ-бая	229
XXXII. Черезъ горы сѣверной окраины къ Кумъ-кулю	236
XXXIII. Составъ каравана. Переходъ къ Арка-тагу	245
XXXIV. Во вьюгу черезъ Арка-тагъ. Плато Тибета	253
XXXV. Первые тибетцы.	261
XXXVI. Два тяжелыхъ перевала. — Ледяная долина. — Главная квартира. — Наше монгольское снаряженіе	267
XXXVII. Выступленіе въ Лхассу. Ночное нападеніе	275
XXXVIII. Первые кочевники. Опасный бродъ	283
XXXIX. Въ критическомъ положеніи	290
XL. Въ плѣну у тибетцевъ	297
XLI. Отступленіе подъ конвоемъ	307
XLII. Последніе переходы до главной квартиры	315
XLIII. На югъ	319
XLIV. Тибетцы встрѣчаютъ насъ съ войскомъ. Посланные изъ Лхассы	327
XLV. Накцонгъ-цзо и Тжаргутъ-цзо.	336
XLVI. На пути въ Ладакь	349
XLVII. Тяжелый путь	362
XLVIII. Цзо-нгомбо	359
XLIX. Отъ Панговгъ-цзо въ Лей	369
L. Домой черезъ монастырь Хемисъ	378

24 іюня 1899 года я покинул Стокгольмъ и отправился въ четвертое свое путешествіе по пескамъ и горамъ Азіи. Прекрасная погода и праздничный день только усиливали тоскливое чувство при прощаніи съ дорогими родными, провожавшими меня до парохода „Улеаборгъ“, который долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ уносить меня къ востоку. Этотъ день разставанія съ родиной и со всѣми близкими моему сердцу былъ для меня самымъ тяжелымъ днемъ изъ всего моего путешествія.

Снаряженіе мое, сравнительно съ прежними путешествіями, отличалось ббльшею полнотою. Весь багажъ былъ распредѣленъ на 23 ящика, приспособленныхъ для конскихъ вьюковъ и вѣсилъ 1130 килограммовъ. Этотъ разъ я взялъ съ собой переносный универсальный теодолитъ Гильдебранда и три хронометра, которые и выдержали путешествіе отличнѣйшимъ образомъ. Затѣмъ у меня были полныя топографическое и метеорологическое снаряженія, состоявшія изъ самыхъ усовершенствованныхъ инструментовъ, и два прибора Арвидсона для измѣренія скорости теченія, а также 58 паръ разного рода очковъ; кромѣ того 10 ружей и 20 револьверовъ составляли мой арсеналь.

Особенно большую пользу принесла мнѣ англійская складная лодка изъ парусины, съ помощью которой я измѣрялъ

Овенъ Гедниъ.—Таримъ.—Лобъ-Норъ.—Тибетъ.

глубину тибетскихъ озеръ и изслѣдовалъ ихъ жизнь и характеръ. Для фотографическихъ съемокъ у меня были четыре аппарата и болѣе 3000 свѣточувствительныхъ пластинокъ, составлявшихъ самую тяжелую часть снаряженія.

Затѣмъ, конечно, я взялъ съ собою множество мелкихъ предметовъ для раздачи туземцамъ, консервы и библіотеку, состоявшую изъ Священнаго Писанія, справочно-научныхъ книгъ и коллекціи маршрутовъ, пройденныхъ моими предшественниками. Имѣя съ собою эти маршруты, я всегда могъ обходить мѣстности, уже извѣстныя другимъ изслѣдователямъ.

Его Величество Государь Императоръ Никелай II, благосклонно обративши Свое вниманіе на предстоявшее мнѣ путешествіе, всемилостивѣйше разрѣшилъ безпошлинный ввозъ багажа въ предѣлы Имперіи и бесплатный проѣздъ по російскимъ желѣзнымъ дорогамъ, что въ значительной степени сократило мои расходы.

Въ С.-Петербургѣ я прожилъ съ 26 по 30 іюня, пользуясь широкимъ гостепріимствомъ и помощью шведскаго посланника Рейтершельда. Его преемнику я также чрезвычайно обязанъ за вниманіе и участіе, которое онъ проявилъ, помогая моему дѣлу. Мой другъ Эммануиль Нобель опять оказалъ моему предпріятію самую щедрую матеріальную поддержку и кромѣ того помѣстилъ мои деньги въ Ташкентскомъ отдѣленіи Волжско-Камскаго банка.

30 іюня я покинулъ Петербургъ и съ наслажденіемъ отдыхалъ въ удобномъ купе вагона, послѣ столь усиленной работы послѣдняго времени. Мой путь лежалъ черезъ Москву, Воронежъ и Ростовъ на Владикавказъ. Не доѣзжая Владикавказа, у станціи Бесланъ, дорога сворачиваетъ на востокъ, оставляя по правую руку величавыя вершины Кавказа, и направляется къ Каспійскому морю.

Изъ Петровска я отплылъ 5 іюля вечеромъ прямо въ

Красноводскъ на пароходѣ „Цесаревичъ Александръ“. По приказанію военнаго министра, въ Красноводскѣ въ мое распоряженіе былъ предоставленъ цѣлый вагонъ, въ которомъ я съ полнымъ удобствомъ доѣхалъ до Ташкента черезъ Асхабадъ, Мервъ, Чарджуй и Самаркандъ. Отъ Новой Бухары до Самарканда я наслаждался чрезвычайно пріятнымъ обществомъ моего друга и соотечественника доктора Фегреуса.

Въ Ташкентѣ я сдѣлалъ визитъ генералъ-губернатору С. М. Духовскому и старымъ друзьямъ - пріятелямъ Залѣсскому и Бендерскому. Затѣмъ, сравнивъ въ обсерваторіи хронометры, я уже 12 іюля продолжалъ свой путь далѣе на востокъ, при ужасной жарѣ. По Ферганской долинѣ и частью вдоль рѣки Сыръ-Дарьи желѣзная дорога идетъ мимо садовъ и селеній, значи-

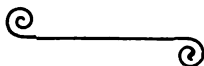
Исламъ-бай.

тельно сѣвернѣе Туркестанскаго горнаго хребта и кончается въ Андижанѣ, куда мы прибыли въ 9 часовъ утра.

Къ моей великой радости мой старый вѣрный слуга Исламъ - бай встрѣтилъ меня на вокзалѣ въ синемъ халатѣ съ золотой медалью короля Оскара на груди. Хотя онъ немного и посѣдѣлъ, но былъ такъ же крѣпокъ и выглядѣлъ превосходно. Мы сердечно поздоровались и въ

теченіе трехъ часовъ онъ рассказывалъ мнѣ про свое возвращеніе въ Ургу въ 1897 году, а также съ живымъ интересомъ разспрашивалъ про наше предстоящее путешествіе. Со спокойною душою я передалъ ему весь багажъ, который онъ на арбахъ и перевезъ въ Ошъ.

Какъ хорошо мы съ нимъ встрѣтились и какъ скверно мы съ нимъ разстались!

I.

Черезъ первый перевалъ материка и Кашгаръ до Яркендъ-Дарьи.

Въ Ошѣ я остановился на двѣ недѣли у моего пріятеля съ Памира, нынѣ Ошскаго уѣзднаго начальника, полковника Зайцева. Несмотря на непріятное воспаленіе глазъ, которое держало меня въ заключеніи, мой караванъ, благодаря усердію Исламъ-бая, былъ вполне снаряженъ: наняты слуги и лошади, куплены чай, сахаръ, свѣчи, вьюки и т. п. Исламъ-баю я назначилъ содержаніе въ 40 рублей въ мѣсяцъ вмѣсто 25, которые онъ получалъ во время моего предыдущаго путешествія.

31 іюля рано утромъ караванъ тронулся и, послѣ роскошнаго прощальнаго обѣда у полковника Зайцева, я оставилъ Ошъ и въ сопровожденіи радушныхъ хозяевъ и другихъ гостей доѣхалъ до селенія Мади. Послѣ обильнаго „дастархана“ (угощенія), устроеннаго мѣстнымъ минъ-баши (тысяченачальникомъ), мы простились и теперь я былъ отрѣзанъ отъ всякой цивилизаціи. Уже вечеромъ началась наша будущая повседневная жизнь обычными метеорологическими наблюденіями.

Составъ моего каравана былъ слѣдующій: мой караванъ-баши Исламъ-бай, два ошскихъ джигита Кадеръ-Ахунъ и Муза, получавшіе по 15 рублей въ мѣсяцъ, и 4 каракеша, сопровождавшихъ 26 лошадей, нанятыхъ до Кашгара (450 километровъ) за 8 рублей съ лошади.

Дорога начиная съ Оша отличная. Жара стояла ужасная. За селеніемъ Мади страна оживлялась находящимися по сторонамъ дороги киргизскими аулами. Пройдя Карашай-

курганъ, Ленгеръ и Балхашъ, мы остановились у мѣстечка Биръ-булакъ, застроеннаго русскими и татарскими жилищами.

Слѣдующій переходъ велъ черезъ перевалъ Чихеръ-чихъ къ форту Гульча, лежащему на правомъ берегу Куршабъ—или Гульча-дарьи. Въ 30 верстахъ сѣвернѣе Гульчи, около Кызыль-ункуръ, часто встрѣчаются кабаны и даже, говорятъ, тигры и леопарды; фазанъ здѣсь птица весьма обыкновенная. Дорога содержится отлично, такъ какъ она ведетъ на Памирскій постъ и имѣетъ стратегическое значеніе; встрѣчающіеся мосты исправны, станціонныя зданія нерѣдко каменные. Кое-гдѣ встрѣчается терекъ (тополь); чѣмъ выше, тѣмъ больше суживается русло Гульчи.

Ночью на 6-ое августа въ первый разъ былъ морозъ и пришлось вынуть теплыя вещи. Дорога все шла въ гору, но не особенно круто, такъ какъ она построена сильными зигзагами. На высотѣ перевала Талдыкъ стоитъ столбъ съ двумя металлическими литыми досками, окруженный заборомъ. Надпись на доскахъ гласитъ, что высота перевала 11,800 футовъ, разстояніе до Гульчи 88 верстъ и что дорога построена при генераль-губернаторѣ Вревскомъ и губернаторѣ Корольковѣ, подъ наблюденіемъ капитана Громбчевскаго. Съ противоположной стороны, т. е. со стороны долины Алая, склонъ менѣе крутъ и совершенно лишенъ лѣса.

Хорошая дорога позволила ѣхать въ коляскѣ до ручейка, текущаго въ Сарыкъ-Ташъ; но здѣсь я отправилъ ямщика назадъ, давши ему „на чай“ и продолжалъ дорогу верхомъ на лошади, сидя въ удобномъ венгерскомъ сѣдлѣ. Около Сарыкъ-таша долина перевала Талдыкъ кончается въ Алайской долинѣ. Здѣсь мы повернули на востокъ, имѣя по правой рукѣ живописныя горы заалайскаго хребта. Выйдя изъ Алайской долины, мы попали въ долину Кызыль-артъ съ чуднымъ далекимъ видомъ и богатыми пастбищами съ громадными стадами между хребтами. Здѣсь мы подъ сильнѣйшимъ дождемъ расположились на дневку. Въ топливѣ мы не нуждались, получая его отъ киргизовъ.

9-го августа мы поднялись по отлогому склону на Тонгбурунскій перевалъ. Маленькая куча камней на вершинѣ

этого отлогого склона обозначает весьма важную географическую границу, а именно высший и внѣшній край Алайской долины и водораздѣль системъ Аральскаго моря и озера Лобъ-норъ. Эта граница, слѣдовательно, важнѣе Талдыка, который образуетъ водораздѣль между рѣками Аму и Сыръ-Дарья. Такимъ образомъ отсюда мѣстность понижается вплоть до озера Лобъ-нора. Мы теперь продолжали путь по весьма пересѣченной мѣстности, иногда переходя черезъ, иногда направляясь вдоль рѣки Кызыль-су, соединяющейся съ Кокъ-су и Калта-булакъ, до впаденія Нуры въ Кызыль-су и оттуда до русской пограничной крѣпости Иркештама. За этимъ укрѣпленіемъ мы перешли китайскую границу — Красную рѣку, отличающуюся обиліемъ воды; прошли по плоскимъ и невысокимъ отрогамъ Памира черезъ маленькій перевалъ Кара-даванъ въ широкую долину Есинъ. Около мѣста впаденія Нагара-чалды въ Кызыль-су мы остановились на дневку, во время которой я измѣрилъ количество воды протекающей въ единицу времени въ рѣкѣ Кызыль-су; это количество доходило до 42,24 кубическихихъ метра въ секунду. Это открытіе очень обрадовало меня, такъ какъ Кызыль-су впадаетъ въ Яркендъ-Дарью и такое количество воды въ послѣдствіе только могло бы содѣйствовать нашему путешествію по рѣкамъ по направленію къ Лобъ-нору.

На слѣдующій день сильное теченіе въ значительной степени затрудняло наши переходы черезъ рѣку и къ тому же количество воды внизъ по теченію все увеличивалось, вслѣдствіе впаденія частыхъ притоковъ. За китайскимъ пограничнымъ укрѣпленіемъ Улугчатъ дорога въ послѣдній разъ повела насъ черезъ рѣку, гдѣ количество протекающей воды достигало 80—100 куб. метровъ въ секунду. Здѣсь рѣка поворачиваетъ на югъ и мы стали приближаться къ Кашгару по довольно однообразной мѣстности, постепенно переходящей въ равнину.

16-го августа у деревни Калта встрѣтили меня генеральный консулъ Петровскій и еще нѣсколько живущихъ въ Кашгарѣ русскихъ съ конвоемъ казаковъ и вечеромъ мы прибыли въ самый Кашгаръ.

Въ Кашгарѣ я оставался съ 17-го августа по 5-ое сен-

тября для окончательной подготовки къ дальнѣйшему путешествію. Благодаря опытности и всеильному вліянію генеральнаго консула Петровскаго и его чрезвычайной любезности, все устроилось какъ нельзя лучше. Здѣсь мнѣ хотя и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, но все-таки удалось размѣнять

Николай Федоровичъ Петровскій.

большую сумму денегъ—11,500 рублей на китайское серебро; мы получили 161 ямбу, считая по курсу одну ямбу равной 71 рублю ¹⁾; вся эта куча денегъ имѣла внушительную тяжесть въ 300 килограммовъ.

Покупки поручались Исламъ-баю, который исполнялъ ихъ образцово: съѣстные припасы, посуда, маленькая желѣзная печь, различные инструменты, веревки, лопаты и т. п. Въ Упалѣ онъ купилъ 14 отличныхъ одногорбыхъ верблюдовъ и одного двугорбаго,

заплативъ по 62 рубля за штуку.

Планъ экспедиціи былъ слѣдующій: весь караванъ пойдетъ въ Лайлыкъ на берегу Яркендъ-Дарьи или Тарима; отсюда я съ частью багажа поплыву по рѣкѣ, а караванъ

¹⁾ 1 ямба=50 сэръ.

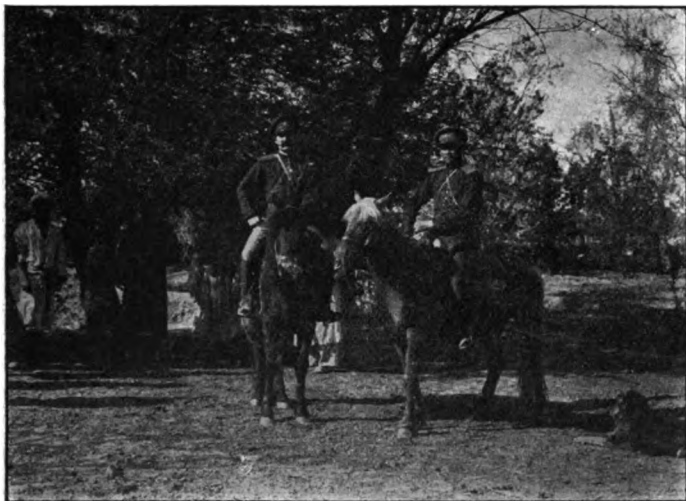
1 сэръ=16 тэнге=1,43 рубля=37 граммовъ серебра=10 мискаль.

1 тэнге=50 пуль.

1 мискаль=10 пуль; 1 пуль=10 ли.

Вслѣдствіе перемѣннаго курса цѣна одной ямбы рѣдко бываетъ равна 50 сэрмамъ, а колеблется между 49 и 51.

пойдетъ по большой дорогѣ черезъ Мараль-баши, Аксу и Курля, чтобы соединиться со мною гдѣ-нибудь около Лобь-нора. Туда-же придутъ и два бурятскихъ казака въ концѣ декабря. Съ разрѣшенія Туркестанскаго генераль-губернатора для сопровожденія главнаго каравана изъ консульскаго конвоя были даны два семирѣченскихъ казака: Сыркинъ и Черновъ. Почта, прибывающая на мое имя въ Кашгаръ, должна была быть отправляема генеральнымъ консуломъ Петровскимъ четыре раза въ условленное между нами время

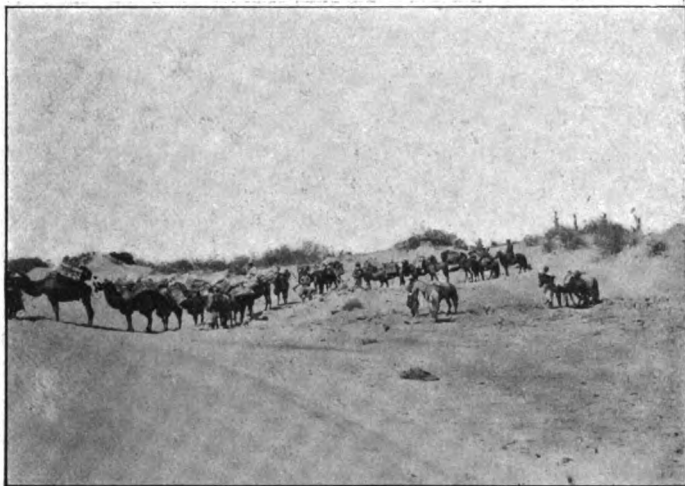
Сыркинъ и Черновъ.

къ Лобь-нору съ особыми джигитами, которые должны были получать жалованье отъ меня уже по прибытіи ко мнѣ; такимъ образомъ я могъ разсчитать приблизительно время прибытія почты.

Послѣ окончательнаго распредѣленія багажа и нагрузки, мы, сердечно простившись съ нашими друзьями, двинулись въ дорогу 5-го сентября въ 2 часа дня. Первый день нашей экспедиціи ознаменовался страшнѣйшимъ ливнемъ, который превратилъ дорожную пыль въ липкую, скользкую грязь, крайне задерживавшую движеніе каравана; поэтому, пройденное пространство оказалось очень малымъ. Съ большею частью дороги въ Лайлыкъ я познакомился уже 1895 году.

До 8-го числа мы шли по мѣстности довольно рѣдко населенной, но тѣмъ не менѣе хорошо обработанной. Подъ наблюденіемъ нанятыхъ мною въ Кашгарѣ Файзуллаха, Ніаса Хаджи, Турду-бая и, конечно, казаковъ и Исламъ-бая, караванъ спокойно двигался въ тополевыхъ аллеяхъ. Чтобы не набить спины невтянувшимся верблюдамъ и лошадямъ, я 8-го сентября рѣшилъ сдѣлать дневку.

Начиная съ мѣста дневки дорога постепенно переходитъ въ тропинку; дневная температура повышается, ноч-

Мой караванъ въ пути отъ Кашгара въ Лайлыкъ.

ная понижается. По мѣрѣ того, какъ мы входимъ въ степь, канавы, орошающія поля, постепенно бѣднѣютъ водою. Всѣ эти признаки показываютъ, что приближается пустыня.

10-го числа мы уже идемъ то по песку, то по мѣстамъ покрытымъ растительностью, кое гдѣ встрѣчая тамариски. Но къ вечеру появились признаки близости рѣки, а именно тополи, которые, по мѣрѣ нашего движенія, становились болѣе свѣжими и богатыми листвою. Наконецъ, мы дошли до величавой Яркендъ-Дарьи и, послѣ 13-ти часового перехода, разбили палатки на ея берегу.

II.

Верфь въ Лайлыкѣ.

11-го сентября начались приготовленія къ большой рѣчной экспедиціи. Исламъ-бай отправился въ Меркетъ для переговоровъ съ беками и „кемичи“ (перевозчиками); одинъ изъ послѣднихъ согласился продать свое судно за полторы ямбы. Во время отсутствія Ислама, мы съ Сыркинымъ испробовали мою англійскую парусиновую лодку, которая оказалась и замѣчательно легкою и удобоуправляемой, какъ на веслахъ, такъ и подъ парусами; довольно долго мы неслись внизъ по весьма быстрому теченію, такъ что возвращеніе было очень затруднительнымъ.

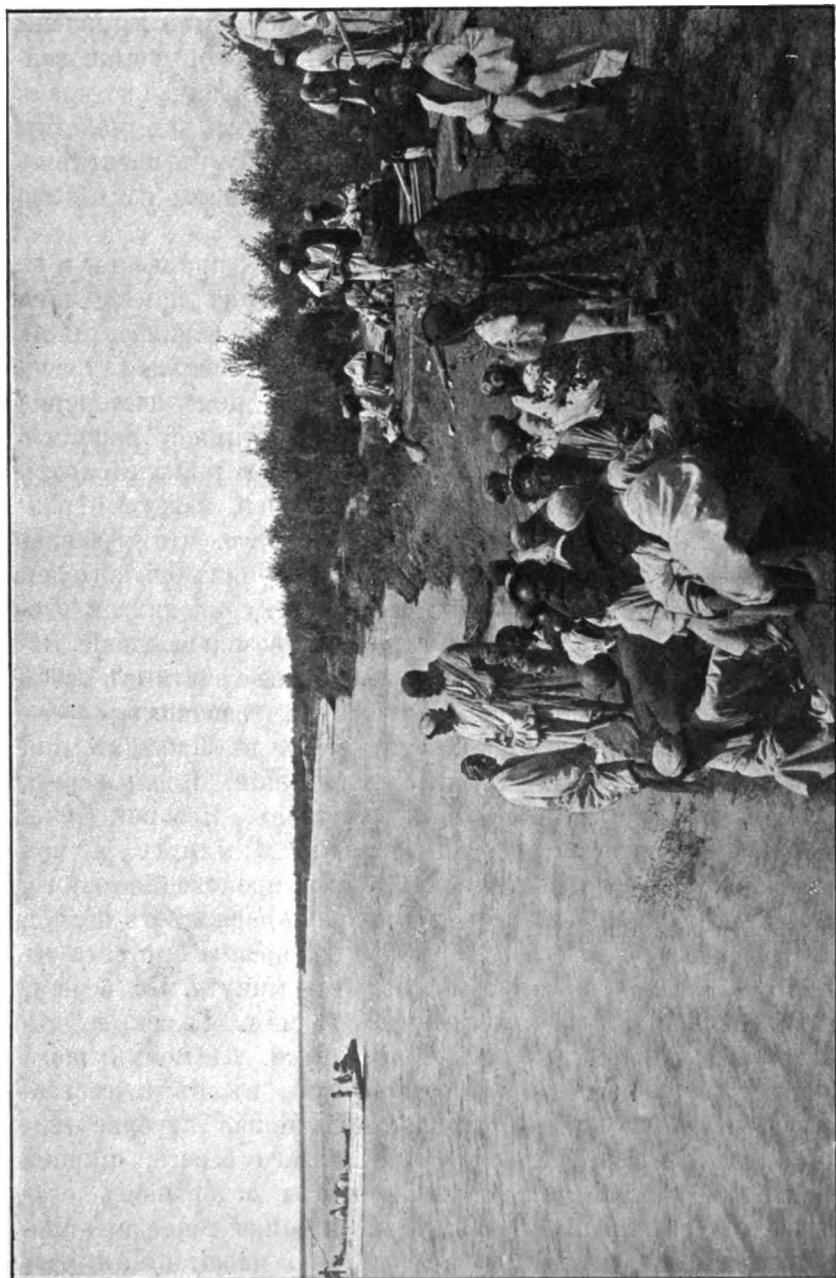
Во время моего отсутствія нашъ лагерь значительно оживился многочисленными посѣтителеми; между ними были нѣсколько знакомыхъ съ 1895 года, какъ напримѣръ, Ангтылыкскій бекъ Тогда-ходжа, прежній бекъ Меркета Мухамедъ Тіасъ бекъ и его сыновья. Предметомъ общаго разговора было, конечно, предстоящее путешествіе по рѣкѣ. Я сейчасъ же по возвращеніи изъ пробнаго плаванья отправился въ Меркетъ осматривать барку, которая оказалась совершенно новой и крѣпкой, но нѣсколько объемистой и тяжелой. Послѣднее обстоятельство имѣло особенно важное значеніе потому, что рѣка дальше становилась все болѣе и болѣе мелкой, и снять барку съ мели было бы очень затруднительно. Послѣ долгихъ совѣщаній мы отказались отъ мысли нѣкоторыхъ построить новую барку или перестроить имѣющуюся на двѣ, и рѣшили ограничиться лишь нѣкоторыми измѣненіями въ ней. На правомъ, нѣсколько болѣе крутомъ берегу, подъ наблюденіемъ Меркетскаго бека, жители ближайшихъ селеній устро-

или отлогій спускъ къ водѣ, устлали его досками и вытащили по нимъ нашу тяжелую барку на ровное мѣсто, гдѣ среди шиповника поставили ее на поперечные брусья. Вслѣдствіе разсказовъ мѣстныхъ жителей, что Яркендъ-Дарья отдаетъ большую часть воды озерамъ Мараль-баши и потомъ сильно суживается, мы рѣшили понизить борта снятіемъ верхней обшивочной доски. На случай слишкомъ сильнаго обмеленія, когда пришлось бы бросить наше судно, мы построили маленькую запасную барку изъ снятыхъ досокъ, а также и изъ вновь купленныхъ.

В е р ф ь.

Наша верфь постепенно обратилась въ настоящую мастерскую, гдѣ усердно стругали, рубили, ковали и т. п. Изъ купленныхъ въ Кашгарѣ тонкихъ тополевыхъ досокъ мы устроили палубу въ передней части барки, оставивъ вдоль лѣваго борта проходъ для свободного сообщенія кормы съ носомъ. На палубу поставили мою походную палатку. Сейчасъ за палубой на днѣ барки изъ тонкихъ брусковъ и темнаго войлока, построили рубку кубической формы, передняя стѣнка которой упиралась въ палубу такимъ образомъ, что послѣдняя нѣсколько вдавалась въ каюту и могла служить столомъ. Эта рубка должна была служить мнѣ спальней,

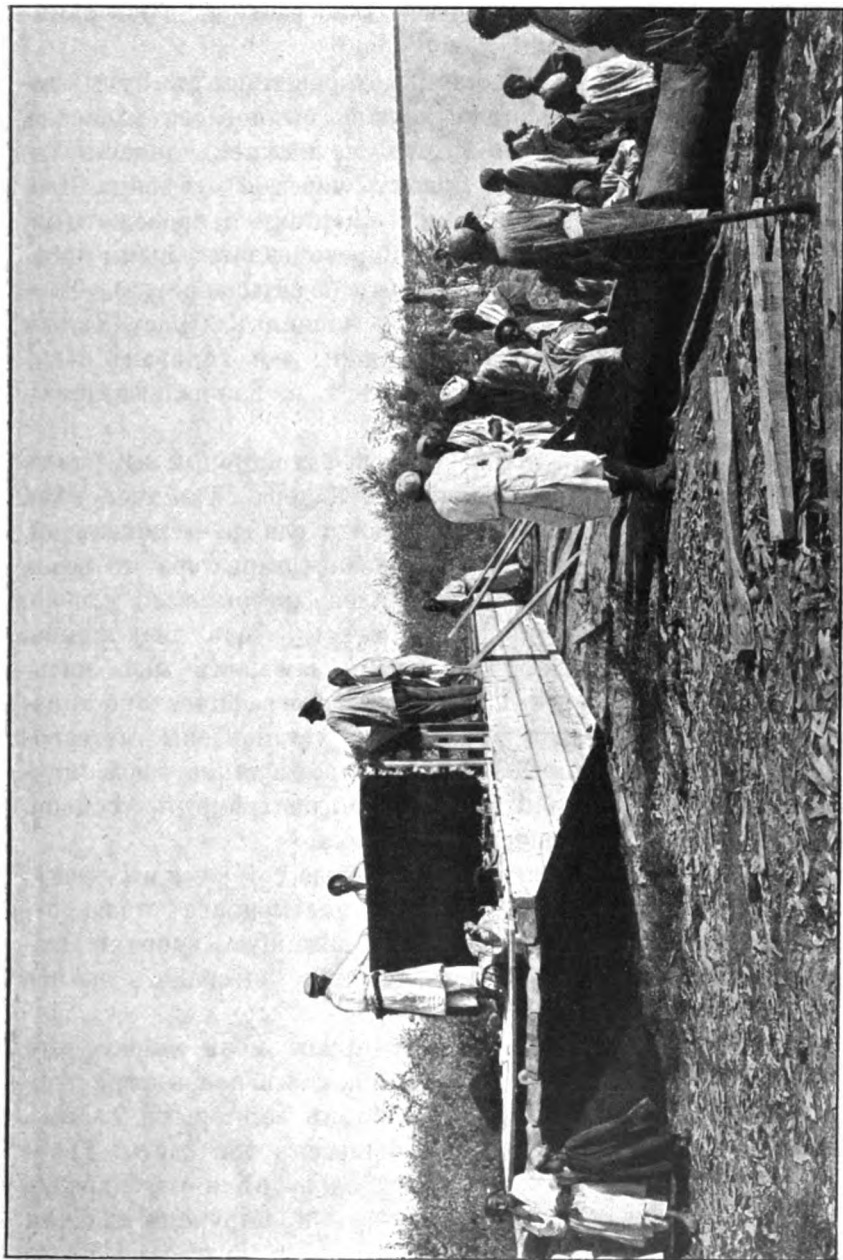

Сообщеніе между верфью и лагеремъ,

но вскорѣ была передѣлана въ темную комнату для проявленія фотографическихъ пластинокъ. Въ стѣны были вставлены три маленькихъ окошка, изъ которыхъ два съ обыкновенными стеклами выходили наружу и завѣшивались во время проявленія, а третье, съ краснымъ стекломъ, въ палатку; когда я проявлялъ ночью, то ставилъ свѣчу въ палаткѣ на полъ, продолженіе котораго въ темной комнатѣ, какъ было уже сказано, служило мнѣ столомъ.

За рубкой размѣстили часть съѣстныхъ припасовъ и на всякій случай нѣсколько сѣделъ; на кормѣ помѣщались люди и была устроена глиняная печь, гдѣ варилась пища и около которой люди грѣлись осенью. Съ сильной тревогой я замѣчалъ, что вода съ каждымъ днемъ постепенно убывала, и поэтому 15 сентября я съ истинной радостью отдалъ приказаніе о спускѣ совершенно готовыхъ барокъ на воду. Осадка большой барки при полной нагрузкѣ равнялась 0,23 метра. Работа закончилась тѣмъ, что я заплатилъ каждому, сколько слѣдовало, и получилъ отъ жителей сосѣднихъ селеній „подарки“: барановъ, куръ, яйца и различные фрукты, за извѣстное, впрочемъ, вознагражденіе. Вечеромъ я устроилъ угощеніе въ честь болѣе знатныхъ особъ ближайшихъ селеній, а также и въ честь рабочихъ.

Мы пожертвовали еще однимъ днемъ въ Лайлыкѣ для исполненія различныхъ важныхъ измѣреній. Вдоль берега я вымѣрилъ базу длиною въ 1250 метровъ. Несомая теченіемъ барка прошла это разстояніе въ 26 минутъ, а моя шлюпка въ 22 минуты 17 секундъ; разница происходила оттого, что тяжелую барку нельзя было все время держать въ полосѣ самаго сильнаго теченія. По этому измѣренію быстрота теченія составляла около 50 метровъ въ минуту. По берегу, въ среднемъ, я проходилъ базу въ 13 мин. 45 сек. и дѣлалъ 1613 шаговъ, или, другими словами, 64 моихъ шага составляли 50 метровъ. Количество воды въ рѣкѣ составляло 98,2 куб. метра въ секунду, наибольшая глубина 12,74 метра находилась недалеко отъ праваго берега, ширина рѣки 134,7 метра. Для черченія карты основаніемъ служили слѣдующія положенія: барка несомая теченіемъ проходила въ одну минуту 50 метровъ,—по масштабу это разстояніе равнялось одному миллиметру. Быстрота теченія,

Постройка темной каюты.

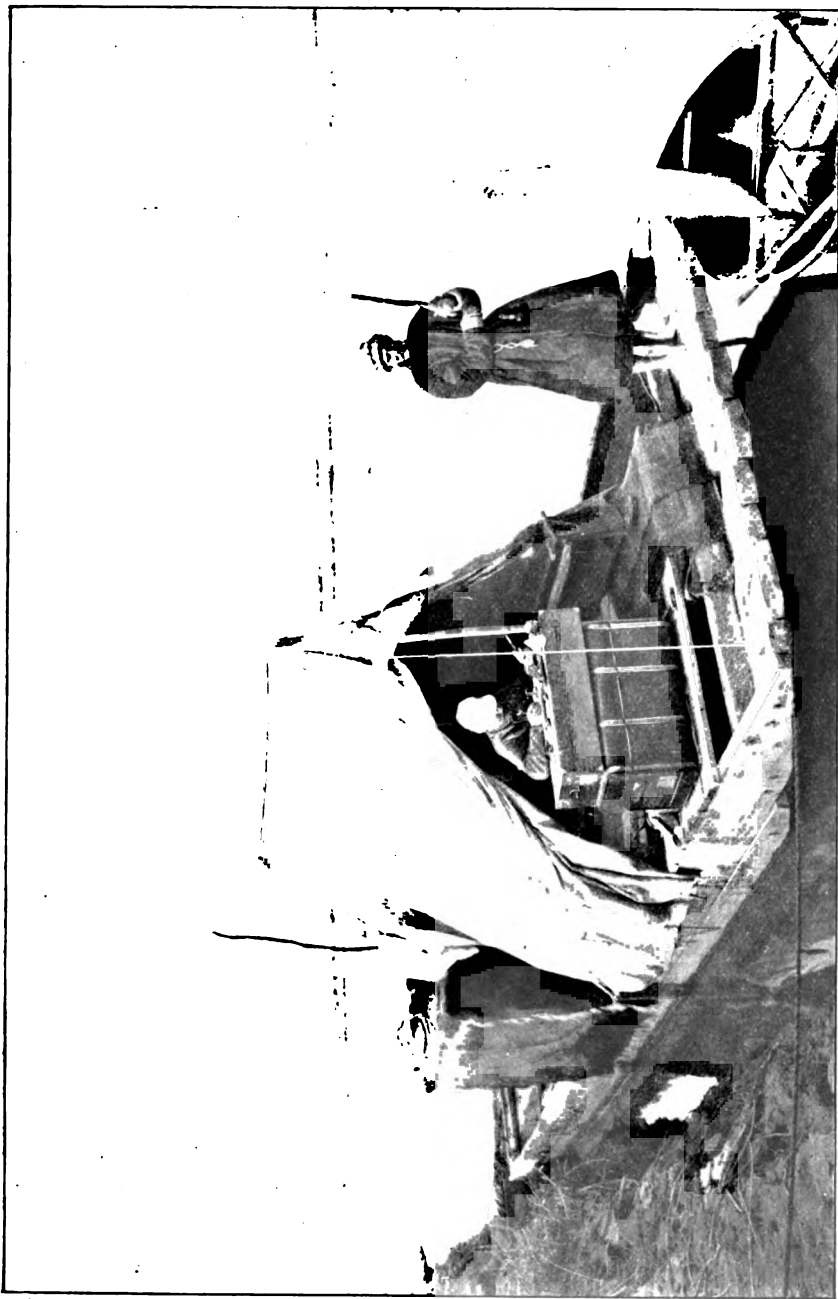
конечно, мѣнялась, что однако не вліяло на вычисленныя разстоянія, такъ какъ я по нѣсколько разъ въ день измѣрялъ быстроту теченія.

17-го сентября мы, наконецъ, отправились въ путь—дорогу. Казаки и Ніасъ-Хаджи должны были вести караванъ черезъ Аксу и Курля въ Арханъ, на нижнемъ теченіи Тарима, куда имъ слѣдовало прибыть черезъ 2¹/₂ мѣсяца. Даотай снабдилъ ихъ громадными паспортами и проводжатыми, а генеральный консулъ Петровскій рекомендательными письмами къ андижанскимъ аксакаламъ (агенты консула). Сыркину я поручилъ вести краткій дневникъ. Ніасъ-Хаджи долженъ былъ на 4¹/₂ ямбы содержать весь караванъ и купить большой запасъ рису, муки, и т. п. для дальнѣйшихъ экспедицій.

Я взялъ съ собой только Исламъ-бая, который замѣнялъ мнѣ и слугу и повара, и мальчика Кадера. Три человѣка составляли экипажъ большой барки и одинъ — маленькой, которая шла впереди для изслѣдованія фарватера и везла съѣстные припасы. Самъ я устроился чрезвычайно удобно: въ палатку поставили кровать и вмѣсто стола два ящика; у выхода изъ палатки третій ящикъ замѣнялъ мнѣ письменный столъ, а футляръ большого фотографическаго аппарата—стулъ. На крышѣ рубки были установлены метеорологическіе инструменты, а именно: баро- и термографъ, максимальный и минимальный термометры, психрометръ Ассмана, три анероида и анемометръ Робинзона.

Въ два часа дня, наконецъ, все было готово, и мы тронулись. Я сейчасъ-же помѣстился у письменнаго стола, откуда я могъ отлично обозрѣвать лежащую впереди мѣстность, и занялся черченіемъ карты и занесеніемъ на нее подробностей теченія рѣки Тарима.

Изложу теперь причины, побудившія меня избрать эту дорогу. Во-первыхъ, это единственная мнѣ неизвѣстная дорога черезъ весь восточный Туркестанъ, во-вторыхъ, Таримъ до сихъ поръ ни разу не былъ нанесенъ на карты. Генераль Пѣвцовъ прошелъ по дорогѣ вдоль рѣки отъ Мараль-баши до Яркенда; между Шахъ-яръ и Карулемъ ходили Керей (Carey), Дэлглейшъ (Dalgleish) и я; по лѣсамъ околя рѣки, вдоль нижняго ея теченія, сперва Пржевальскій, по-

Авторъ за работниѣ столомъ на барѣѣ.

томъ принцъ Генрихъ Орлеанскій и Бонвало, Пѣвцовъ, Литледэль и я; но дороги и тропинки, идущія вдоль рѣки только изрѣдка соприкасаются съ нею у ея изгибовъ. Поэтому наши свѣдѣнія о Таримѣ были весьма скудны и основаны на поверхностныхъ наблюденіяхъ. Когда моя большая карта была готова, то я нашелъ громадное расхожденіе между нею и прежними.

Такимъ образомъ, я выбралъ наудобнѣйшую систему работы, которая не только дала мнѣ возможность наблюдать за фауною рѣки, за всѣми изгибами ея теченія, но также и за колебаніями въ ней уровня воды.

III.

На баркѣ по Тариму.

Благодаря тихой погодѣ въ первый день мы подвигались съ быстротою теченія, о чемъ могли судить по поплавамъ и другимъ предметамъ, плавающимъ на поверхности воды. Таримъ дѣлаетъ неожиданные повороты: то мы шли на С.-В., то на Ю.-В., то на С., С.-З. и С.-В. Кое-гдѣ по берегамъ встрѣчались мѣстные жители предлагавшіе намъ свои продукты, но мы отъ нихъ отказывались, въ виду имѣвшагося у насъ изобилія. Всего черезъ полчаса мы уже сѣли на мель, но толчекъ былъ едва замѣтенъ, и мой экипажъ, прыгнувъ въ воду, легко снялъ барку съ мели. Каждымъ такимъ случаемъ я пользовался для измѣренія быстроты теченія. Въ проводникахъ мы покуда не нуждались, такъ какъ мои люди знали каждую часть суши по имени, которое всегда поясняло тотъ или иной характеръ мѣстности. Такъ, напримеръ, одинъ полуостровъ, образуемый изгибомъ рѣки, называется Аральчи, потому что онъ почти что островъ; часть одного лѣса носитъ названіе Тонкуслыкъ, потому что тамъ встрѣчаются кабаны и т. д. Около Мухамедъ Илиленгеръ рѣка два года тому назадъ, покинувъ старое русло, измѣнила свое направленіе,—явленіе, встрѣчающееся очень часто и которое всегда заносилось мною на карту; въ оставленныхъ рѣкою частяхъ русла почти всегда находилась чистая, прозрачная вода.

У Хазанлыка была первая ночевка. Барку пришлось крѣпко привязать веревками, чтобы ночью ее не унесло теченіемъ; на берегу люди разложили костеръ и варили пищу; въ палаткѣ на баркѣ я доканчивалъ дневную работу и при-

слушивался къ разрушительной работѣ воды, которая въ извилинахъ рѣки подтачивала вогнутыя, входящія части берега, достигавшія высоты трехъ метровъ. Большіе комья песку и глины съ шумомъ обрывались въ воду, напоминая плескъ крокодиловъ, которыхъ, къ счастью, нѣтъ въ Таримѣ. За ночь теченіемъ нанесло столько илу и песку къ

Дѣвочка изъ Лайлыка.

бокамъ барки, что люди, только послѣ продолжительнаго откапыванія, были въ состояніи сдвинуть ее съ мѣста. Рѣка въ своемъ теченіи довольно однообразна и моя команда была такъ хорошо знакома съ ея особенностями и на столько внимательна, что какія-либо несчастныя случайности были невозможны.

Вышина вогнутого берега около двухъ или трехъ метровъ; этотъ берегъ (кашъ, яръ; см. Кашгаръ, Яркендъ), подымаясь отвѣсно изъ воды, постоянно находится подъ дѣйствіемъ

центробѣжной, подмывающей ея силы; у него же протекаетъ главная масса воды, находится наибольшая глубина и наибольшая скорость теченія; выпуклый, выходящій берегъ, неправильно называемый туземцами аралъ или аральчи, т. е. островъ, представляетъ собою плоскій, рѣзко очерченный наносъ ила, который во время половодья затопляется мелкой, тихо текущей водой. Полтора мѣсяца тому назадъ всѣ подобныя мѣста были подъ водой и тогда дорога значительно укоротилась бы, но за то настоящее положеніе воды давало возможность сдѣлать болѣе точную съемку рѣки и изучить ея русло.

Явленія, часто повторяющіяся въ рѣкѣ, носятъ свои особня названія, данныя имъ туземцами. Мелкая вода съ сильнымъ теченіемъ надъ мелью называется „кайнаганъ-су“ (кипящая вода) или „кайнаганъ-лай“ (кипящій илъ). Когда рѣка развѣтвляется, то говорятъ просто про правый или лѣвый рукавъ; меньшій изъ нихъ носитъ названіе „кичикъ-дарья“ (маленькая рѣчка) или „партья-дарья“ (часть рѣки); покинутое русло называется „эски“ или „кона-дарья“, а если въ немъ есть вода, то „куль“.

Женщины и дѣти выходятъ къ баркѣ съ подарками.

У Бешъ-куля (пять озеръ) я измѣрилъ рѣку, при чемъ оказалось, что количество воды сильно уменьшилось: ширина рѣки 86,4 метра, наибольшая глубина 2,22 метра, средняя скорость теченія 42,4 метра въ минуту и количество протекающей воды 84,7 куб. метра въ секунду.

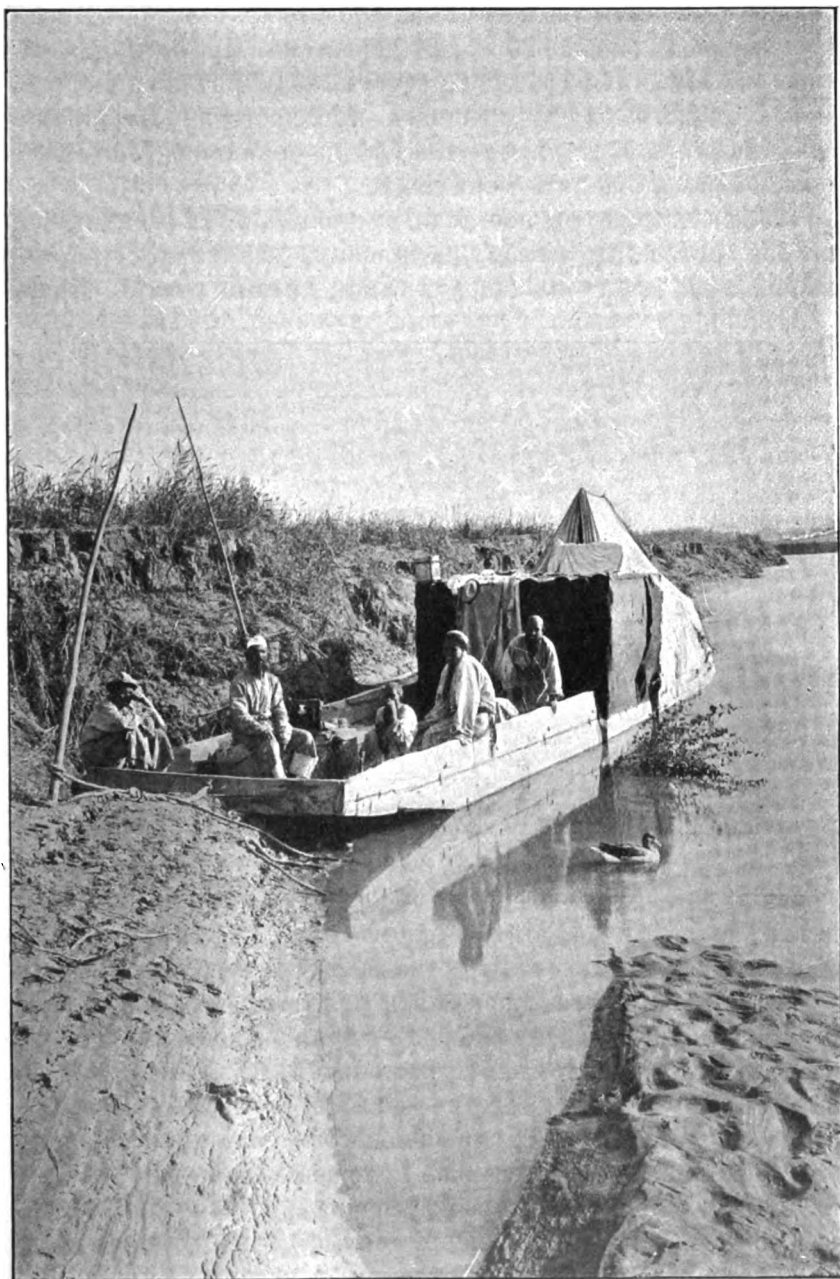
19-го сентября дулъ свѣжій вѣтеръ, который не только тормозилъ движеніе барки, но въ широкихъ, открытыхъ мѣстахъ рѣки со слабымъ теченіемъ даже останавливалъ насъ. Когда рѣка повернула на Ю.-В. и вѣтеръ сдѣлался для насъ попутнымъ, то мы шли на 21 метръ быстрѣ теченія, скорость котораго была 38,4. Чтобы не сдѣлать ошибки въ чер-

ченіи карты, все время приходилось принимать во вниманіе какъ скорость теченія, такъ и скорость барки.

Около „Шешкакъ“ мы нашли селеніе, состоящее изъ 4-хъ пастушскихъ семействъ, стада которыхъ состояли изъ овецъ, козъ и коровъ. Эти пастухи дали намъ разныя поясненія касающіяся рѣки и рассказали, что въ лѣсахъ у нихъ водятся олени, антилопы, кабаны, волки, лисицы, рыси, зайцы и фазаны; тигровъ въ этой мѣстности нѣтъ. Ширина рѣки здѣсь только 42,6 метра и количество протекающей воды 67,16 куб. метра; съ тревогою замѣчалъ я быстрое паденіе воды. Пастухи между прочимъ сообщили мнѣ, что рѣка здѣсь покроеся льдомъ дней черезъ 75—80, который обыкновенно держится отъ 2¹/₂ до 3 мѣсяцевъ, и что весною во многихъ мѣстахъ можно перейти рѣку вбродъ.

20-го сентября дулъ „сарыкъ-буранъ“ (желтый штормъ) съ такой силой, что берега на разстояніи 100 метровъ исчезали изъ виду за мягкой, поднятою имъ пылью. Рѣшивъ, что плаваніе при такомъ вѣтрѣ будетъ весьма затруднительно, мы остались на мѣстѣ; на слѣдующій день, при все еще очень сильномъ вѣтрѣ, мы поплыли дальше, но съ очень неровной быстротой, смотря потому, дулъ-ли вѣтеръ попутный или встрѣчный. Тѣмъ не менѣе, мы поплыли дальше мимо Шейтлыка съ тополевымъ лѣсомъ и Дукань-тогракъ, гдѣ нѣсколько пастуховъ, стерегущихъ стада, съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Крутые и частые повороты усложняли работу и, не имѣя я передъ собой карту и компасъ, я бы совершенно растерялся. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ рѣка поворачиваетъ почти на 180°, мы нашли глубину въ 6 метровъ. Общее направленіе движенія С.-В., но иногда мы направлялись и на Ю.-З.

21-го сентября мы опять мѣрили количество протекающей воды и нашли, что рѣка несла уже всего только 59,1 куб. метра. На слѣдующій день, вскорѣ послѣ отплытія съ ночлега, мы замѣтили на берегу трехъ пѣшиходовъ, въ которыхъ скоро узнали Сыркина, Ніасъ-Хаджи и „онъ-баши“ Ала-айгира. Мы захватили ихъ съ собой, чтобы подвезти до того мѣстечка, гдѣ караванъ отдыхалъ уже нѣсколько дней, и затѣмъ поплыли дальше, любуясь густымъ тополевымъ лѣсомъ, который достигалъ осо-

Остановка у берега.

бенной пышности, на вогнутомъ входящемъ берегу, гдѣ вода круглый годъ оmyваетъ корни деревьевъ. Противъ Ала-ай-гира мы высадили гостей на берегъ, поручивъ имъ выслать моего вѣрнаго слугу прошлаго путешествія — Парпи-бая живущаго въ Кучарѣ, въ Карулѣ на нижнемъ Таримѣ съ приказаніемъ ожидать меня тамъ.

23-го сентября мы достигли мѣста, гдѣ рѣка раздѣляется на два рукава: по лѣвому, меньшему, называемому Кона-дарья, вода течетъ въ Мараль-баши; правый рукавъ, Янги-

Туземцы на берегу Тарима.

дарья, является главнымъ русломъ рѣки и, какъ говорятъ, образовался только четыре года тому назадъ. Противъ Аксакъ-марала Янги-дарья опять попадаетъ въ свое старое русло. Такимъ образомъ Яркендъ-Дарья отклонилась вправо, и какъ мы скоро увидимъ, эта наклонность мѣнять свое русло выражалась сильнѣе всего въ области озера Лобъ-нора, гдѣ русло мѣняетъ мѣсто съ правильностью качанія маятника, отчего и зависитъ перемѣнное положеніе Лобъ-нора.

Ниже впаденія въ старое русло главнаго рукава, который носитъ также названіе Кетеклыкъ, мы остановились, такъ какъ мои проводники заявили, и какъ мнѣ говорили уже въ Лайлыкѣ, что здѣсь опасное для судоходства мѣсто:

8-ми сажженный водопадъ; по мѣрѣ приближенія къ водопаду высота его, по свѣдѣнiямъ, получаемымъ нами, отъ окрестныхъ жителей, постепенно понижалась и сократилась, наконецъ, до одной сажени; поэтому я рѣшилъ, что намъ понадобится помощь, по крайней мѣрѣ, 40 человекъ, чтобы благополучно черезъ него перебраться. Ала-айгирскiй онъ-баши получилъ приказанiе собрать ко времени нашего прибытiя народъ. Подъѣзжая къ водопаду намъ пришлось пробираться между цѣлыми островами плавника, что весьма затрудняло плаванiе; большую часть дороги людямъ пришлось идти по водѣ, чтобы не дать баркѣ сѣсть на мель. Наконецъ мы услышали шумъ водопада и люди заявили, что это первый ша-курунъ (порогъ); видъ его совсѣмъ не казался опаснымъ и мы благополучно, безъ посторонней помощи, спустились какъ по нему, такъ и по двумъ слѣдующимъ, такимъ же незначительнымъ; оказалось, что высота паденiя воды не превышала 10 сантиметровъ. Ниже пороговъ мы продолжали путь обычнымъ порядкомъ и остановились ночевать у Кетеклыкъ-аяги, гдѣ къ намъ прибылъ онъ-баши съ 20 всадниками, крайне пораженный, что мы благополучно прошли порогъ безъ ихъ помощи. Вечеромъ насъ посѣтилъ бекъ Аксакъ-марала, котораго я пригласилъ проѣхать съ нами нѣсколько переходовъ, потому что онъ оказался человекомъ весьма свѣдующимъ. Онъ сомнѣвался въ возможности предпринять такого рода путешествiе въ болѣе раннее время года, т. е. во время половодья, потому что тогда нельзя было бы найти достаточно длинныхъ шестовъ для управленiя баркою; кромѣ того, вслѣдствiе жары, комары преслѣдовали бы насъ страшнѣйшимъ образомъ.

Янги-дарья проносить здѣсь всего лишь 36,9 куб. метра въ секунду; цѣлыхъ 22,7 куб. метра ушло по Кона-дарьѣ въ Мараль-баши.

IV.

Отъ Кетеклыкъ-аяги до Аксу-дарьи.

24-го сентября мы совершили весьма интересное путешествіе по новому руслу Яркендъ-Дарьи. Здѣсь, конечно, нѣтъ крутыхъ стѣнъ яра и береговая линія менѣе рѣзко очерчена. Рѣка сѣззилась до 20 метровъ и кое-гдѣ на маленькихъ глыбахъ земли, торчащихъ изъ воды, росли тополи и тамариски, обреченные на гибель. Скорость теченія все увеличивалась по мѣрѣ сѣуженія рѣки, отчего плаваніе сильно затруднялось. Парусиновую шлюпку пришлось вытаскать на барку, такъ какъ масса плавника угрожала ей нѣжнымъ бортамъ. Нерѣдко въ очень узкихъ мѣстахъ людямъ приходилось прыгать въ воду, чтобы протаскать нашу барку.

Наконецъ рѣка превратилась въ настоящій быстро текущій каналъ, нерѣдко развѣтвлявшійся на нѣсколько рукавовъ, что для насъ было очень опасно, такъ какъ мы рисковали попасть въ такой рукавъ, гдѣ наша барка могла-бы застрять и ее пришлось бы съ неимоверными трудами протаскивать вверхъ по теченію до главнаго рукава. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы своего приближенія къ Аксу-дарьѣ, но прежде чѣмъ достигъ ее, намъ пришлось испытать нѣсколько неприятностей: выше маленькаго порога мы сѣли на мель, гдѣ оказалось всего только 6 сантиметровъ глубины. Тщетны были попытки стащить барку и мнѣ пришлось послать бека въ Аксакъ-мараль за помощью. Ящики, сѣстные припасы, все пришлось выгрузить на берегъ и, когда черезъ нѣсколько часовъ бекъ возвратился съ 30 человекъ, мы перетаскивали судно черезъ порогъ, чтобы еще разъ прилипнуть къ гли-

нистому дну. Снова тѣ-же усилія, только въ удвоенномъ масштабѣ и наконецъ мы выбрались на достаточную глубину и дошли до послѣдняго и наибольшаго порога, высота котораго была 2 дециметра. Здѣсь глубина всюду была $\frac{1}{2}$ метра и теченіе такъ бурно, что люди боялись, что барка опрокинется. На всякій случай опять перенесли весь багажъ на берегъ, я же остался одинъ на баркѣ, что люди считали весьма рискованнымъ, въ виду кипящихъ подъ порогомъ водоворотовъ. Барку подвели къ тому мѣсту, гдѣ вода падаетъ внизъ, дали ей надлежащее направленіе и пустили; она поплыла какъ нельзя спокойнѣе. Когда она очутилась на серединѣ порога, носъ ея опустился и съ плескомъ ударился о болѣе низкій уровень воды, въ то время, какъ корма отдѣлилась отъ верхняго. Ниже пороговъ мы остановились уже въ сумеркахъ, рассчитались и простились съ нашими помощниками. Я измѣрилъ количество воды и нашелъ всего только 22,7 куб. метра. Около этого мѣста, расположенъ Караулъ-дунгъ, барханъ вышиною около 10 метровъ, оброспій тамарисками и рѣдкой травой; съ вершины его на Ю. и Ю.-В. открывается видъ въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ на песчаное море.

Опять поднялся восточный вѣтеръ и мы прямо-таки не знали, чего больше желать вѣтра или затишья: вѣтеръ дѣйствительно тормозилъ до такой степени движеніе барки, что намъ часто приходилось причаливать къ берегу и ждать затишья, но зато онъ отгонялъ комаровъ; затишье-же, хотя и способствовало движенію, но отдавало насъ насъѣденіе комарамъ. Когда, при сильномъ вѣтрѣ, приходилось причаливать и ждать болѣе хорошей погоды, я катался подъ парусами въ маленькой шлюпкѣ, но главнымъ образомъ занимался проявленіемъ фотографическихъ пластинокъ.

27-го сентября мы достигли мѣста, гдѣ въ русло нашей рѣки впадаетъ слѣва широкое сухое русло Кона-дарьи, берущее свое начало въ Мараль-баши и имѣющее воду только среди лѣта; кое-гдѣ въ немъ стоятъ лужи прозрачной голубой воды. Теперь мы плыли по болѣе пустыннымъ мѣстамъ; ни людей, ни скота не было видно. Наши собаки Довлетъ и Елдашъ часто нарушали однообразіе тѣмъ, что бросались въ рѣку, переплывали на берегъ и рыскали по кус-

тарнику. Исламъ-бай иногда отправлялся на берегъ охотиться и, опережая барку, гдѣ рѣка дѣлала крюкъ, ожидалъ насъ, сидя на берегу съ добычей: фазанами, куропатками и т. п. При вечернемъ измѣреніи мы имѣли 84,7 куб. метра воды въ секунду благодаря тому обстоятельству, что въ теченіе дня нѣсколько боковыхъ рукавовъ опять возвратились въ главное русло.

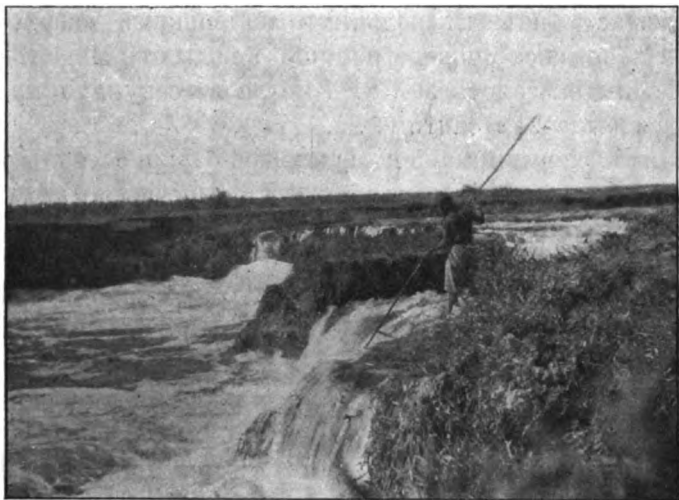
Затѣмъ мы плыли два дня среди богатѣйшаго лѣса въ полнѣйшей тишинѣ, которая только изрѣдко нарушалась плескомъ шестовъ нашихъ людей. Лѣсъ подходилъ къ самому берегу, поросшему желтымъ камышомъ. Вся эта обстановка и царившая кругомъ таинственная тишина невольно производили странное впечатлѣніе: казалось, что находишься въ какомъ-то заколдованномъ сказочномъ царствѣ. Единственное разнообразіе—постоянные повороты рѣки; чтобы передвинуться на 180 метровъ впередъ по прямому направленію, намъ одинъ разъ пришлось пройти 1450 метровъ по извилинамъ рѣки. Послѣ двухдневнаго путешествія лѣсъ сталъ рѣдѣть, молодой лѣсъ чередовался со степью. Рѣка становилась глубже, теченіе медленнѣе, и, вслѣдствіе этого, вода въ рѣкѣ становилась прозрачнѣе. Для опредѣленія прозрачности я сдѣлалъ весьма простое приспособленіе, состоявшее изъ круглой, блестящей, металлической дощечки, прикрѣпленной къ угольнику на шестѣ съ дѣлениями; употребленіе его весьма просто и не требуетъ объясненій.

Но, несмотря на всѣ удобства, работы было такъ много, что я во время плаванія ни на минуту не могъ оторваться отъ письменнаго стола и наблюдательнаго поста. Въ 1 часъ пополудни мы обыкновенно приставали къ берегу для производства метеорологическихъ наблюденій; это было необходимо и для того, чтобы успѣвать наносить мѣстность на карту; производя во время плаванія метеорологическія наблюденія, мы бы пропустили слишкомъ много подробностей мѣстности. Зато карта росла съ каждымъ днемъ и всѣ подробности заносились аккуратно.

Наконецъ, вдали показался давно знакомый Масаръ-тагъ, къ которому мы въ теченіе дня то приближались, то удалялись, смотря по направленію рѣки; имѣя такой ориентировочный предметъ можно было наглядно представить себѣ

извилистость рѣки. Далѣе сплошной лѣсъ окончился и только одиночные тополи нарушали однообразіе степи, поросшей травой и камышемъ.

Удивительно здѣсь то, что яръ гораздо выше—отъ 4 до 5 метровъ, глубина рѣки весьма часто превышала 6 метровъ. Въ пустынной мѣстности у 12-й ночевки воды протекало всего 25 куб. метровъ въ секунду и, при средней скорости въ 35 метровъ въ минуту, мы въ этотъ день прошли 18,2 километра по рѣкѣ, а по прямому направленію всего только 11,2.

Рыбная ловля.

Съ каждымъ днемъ насъ болѣе и болѣе волновалъ вопросъ, успѣемъ-ли мы закончить свое плаваніе до начала ледохода, или нѣтъ.

Въ ночь на 1 октября уровень воды палъ на 1,7 сантиметра. Для измѣренія паденія уровня воды во время стоянокъ я пользовался двумя способами: во-первыхъ, въ защищенномъ отъ теченія мѣстѣ, вколачивался въ дно рѣки шесть съ дѣленіями, и во-вторыхъ, въ вертикальную стѣну яра вбивался колъ, съ котораго свѣшивали въ рѣку гири со шкалой, по которой и отсчитывали высоту уровня воды.

Масаръ-тагъ теперь обрисовывался все яснѣе и яснѣе; на сѣверѣ показался зубчатый хребетъ Тянь-шаня. Въ Кур-

рукъ-аста мы остановились на нѣсколько дней и я послалъ, тотчасъ по прибытіи, мѣстнаго онъ-баши съ деньгами на Тумшукскій базаръ закупать шубы и сапоги для нашего экипажа, ѣхавшаго изъ Лайлыка безъ этихъ необходимыхъ вещей. Я воспользовался этимъ отдыхомъ и поднялся на гору Хазретъ-Али-мазаръ, откуда осмотрѣлъ мѣстность—необозримую степь и желтую волнистую пустыню, называемую Такла-маканъ.

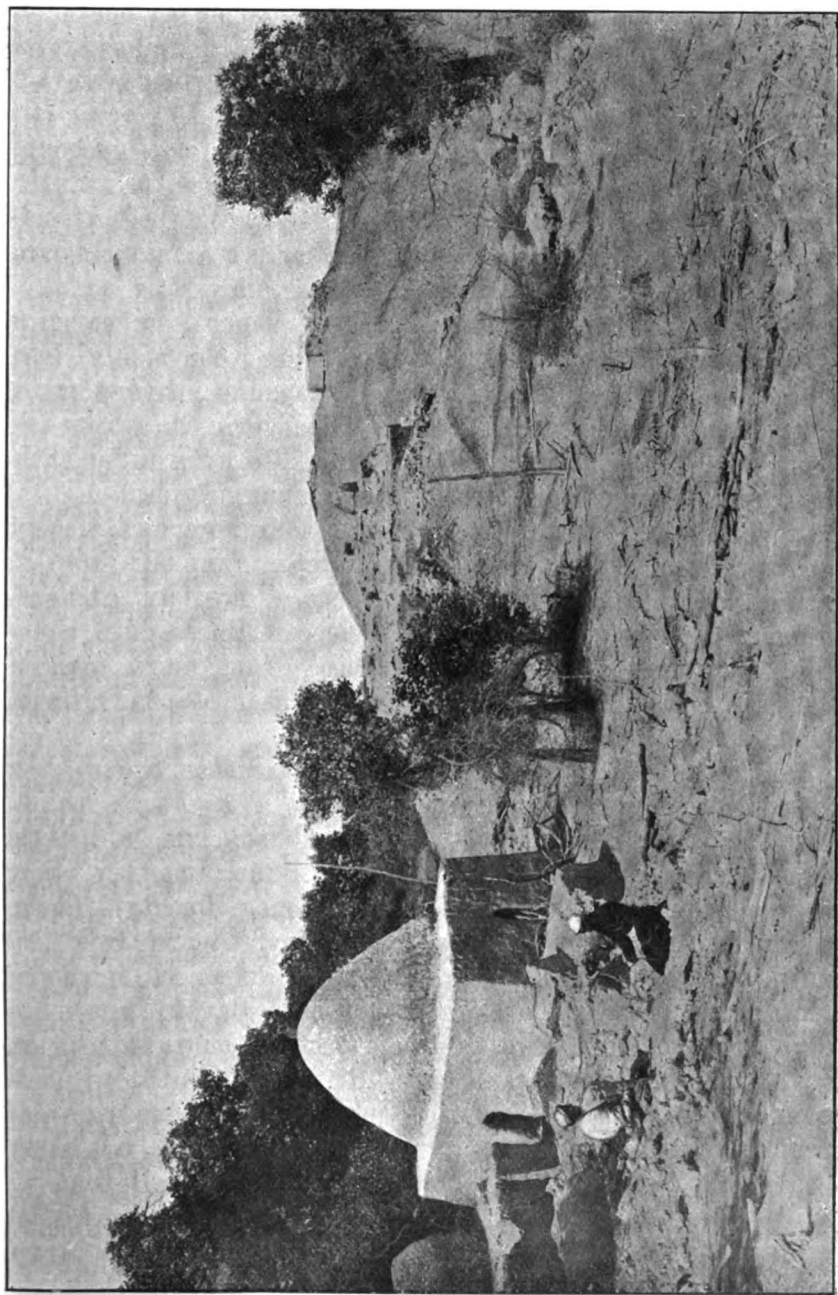
Вечернее измѣреніе воды показало прибыль вслѣдствіе впаденія двухъ притоковъ-рукавовъ, берущихъ начало выше Куррукъ-аста изъ нѣсколькихъ маленькихъ озеръ, получающихъ въ свою очередь излишекъ воды отъ Мараль-баши. Всего воды оказалось 58,7 куб. метра въ секунду и прозрачность ея была 21,3 сантиметра.

Казимъ, кормчій нашей маленькой барки, воспользовался дневкой и у порога (около 1½ метра вышины) рѣки, впадающей въ Яркендъ-Дарью и вытекающей изъ озера Шоръ-куль, получавшаго въ свою очередь воду отъ того же Мараль-баши, наловилъ намъ чудныхъ асмановъ, которые, какъ и лососи, перепрыгиваютъ черезъ пороги.

Получивъ теплыя вещи, и отправившись далѣе, мы нѣсколько дней подрядъ находились въ постоянной борьбѣ со встрѣчнымъ вѣтромъ, сильно замедлявшимъ нашъ ходъ.

4 октября мы увидѣли на востокъ горы Чокка-тагъ и Туслукъ-тагъ, откуда я началъ свою несчастную экспедицію по пустынѣ въ 1895 году. Ночь съ 5-го на 6-е мы провели въ Сорунѣ и, замѣтивъ, что вѣтеръ крѣпчаетъ, вмѣсто того, чтобы стихать, я рѣшилъ прождать слѣдующій день и сдѣлать экскурсію на Чокка-тагъ и Сорунское озеро. Но 6-го я, вслѣдствіе свирѣпаго сарыкъ-бурана (желтой бури), успѣлъ подняться лишь на Туслукъ-тагъ и отложилъ исполненіе задуманной экскурсіи до слѣдующаго дня.

Парусинная лодка съ принадлежностями была отправлена на арбѣ къ очень мелкому берегу Сорунскаго озера (получающаго воду изъ Яркендъ-Дарьи). Поставивши мачту и паруса мы съ Исламомъ отправились, захвативъ всѣ нужные инструменты и съѣстные припасы. Мы поплыли довольно быстро по рѣдкимъ камышамъ и скоро очутились на чистой поверхности озера; вода въ немъ совершенно

Кладбище у Сай-тага.

рѣсная и настолько прозрачна, что дно видно повсюду; наибольшая глубина всего только 2 метра и температура воды въ 11 часовъ дня $+13,7^{\circ}$. Форма озера продолговатая, вытянутая съ сѣвера на югъ; берега довольно густо поросли камышемъ, скрывающимъ заливы и узкіе протоки, ведущіе къ маленькимъ озерамъ, находящимся на западномъ берегу. Доѣхавъ до камышей южнаго берега озера, мы по указанію всадниковъ, слѣдовавшихъ за нами вдоль берега, пробрались дальше въ камышахъ по узкому каналу, ведущему въ озеро Чѣллъ-куль. Этотъ каналъ на первый взглядъ имѣлъ видъ или искусственнаго сооруженія, или стараго рѣчнаго русла; повидимому, разница уровней воды въ Яркендъ-Дарьѣ и Чѣллъ-кулѣ образуетъ въ этомъ каналѣ теченіе, не дающее ему зарастать. По пути мы видѣли стаю бѣлоснѣжныхъ лебедей и массу дикихъ утокъ.

Когда мы подъѣхали къ Чѣллъ-кулю, въ которомъ, между прочимъ, камыша совсѣмъ нѣтъ, вѣтеръ стихъ. Въ 1895 г. я уже снялъ западный берегъ озера и поэтому рѣшилъ пѣшкомъ отправиться на востокъ черезъ Чокка-тагъ и потомъ на сѣверъ домой. Исламъ-баю я поручилъ отвести лодку въ каналъ, гдѣ по моему приказанію арба должна была ждать, чтобы доставить ее обратно.

До горъ было много дальше, чѣмъ казалось, какъ это и утверждалъ мѣстный пастухъ, котораго я взялъ съ собою. Только послѣ двухчасовой быстрой ходьбы мы дошли до первыхъ камней и до начала подъема. Ближайшая къ озеру полоса, затопляющаяся во время половодья Яркендъ-Дарьи, состояла изъ совершенно безплодной почвы, покрытой легкимъ налетомъ соли, происхожденіе которой объясняется тѣмъ, что Чѣллъ-куль слегка солоновато. Затѣмъ идетъ полоса поросшая рѣдкимъ камышемъ, далѣе опять полоса съ болѣе старыми кристаллами соли (торъ); наконецъ, мы поднялись по склону въ 3° , изрѣзанному безчисленными маленькими пересохшими водостоками; чѣмъ ближе къ самой горѣ, тѣмъ болѣе эти водостоки увеличиваются. Наконецъ, мы взобрались на самый хребетъ. Нѣсколько сернь быстрыми скачками удалились отъ насъ въ вечерней мглѣ между рѣдкими, степными тамарисками. При послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца намъ открылся обширный видъ

на ту пустыню, которую я пересѣкъ съ такими трудами и съ такими жертвами въ 1895 году. Горькія воспоминанія поднялись во мнѣ при видѣ этихъ ужасныхъ песковъ.

Но солнце уже скрылось за Туслукъ-тагомъ и пришлось торопиться; при наступающей темнотѣ, скользя и прыгая, мы спустились къ сѣверу по довольно крутому склону. Непривычные къ передвиженію пѣшкомъ, мы черезъ каждые 2000 шаговъ отдыхали. Для ориентировки я считалъ шаги. Направляемые огнемъ мы наконецъ добрались до ожидающихъ насъ, согласно условію, всадниковъ и доѣхали до лагеря верхомъ, сдѣлавши около сорока верстъ пѣшкомъ.

На слѣдующее утро, 8-го октября, стояла тихая, солнечная погода. Исламъ-бай охотился, люди по очереди спали, такъ какъ барка спокойно плыла по теченію; я самъ для разнообразія пересѣлъ въ шлюпку. Вода убывала быстро. По ночамъ начались заморозки, что сильно меня тревожило и побудило продолжать плаваніе даже послѣ захода солнца, при свѣтѣ луны.

Нанятые мною въ Лайлыкѣ люди начали падать духомъ по мѣрѣ того, какъ мы день за днемъ все удалялись отъ ихъ родныхъ мѣстъ и углублялись въ незнакомые лѣса и пустыни. Около Куйлушнингъ-баши нѣкто Юсупъ-добекъ, который пасъ свои стада въ этой мѣстности, ободрилъ ихъ, объяснивъ, что возвращеніе по большой караванной дорогѣ черезъ Аксу весьма просто.

17-го октября мы проѣхали мимо одного изъ рукавовъ устья Кодай-дарьи, которая однако прибавила намъ очень мало воды, что вполне стало понятнымъ, когда мы нашли ея источники совершенна сухими. Послѣднее обстоятельство, однако, не препятствуемъ тому, что въ руслѣ еще нѣкоторое время протекаетъ вода.

20-го октября мы остановились у Мазаръ-Ходжамъ (Мазаръ—могила святого), которая лежитъ недалеко отъ праваго берега. Оставивъ одного человѣка сторожить барки, мы отправились къ могилѣ, въ которой погребенъ святой Хазретъ-и-Ахтамъ Рези Аллаху Анну, по преданію странствовавшій въ тѣхъ краяхъ во времена пророка. Нѣсколько сухихъ глиняныхъ кучъ были обнесены изгородью, разукра-

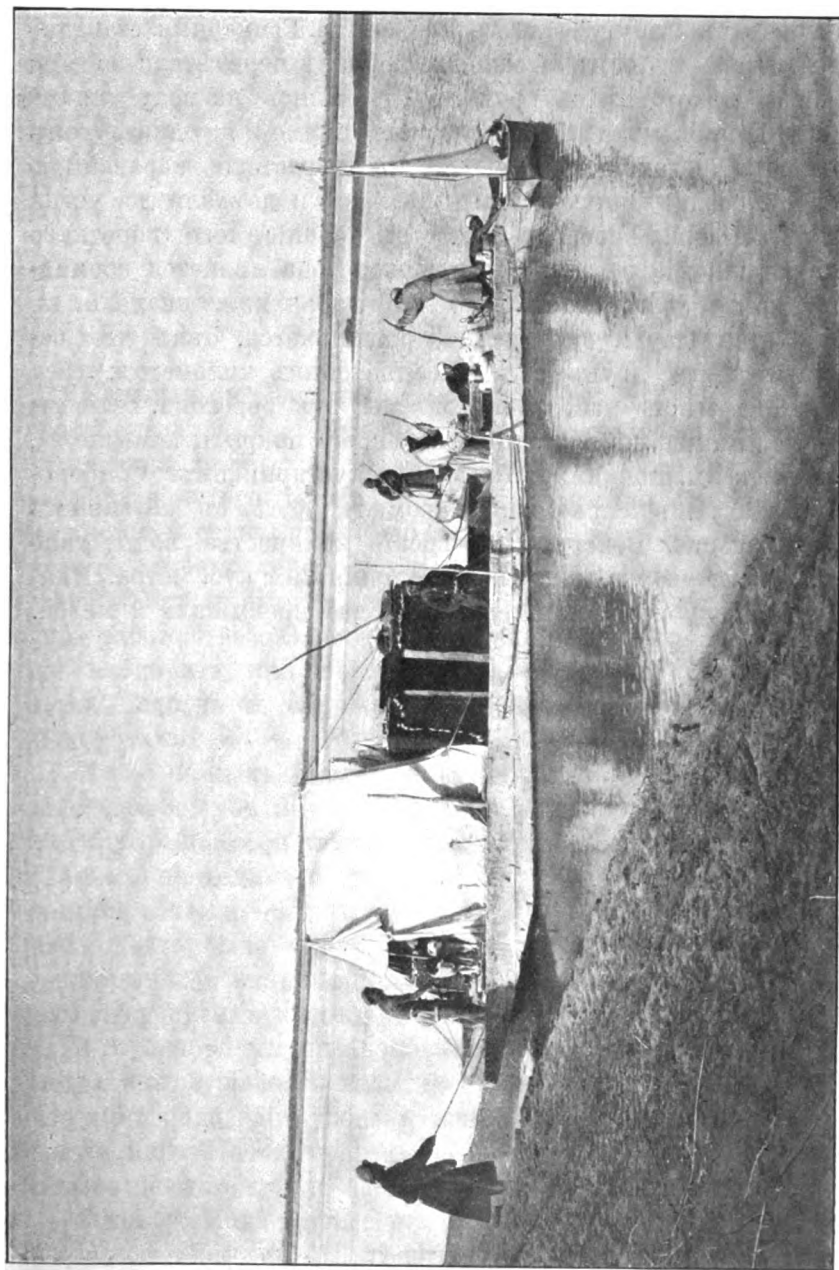
шены прикрѣпленными къ палкамъ флажками и черепами антилопъ. На южной сторонѣ возведена простая „ханека“ (молельня), состоящая изъ вбитыхъ въ землю шестовъ и крыши; зданіе имѣло высоту въ три метра, длину въ десять. Мои люди, конечно, поклонились святому и усердно молились около могилы.

23-го октября мы плыли среди болѣе населенныхъ мѣстъ, приближаясь къ Аввату. Днемъ проѣхали Кызыль мимо устья Кашгаръ-дарьи, знакомый намъ подъ именемъ су; она впадала въ нашу рѣку двумя рукавами, сильно заросшими и занесенными пескомъ и иломъ; поэтому и прибыль воды была очень мала.

Теперь насъ стали встрѣчать различныя депутаціи: сперва „ѣль-беги“ или начальникъ дорогъ Янги-Аввата, потомъ главный бай Андижанскихъ купцовъ въ Авватѣ и, наконецъ, самъ бекъ Аввата. Главу каждой депутаціи мы приглашали на барку, гдѣ ихъ угощали, въ то время какъ ихъ свиты скакали верхомъ по обоимъ берегамъ. Доѣхавъ до Маттана мы тамъ остановились на цѣлыя сутки для покупки провіанта, проявленія пластинокъ и сбора различныхъ свѣдѣній. При измѣреніи количества воды оказалось всего 14,3 куб. метра въ секунду, но намъ пояснили, что вода въ октябрѣ обыкновенно прибываетъ, что объясняется тѣмъ, что изъ каналовъ орошающихъ поля, ненужная зимою вода выпускается въ рѣку. Такимъ образомъ, мы 26-го октября имѣли 17 куб. метровъ, т. е. почти на 3 куб. метра больше, чѣмъ при послѣднемъ измѣреніи.

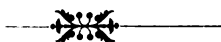
27-го октября, наконецъ, свершилось давно ожидаемое событіе: мы доѣхали до сліянія рѣки Аксу-дарьи съ Яркендъ-Дарьею. Вслѣдствіе могучаго теченія Аксу-дарьи, теченіе Яркендъ-Дарьи замедляется далеко отъ мѣста сліянія; ближе къ сліянію оно останавливается, а у самаго сліянія мѣстами даже наблюдается обратное теченіе. У мѣста сліянія Яркендъ-Дарья имѣетъ сѣверо-западное направленіе, а Аксу-дарья С.-С.-З., общее-же теченіе ихъ, подъ названіемъ Тарима, направлено на востокъ; Аксу-дарья во всѣ времена года полноводнѣе Яркендъ-Дарьи.

Послѣ однодневнаго отдыха, производства астрономическаго опредѣленія мѣста, проявленія пластинокъ и т. п., мы

Устье Аксу-дарья.

отправились дальше по теченію, сначала со скоростью 72 метровъ въ минуту, затѣмъ медленнѣе. Громадныя стаи дикихъ утокъ въ замѣчательномъ порядкѣ перелѣтали на югъ; иногда, нѣкоторыя съ крикомъ опускались на воду для отдыха. Теперь рѣка течетъ довольно прямо и не одинъ уголъ поворота не доходилъ до 60°. Мы пересѣкли караванную дорогу, соединяющую Хотанъ съ Аксу и доѣхали до устья Хотанъ-дарьи. Говорятъ, что въ теченіе того короткаго времени, когда въ ней бываетъ вода, она является громадною рѣкою, и дѣйствительно, Аксу-дарья ниже впаденія въ нее Хотанъ-дарья значительно расширяется, такъ что берега отстоятъ другъ отъ друга на одинъ километръ; лѣса въ этомъ мѣстѣ настолько удалены отъ береговъ, что мы едва слышимъ шелестъ тополей; берега покрыты камышемъ, тамарисками, кочками и мелкимъ кустарникомъ. Сопровождавшій насъ ёлгъ-беги знакомилъ насъ съ названіемъ всѣхъ мѣстъ. Вечернее измѣреніе количества воды дало намъ на первой ночевкѣ ниже сліянія 79,2 куб. метра. Наибольшая глубина въ теченіе дня едва превышала 2 метра.

V.

Наступленіе зимы.

Начиная съ Лешлыка температура воздуха и воды стала постоянно падать. По ночамъ сырая почва береговъ сильно замерзала, днемъ же, подъ вліяніемъ солнца, оттаивала и вслѣдствіе этого песокъ большими глыбами отрывался съ отвѣсныхъ стѣнъ яра и съ шумомъ падалъ въ рѣку. Быстрота теченія теперь стала увеличиваться, достигая 78 метровъ въ минуту, и на долю моихъ людей выпала тяжелая работа: требовалось много ловкости и вниманія, чтобы не наскочить при поворотахъ на берегъ; послѣднее впрочемъ, иногда и случалось, особенно при очень крутыхъ поворотахъ.

Ниже Балыкъ-алды („мертвая рыба“) скорость теченія еще болѣе увеличилась; здѣсь рѣка три года тому назадъ вырыла себѣ новое русло. Старое русло Янги-дарьи (Тарима) проходитъ по пустынѣ, гдѣ только изрѣдко растутъ тополи и тамариски; русло еще не кончило свое формированіе, что было видно по узкому быстрому теченію, по непрерывно обваливающемуся песку и по громадному количеству сухихъ вѣтокъ и сучковъ, плавающихъ на водѣ.

2-го ноября мы переночевали у берега, высотой въ 4,₆₂ метра надъ уровнемъ воды; по слѣдамъ на ярѣ было видно, что при половодіи уровень воды былъ на 1,₆₇ метра выше настоящаго. Ночью уровень воды поднялся на 1½ сантим., прозрачность ея была всего только 5½ сантиметровъ.

3 ноября Янги-дарья снова переходитъ въ старое русло, называемое Кона-дарья, вслѣдствіе чего быстрота теченія опять становится прежнею. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней мы

опять плыли по новому руслу, образовавшемуся 8 лѣтъ тому назадъ и проходящему по безконечной степи, поросшей желтымъ камышемъ. Такъ какъ рѣка недавно перемѣнила направление, то на берегахъ ея еще не успѣлъ вырости лѣсъ, что мы уже имѣли случай наблюдать; зато въ мѣстностяхъ, гдѣ рѣка протекала раньше, стоятъ густые лѣса, послѣ исчезновенія воды часто обреченные на гибель. Въ этомъ мѣстѣ старое высохшее русло носить названіе Кекъ-голль-даръязи.

Продолжая наше плаваніе изо дня въ день, мы все время побаивались скорого наступленія зимы, которая давала себя знать по все усиливающимся ночнымъ морозамъ. Мы проѣхали мимо Бостона и Кара-даши; въ Чонгъ-аралѣ мы купили длинную узкую лодку, вырубленную изъ цѣльнаго тополя, типомъ нѣсколько схожую съ лодь-норской, но имѣющую въ кормовой части скамейки для сидѣнія. Въ мѣстности Гэд-жисъ слѣва впадаетъ рукавъ рѣки Шахъ-яръ-даръи (Музь-артъ), сливающийся съ Ханъ-тенгри и имѣющій 29 метровъ ширины; въ немъ вода стоитъ неподвижно и отличается большой прозрачностью, доходящей до 78 сантиметровъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ Чименскій ѣлчъ-беги съ письмомъ отъ Ніасъ-Хаджи и казаковъ, въ которомъ они доносили, что у нихъ все обстоитъ благополучно. Сильно обрадовался я и джигиту, доставившему мнѣ изъ Кашгара первую почтовую сумку. Его же я отправилъ назадъ съ письмами и герметически закупореннымъ ящикомъ съ негативами.

10-го ноября у насъ былъ первый зимній день и только къ 11 часамъ утра температура поднялась выше 0°; утромъ всѣ заливы покрылись тонкимъ слоемъ льда, и теперь положеніе становилось опаснымъ. На кормѣ постоянно топилась печь и около нея люди по очереди грѣли свои окоченѣвшіе члены; ночью на берегу раскладывался громадный костеръ, вокругъ котораго люди и располагались на ночлегъ.

Дни проходили тихо, спокойно и однообразно. Начало зимы въ весьма незначительной степени измѣняло нашу жизнь. Мы только расходовали больше дровъ, въ которыхъ, собственно, недостатка не было и вся задача состояла только въ нахожденіи въ темнотѣ сухого матеріала для костровъ. Меня теперь будили въ 6½ час. утра, и вставать на 11 или 12-ти градусномъ морозѣ и одѣваться было

болѣе чѣмъ непріятно. Туалетъ совершался съ неимовѣрной быстротой, но тщательность его исполненія уменьшалась по мѣрѣ увеличенія мороза. Но зато какъ было пріятно, одѣвшись и исполнивши первую серію метеорологическихъ наблюденій въ 7 ч. утра, и достаточно прозябнувъ на утреннемъ холодкѣ, спѣшить обогрѣться у костра. При моемъ появленіи на берегу меня со всѣхъ сторонъ привѣтствуютъ вѣжливымъ „салаямъ алейкумъ“. Въ это время люди обыкновенно сидѣли за завтракомъ, состоявшимъ изъ вареной баранины съ бульономъ, въ который крошили хлѣбъ, и изъ чая. Я также завтракалъ у костра. Послѣ ѣды мы производили обычныя измѣренія на берегу, и, когда все уже бывало готово и люди успѣли стряхнуть съ себя послѣдніе слѣды сна, я команду „мангеле“ (поѣдемъ), и черезъ нѣсколько мгновеній шести въ водѣ, закрѣпы сняты и барка продолжаетъ свой путь по Тариму.

Корма во время плаванія представляла довольно живописный видъ: люди, бараны, куры, мѣшки, ящики загромождали ее, и изъ печки взвивался дымокъ придававшій баркѣ издали видъ парохода. Тамъ пекли хлѣбъ, сушили бѣлье, мыли посуду и занимались различными хозяйственными работами. Когда днемъ становилось уже очень скучно, то затягивались пѣсни, которыя, однако, прекращались къ вечеру, такъ какъ всѣ съ нетерпѣніемъ ждали мѣста причала, хотя мы продолжали путь и нѣкоторое время послѣ захода солнца.

Всѣ оживляются, когда, наконецъ, раздается команда „инды токтамысъ“ (теперь мы остановимся). Въ одно мгновеніе причаливаютъ барку къ берегу и переносятъ туда нѣсколько головешекъ и всю необходимую кухонную посуду; въ большомъ котлѣ готовятъ „ашенъ“ или рисовый пуддингъ съ мясомъ и зеленью, и къ костру переносятъ мой погребецъ, чай и консервы, и у огня я ѣмъ свой поздній обѣдъ. Пуддингъ уже заранѣе заготовленъ на баркѣ, и поэтому приходится ждать недолго, пока Исламъ объявляетъ свое „ашъ таяръ“. Потомъ люди заворачиваются въ свои шубы и ложатся вокругъ костра; пока послѣдній еще горитъ яркимъ пламенемъ, они лежатъ поодаль, защитивъ одни спины; но по мѣрѣ того, какъ костеръ гаснетъ они кутаются крѣпче

и подползають къ нему ближе. Ночью огонь никто не поддерживаетъ. Закончивъ дневникъ и я слѣдую ихъ примѣру.

14-го ноября мы шли со средней скоростью въ 44 метра. Въ теченіе ночи образовался ледъ между нашими судами, которыя слегка примерзли къ берегу. Опасность угрожала только парусиновой шлюпкѣ, такъ какъ острия льдины могли дѣйствовать какъ ножи на натянутую парусину. Въ теченіе дня мы, однако, замѣтили только одну льдину въ $1\frac{1}{2}$ кв. метра, которая едва была видна въ мутной водѣ. Послѣ наступленія темноты я выслалъ впередъ Регимъ-бая, одного изъ нашихъ проводниковъ, въ шлюпкѣ, чтобы указывать намъ фарватеръ. Въ его лодкѣ висѣлъ на шестѣ громадный китайскій фонарь изъ бумаги, а въ немъ горѣла сильно свѣтящая лампа. Онъ ѣхалъ передъ нами на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ и на его фонарь я бралъ направленіе не хуже, чѣмъ днемъ.

Громаднаго труда намъ теперь стоило получить проводниковъ, могущихъ дать необходимыя объясненія; тѣ люди, которыхъ мы встрѣчали, въ паническомъ страхѣ убѣгали и скрывались въ лѣсу. Отпустивъ старыхъ проводниковъ намъ пришлось устроить настоящую облаву на пастуха, котораго мы замѣтили на берегу; онъ объяснилъ намъ, что нѣсколько ниже мы дойдемъ до Сарыкъ-буя, гдѣ можемъ достать лоцмана.

16-го ноября мы увидѣли вдали на берегу огонь; то былъ Дунгъ-котанъ, гдѣ я былъ въ 1896 году, и которое поэтому теперь имѣло нѣкоторое значеніе для оріентировки на моей картѣ. Здѣшній бай Кадеръ поѣхалъ съ нами и рассказалъ мнѣ много интереснаго, касающагося какъ рѣки, такъ и часто встрѣчающихся здѣсь тигровъ и охоты на нихъ. Тигръ, доставши добычу—корову, лошадь или овцу, тащить ее въ камыши, наѣдается досыта и прячетъ остатки. Такъ какъ онъ всегда ходитъ по тропинкамъ, то по слѣдамъ видно, куда онъ ушелъ, слѣдовательно, извѣстно, откуда онъ, проголодавшись, вернется къ остаткамъ. На этой тропинкѣ ставятъ тяжелый желѣзный капканъ (тосакъ); попавъ въ капканъ, тигръ не въ состояніи достать себѣ пищи и медленно тащится по камышамъ, гдѣ охотники, рассчитавъ, что онъ уже достаточно истощенъ голодомъ, верхомъ вы-

слѣживаютъ его и стрѣляютъ въ него съ сѣдла. Ближе къ Лобъ-нору тигры встрѣчаются еще чаще.

Около Лемпа-акинъ мы 18-го ноября встрѣтили первыхъ жителей Лобъ-нора—трехъ мужчинъ, изъ которыхъ мы, послѣ длинныхъ переговоровъ, взяли съ собою въ проводники одного старика, знающаго мѣстность до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

У Кораль-дунга (караульная горка) мы сдѣлали маленькій привалъ на правомъ берегу для измѣренія воды и на-

Туземцы въ челнокахъ.

шли 72,• куб. метра воды, протекающей въ секунду; это мѣсто важно тѣмъ, что здѣсь проходитъ граница между Кучьяромъ и Лобомъ, и что отсюда рѣка носить новое названіе Юмалакъ-дарья. Къ югу возлѣ горки блещетъ на солнцѣ прозрачная вода озера Нораль-дунгингъ-куль, окруженнаго зарослями камышей и тамарисковъ, въ которыхъ очень часто встрѣчаются слѣды тигровъ. Ниже Ачала рѣка суживается до 20 метровъ, причемъ глубина возрастаетъ до 7 метровъ; на берегахъ часто замѣчаются озера, которыхъ ниже по теченію еще больше. Продолжая плаваніе, мы наняли еще одного человѣка, который, между прочимъ, очень оригинальнымъ способомъ наловилъ намъ рыбы: онъ заго-

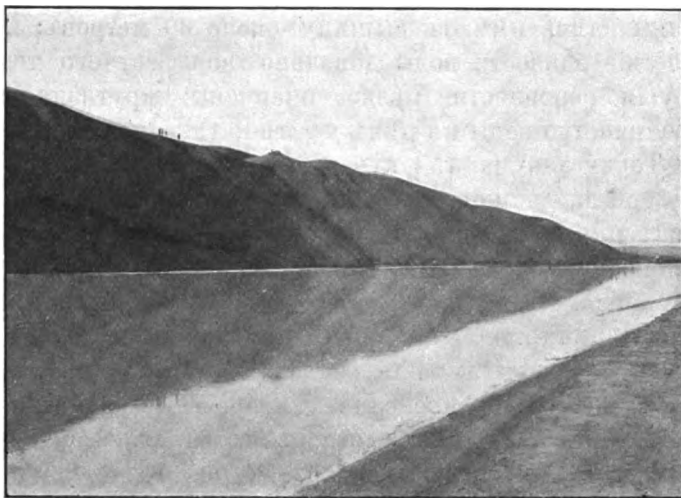
родиль сѣтью выходъ изъ длиннаго узкаго покрытаго льдомъ залива и потомъ, стоя на кормѣ своей длинной узкой лодки, сильными ударами весла направилъ ее черезъ сѣть на ледъ, разбивая его тяжестью лодки и весломъ, и загонялъ такимъ образомъ рыбу въ сѣть.

20-го ноября мы ночевали у мѣста пересѣченія рѣки съ дорогою, ведущей изъ Какте въ Каруль; слѣва видны остатки громаднаго русла, заполненнаго иломъ. Оказалось, что это старое русло Тарима, въ которомъ рѣка, по рассказамъ стариковъ, текла не менѣе 50 лѣтъ и оставила его всего только четыре года тому назадъ; даже во время половодья въ старое русло не попадаетъ ни капли воды. Новое русло проходить по пустынной мѣстности, гдѣ раньше находились лишь береговья озера. Это обстоятельство прекрасно характеризуетъ гидрографію страны: чѣмъ дальше тѣмъ незначительнѣе уголъ паденія рѣчной системы Тарима; въ совершенно плоской области Лобъ-нора угла паденія нѣтъ и тамъ карта вѣрна лишь на время съемки. Рѣки и озера измѣняютъ свое положеніе и емкость съ каждымъ годомъ, и видѣвшій всю эту измѣнчивость пойметъ, что и Лобъ-норъ должно измѣнять свое положеніе періодически съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ; періоды, конечно, распространяются на нѣсколько сотъ лѣтъ, но съ точки зрѣнія исторіи земли онѣ уподобляются качанію маятника.

По приказанію Фу-Тая, генераль-губернатора въ Урумчи, насъ приняли какъ знатныхъ гостей и беки все время сопровождали насъ и дѣлали все, чтобы облегчить наше путешествіе. Теперь рѣка текла по мѣстности совершенно незнакомой даже туземцамъ, и поэтому нашъ новый другъ Юнусъ-бекъ выслалъ впередъ въ лодкахъ развѣдчиковъ, для предупрежденія насъ о трудныхъ мѣстахъ. Проходы были узкіе, и кое-гдѣ во вновь образовавшемся руслѣ еще стояли зеленые тополи, настолько угрожавшіе палаткѣ и метеорологической будкѣ, что послѣднія пришлось снять. Растительность дѣлается все скуднѣе и за Буя-куль, послѣднимъ изъ ряда береговыхъ озеръ, рѣка переходитъ въ пустыню Чонгъ-акъ-куль. Теченіе быстро и берега состоятъ изъ бархановъ достигающихъ до 15 метровъ высоты; въ одномъ мѣстѣ рѣка

дѣлится на 5 рукавовъ съ быстрымъ теченіемъ, но мелкой водой. Вся Янги-дарья или „новая рѣка“ представляетъ собою доказательство стремленія рѣки передвинуться вправо. Раньше Таримъ впадалъ въ старое озеро Лобъ-норъ, лежавшее значительно сѣвернѣе его теперешняго положенія, такимъ образомъ можно видѣть, что Таримъ сдѣлалъ гигантскій шагъ вправо.

Быстрое теченіе между тѣмъ не давало образовываться льду, несмотря на то, что въ 8 часовъ вечера морозъ доходилъ до -6° ; тѣмъ не менѣе я очень опасался застрять слиш-

Токкусъ-кумъ.

комъ рано во льдахъ, и тогда осталось бы только одно устроить лагерь и отправиться на поиски каравана.

24-го ноября жыплыли среди лѣса, изрѣдка подходя къ краямъ пустыни. Въ этотъ день насъ преслѣдовали неудачи: надъ крутымъ поворотомъ съ очень сильнымъ теченіемъ, куда насъ несло, повисъ большой тополь, который неминуемо смель бы все съ барки; съ крайнимъ напряженіемъ силъ за нѣсколько шаговъ до преграды удалось отвезти барку изъ фарватера въ водоворотъ. Алимѣ пришлось прыгнуть съ канатомъ въ холодную воду, доходившую ему до плечъ и притянуть барку къ берегу; мы были спасены. Потомъ

вечеромъ Казимъ, плывшій на маленькой баркѣ, наткнулся на пень, опрокинулъ ее и вывалилъ весь грузъ; часть вещей потонула, часть попортилась, а остальное пришлось вылавливать. Такъ какъ это случилось поздно вечеромъ, то мы пристали къ берегу, разложили нѣсколько громадныхъ костровъ и за ночь высушили промокшія вещи.

Днемъ позже мы проѣзжали снова вдоль большой пустыни подъ самыми высокими горами Токкусъ-кума; эти горы тянутся по берегу, состоятъ изъ наносовъ желтаго песку и образуютъ удивительно рѣзкую границу пустыни, которую можно найти только на берегу моря или озера. Барханы здѣсь имѣютъ вышину около 60 метровъ; песокъ вслѣдствіе близости воды довольно твердъ, отчего террасы и другія неровности рѣзко очерчены; крутизна склона 32°; количество воды въ рѣкѣ у Аль-катикъ-чекке, нѣсколько ниже Токкусъ-кума, 75,4 куб. метра въ секунду.

Теперь дни нашего плаванія были сочтены. Сопровождавшіе насъ рыбаки говорили, что рѣка замерзаетъ окончательно, обыкновенно, черезъ 10 дней, послѣ появленія перваго плавающего льда. Проснувшись 28-го ноября, я нашелъ всю поверхность рѣки покрытой пористымъ, ледянистымъ „саломъ“ называемымъ „кэмуль“ или „кадэ“. При появленіи „кэмула“ рыба переходитъ въ прозрачные, спокойные заливы и береговые лагуны, куда рыбаки отправляются для ловли, чтобы пополнить запасы на зиму.

Утромъ пришлось вырубать барки, вокругъ которыхъ образовался настолько толстый ледъ, что мы могли ходить по немъ. Однако, въ теченіе дня кэмуль подъ вліяніемъ солнца уменьшился; въ 4 часа дня отъ него не осталось и слѣда. Съ каждымъ днемъ количество сала увеличивалось; температура понизилась и доходила по ночамъ до—16°; образовавшаяся у береговъ полоса льда росла—словомъ, все указывало на то, что мы скоро будемъ закованы льдомъ. Барки на ночь приходилось ставить на мѣста съ быстрымъ теченіемъ во избѣжаніе тяжелой утренней работы вырубанія ихъ изъ льда.

3-го декабря мы плыли то среди песковъ, то среди дремучихъ лѣсовъ; наконецъ, мы увидѣли темную линію Угенъ-дарьи. У устья канала Даши-куль насъ ожидали посланные

Хассанъ-бека изъ Теисъ-куля, которые громадными сигнальными кострами увѣдомляли сына бека, ожидающаго насъ у устья рѣки Момуни-отого. Сынъ Хассанъ-бека извѣстилъ меня, что нашъ караванъ отдыхалъ три дня въ Теисъ-кулѣ и, должно быть, наканунѣ отправился дальше въ Янги-куль и къ назначенному мѣсту встрѣчи Арханъ. Немедленно я отправилъ гонца вслѣдъ за караваномъ съ приказаніемъ остановиться, такъ какъ наше плаваніе могло прекратиться въ любой день. Далѣе я узналъ, что мой старый другъ

Видъ на Таримъ. (1 Дек.).

Халметъ-Аксакалъ изъ Курли при караванѣ, и что Парпибай ожидаетъ меня въ Карулѣ.

О рѣкѣ я узналъ, что она бываетъ покрыта сплошнымъ льдомъ съ начала декабря до марта и потомъ еще половину марта пористымъ льдомъ. Вслѣдствіе отдаленности истоковъ, половодіе начинается лишь въ августѣ, достигаетъ наибольшаго предѣла въ концѣ сентября или въ началѣ октября. Затѣмъ постепенно вода падаетъ; незадолго до покрытія льдомъ ея высота остается постоянной; послѣ замерзанія уровень нѣсколько повышается: послѣднее, говорятъ, происходитъ отъ ледяныхъ заторовъ, образующихъ нѣчто вродѣ

плотинъ. Въ юнѣ уровень воды наиболѣе низокъ, настолько низокъ, что во многихъ мѣстахъ можно верхомъ проѣхать черезъ рѣку.

Само собою разумѣется, что разница между наивысшими и наименѣе высокими положеніями уровня въ нижнемъ Таримѣ, который такъ удаленъ отъ горъ, гораздо незначительнѣе, чѣмъ въ Яркендѣ-Дарьѣ около Яркенда и въ Аксу-дарьѣ около Аксу. Громадную роль при этомъ играютъ безчисленные озера поглощающія не мало воды.

VI.

Конецъ плаванія и устройство зимнихъ , квартиръ.

Послѣдніе три дня скорость теченія значительно увеличилась и достигала иногда такой силы, что затрудняла наше плаваніе. 4-го декабря лѣсъ постепенно началъ исчезать; у Карула при устьѣ Угенъ-дарьи поверхность земли имѣеть видъ маленькихъ бархановъ и покрыта камышами и тамарисками.

Мы остановились въ Карулѣ, потому что здѣсь насъ ожидалъ, въ числѣ другихъ туземцевъ, мой вѣрный слуга и спутникъ 1896 года Парпи-бай; онъ бросился къ намъ на барку, схватилъ мои руки и приложилъ ихъ себѣ ко лбу; онъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ произнести ни слова. Подобно. Исламъ-баю онъ постарѣлъ и въ бородѣ появилась сѣдина, но тѣмъ не менѣе онъ остался тѣмъ же молодцомъ, какъ и раньше. На слѣдующій день мы остались въ Карулѣ для производства астрономическихъ наблюдений и измѣренія Угенъ-дарьи и Тарима. Въ первой совсѣмъ не было плавучаго льда, но зато во второмъ много, поэтому здѣсь измѣренія затруднялись; въ Таримѣ протекало 55,7 куб. метровъ воды въ секунду, прозрачность ея 8 сант.; въ Угенъ-дарьѣ протекало только нѣсколько куб. метровъ воды, прозрачность ея 9 сант. Около Карула Таримъ круто поворачиваетъ къ Ю.-В.

7-ое декабря было послѣднимъ днемъ нашего плаванія; въ Янги-кулѣ, однимъ переходомъ дальше, насъ ожидалъ караванъ; ниже рѣка уже совершенно замерзла. Беки ближайшихъ деревень съ громадной толпой всадниковъ провожали насъ по берегу, но приглашенія на бортъ удостоился одинъ

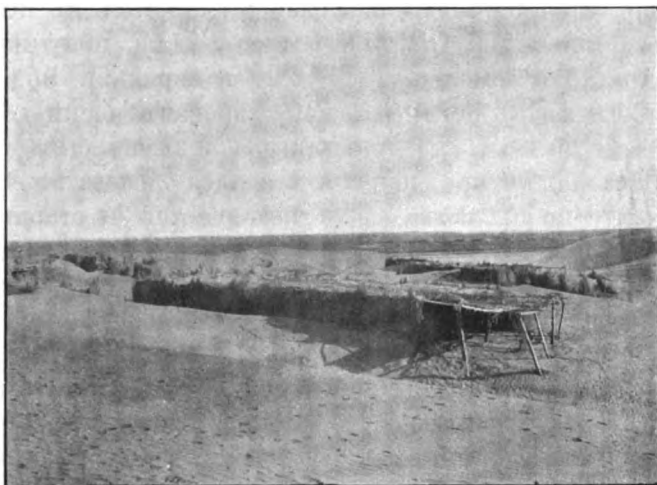
только Янги-кульскій, съ которымъ у насъ въ послѣдствіе была масса дѣлъ.

Этотъ послѣдній день былъ самымъ интереснымъ изъ всего путешествія, такъ какъ мы плыли по мѣстамъ сильно отличающимся отъ прежнихъ. Влѣво—безконечная степь съ торчащими на ней кой-гдѣ одинокими тополями, вправо—высокія горы песка, подошвы которыхъ омываются рѣкою. Удивительно то, что въ этомъ пескѣ лежитъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ озеръ, окруженныхъ барханами, не имѣющими ни малѣйшихъ слѣдовъ растительности. Генералъ Пѣвцовъ нанесъ нѣсколько изъ нихъ на свою карту, но ни онъ, ни я не подозрѣвали о такомъ громадномъ количествѣ этихъ озеръ. Двѣ трети рѣки были покрыты крѣпкимъ льдомъ, открытая же поверхность была до того узка, что мы, благодаря лишь сильному теченію, и то съ трудомъ, проламывали мѣшающіе нашему движенію края льда.

Тузь-алгучъ-куль, „озеро, гдѣ берутъ соль“, первое изъ цѣлага ряда озеръ, тянущихся вдоль праваго берега Тарима; среди бархановъ, покрытое льдомъ озеро имѣло видъ блестящаго зеркала въ желтой рамѣ. Протокъ, соединяющій озеро съ рѣкою былъ загроможденъ хворостомъ и глиною. Вода отдѣляется такимъ образомъ на 2 или 3 года; говорятъ, что запертая тамъ рыба становится жирной и вкусной послѣ того, какъ вода сдѣлается слегка солоноватой. Другое озеро Сейтъ-куль тянется по пескамъ почти что на одинъ переходъ и три его протока были также завалены, чтобы препятствовать при половодіи соединенію рѣки съ озеромъ.

Вблизи мѣстъ соединенія этихъ озеръ съ рѣкою находятся нѣсколько покинутыхъ деревень: около Сейтъ-куля когда-то жило 23 семейства, около Тузь-алгуча 9 и далѣе у Тейсъ-куля 25. Хижины, выстроенныя изъ тополя и камыша, имѣютъ довольно новый и приличный видъ, но не было видно ни людей, ни даже слѣдовъ въ наносномъ пескѣ. Рассказывали, что семь лѣтъ тому назадъ въ этихъ деревняхъ свирѣпствовала оспа и заставила жителей бѣжать на лѣвый берегъ, гдѣ китайское правительство надѣлало ихъ землею; такимъ образомъ рыбаки превратились въ хлѣбопашцевъ и овцеводовъ. Теперь китайцы ввели обязательную прививку оспы.

Объ образованіи озеръ здѣсь, въ пустынѣ, туземцы давали мнѣ довольно фантастическія объясненія: они утверждали, что по вырытымъ сперва каналамъ вода во время половодія проложила себѣ новую дорогу, сносила барханы и образовала эти большія озера, обыкновенно носящія имя виновнаго въ ихъ происхожденіи. Само собою разумѣется, что помимо прорытія каналовъ (протоковъ) такое образованіе озеръ было бы невозможно безъ нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ почвы. Озеро Дашъ-куль расположено около самой

Оставленныя жителями хижины у Сейтъ-куля.

рѣки и отдѣлено отъ нея довольно значительнымъ береговымъ валомъ (барханомъ); недавно рѣка снесла этотъ валъ и озеро составляло теперь одно цѣлое съ рѣкою.

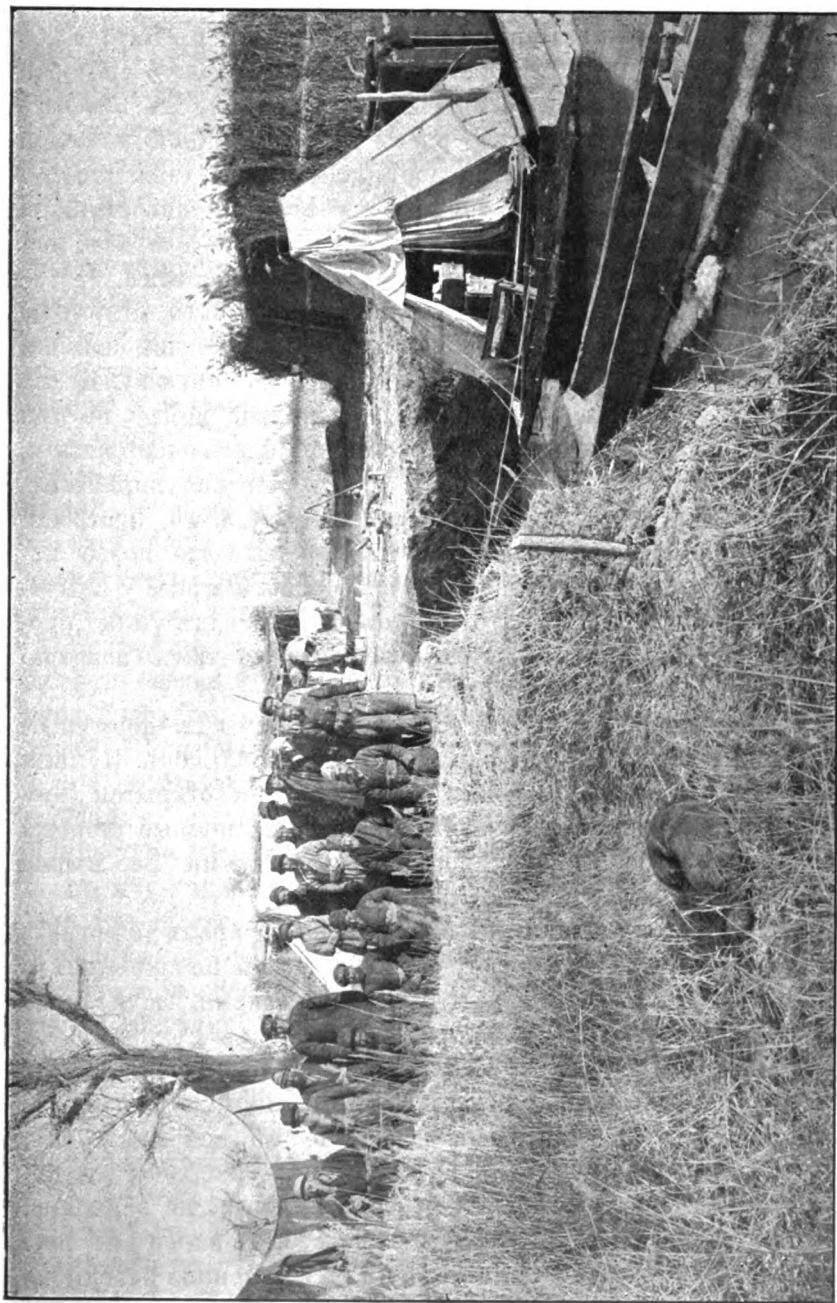
Около Арелиша насъ встрѣтили Черновъ и Файзуллахъ, а нѣсколько дальше Ніасъ-хаджи и другіе люди каравана, которые донесли, что плыть осталось всего нѣсколько часовъ, такъ какъ ниже рѣка совершенно замерзла. Несмотря на то, что стемнѣло, мы рѣшили продолжить путь до конца и черезъ нѣсколько часовъ замѣтили на лѣвомъ берегу громадный костеръ, который разложила наша караванная прислуга около удобнаго мѣста для причаливанія.

Итакъ, наше чудное мирное путешествіе кончилось. Намъ

было очень выгодно, что мы не успѣли добраться до Архана, такъ какъ оказалось, что Янги-куль представлялъ собою отличнѣйшую исходную точку для задуманныхъ большихъ и опасныхъ экспедицій по пустынямъ; главная выгода состояла въ сравнительной близости города Курля, гдѣ можно было достать все необходимое для снаряженія каравана.

Теперь спѣшить болѣе не было надобности. Въ то время, когда я занимался фотографическими снимками, казаки разыскали удобное мѣсто для зимнихъ квартиръ, гдѣ люди и начали устраиваться. Первый вечеръ привелъ къ непріятному открытію. Въ Лайлыкѣ Ніасъ-хаджи получилъ на текущіе расходы $4\frac{1}{2}$ ямбъ; сумма была изрядная, но вмѣсто того, чтобы имѣть остатокъ, мой караванъ - баши дорогой занялъ еще до 4-хъ ямбъ, которыя я долженъ былъ заплатить. Ніасъ-хаджи при допросѣ старался доказать, что ни одинъ тенге не пропалъ и что онъ честно и старательно исполнялъ свои обязанности; онъ лгалъ: по моему приказанію во время путешествія Сыркинъ велъ книгу; оказалось, что въ Аксу Ніасъ-хаджи заплатилъ свои собственные долги, въ Курлѣ долги сына, и взялъ даже послѣдняго съ собой ко мнѣ. Не желая наказать его слишкомъ строго послѣ счастливаго исхода путешествія, я присудилъ его къ увольненію, и на слѣдующій день онъ долженъ былъ оставить нашъ лагерь.

Съ 9—11 декабря мы занялись устройствомъ лагеря и составленіемъ каравана для ближайшихъ будущихъ экскурсій. Халметъ Аксакаль отправился въ Курлю за свѣчами и сахаромъ, двумя монгольскими кибитками карашарскаго образца и 5-ю мулами, а также, чтобы размѣнять нѣсколько серебра на мелочь, а именно на тени временъ Якубъ-бека, которыя еще въ ходу между Курлей и Чархалыкомъ (21 такихъ тени идутъ на 1 соръ). Онъ-же долженъ былъ отправить мою почту въ Кашгаръ. Далѣе я отправилъ людей своего экипажа на родину, удвоивъ за хорошую службу обѣщанное имъ жалованье, а также заплативъ предстоявшіе имъ расходы во время обратной дороги. Несмотря на такое уменьшеніе личнаго состава каравана, нашъ лагерь всетаки представлялъ весьма оживленную

Зимні квартири у Янги-куля.

картину. Мои ближайшіе помощники были казаки и Исламъ-бай; караванъ-баши Парпи-бай былъ назначенъ старшимъ на конюшнѣ, надсмотрщиками верблюдовъ были Турду-бай и Файзуллахъ. Кромѣ того у насъ былъ мальчикъ Курбанъ для посылокъ и лобликъ Эрдекъ для случайной тяжелой работы. Нашъ лагерь также посѣщали цѣлыя толпы лобликовъ, снабжавшихъ насъ подарками, всякими новостями и свѣдѣніями. Для ночной охраны у насъ было 5 собакъ, изъ которыхъ 2 гончія всегда спали у меня въ палаткѣ.

Бекъ Янги-куля собралъ людей и построилъ отличную хижину, крытую камышемъ и раздѣленную на двѣ большія комнаты. Если бы я остался зимовать въ Янги-кулѣ, то, конечно, построилъ бы удобный деревянный домъ, но при настоящемъ положеніи дѣлъ, хижина пришлась очень кстати, да и къ тому-же пользовалась нѣкоторой популярностью. Нашъ лагерь назывался Тура-салганъ-уй („домъ, построенный господиномъ“) и лоблики увѣряли, что это новое названіе останется навсегда на подобіе одного мѣста у Кунчекишъ-Тарима, называемаго „Урусь-салганъ-салъ“, или „русскій построилъ плотъ“, потому что Козловъ тамъ переправился черезъ рѣку на плоту.

Для лошадей мы построили конюшню, гдѣ кормушки замѣнялись длинными, узкими лодками лобликовъ. Купили коровъ и овецъ; въ серединѣ поселка была открытая площадь, гдѣ и днемъ и ночью горѣлъ огонь; ночные сторожа смѣнялись черезъ часъ и повѣрялись казаками. Все имѣло самый уютный и домашній видъ.

Съ перваго дня нашего прибытія я собиралъ свѣдѣнія о пустынѣ, лежащей на юго-западѣ, но знаніе жителей о тайнахъ, скрывающихся за глубокими песками, были очень скудны. Меня крайне удивлялъ тотъ ужасъ, съ которымъ народъ говорилъ о пустынѣ, обыкновенно называемой Кумъ, Гангъ-кумъ, или же Шахръ-и-Кеттекъ-кумъ—название сказочнаго города, который, говорятъ, въ ней погребенъ. На насъ смотрѣли-бы какъ на самоубійцъ, если бы мы пошли туда и предсказывали, что мы никогда не вернемся.

Изъ Тура-салганъ-уй на юго-западѣ былъ виденъ въ песчаныхъ наносахъ перерывъ. За нимъ, говорили, находился бассейнъ Башъ-куля, на берегу котораго расположена де-

ревня Янги-куль-уй, родина нѣкоторыхъ нашихъ поставщиковъ и новыхъ друзей. За озерами по направленію къ пустынѣ, говорили, тянулись открытыя углубленія, похожія на сухое дно озеръ, но происшедшія, по мнѣнію туземцевъ, отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, сметающихъ песокъ. Эти углубленія называются байирами. По преданіямъ, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, далеко на Ю.-В. жилъ языческій народъ подъ владычествомъ Атти-Кушъ-Падишаха; святые имамы отправились туда для распространенія Ислама, но такъ какъ народъ не хотѣлъ принять новое ученіе, то имамы послали на нихъ проклятія и мщеніе неба: въ теченіе нѣсколькихъ дней съ неба падалъ песокъ похоронившій и городъ и жителей.

Передъ тѣмъ, чтобы окончательно отправиться въ путешествіе, я рѣшилъ сдѣлать развѣдку, для чего созвалъ людей и далъ слѣдующій приказъ: верблюдовъ отправить на тотъ берегъ и приготовить необходимый провіантъ. Во время моего отсутствія, по даннымъ мною указаніямъ, перестроить мою хижину въ болѣе теплое жилище.

Вслѣдствіе того, что ледъ оказался для переправы верблюдовъ недостаточно крѣпкимъ, пришлось вырубить прорубъ поперекъ рѣки и переправлять ихъ по одиночкѣ на баркѣ. Вечеромъ изъ Тыккенлыка прибылъ мой старый другъ и пріятель Назеръ-бекъ, который, между прочимъ, сообщилъ, что какой-то русскій прибылъ въ Чархалыкъ изъ Дунгъ-хана (Са-чео) и черезъ недѣлю долженъ быть здѣсь; я почувствовалъ, что это долженъ былъ быть французскій путешественникъ Боненъ.

Далѣе онъ сообщилъ, что открытыя мною въ прошломъ путешествіи озера Авулла-куль, Кара-куль и др. сохранили ту же величину; что въ послѣднее время показывались въ сосѣдствѣ Ингъ-пена и Тыккенлыка дикіе верблюды. Далѣе онъ зналъ, что во времена его прадѣдовъ беки приходили изъ Турфана, чтобы брать дань—бобровые мѣха—у лобликовъ для китайцевъ. Эти беки ходили восточнѣ Баграшъ-куля, черезъ Куррукъ-тагъ, Кумъ-дарью и черезъ Илекъ у Турфанъ-кебрукъ и останавливались у Кара-куля. Бобры встрѣчаются въ Чивилыкъ-кулѣ и въ другихъ сосѣднихъ озерахъ, но въ Кара-кошунѣ ихъ нѣтъ. Это важно, такъ какъ

даетъ основаніе полагать, что сѣверныя озера не были соединены съ южными, которыя образовались сравнительно недавно.

Далѣе, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ холма у Тузунъ-чапгана видѣлъ на С.-В. облако, примѣрно на разстояніи дневного перехода, происшедшее по его мнѣнію отъ неизвѣстнаго озера къ сѣверу отъ Кара-кошуна. Онъ полагалъ, что Кумъ-дарья, сухое русло которой расположено у южнаго подножія Куррукъ-тага, раньше изливалась въ это озеро.

Я запомнилъ слова Назеръ-бека, которыя имѣли вліяніе на составленіе моихъ плановъ.

VII.

Рекогносцировки. Визитъ француза.

12 декабря, въ первый день нашей экскурсіи погода была скверная: съ Ю.-З. дулъ рѣзкій ледянящій вѣтеръ, и человекъ, выходившій на воздухъ, моментально коченѣлъ. Казаки въ шубахъ имѣли видъ изслѣдователей сѣвернаго полюса; кромѣ нихъ въ составъ каравана входили Файзуллахъ, Эрдекъ и охотникъ Паванъ Аксакалъ, 4 верблюда и собаки Машка и Тайгунъ. Мое снаряженіе было, по возможности, сокращено и состояло изъ маленькаго ящика съ необходимыми инструментами, фотографическаго аппарата „кодака“, бинокля, кухонныхъ принадлежностей и нѣсколькихъ одѣялъ и шубъ. Кромѣ того мы захватили запасъ льда, такъ какъ вода Башъ-куля сдѣлалась солона съ тѣхъ поръ, какъ 10 лѣтъ тому назадъ былъ заваленъ его каналъ. На правомъ берегу мы навьючили верблюдовъ и отправились къ деревнѣ Янги-куль и къ каналу Башъ-куля.

Деревня, состоявшая изъ 20 семействъ, находилась раньше у канала Янги-куля, но восемь лѣтъ тому назадъ 11 жителей умерли отъ оспы, а остальные переѣхали къ устьямъ Башъ-куля. Теперь даже единичный случай заболѣванія оспой является сигналомъ къ общему бѣгству.

Мы направились вдоль юго-восточнаго берега Башъ-куля. У береговъ озеро было покрыто льдомъ, середина же, вслѣдствіе соленой воды, не успѣла замерзнуть. Длина озера равнялась 20 километрамъ, ширина—лишь одному и изрѣдко доходить до двухъ; озеро имѣетъ направленіе съ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. Берега не доходятъ до подножія бархановъ; между

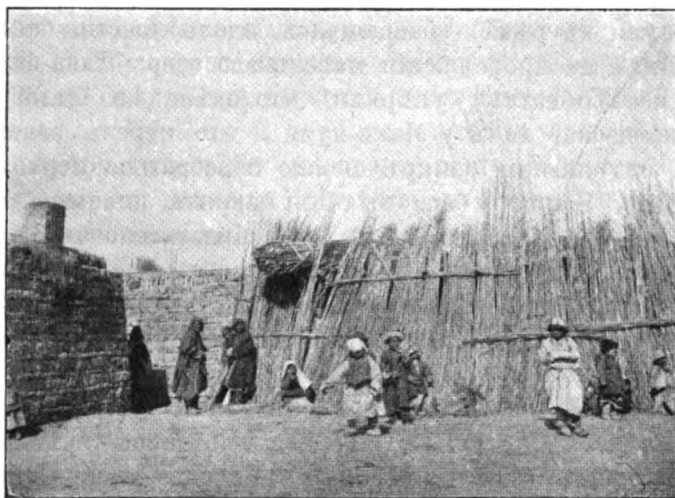
ними простирается слегка наклонная полоса, состоящая изъ песку и ила, которая лѣтомъ непроходима, но теперь крѣпко замерала. Если открыть каналъ, соединяющій озеро съ рѣкою, то воды въ озерѣ прибавилось бы на человѣческій ростъ и вся эта полоса залилась бы водой. Озеро окружено поясомъ густого, сочнаго камыша, а у подножія бархановъ растутъ тамариски. На восточномъ берегу склонъ бархановъ очень крутъ (около 33°), но на западномъ онъ имѣетъ ступеньчатую форму, что указываетъ на господствующій въ этой странѣ восточный вѣтеръ. Изъ животнаго міра здѣсь часто встрѣчаются зайцы; Сыркинъ убилъ нѣсколько куропатокъ; лѣтомъ въ камышахъ водятся и кабаны, но на зиму они переселяются къ Тариму.

Переночевавъ на южномъ берегу, мы взобрались на барханы, гдѣ растительность сразу прекращается и увидѣли на Ю.-З. байиръ или углубленіе, длиною въ одинъ километръ, шириною въ $\frac{1}{2}$ киломера съ сырой, неплодородной, соленой почвой въ серединѣ и съ рѣдкими кочками на краяхъ. Байиръ имѣлъ форму котла и, будучи ограниченъ со всѣхъ сторонъ громадными крутыми барханами, очень былъ похожъ на дно стараго озера, которое тщательно избѣгается летучимъ пескомъ. Къ Ю. и Ю.-З. простирается цѣлое море такихъ бархановъ, и легко было догадаться, что между ними прячутся многочисленные байиры; барханы около нихъ круты на обѣ стороны, причина чему,—перемѣнные вѣтры; но все же и здѣсь видно преобладаніе восточныхъ вѣтровъ.

Замѣтивъ, что Башъ-куль неблагопріятное мѣсто для начала экспедиціи поперекъ пустыни, я рѣшилъ разыскать другое, а пока вернуться домой вдоль озера Янги-куля. Въ то время, какъ караванъ отправился впередъ, Паванъ Аксакаль повелъ меня на барханъ, высотой въ 100 метровъ, откуда открылся обширный видъ: на юго-западномъ продолженіи Янги-куля видны были три громадныхъ байира, раздѣленныхъ между собою значительными массами песка.

Съ трудомъ мы повели верблюдовъ черезъ высокій хребетъ и спустились къ большому четырехъ-угольному байиру, ближайшему къ Янги-кулю. Дно его совершенно не имѣетъ песка и раздѣлено на концентрическіе поясы. У подножія бархановъ мягкая пыль, въ которой верблюды глубоко уто-

пали, затѣмъ слѣдуетъ поясъ, состоящій изъ болота, и наконецъ, поясъ, въ которомъ преобладаютъ бѣлые кристаллы соли. Нашъ байиръ отдѣленъ отъ озера песчанымъ мысомъ, высотой въ 30 метровъ, у основанія котораго просачивается прѣсная вода, которая, однако, собравшись на двѣ байира, дѣлается соленой. Въ озерѣ прѣсная вода глубиною не болѣе 5 сажень, она была отдѣлена отъ рѣки два года тому назадъ и должна была для пользы рыболовства оставаться въ такомъ положеніи еще семь, восемь лѣтъ. Маленькія полыньи на С.-В. указывали на присутствіе подводныхъ

Хижинъ въ нашемъ сосѣдствѣ.

ключей, но притокъ отъ нихъ не равняется убыли, что доказывается вогнутымъ загибомъ льда у береговъ.

Мы шли вдоль западнаго берега на С.-С.-В. Ниже озеро имѣетъ ту-же форму, величину и видъ, какъ Башъ-куль, и похоже на широкую рѣку. Мѣстами мы шли по льду, чистому и прозрачному, какъ зеркальное стекло, покрывавшему не менѣе прозрачную воду. На глубинѣ нѣсколькихъ сажень видны были мельчайшія подробности дна и большія рыбы съ черными спинами, которыя только послѣ усерднаго топота казаковъ лѣниво ползли къ большей глубинѣ. Пройдя каналы Янги-куля мы пошли по правому берегу Та-

рима до исходной точки экскурсіи, гдѣ перевозчикъ ждалъ насъ съ баркою. Исламъ-бай съ Парпи-баемъ встрѣтили насъ и доложили, что въ лагерьъ все обстояло благополучно.

15-го декабря я послалъ Чернова, Ислама и Эрдека верхами изслѣдовать Сейтъ-куль и посмотрѣть, насколько мѣстность на Ю.-В. удобна для исходной точки экспедиціи. Они исполняли приказаніе молодцами: бывши въ отсутствіи $1\frac{1}{2}$ дня, они вернулись, сдѣлавъ кроки пройденнаго пути. $2\frac{1}{2}$ часа они быстро ѣхали вдоль восточнаго берега Сейтъ-куля и потомъ столько-же на Ю.-Ю.-З. и пересѣкли три байира; потомъ въ теченіе часа ѣхала на востокъ и снова повернули къ рѣкѣ, возвращаясь вдоль шести байировъ, лежащихъ на продолженіи маленькаго озера Тана-баглады. Мои изслѣдователи увѣряли, что здѣсь не было видно столько песка, какъ у Янги-куля и что черезъ возвышенности, отдѣляющія байиръ, можно перебраться верхомъ на лошадяхъ. И теперь барханы были покрыты инеемъ и Эрдекъ полагалъ, что при недостаткѣ воды имъ можно было бы утолять жажду. По моему же мнѣнію иней долженъ былъ исчезать по мѣрѣ нашего удаленія въ пустыню. Результаты этой экскурсіи склонили меня къ рѣшенію избрать озеро Тана-баглады исходной точкой для нашей экспедиціи по пустынѣ.

Послѣ моего возвращенія съ развѣдки Таримъ въ нѣкоторой степени измѣнилъ свой видъ: теперь только одна треть его была открыта и плавучій ледъ уменьшился съ тѣхъ поръ, какъ большія, спокойныя мѣста рѣки замерзли. Прозрачность воды увеличилась до 19 сантиметровъ; уровень же воды въ теченіе недѣли понизился на 24 сент.

Въ Тура-салганъ-уй я провелъ еще нѣсколько пріятныхъ дней отдыха, устройвъ изъ хижины уютное жилище.

Но кто тотъ „урусъ тура“ (русскій господинъ), про котораго говорили, что онъ приближается къ нашимъ краямъ? Зная, что Шарль Боненъ отправился изъ Китая черезъ Са-чео, Лобъ и Урумчи, я полагалъ, что это долженъ быть онъ, а потому послалъ нарочнаго ему на встрѣчу, приглашая его къ себѣ. Я послалъ умышленно Парпи-бая, такъ какъ Бонену интересно было видѣть человѣка, который сопровождалъ принца Орлеанскаго и Бонвало по Тибету и былъ свидѣтелемъ убійства Дютрейль де Рена.

Парпи-бай вернулся 16-го вечеромъ съ отвѣтомъ, преисполненнымъ любезностью. Бонень, это былъ онъ, прибылъ въ Джанъ-кулисъ, въ 10 километрахъ отъ насъ, и я сейчасъ же отправился туда верхомъ; въ комнатѣ постоялаго двора я нашелъ знаменитаго путешественника, окруженного аннамитскими слугами.

Бонень нашелъ старый путь пильгримовъ черезъ Астынтагъ въ Тибетъ и старую дорогу ведущую изъ Са-чео къ тѣмъ краямъ, гдѣ раньше находился Лобъ-норъ; объ этомъ озерѣ онъ былъ одного со мною мнѣнія. Слѣдующій день мы провели пріятнѣйшимъ образомъ у меня, а 18-го утромъ мой гость продолжалъ свой путь на родину.

На 20 декабря было назначено выступленіе. Составъ каравана былъ слѣдующій: караванъ-баши Исламъ-бай, Турдубай, Эрдекъ и Курбанъ, 7 верблюдовъ, одна лошадь и двѣ собаки. Вспомогательный караванъ, состоящій изъ Парпібая, Файзуллаха, лоплыка Ходай-Верди и трехъ верблюдовъ долженъ былъ сопровождать насъ 4 дня, послѣ чего вернуться домой.

Метеорологическая станція осталась на баркѣ, и Сыркину, получившему нѣсколько уроковъ, было поручено завѣдываніе ею. Казаковъ, къ сожалѣнію, я долженъ былъ оставить для прикрытія лагеря, они жили въ своей палаткѣ, куда поставили печь. На расходы имъ было дано двѣ ямбы, и кромѣ того масса провизіи.

Наше снаряженіе было составлено весьма тщательно; нельзя было брать съ собою ничего лишняго, такъ какъ въ виду глубокаго песка ноши должны были быть легкими. Рису и муки мы взяли на 10 дней, хлѣба на двѣ недѣли и на столько же поджаренной пшеничной муки; кромѣ того нѣсколько жестянокъ съ консервами, чаю, сахару и т. п. Запасы были рассчитаны до Черчена.

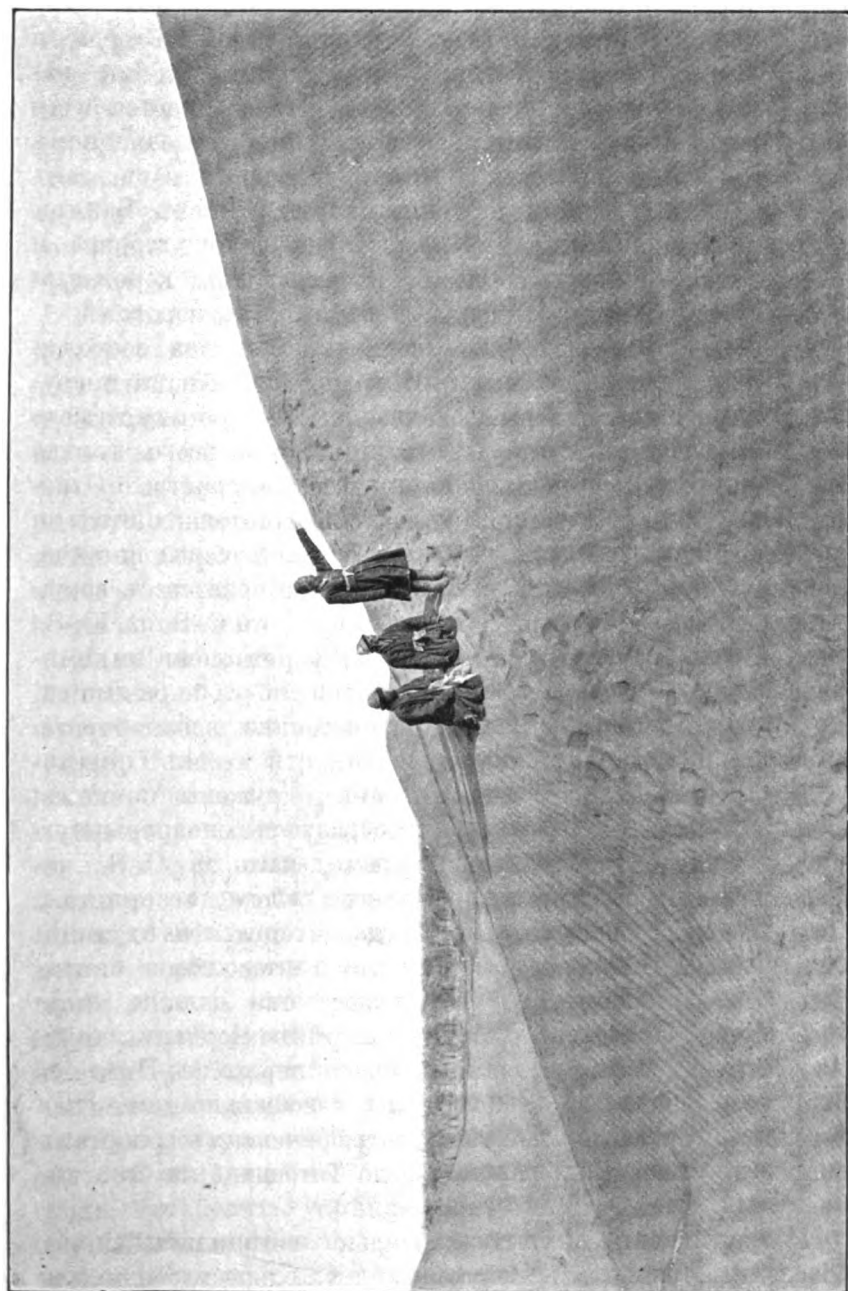
VIII.

По пустынь Такла-маканъ.

Несмотря на сильный штормъ, мы 20-го декабря тронулись въ путь. Верблюдовъ мы провели на тотъ берегъ по льду, посыпанному пескомъ, и тамъ ихъ навьючили; изъ нихъ одинъ несъ дрова, а три—ледъ. Всѣ путешественники были снабжены теплой одеждой и шубами.

Сначала мы пошли по Тариму и юговосточному берегу озера; у южнаго конца озера мы сдѣлали приваль, прорубили четыре проруби и напоили верблюдовъ въ послѣдній разъ на долгое время. И лошади и собаки и люди воспользовались случаемъ напиться досыта, такъ какъ мы не смотря на то, что захватили съ собою льду на 20 дней, должны были обращаться весьма осторожно съ запасами. Затѣмъ мы двинулись дальше, переправились черезъ барханы, тянущіеся вдоль южнаго берега озера, и расположились на ночь у замерзшей соленой лужи, въ сѣверо-восточной части которой росъ камышъ, гдѣ и паслись освобожденные отъ вьюковъ верблюды. Въ наиболѣе густой части камыша мы расчистили себѣ мѣсто и устроились хотя и подъ открытымъ небомъ, но зато защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ. Сухимъ камышемъ мы развели огонь, который экономно поддерживали щепками отъ перваго полѣна.

Буря продолжала свирѣпствовать и на слѣдующее утро. Направленіе нашего движенія вполне опредѣлялось тѣми своеобразными байирами, которые направлены одинъ за другимъ на Ю.-35°-З. Къ Ю.-З. отъ нашего мѣста начлега мы вошли черезъ низкій и удобный песчаный порогъ въ пер-

Граница песковъ у Янги-куля.

вый байиръ, въ началѣ котораго напли нѣсколько соленыхъ лужъ, окруженныхъ кристаллами соли. Второй и третій байиръ оказались нѣсколько меньшими, и мы начали бояться, что они прекратятся и намъ придется идти исключительно по пескамъ, какъ это было въ западномъ Такла-маканѣ; но четвертый байиръ успокоилъ насъ, такъ какъ оказался по величинѣ равнымъ первымъ тремъ. Байиры дно которыхъ, повидимому, лежить на одномъ уровнѣ и совершенно равные по величинѣ, раздѣлены короткими песчаными мысами, безъ крутыхъ неудобныхъ пороговъ.

Почва въ байирахъ рѣдко твердая; здѣсь она состояла изъ мельчайшей сырой пыли, въ которую верблюды погружались до 40 сантиметровъ; движеніе было поэтому тяжело и утомительно; въ 4 минуты мы проходили всего только 200 метровъ, что составляло въ 1 часъ 3 километра. Относительно формы всѣ байиры удивительно похожи одинъ на другой и видно, что они образованы одной общей физической силой; одинъ и тотъ же рельефъ повторяется съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Они вытянуты съ С.-В. на Ю.-З.; ширина ихъ около одного километра, форма очень напоминаетъ форму береговыхъ озеръ, только съ той разницей, что въ нихъ нѣтъ воды. Мы шли постоянно вдоль берега, такъ какъ тамъ почва самая твердая, гдѣ песокъ переходитъ въ пыль. Подобно озерамъ, они окружены пескомъ; барханы юго-восточнаго края образуютъ непрерывную крутую стѣну (около 33°), въ то время, какъ на С.-З. навѣтренная сторона бархана подымается отлого до вершины, у западнаго подножія которой всегда находится слѣдующій байиръ. Само собою разумѣется, что взятое нами направленіе было единственно возможное; оно должно было вести прямо на деревню Татранъ на рѣкѣ Черченъ-дарьѣ, ниже Черчена въ разстояніи дневнаго перехода. Ити съ востока на западъ въ этой пустынѣ невозможно даже для пѣшехода. Согласно моимъ топографическимъ работамъ прошлаго путешествія, разстояніе до Татранъ было 285 километровъ.

На третій день байиры значительно измѣнились. Почва постепенно становилась тверже, слѣдовательно удобнѣе для верблюдовъ, суше и богаче пескомъ. Далѣе появилась на

„берегахъ“ глина въ формѣ терассъ, вышиною не болѣе $1\frac{1}{2}$ метровъ, или же только въ видѣ пластовъ въ пескѣ; эти формы происходятъ или отъ дѣйствія вѣтра или, если не отъ вѣтра, то отъ воды; онѣ походятъ на древнія береговья линіи озеръ или рѣкъ. За предположеніе, что байиры старыя озера, говорятъ ихъ форма и концентрическіе пояса терассъ соленой пыли и соли; тотъ же видъ привяли бы теперешнія береговья озера Янги-куль, Башъ-куль, Тана-баглады и т. д., если бы онѣ высохли.

Тѣмъ не менѣе я болѣе склоненъ думать, что мы шли по дну громаднѣйшаго высохшаго озера, основываясь на орографіи таримскаго бассейна, на направленіи теченія Тарима и Черченъ-дарьи и на расположеніи цѣпей байировъ, ибо, какъ мы потомъ нашли, каждая отдѣльная цѣпь байировъ образуетъ дугу съ центромъ, расположеннымъ между старымъ Лобъ-норскимъ озеромъ и Кара-кошуномъ, гдѣ находится наинизшая точка бассейна рѣки Таримы. Но это слишкомъ сложный вопросъ, который я разберу въ болѣе научномъ сочиненіи.

У мѣста третьяго ночлега мы выкопали колодезь, который уже на глубинѣ 1,2 метра далъ намъ въ обильномъ количествѣ горько-соленую воду, имѣвшую температуру $+4.8^{\circ}$. Отсюда я утромъ послалъ назадъ Парпи-бая, который жаловался на нездоровье, Файзуллаха и Ходай-Верди съ тремя запасными верблюдами. На дорогу я далъ имъ нѣсколько кусковъ льду, хлѣба и одно полѣно; это, правда, немного, но они должны были пройти до Сейтъ-куля, ближайшаго мѣста съ водой, въ два перехода. Оставшіеся у насъ 7 верблюдовъ получили болѣе тяжелые вьюки, которые, однако, облегчались съ каждымъ днемъ; до тѣхъ поръ, пока провіантъ не уменьшился въ достаточной мѣрѣ, никому не разрѣшалось ѣхать верхомъ.

Четырнадцатый байиръ представлялъ собою небольшую плоскую поверхность, за то пятнадцатый былъ довольно великъ, и въ дальнемъ концѣ имѣлъ терассы, похожія на стѣны китайскихъ укрѣпленій. Но на Ю.-З. онъ закрывался громаднымъ песчанымъ валомъ, на который мы и поднялись; верблюды употребляли громадныя усилія, чтобы преодолѣть это безконечное количество песчаныхъ подъемовъ.

Я шелъ все время пѣшкомъ впереди, ожидая рождественскаго подарка—громадной плоскости; но путь шелъ все вверхъ; тогда я понялъ, что попалъ на наивысшую точку между двумя байирами, и съ ужасомъ я увидѣлъ съ высоты 60 метровъ у себя подъ ногами зіяющій 16-й байиръ. Обождая караванъ, я спустился, и пройдя въ этотъ день 15¹/₂ километровъ, мы расположились на ночлегъ. Никогда я не проводилъ канунъ Рождества Христова въ столь грустной обстановкѣ.

У седьмого ночлега я могъ успокоить людей извѣстіемъ,

Нашъ караванъ въ пескахъ.

что мы прошли на два километра больше половины расстоянія до стараго русла Черченъ-дарьи, о существованіи котораго русскій путешественникъ Роборовскій слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; по его картѣ это старое русло находится на 65 километровъ сѣвернѣе настоящаго русла Черченъ-дарьи. У насъ оставалось еще 2¹/₂ вьюка льда, что было вполне достаточно, но мы опасались, что израсходуется топливо, и тогда мы лишились бы возможности растоплять ледъ.

Ночью на 27-е декабря температура пала до—20° и, при чудномъ, ясномъ восходѣ солнца, она повысилась

лишь до—18. Выпивъ чаю и одѣвшись потеплѣе, я отправился пѣшкомъ впередъ; пройдя безконечное число гребней, я, наконецъ, достигъ наивысшей точки порога, гдѣ отдохнулъ и обозрѣлъ мѣстность при помощи бинокля. Вдали по направленію нашего пути я увидѣлъ байиръ съ какимъ то страннымъ дномъ, покрытымъ черными точками. Съ любопытствомъ я спустился въ байиръ и мое удивленіе увеличилось, когда я нашелъ принесенныя вѣтромъ листья камыша и слѣды грызуна, величиною съ мыши. Пройдя нѣсколько дальше я, къ великой моей радости, нашелъ сперва рѣдкій высохшій камышъ, а затѣмъ и живой желтый, который сразу не былъ замѣтенъ изъ за желтыхъ, невысокихъ бархановъ, пересѣкающихъ байиръ поперекъ. При видѣ камышей мои люди обрадовались, какъ будто бы увидѣли рай, а верблюды раздували ноздри, чуя пастбище. Но такъ какъ мы полагали, что слѣдующій байиръ еще лучше, то отправили Ислама впередъ на развѣдку, сами же медленно шли за нимъ, при чемъ верблюды попутно паслись. По знаку Ислама мы отправились дальше и заночевали въ серединѣ 31-го байира, который однако оказался не лучше предыдущаго.

Странно было найти среди пустыни растительность въ разстояніи 120—140 километровъ отъ ближайшаго мѣсто-нахожденія воды. Эта растительность не могла находиться въ сферѣ вліянія Тарима, это ясно, такъ какъ мы были отдѣлены отъ этой рѣки глубочайшими песками и очень соленой почвой; и до Черченъ-дарьи у насъ оставалось еще 150 километровъ. Быть можетъ, что мы находились въ мѣстности, гдѣ раньше протекала рѣка Кара-муранъ. Какъ бы то ни было, мы чувствовали себя ожившими и съ надеждою стали смотрѣть на ближайшее будущее.

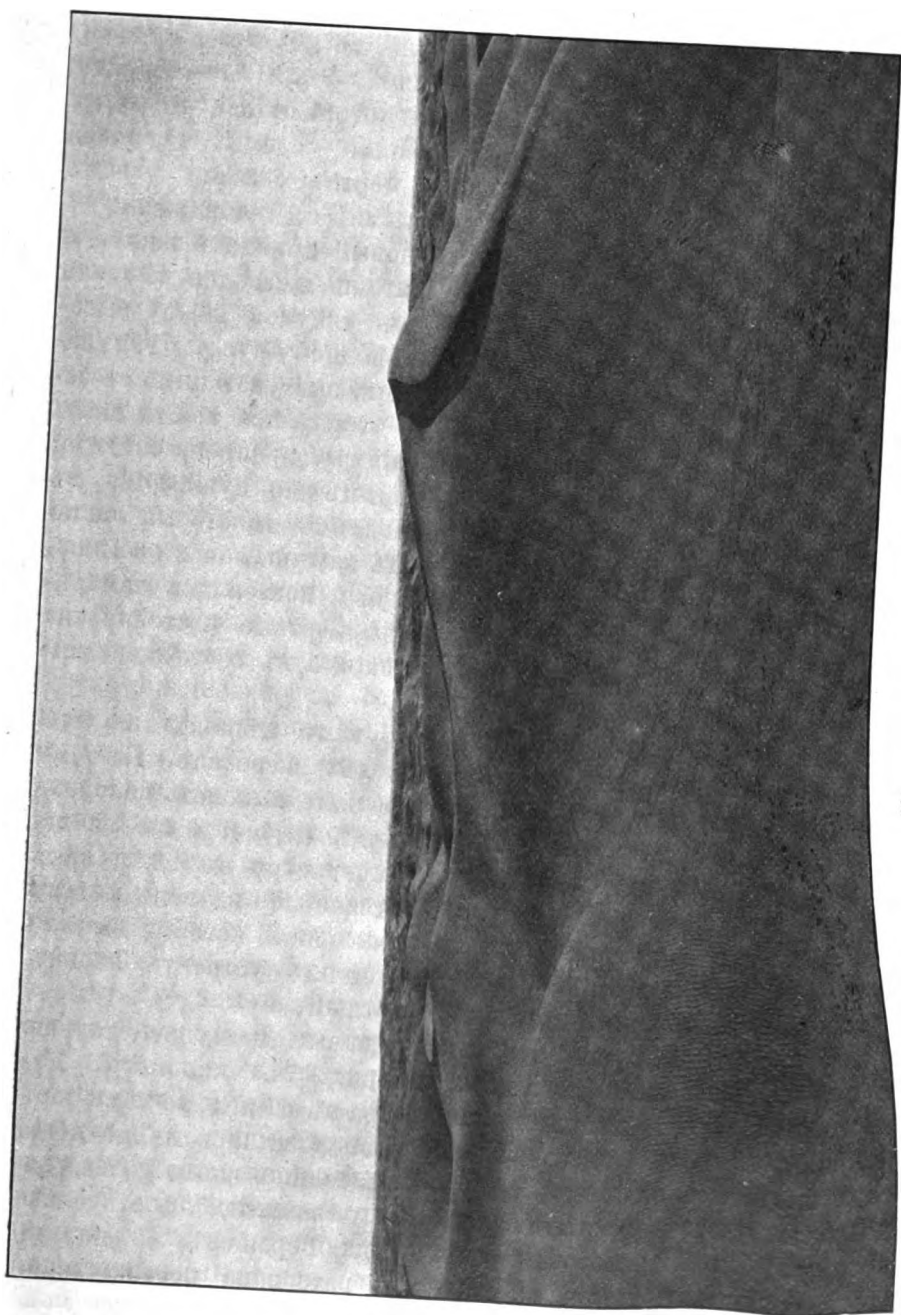
IX.

Безконечная пустыня.

Непріятная погода между тѣмъ все не унималась. Небо постоянно было покрыто тяжелыми сѣрыми тучами, не дававшими ни малѣйшей возможности опредѣлить, гдѣ солнце и непрерывный восточный вѣтеръ подымалъ густую пыль; однимъ словомъ, мы попали въ страну постоянного мрака. Непрозрачный воздухъ въ высшей степени затруднялъ опредѣленіе разстояній; спустившись, наприм., въ байиръ, намъ казалось, что онъ чрезвычайно длиненъ, такъ какъ его противоположный конецъ исчезалъ какъ бы въ дали, но къ несчастью намъ часто приходилось въ этомъ разочаровываться.

Въ 33-мъ байирѣ я проѣхалъ впередъ, заинтересовавшись темнымъ предметомъ, возвышающимся надъ завядшимъ камышемъ. Камышъ имѣлъ вышину всего только нѣсколькихъ дециметровъ и обгрызанный видъ; оказалось, что онъ завялъ, такъ какъ корни его не доходили до грунтовой воды. Темный предметъ оказался первымъ тамарискомъ; онъ былъ еще живъ, но кругомъ лежали сухіе сучья—весьма цѣнная находка, пополнившая нашу скудный запасъ топлива.

Проѣхавъ цѣлый часъ я все еще не видѣлъ конца этого удобнаго байира. Тамарисковъ больше не было видно. Поэтому я остановился у мѣста, гдѣ камышъ росъ погуще и до нѣкоторой степени защищалъ отъ вѣтра, привязалъ лошадей и разложилъ маленькій костеръ. Караванъ пришелъ только съ наступленіемъ темноты. Здѣсь случилось непріятное происшествіе: одинъ изъ верблюдовъ—чудный жере-

Беззвонечная пустыня.

бецъ, купленный въ Кашгарѣ, болѣлъ уже четыре дня и ничего не ѣлъ съ Тана-баглады-куль; не доходя одного километра до ночлега мои люди должны были его бросить. Послѣ ужина Исламъ и Турду-бай отправились за нимъ съ фонаремъ и съ мѣшкомъ рубленной соломы, но, когда они пришли, верблюды уже были мертвы; снявши утромъ съ него сѣдло, мы отправились дальше съ напряженнымъ вниманіемъ высматривая каждый новый признакъ жизни и воды. Такихъ признаковъ было достаточно и сегодня. Я ѣхалъ впереди по длинному байиру, который тянулся между высокими песчаными валами подобно высохшему руслу рѣки; изрѣдко горизонтъ закрывался низкими, выступающими съ боковъ гребнями, но за ними опять открывался новый видъ.

Земля была по всѣмъ направленіямъ испещрена слѣдами зайцевъ, которые, повидимому, совсѣмъ не нуждаются въ водѣ, и также лисицъ. Далѣе появились нѣкоторыя сильныя растенія, кочки и „чигге“—родъ камыша, очень обыкновеннаго у Лобъ-нора. Наконецъ снова показались тамариски, частью свѣжіе и гибкіе, частью мертвые и стоящіе на характерныхъ бугоркахъ, заключающихъ въ себѣ давно высохшіе ихъ корни.

Этотъ байиръ однако кончился, какъ мѣшокъ: на югѣ подымался довольно высокій песчаный перевалъ. Поэтому я рѣшилъ остаться здѣсь и попробовать выкопать колодезь въ низшей части байира. На глубинѣ 1,30 метра стояла вода, почти прѣсная и имѣющая температуру въ $+8.2^{\circ}$; такъ какъ она просачивалась очень медленно, то къ вечеру намъ удалось напоить только двухъ верблюдовъ, которые выпили по 6 ведеръ каждый. Здѣсь я рѣшилъ устроить дневку, весьма нужную и людямъ и животнымъ.

Послѣ дневки мы съ новыми силами двинулись дальше и на первый день послѣ нея прошли 24,3 километра. Такимъ образомъ мы шли изъ байира въ байиръ, до тѣхъ поръ пока наканунѣ новаго года не расположились на ночлегъ, спустившись въ 38-ой байиръ. Вотъ солнце зашло въ послѣдній разъ въ это столѣтіе, что было замѣтно лишь только потому, что пасмурный свѣтъ дня перешелъ въ ночную тьму, которая должна была быть разогнана первою зарею 20-го столѣтія.

Но если первый день новаго года, а тѣмъ паче новаго столѣтія, содержитъ въ себѣ предсказаніе будущаго, то 1-ое января 1900 года имѣло для насъ весьма зловѣщій видъ. Небо было одѣто въ темное траурное одѣяніе, а зари не было видно совсѣмъ. Тѣмъ не менѣе температура къ 7 часамъ утра поднялась до—15°. Единственное ободряющее обстоятельство было то, что нашъ байиръ казался безконечнымъ. Мои люди уже думали, что это начало степей, растилающихся по берегу Черченъ-дарьи. Однако растительность стала бѣднѣть, и только кой-гдѣ мы видѣли кочку или тамарискъ. У конца байира мы взошли на низкій пороги въ надеждѣ, что онъ узокъ; но мы ошиблись: онъ оказался шире всѣхъ предыдущихъ, становился все выше и постепенно переходилъ въ лабиринтъ значительныхъ бархановъ.

Тщетно мы всматривались съ вершинъ бархановъ въ горизонтъ, желая открыть слѣдующій байиръ,—область байировъ кончилась. До сихъ поръ все было хорошо, но теперь насъ можно было сравнить съ кораблями, которые изъ открытаго моря попали въ плавучій ледъ или морскія водоросли. Песчанья волны доходили до высоты домовъ, и наше передвиженіе впередъ сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Мы медленно подымались и спускались по крутымъ барханамъ, гдѣ то одинъ, то другой верблюдъ спотыкался, падалъ и нуждался въ перевьючиваніи. Растительность почти совершенно прекратилась:

Проснувшись 2-го января я увидѣлъ совершенно зимній ландшафтъ; выпалъ маленькій снѣжокъ, земля была совершенно бѣлая и барханы, покрытые снѣгомъ, казались громадными снѣжными заносами. Раньше мнѣ не приходилось видѣть барханы въ такомъ необыкновенномъ одѣяніи, которое придавало имъ еще болѣе мертвый видъ. Къ полдню тонкій слой снѣга сталъ уменьшаться и наконецъ онъ совершенно исчезъ.

Песокъ все болѣе и болѣе затруднялъ наше движеніе и облегчающихъ нашъ путь байировъ не было видно. Крутые подвѣтренные склоны были обращены на Ю. и на З., указывая на двѣ системы бархановъ, образующихъ сѣтчатый рисунокъ; байиры были давно занесены пескомъ. Очевидно здѣсь господствовали менѣе постоянные вѣтры, нежели въ сѣверной части пустыни.

Въ 4 часа опять началъ падать снѣгъ, но теперь уже какъ слѣдуетъ: сдѣлалась настоящая метель при Ю.-Ю.-З. вѣтрѣ и черезъ полчаса мы шли по совершенно зимнему ландшафту. Наступающая темнота заставила насъ подумать о ночлегѣ и, въ виду сильнаго утомленія верблюдовъ, мы рѣшились на дневку.

7-го января утромъ при весьма прозрачномъ воздухѣ я въ первый разъ замѣтилъ горную цѣпь Кюэнь-Лунь, носящую названіе Токкусъ-даванъ. Далѣе я съ вершины бархана сдѣлалъ пріятное открытіе: изслѣдуя при помощи бинокля южный горизонтъ, я замѣтилъ на снѣгу нѣчто похожее на черные пни; эти предметы не могли быть ни чѣмъ инымъ, какъ только остатками бывшаго лѣса. Хотя это мѣсто не лежало на пути нашего слѣдованія, а находилось на Ю.-В., тѣмъ не менѣе мы отправились туда и вечеромъ разбили лагерь среди массы высохшихъ тополей. Мои люди живо сгребли снѣгъ, взяли за топоры, и вскорѣ запылали костры.

Снявшись съ ночлега утромъ 8-го января, я увѣрилъ людей, что слѣдующую ночь они проведутъ на берегу, Черченъ-дарьи. Поднявшись на высокій барханъ, мы на Ю.-В. замѣтили первые слѣды столь желанной цѣли,—а именно темную линію на горизонтѣ, рѣзко отдѣлявшуюся отъ бѣлаго снѣга. Это долженъ былъ быть лѣсъ на берегу Черченъ-дарьи. Черезъ часъ мы уже дошли до весьма рѣзко очерченной границы тамарисковъ; песокъ кончился сразу. Потомъ мы вошли въ настоящій лабиринтъ тамарисковъ, черезъ который мы пробирались по узкимъ ходамъ съ безчисленными поворотами. Люди хотѣли остановиться въ рошѣ старыхъ тополей, но я обѣщалъ имъ, что мы скоро будемъ у самой рѣки. И дѣйствительно, черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы дошли до дороги ведущей изъ Лоба въ Черченъ; на снѣгу по дорогѣ видны были свѣжіе слѣды коровъ и овецъ. По этой дорогѣ мы дошли до рѣки и расположились на маленькомъ бугоркѣ съ порядочнымъ кругозоромъ на покрытую льдомъ Черченъ-дарью, русло которой на всю ширину (100 метровъ) было покрыто льдомъ и снѣгомъ. Верблюды и лошади сразу ушли въ камыши.

То мѣсто на рѣкѣ, куда мы попали, находится, согласно моей прежней картѣ (Petermanns Mitteilungen Erg. Heft

№ 131), въ разстояніи 285 километровъ отъ той точки, гдѣ мы оставили Таримъ у Тана-баглады. На основаніи теперь же сдѣланныхъ измѣреній это разстояніе составляло 284,6 километра. Въ такихъ мѣстахъ большей точности нельзя требовать.

Мнѣ удалось, слѣдовательно, пересѣчь большую широкую пустыню Черчена потерявъ всего одного верблюда и не переутомивъ остальныхъ, которые всѣ еще были въ отличномъ состояніи. Самые глубокіе пески были на сѣверѣ, самые тяжелыя на югѣ. Благополучный исходъ экспедиціи былъ основанъ на неожиданномъ появленіи байировъ, простиравшихся на $\frac{2}{3}$ нашего пути, воды, топлива и камыша въ соленой пустынѣ. Въ старомъ изданіи карты русскаго Генеральнаго штаба я нашелъ дорогу, пересѣкающую пустыню отъ Татравъ до рѣки Торима нѣсколько западнѣе Карула. Последнее обстоятельство, которое, конечно, обосновано на чемъ нибудь, впервые навело меня на мысль совершить это длинное и опасное путешествіе, и я теперь нахожу не невѣроятнымъ существованіе такой дороги въ былыя времена.

Во время дневки Эрдеку удалось найти пастуха, который продалъ овцу и далъ намъ нѣкоторыя поясненія Мѣсто гдѣ мы находились, называется Кенгъ-лайка или „широкая полоса наводненій“. Рѣка, по его рассказамъ покрылась льдомъ 20 дней тому назадъ и должна была остаться въ такомъ видѣ еще $2\frac{1}{2}$ мѣсяца. Черченъ-дарья замерзаетъ, значить, гораздо позднѣе Тарима, но уголъ паденія перваго больше и широта южнѣе.

10-го и 11-го января мы шли по хорошо знакомой дорогѣ въ Черченъ, гдѣ насъ радушно принялъ мой старый другъ изъ Капа Моллахъ-Токтаметъ Бекъ, который отдалъ свой домъ въ наше распоряженіе. Населеніе Черчена теперь возросло до 500 семействъ, и среди нихъ мы отдыхали съ 12-го по 15-е января, при чемъ я собиралъ свѣдѣнія объ окружающей мѣстности. Постоянно до насъ доходили слухи о засыпанныхъ въ пустынѣ городахъ и кладахъ. Особенно много говорили о древнемъ городѣ на нижнемъ Андере-теремъ, на 170 километровъ западнѣе Черчена. Но сколько я ни старался, я не могъ добиться достовѣрныхъ свѣдѣній.

Несмотря на всѣ фантастическія рассказы я рѣшился

на экскурсію туда, тѣмъ болѣе, что мѣстность между Черченомъ и Андере для меня была совершенно незнакома. Бекъ назначилъ мнѣ проводника, а изъ числа своихъ людей я захватилъ съ собою троихъ. Наканунѣ выступленія я получилъ почту, привезенную мнѣ Музою, моимъ переводчикомъ въ Хотанѣ въ 1896 году, такъ что мы утромъ 16-го января отправились въ бодромъ и веселомъ на-

Навьюченный верблюдъ.

строеніи духа по „астинъ-елчъ“ или по нижней дорогѣ въ Нія. Той же дорогой шель и Роборовскій, участвовавшій въ экспедиціяхъ генерала Пѣвцова въ 1889 году; это былъ, кажется, первый случай, что я шель по дорогѣ, уже извѣстной другому путешественнику.

При сильныхъ морозахъ мы ѣхали изо дня въ день черезъ Калласте, Янтакъ - кудакъ, Османъ-Бай-кудукъ до высохшаго русла рѣки Кара-муранъ, гдѣ

даже не было ни куска льда. Она врѣзалась на 1—2 метра въ глинистую почву и имѣла ширину отъ 70 до 100 метровъ. Какъ говорятъ, въ ней лѣтомъ протекаетъ довольно много воды, въ зависимости отъ выпадающихъ въ горахъ дождей. Почва состоитъ изъ желтой глины, расположенной въ горизонтальныхъ пластахъ различной твердости. Въ Шудангѣ мы отдохнули одинъ день и, свернувши съ большой дороги, 22-го января вечеромъ прибыли къ назначенному мѣсту, гдѣ мы и расположились на ночлегъ.

На слѣдующій день мы занялись изслѣдованіемъ „конашаръ“ или стараго города. Довольно массивная глиняная стѣна выглядывала изъ подъ снѣга и нѣсколько кучъ и валовъ указывали на мѣсторасположеніе прежнихъ домовъ. Далѣе мы нашли слѣды канала, который, повидимому, когда-то велъ отсюда въ ближайшую рѣчку „Бостанъ-тогракъ“. Лучше всего сохранилась башня, вышиною въ 10,6 метра, имѣющая 24,2 метра въ окружности, съ отверстіемъ или окномъ, куда нельзя было попасть безъ лѣстницы; башня не имѣла внутреннихъ помѣщеній. На Ю.-В. видны были еще двѣ башни, всѣ онѣ лежали на одной линіи и, вѣроятно, обозначали старую дорогу. Красные и черные обломки обожженного кирпича валялись повсюду, но слѣдовъ надписей или орнаментовъ не было видно; къ сожалѣнію разслѣдованія крайне затруднялись глубокимъ снѣгомъ.

Вечеромъ мы продолжали путь до рѣчки Бостанъ-тогракъ, гдѣ на рѣзко очерченныхъ берегахъ узкими полосами растутъ камышъ и тополи. Рѣка врѣзалась въ почву на глубину, достигающую 8 метровъ, и самое русло ея имѣетъ въ ширину 141 метръ; теперь рѣка была покрыта толстымъ слоемъ льда. Съ Бостанъ-тограка мы поѣхали въ Андере и Баба-куль, откуда вернулись въ Черченъ.

Результаты этой маленькой экспедиціи оказались менѣе богатыми, нежели я ожидалъ, и не стоящими тѣхъ 13-ти дней, которыми я пожертвовалъ на нее. Тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ нѣсколько важныхъ географическихъ наблюдений, особенно надъ распространеніемъ песка и растительности, надъ величиною и направленіемъ ручья, которое оказалось нѣсколько восточнѣе, чѣмъ показано на картѣ Роборовскаго; это зависитъ отъ незначительнаго паденія рѣчной системы Тарима.

Х.

Между забытыми могилами и высохшими рѣками.

30-го января мы, при отвратительнѣйшей погодѣ и сильной вьюгѣ, покинули Черченъ въ составѣ 6 верблюдовъ и 5 лошадей. Личный составъ увеличился однимъ человѣкомъ: я нанялъ проводника, сопровождавшаго меня къ развалинамъ; имя его было Моллахъ-шахъ и онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Литледэля по Тибету.

Теперь я собирался возможно точнѣе опредѣлить мѣсто стараго русла Черченъ-дарьи, которое, по свѣдѣніямъ даннымъ Роборовскимъ, никогда однако не выдавшимъ его, должно находится около 65 километровъ сѣвернѣе настоящаго его положенія. Эта задача входила въ составленную заранѣе программу экспедиціи. Уже послѣ оказалось, что свѣдѣнія, полученныя Роборовскимъ отъ туземцевъ, были часто неправильны и нуждались въ поправкахъ и дополненіяхъ.

Чтобы нанять проводниковъ, мы переждали одинъ день въ Кенгъ-лайка. Мѣстные пастухи сейчасъ-же сообщили намъ довольно неожиданное извѣстіе, а именно, что сѣверная долина изъ двухъ, видѣнныхъ нами въ пустынь, уже въ Су-эсгенъ, или въ однодневномъ переходѣ внизъ по рѣкѣ, соединяется съ этою послѣднею. Ниже этого мѣста соединія на сѣверѣ нѣтъ стараго русла, а только глубокіе пески; что-же скрывалось въ нихъ, они не знали.

У маленькой соленой лужи, Шоръ-куль, мы 2-го февраля оставили Черченъ-дарью и по высохшему лѣсу и степи, поросшей тамарисками, направились къ Чонгъ-шипангъ, т. е. къ дальнему старому руслу. Оно весьма ясно очерчено, почти одной ширины съ настоящей рѣкой, мало извиристо

и имѣть высокіе, ясно выступающіе береговые валы или параллельныя вымывныя террасы съ тамарисками и рѣдкими тополями; тѣ и другіе были и живые и высохшіе. Къ сѣверу простирается необозримое песчаное море. На правомъ берегу мы нашли нѣсколько занесенныхъ пескомъ пастушьихъ хижинъ. Нѣсколько ниже русло дѣлится на два, изъ которыхъ правое возвращается въ Черченъ-дарью, а лѣвое направляется на В.-С.-В. Въ послѣднемъ еще хорошо сохранились остатки двухъ плотинъ, построенныхъ изъ кольевъ и хвороста; при посредствѣ этихъ плотинъ хотѣли заставить рѣку свернуть направо, что однако въ этомъ мѣстѣ не удалось. Этотъ рукавъ постепенно повелъ насъ назадъ къ Черченъ-дарьѣ въ Су-эссгенъ.

Удоставившись, что къ сѣверу отъ рѣки нѣтъ стараго русла, я предпочелъ итти по правому берегу, гдѣ нѣтъ дороги. Здѣсь я, однако, нашелъ старое русло, или „кона-дарья“, показывающее, что Черченъ-дарья не всегда перемѣщается вправо, измѣняя свое положеніе. Никогда я не видѣлъ такихъ громадныхъ тополей, какъ здѣсь; высота не велика — всего только 6 или 7 метровъ, зато окружность у поверхности земли двухъ тограковъ, измѣренныхъ нами, достигала 4,75 и 6,30 метра. Существованіе такихъ деревьевъ доказываетъ, что рѣка здѣсь протекала сотни лѣтъ. Туземцы увѣряютъ, что тогракъ растетъ 1000 лѣтъ, стоитъ высохшимъ 1000 лѣтъ, потомъ онъ падаетъ и только еще черезъ 1000 лѣтъ исчезаетъ съ лица земли.

Мы переночевали около нѣсколькихъ могилъ, о которыхъ проводники рассказывали намъ; на слѣдующій день, 4-го февраля, мы осмотрѣли ихъ подробно. Три года тому назадъ пастухи раскопали ихъ, конечно, въ той надеждѣ, что найдутъ золото и драгоценности. Три гроба стояли у тамариска, подъ которымъ они когда-то были зарыты. Два трупа — пожилого мужчины и женщины среднихъ лѣтъ, отлично сохранились. Кожа прилегалa къ самому скелету и была тверда какъ пергаментъ. Особенно интересенъ былъ трупъ женщины: совершенно неповрежденные волосы были связаны красной тесемкой на затылкѣ и были рыжеватаго цвѣта, что рѣдко бываетъ у туземцевъ, женщины которыхъ къ тому же носятъ косы. Черепъ имѣлъ индоевропейскую форму, высокое темя,

прямые глаза, мало выдающіяся скуловыя кости, узкій орлиный носъ съ почти параллельными ноздрями. Было очевидно, что то не была ни китаянка, ни монголка. Къ этому надо прибавить, что ея одѣжда не была азіатская: она была похожа на рубашку изъ грубаго полотна съ узкими рукавами и съ расширяющейся къ низу юбки. Азіатскія женщины носятъ широкіе рукава и штаны, но не юбки, которыя мѣшали бы при верховой ѣздѣ. Какъ у нея, такъ и у мужчинъ на лбу была узкая повязка, которая почти совершенно сгнила. На ногахъ у нея были красныя чулки. У обоихъ труповъ ногти были обрѣзаны и не выдавались, какъ у китайцевъ. Платье мужчины сохранилось плохо. Бѣлые волосы его не были ни частью сбиты, какъ у китайцевъ, ни сплетены въ косу. Въ гробу у него лежала простая деревянная гребенка.

Гробы представляли собою сколоченные изъ 6 тополевыхъ досокъ ящики съ параллельными боками и были одинаковой высоты и ширины и нѣсколько длиннѣе труповъ. Въ непосредственной близости стояла старая сплетенная изъ хвоста хижина.

Всѣ признаки, повидимому, указывали на то, что это были русскіе, и мнѣ пришло въ голову, что это могли быть раскольники, которые въ 1820-хъ годахъ бѣжали изъ Сибири къ Лобъ-нору, и о дальнѣйшей участи которыхъ ничего не было извѣстно. Среди теперешнихъ жителей Восточнаго Туркестана часто встрѣчаются типы, которые смѣшеніемъ съ арійской кровью потеряли большую часть примѣтъ монгольской расы; найденные трупы не могли быть также и магометанскіе, такъ какъ магометанъ не хоронятъ въ гробахъ. Пастухи увѣряли, что нѣкоторые другіе бугры подъ тамарисками тоже содержатъ могилы, но не могли указать намъ, какіе именно. Можетъ быть когда-то цѣлое общество раскольниковъ нашло себѣ здѣсь пристанище. Къ сожалѣнію на гробахъ небыло никакихъ надписей.

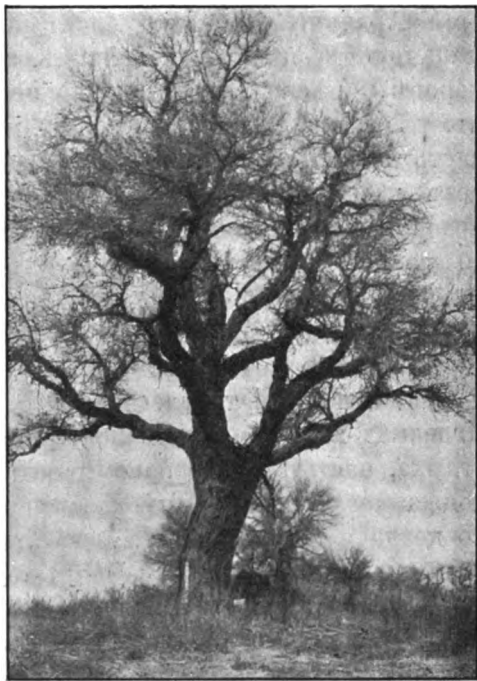
Оставивъ эти таинственныя могилы, мы пошли дальше по правому берегу, часто пересѣкая слѣды дикихъ кабановъ, ланей, козулей и разъ даже большого тигра. Около Акилекъ-ленгеръ мы перешли на лѣвый берегъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходило главное теченіе, мы слышали трескъ льда и побаивались, какъ бы онъ не провалился подъ тя-

жестью верблюдовъ. Отсюда караванъ отправился прямо въ Бугулуку на Черченъ-дарьѣ, я же съ двумя спутниками поѣхалъ по старому руслу, которое беретъ свое начало у Акъ-илека и проходить на нѣсколько километровъ сѣвернѣе настоящей рѣки. Растительность вдоль стараго русла всюду богата. Поравнявшись съ Бугулукомъ мы оставили русло по лѣвой рукѣ и присоединились къ каравану, который уже разбилъ лагерь у мѣста пересѣченія рѣки съ дорогою, ведущей изъ Чархалыка въ Черченъ. Въ 1896 году я посѣтилъ это мѣсто и здѣсь мы остановились на одинъ день.

Къ сожалѣнію, наши проводники были незнакомы съ дальнѣйшей дорогою и поэтому мы 8-го февраля отправились безъ нихъ дальше по лѣвому берегу нижней Черченъ-дарьи, отчасти для того, чтобы не идти одной дорогою съ Роборовскимъ, отчасти, чтобы узнать, соединяются или отдѣляются на этомъ протяжении старыя русла.

Такимъ образомъ, мы шли по однообразной, скучной суши и по кочкамъ вдоль границы песчанаго моря, приблизительно въ разстояніи километра отъ глубокихъ песковъ. Въ одномъ мѣстѣ пески доходили до самой рѣки, около которой возвышались барханы до 10 метровъ высоты.

10-го февраля температура поднялась къ часу дня до 2,2° при первой весенней сѣверо-восточной бурѣ — предвѣстницѣ тѣхъ страшныхъ бурь, которыми характеризуется весна въ Лобѣ. Идя на С.-В., мы нашли ясно очер-

Тополь на нижнемъ Таримѣ.

ченное высохшее русло, проходившей раньше здѣсь рѣки. Ширина его была 32 метра и глубина $6\frac{1}{2}$. Слѣдовательно, форма его рѣзко отличается отъ формы настоящей рѣки, которая мелка и почти въ пять разъ шире; это, вѣроятно, зависить отъ того, что новая рѣка еще не успѣла вырыть себѣ русло. На берегахъ стоялъ густой, но уже мертвый, тополевыи лѣсъ. Начиная отъ этого бывшаго русла на берегахъ Черченъ-дарьи лѣсъ прекращается.

У Аральчи мы наткнулись на сатму и людей: двухъ мальчиковъ и двухъ женщинъ, стерегущихъ 600 овецъ, 6 коровъ и нѣсколько лошадей и ословъ. Они сообщили намъ, что то старое русло, по которому мы шли, выходить въ область песковъ и ниже соединяется съ Эттекъ-таримомъ. Черезъ мѣсяцъ они ожидали „мусъ-суйи“—или половодія, происходящаго отъ таянія ледяного покрова, которое въ теченіе 10 дней бываетъ такъ велико, что нельзя перейти черезъ Черченъ-дарью вбродъ; послѣ таянія остается очень мало воды, пока лѣтнее половодіе, берущее свое обиліе воды съ горъ, не наполнить рѣку снова.

Въ маленькой тополевой роуцѣ близъ двухъ хижинъ у Игделыкъ-агила мы расположились на дневку, частью для отдыха, частью для астрономическихъ наблюденій. Моллахъ-ходжа, хозяинъ хижины, оказался свѣдующимъ человѣкомъ; но когда я попросилъ его показать намъ дорогу къ Эттекъ-тариму—прежнему руслу Чонгъ-тарима, то онъ категорически отказался, подъ предлогомъ незнанія дороги. Повидимому, онъ просто лгалъ, чтобы мы не взяли его съ собой. Это недоразумѣніе, однако, кончилось удачно: вечеромъ къ намъ прибылъ Тогдасынъ-бекъ изъ Чархалыка, получивши приказаніе отъ амбана этого города розыскать меня и быть въ моемъ распоряженіи. Онъ съ удовольствіемъ согласился провожать меня къ Эттекъ-тариму, по руслу котораго онъ два раза ходилъ; онъ даже далъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ руслѣ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали полученнымъ мною въ 1896 году: 30 лѣтъ тому назадъ вода оставила Эттекъ-таримъ. Передъ тѣмъ половина количества воды Тарима (Яркендъ-Дарьи) проходила по его руслу; было время, когда Тогда сынъ Бекъ проѣзжалъ въ лодкѣ тамъ, гдѣ теперь совсѣмъ нѣтъ воды.

Теперь мы шли подъ руководствомъ этого отличнаго знатока мѣстности. Въ Башъ-агисъ мы запаслись льдомъ на трехдневное путешествіе по безводной мѣстности. По глубокимъ пескамъ мы отправились на С.-В., самый сѣверный-же рукавъ Черченъ-дарьи повернулъ на Ю.-В. къ Лобъ-кулю, какъ здѣсь зовутъ Кара-буранъ. Въ этотъ день въ часъ дня температура въ первый разъ послѣ Рождества поднялась выше нуля на $+ 0,4^{\circ}$, зато она ночью пала до -24° .

Около Юлгунлукъ-куля, „озера Тамарисковъ“ мы пришли къ Эттекъ-тариму, который отсюда направляется на югъ; эта рѣка въ свое время впадала въ Кара-буранъ, недалеко отъ теперешняго мѣстечка Лобъ. Весь день мы шли вверхъ по руслу на сѣверъ. Здѣсь растетъ довольно густой невысокій и свѣжій лѣсъ, несмотря на то, что поверхность земли была совершенно суха. То, что грунтовая вода находится не глубоко, видно по Юлгунлукъ-кудукъ, который теперь былъ засыпанъ пескомъ; въ самомъ руслѣ, въ мѣстѣ глубиною въ 5 метровъ и образовавшемся отъ бывшаго здѣсь водоворота, былъ вырытъ колодезь. Изъ большого тополеваго обрубка было вырублено поило для лошадей и ословъ, доказывающее, что иногда пользуются и этою дорогой. У Кучмета, въ разстояніи одного перехода и западнѣе Ширге-чапгана, лѣсъ также хорошъ, какъ и на Таримѣ. Русло Эттекъ-тарима имѣетъ еще вполнѣ сохранившіяся очертанія и весьма вѣроятно, что вода оставила его не болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.

Привожу еще нѣсколько физико-географическихъ данныхъ, поясняющихъ мою теорію перемѣщенія Лобъ - нора. Во-первыхъ, на берегахъ Эттекъ - тарима растетъ свѣжій, здоровый лѣсъ; на берегахъ соотвѣтствующей части Тарима совершенно нѣтъ лѣса; этимъ доказывается, что Таримъ новая рѣка, гдѣ лѣсъ еще не успѣлъ вырасти. Во-вторыхъ, громадныя массы песка, находящагося у мѣста нашей ночевки и называемаго Тагъ-кумъ (гора-песокъ), доказываетъ, что въ прежнія времена Таримъ не существовалъ восточнѣе, въ противномъ случаѣ преобладающіе здѣсь восточные вѣтры не могли бы снести сюда столько песка. Это только могло случиться, когда Таримъ втекалъ въ старый Лобъ-норъ, который теперь высохъ. Наконецъ, надо замѣтить,

что количество песка между Эттекъ - таримомъ и нижнимъ Таримомъ въ значительной степени уменьшается, по мѣрѣ удаленія отъ Тагъ-кума на сѣверъ. Песокъ не могло снести въ большомъ количествѣ съ подвѣтренной стороны озера.

Утромъ 16-го февраля я вышелъ на наивысшій хребетъ Тагъ-кума, который возвышается на 50 или 60 метровъ надъ лѣсомъ и откуда открывался широкой кругозоръ. На С.-В. виденъ байиръ обыкновеннаго вида съ характерными концентрическими кругами. Къ востоку количество песка уменьшается до праваго берега Тарима, гдѣ растительная полоса обозначается темной чертой; восточнѣе Тарима опять виденъ песокъ съ крутыми склонами, обращенными на западъ.

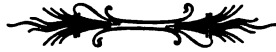
Весьма вѣроятно предположеніе, что байиры разбросаны по всей пустынѣ и происходятъ отъ дѣйствія вѣтра. Лишь незначительное количество бархановъ успѣло образоваться въ руслѣ Эттекъ-тарима; въ лѣсу они уже успѣли возрасти до 3 и 4 метровъ высоты. Русло пока еще расположено на подвѣтренной сторонѣ той громадной песчаной волны, которая медленно приближается и грозитъ засыпать его. Частью это уже совершилось, волна Тагъ-кума залила часть русла Эттекъ-тарима, и дальше къ сѣверу оно мѣстами совершенно исчезло подъ напорающимъ пескомъ. Байиры не прикованы къ мѣсту, они передвигаются по пустынѣ на западъ. Образовавшись на восточной границѣ пустыни у Эттекъ-тарима, они исчезаютъ на дальнемъ западѣ, гдѣ вѣтры не столь постоянны. Байиръ, такимъ образомъ, сохраняется за все время своего существованія, но мѣсто дна его мѣняется въ теченіе ста лѣтъ, если положить, что скорость передвиженія бархановъ около 5 метровъ въ годъ. Хотя и волны бархановъ подчиняются тѣмъ же законамъ что и волны моря: тѣмъ не менѣе въ ихъ движеніяхъ существуетъ и большая разница: въ морѣ движеніе волны передается дальше, а вода остается на мѣстѣ, въ пустынѣ же передвигаются и волны и песокъ.

Во время послѣдняго перехода по этому древнему интересному руслу мы видѣли столько же мертваго лѣса, сколько и живого; песокъ обоихъ береговъ сошелся до разстоянія 300 метровъ и кой-гдѣ соединился маленькими барханами.

У Тана-баглаганъ были свѣжіе слѣды воды. Въ преды-

дущемъ году туземцы вырыли каналъ отъ Башъ-архана на Таримѣ, желая наполнить высохшее русло Эттекъ-тарима водою и этимъ способомъ получить болѣе обширныя пастбища и спасти имѣющуюся растительность. Но маленькій каналъ съ трудомъ довели до Тана-баглаганъ, гдѣ и бросили это предпріятіе.

Въ Башъ-арханѣ мы, наконецъ, опять дошли до нашего стараго друга Тарима. Оттуда мы прошли по лѣсу въ Арханъ и отдыхали 28-го февраля. Здѣсь мы простились съ Тогда-сынъ-бекомъ.

XI.

Прибытіе бурятскихъ казаковъ въ Тура-салганъ-уй. Курукъ-тагъ и Курукъ-дарья.

Я не буду утомлять читателя описаніемъ той сѣти водяныхъ системъ, пересекающихъ мѣста, по которымъ мы возвращались въ Янги-куль. Трудно себѣ представить болѣе сложную и запутанную гидрографію, а тѣмъ болѣе понять ее безъ подробной карты, которая только еще въ будущемъ мною будетъ изготовлена. Имена кончающіяся на „куль“, „челль“, „даши“, „акинъ“, „кокъ-ала“ (= озеро, лужа, соленая лужа, теченіе, рѣчной рукавъ) встрѣчаются всюду и даже тамъ, гдѣ одна только сушь.

Въ деревнѣ Шейтларъ живутъ три семьи, занимающіяся рыбной ловлей и овцеводствомъ. Одна старая женщина рассказала намъ, что ея родители жили у Чивиликъ-куля, которое раньше было гораздо больше, да и теперь оно еще самое большое озеро, извѣстное мѣстнымъ жителямъ.

Отсюда наша дорога шла на С.-З. по степямъ, мелкому лѣсу, зарослямъ и камышамъ. У Арелиша Кунъ-чекишъ-таримъ дѣлится на два рукава, изъ которыхъ восточный впадаетъ въ упомянутое выше озеро, а западный—это Кокъ-ала, по которому мы частью шли. Погода становилась все болѣе весенней, несмотря на то, что ночные морозы доходили еще до—18,8°.

У Турдунингъ-серези намъ опять посчастливилось. Въ лѣсу расположился на отдыхъ человѣкъ изъ Сингера въ Курукъ-тагъ, по имени Абду-Регимъ съ 8 верблюдами. Я какъ разъ нуждался въ проводникѣ для слѣдующей экспедиціи къ высохшему руслу Кумъ-дарьи, въ существованіи котораго и извѣстный путешественникъ Козловъ и я уже удостовѣри-

лись, но коснулись его всего только въ нѣкоторыхъ точкахъ. Оказалось, что этотъ самый Абду-Регимъ показаль Козлову дорогу съ сѣвера въ Алтымышъ-булакъ, т. е. къ ключу въ Курукъ-тагъ, ближайшему къ Кумъ-дарьѣ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мнѣ удалось-таки войти съ нимъ въ соглашеніе: онъ долженъ былъ отдать мнѣ въ наймы 6 верблюдовъ за $1\frac{1}{2}$ сара въ день за верблюда и показать дорогу черезъ русло Кумъ-дарьи въ Алтымышъ-булакъ, откуда онъ могъ уже итти домой въ Сингеръ.

Камышевыя хижины въ Шейтларъ.

На послѣднемъ переходѣ насъ встрѣчали жители окрестныхъ мѣстъ съ радостью и удивленіемъ, видя, что мы возвращаемся цѣлы и невредимы изъ столь опаснаго путешествія по пустыни. Съ торжественнымъ видомъ прискакали 3 казака на вороныхъ храпящихъ лошадяхъ. То были Сыркинъ и 2 новыхъ казака забайкальскаго войска въ парадной формѣ: темнозеленыхъ мундирахъ, при пашкахъ, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ и блестящихъ сапогахъ. Въ сравненіи съ ними у меня былъ видъ нищаго. Они остановились передо мною, отдали честь и отрапортовали.

Сыркинъ, какъ начальникъ зимней квартиры, донесъ, что одинъ верблюдъ сбѣжалъ и одна собака тяжело ранена

дикимъ кабаномъ во время охоты; больше никакихъ происшествій не случилось. Старшій изъ новыхъ отпрапортоваль, что они получили приказаніе отъ командующаго въ Читѣ генерала явиться ко мнѣ въ страну Лобъ.

Тура-салганъ-уй мы нашли въ наилучшемъ видѣ. Все было чисто и благоустроено, верблюды и мулы даже жирны. Нашъ лагерь превратился въ ярмарку. Изъ Кутъяра переселился портной, изъ Курли и даже изъ Андижана купцы. Несмотря на то, что дорога проходила въ Джанъ-кули, всѣ проѣзжіе считали долгомъ завернуть къ намъ и переночевать.

Во время моего отсутствія Сыркинъ велъ метеорологическій журналъ съ примѣрной аккуратностью и, такъ какъ было весьма важно имѣть постоянное мѣсто наблюденій, то я поручилъ ему то же на время моей слѣдующей экскурсіи и назначилъ его начальникомъ лагеря. Черновъ попалъ въ повара.

Строго говоря, я долженъ былъ отослать двухъ семирѣченскихъ казаковъ, принадлежащихъ конвою консульства въ Кашгарѣ, такъ какъ я имѣлъ право держать ихъ только до прибытія бурятъ. Но я такъ привязался къ этимъ двумъ честнымъ молодцамъ, что не могъ примириться съ мыслью, что они должны меня покинуть. Я написалъ генеральному консулу Петровскому и попросилъ его похлопотать объ оставленіи ихъ при мнѣ и, будучи заранѣе увѣренъ въ разрѣшеніи, оставилъ ихъ покуда у себя.

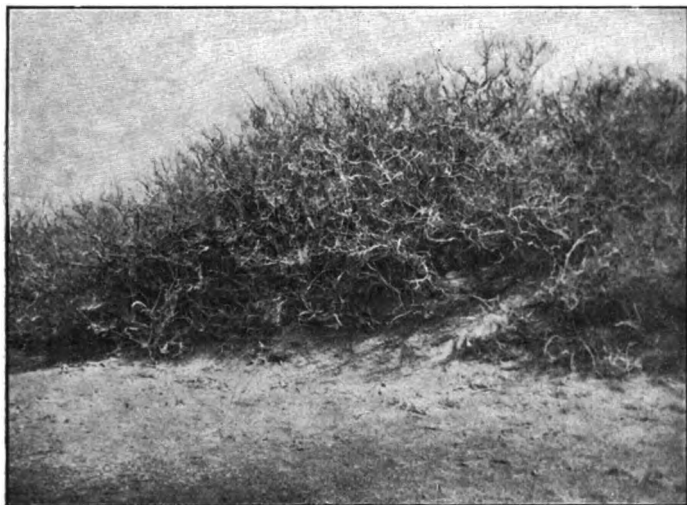
Исламъ-бай долженъ былъ остаться; его и Сыркина я послалъ въ Курлю купить 25 лошадей, нѣсколько муловъ и провіантъ на лѣтнюю экспедицію по Тибету.

Новые мои казаки Николай Шагдуровъ и Тсеренъ Дорши Чердоновъ были ламаисты.

При наступленіи весны я послалъ Файзуллаха и Абду-Регима впередъ съ верблюдами и болѣе тяжелымъ багажомъ въ Дильпаръ на Конче-дарѣ съ приказаніемъ переправиться на тотъ берегъ, розыскать хорошее пастбище и тамъ ожидать нашего прибытія. Я самъ, въ сопровожденіи Чернова, Эрдека и Лоплыка Ходай, Куллу и цѣлой толпы провожатыхъ, выступилъ 5-го марта, простившись съ тремя казаками и остальными остающимися, изъ числа которыхъ я не засталъ больше Парпи-бая въ живыхъ; 12 дней послѣ нашего отбытія онъ скоростижно умеръ.

Поздно вечеромъ мы прибыли къ берегу Конче-дарьи, руководимые костромъ Файзуллаха. Провожающіе насъ беки простились, мы же остались на одинъ день въ Дильпарѣ для производства наблюденій.

Въ Конче-дарѣ въ это время подо льдомъ протекало 38,3 куб. метра воды въ секунду, т. е. не болѣе половины количества протекающаго постоянно и зимой и лѣтомъ подъ мостомъ въ Курлѣ. Ширина рѣки 36 метровъ, наибольшая глубина 5,32 метра, средняя толщина льда 0,44 м. и про-

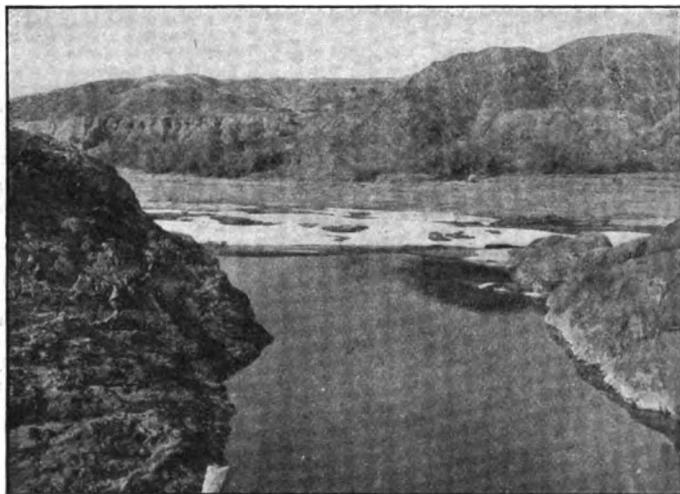
Заросли тамарисковъ.

зрачность воды 2,28 м. На лѣвомъ берегу росъ густой лѣсъ, на правомъ,—высокій камышъ.

7 марта мы двинулись дальше на С.-С.-В. и пересѣкли, недалеко отъ Дильпара, три старыхъ русла Конче-дарьи. Далѣе мы выпли изъ лѣса и поѣхали по твердой почвѣ съ рѣдкими тамарисками. Влѣво отъ одиночной высыхающей рощи, называемой Башъ-тогракомъ, долго показывался „тора“ или указатель дорогъ, который стоялъ на той старой дорогѣ, названной жителями Лобъ Кэмуръ-салды-ѣль (дорога, на которой разсыпали каменный уголь); она соединяетъ Курлю и Са-чео и идетъ вдоль сѣвернаго берега стараго Лобъ-нора. Въ послѣдней книгѣ я описалъ часть

дороги, ведущей на С.-З. отъ Йингъ-пена въ Курлю. Изслѣдованіе продолженія дороги отъ Йингъ-пена также входило въ мою задачу.

Оставивъ послѣдніе тамариски, мы вышли на ту почву, которая встрѣчается у подножія всѣхъ горныхъ цѣпей Средней Азіи и которой туземцы дали названіе „сай“, а именно: незначительный подъемъ, едва замѣтный для глаза, твердый, какъ асфальтъ, и усѣянный мелкимъ рѣдкимъ щебнемъ. Сухое углубленіе, прорѣзанное водой, спускалось

Озеро у Курбанчика.

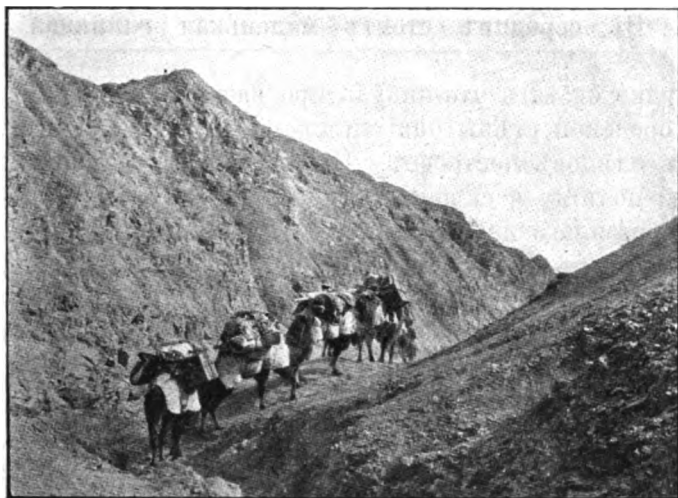
съ Сугеть-булака, поперечной долины Курукъ-тага и эта борозда служила намъ удобной дорогой до подножія горъ. Подробности горъ были уже видны утромъ, но только поздно вечеромъ мы вошли въ горы и остановились у выходящаго изъ горъ ручейка Сугеть-булака, имѣющаго 88 литровъ воды въ секунду. Днемъ температура доходила до $+13,1^{\circ}$ и въ первый разъ въ этомъ году наименьшая температура остановилась выше нуля, а именно: $+1,3^{\circ}$.

Далѣе мы шли на востокъ вдоль подножія горъ, пересѣкая массу сухихъ бороздъ, нерѣдко спугивая зайцевъ, антилопъ, сайгъ и архари (горная коза). По лѣвой рукѣ одна красивая горная картина смѣняется другой, болѣе

прекрасной; по правой, мѣстность постепенно понижается до равнины, въ которой Конче-дарья пробирается къ Кара-кулю.

Отъ Курбанчика, говорятъ $2\frac{1}{2}$ перехода до главнаго хребта горной цѣпи, гдѣ тропинка ведетъ черезъ перевалъ, называемый Даванъ, а монголами „Тебве“. Отъ перевала $1\frac{1}{2}$ перехода до Баграшъ-куля.

У рѣчки Будженту-булака мы удалились отъ горъ и свернули на югъ. Вдали въ пескахъ обрисовывался „кона-

Отъ Курбанчика въ Будженту-булакъ.

шахръ“ Йингъ-пена. Развалины лежали по линіи, ведущей съ сѣвера на югъ, такъ что проѣзжая мимо, я могъ ихъ осмотрѣть, измѣрить и срисовать. Первыя двѣ „туры“, или башни, глиняныя, 4,5 метра вышиной и 15 метровъ въ окружности. „Гуристанъ“, или кладбище, судя по положенію труповъ, мусульманское. Ноги направлены на югъ, головы на сѣверъ, лицо къ Кебле. Могилы украшены памятниками, имѣющими форму четырехугольныхъ ящичковъ и сдѣланы изъ глины, высохшей на солнцѣ. Наводненіемъ нѣсколько могилъ въ стѣнѣ террасы были размыты, и черепа выглядывали, какъ изъ оконъ. Этимъ могиламъ должно быть уже около 200 лѣтъ. Вблизи стояло нѣчто похожее на „месчидъ“

или „ханека“ или „гумбесъ“, т. е. памятникъ на могилѣ знатнаго человѣка; отъ него остались три стѣны безъ крыши; четвертая стѣна вѣроятно была снесена водой.

Интереснѣе всѣхъ этихъ развалинъ все-таки была круговая стѣна, такого же вида, какъ у Сай-чекке и Мердекъ-шахрѣ. Она была построена изъ глины, высохшей на солнцѣ и скрѣпленной системой горизонтальныхъ балокъ. Діаметръ окруженнаго стѣною мѣста равняется 182 метрамъ; толщина стѣнъ доходила до 11 метровъ, высота равнялась 6,6 метра; четверо воротъ выходятъ на всѣ четыре стороны свѣта. Въ серединѣ стоитъ маленькая глиняная пирамида.

Трудно сказать что-нибудь про назначеніе такой стѣны. Для городской стѣны она слишкомъ мала, да и нѣтъ никакихъ слѣдовъ построекъ. Для крѣпости слишкомъ много воротъ; поэтому я склоненъ думать, что это было что-то въ родѣ постоялаго двора или почтовой станціи и что обитатели жили въ палаткахъ или деревянныхъ домахъ подъ защитой этой стѣны. Лобъ-норская дорога вѣроятно проходила здѣсь, тѣмъ болѣе, что восточныя и западныя ворота лежатъ какъ разъ по направленію этой дороги. Старожилы говорятъ, что большая дорога, ведущая изъ Пекина шла черезъ Йингъ-пенѣ и далѣе на Дунгъ-ханѣ или Са-чео.

Направляясь отъ развалинъ на В.-Ю.-В. къ Йингъ-пену мы по правой рукѣ замѣтили довольно густую полосу большихъ тополей, которые росли вдоль сухого русла, изслѣдованіе котораго составляло важнѣйшую часть нашей задачи. Охотники, бывавшіе здѣсь, называютъ его Курукъ-дарья, т. е. сухая рѣка, или же Кумъ-дарья, т. е. песчаная рѣка, послѣднимъ названіемъ пользуется и Козловъ.

Въ Йингъ-пенѣ мы остановились на два дня. Старый постоянный дворъ, годъ тому назадъ покинутый жителями, построенъ на террасѣ, возвышающейся на нѣсколько метровъ надъ широко раскинутымъ, покрытымъ растительностью, солянымъ болотомъ.

Въ географическомъ отношеніи это мѣсто очень интересно, такъ какъ ясно замѣтно, что болото находится на поворотѣ стараго рѣчнаго русла, на берегахъ котораго, совершенно какъ на Таримѣ, растутъ группы тополей. Сы-

рость однако не проникаетъ дальше на востокъ, гдѣ русло совершенно сухое, вплоть до не менѣе сухого бассейна Лобъ-нора.

Мѣстность оживляется утками, гусями и рябчиками. Температура повысилась до $+ 21,4^{\circ}$; стали показываться мухи и пауки, и скоро должно было наступить то время, когда жара и насѣкомыя начнутъ мучить и людей и животныхъ, оставляя ихъ въ покоѣ только ночью. Здѣсь я отослалъ назадъ всѣхъ лошадей, за исключеніемъ только той, на которой я ѣздилъ въ предыдущей экскурсіи.

Развалины у Йингъ-цена.

18-го марта мы двинулись дальше, сперва по живому, потомъ по мертвому лѣсу, но вслѣдствіе поднявшейся сильной бури, мы уже въ 2 часа должны были остановиться и съ громадными затрудненіями разбить лагерь, при чемъ только удалось разбить одну палатку для меня; летучій песокъ проникалъ въ глаза, уши, ротъ и носъ и до крайности затруднялъ дыханіе. Люди легли, завернувши головы въ плащи, верблюды тоже легли, вытянувъ шеи по вѣтру, защитивъ такимъ образомъ свои головы корпусомъ.

На слѣдующій день буря значительно стихла и минимальная температура пала до $- 7^{\circ}$. На юго-востокъ отъ

мѣста нашего ночлега кой-гдѣ въ старомъ руслѣ Курукъ-дарьи росли тамариски и камышъ, берега-же бывшей рѣки были покрыты мертвымъ лѣсомъ, частью еще стоящимъ, частью уже упавшимъ. Потомъ мы попали въ настоящій лабиринтъ глиняныхъ террасъ съ острыми краями. Туземцы дали имъ весьма подходящее названіе „ярдангъ“, которымъ и я воспользуюсь. Передвиженіе въ такой мѣстности весьма утомительно и соединено съ громадной потерей времени: постоянно приходится то подниматься, то опускаться по этимъ террасамъ, образовавшимся подъ вліяніемъ воды и вѣтра.

Вправо отъ насъ извивается русло Курукъ-дарьи, а влѣво другая борозда, лѣвая береговая терраса, которая весьма рѣзко очерчена. Такимъ образомъ мы шли по длинному узкому возвышенію между двумя руслами; въ лѣвомъ въ прежнія времена протекала та же Куррукъ-дарья. Лѣвѣе этого русла тянется крайнее предгорье Курукъ-тага. Здѣсь мы въ первый разъ видѣли слѣды дикихъ верблюдовъ.

Въ мертвомъ лѣсу теперь часто встрѣчаются „йигде“ кусты (*Eleagnus hortensis*). По исполнѣ правильному заключенію туземцевъ, они представляютъ собою наилучшее доказательство прежняго орошенія, потому что „йигде“ при отсутствіи воды погибаетъ скорѣе деревьевъ и другихъ кустарниковъ и увядаетъ, если вода становится солоноватой.

15-го марта при восточномъ вѣтрѣ температура поднялась въ 1 часть дня всего только до $+6,8^{\circ}$. У Йингъ-пена мы при западномъ вѣтрѣ имѣли уже $+21,4^{\circ}$. Вѣроятно такое измѣненіе тѣсно связано съ неравномѣрнымъ нагрѣваніемъ материка. Въ 1897 году въ восточной Монголіи въ это время года стояли жестокіе морозы при глубокомъ снѣгѣ. Въ среднихъ же пустыняхъ образуется барометрической минимумъ. Эта неравномѣрность давленія имѣетъ наибольшую величину весною, лѣтомъ же она сравнивается. Поэтому весною въ Лоби бываютъ страшнѣйшія восточныя и сѣверо-восточныя бури.

Абду-Региму былъ извѣстенъ ключъ въ нижнихъ горахъ и поэтому мы пока бросили Курукъ-дарью и направились на С.-В. Пересѣкая низкій хребетъ и потомъ большую равнину, мы такъ часто видѣли слѣды дикихъ верблюдовъ,

что совсѣмъ перестали обращать на нихъ вниманіе; только Черновъ сгоралъ отъ нетерпѣнія въ первый разъ въ жизни увидѣть и поохотиться на это дикое животное.

У ключа Ярдангъ-булакъ мы отдыхали два дня. Въ первый день отдыха Абду-Регимъ отправился на охоту и вернулся только поздно вечеромъ. У другого ключа Теменки Ярдангъ-булакъ онъ наткнулся на большого верблюда-самца, выстрѣлилъ и, судя по кровавымъ слѣдамъ, ранилъ его, но вслѣдствіе наступившей темноты преслѣдовать было невозможно.

Чернову зато посчастливилось. Рано утромъ я слышалъ, какъ люди перепептывались, привязывая собакъ. Вскорѣ послѣ этого я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ. Оказалось, что ничего не подозревавшій верблюдъ приближался къ ключу по вѣтру. Черновъ и Ходай-Куллу приложились, но верблюдъ повернулъ и убѣжалъ слегка раненый. Черновъ пустился за нимъ въ погоню и въ двухъ километрахъ отъ лагеря уложилъ его. Эта была молодая самка. Вечеромъ Черновъ убилъ нѣсколько куропатокъ, такъ что въ мясѣ у насъ недостатка не было.

XII.

Страна дикаго верблюда.

Абду-Регимъ далъ мнѣ много свѣдѣній о дикомъ верблюдѣ, вполне соответствующихъ тѣмъ, которыя я въ 1896 г. получилъ отъ стараго охотника на верблюдовъ на нижней Керія-дарьѣ.

Въ это время года верблюдъ долженъ пить разъ въ недѣлю, но зимой онъ можетъ быть безъ воды въ теченіе двухъ недѣль, не смотря на то, что питается сухою травою. При сочной ѣдѣ онъ даже лѣтомъ можетъ оставаться безъ воды $\frac{1}{2}$ мѣсяца. Они такъ хорошо знакомы съ положеніемъ ключей, какъ будто бы они пользовались картою и компасомъ. Они также охотно пьютъ сильно солоноватую воду. Въ тамарискахъ и въ камышахъ, гдѣ охотнику легко скрываться, верблюдъ, при свѣжемъ вѣтрѣ, подпускаетъ его къ себѣ на 30 шаговъ; стрѣляютъ его рѣдко далѣе 50-ти шаговъ.

Обоняніе у верблюда чрезвычайно сильно развито и, говорятъ, что онъ чувствуетъ человѣка на разстояніи отъ Ой-кеурука до Ярдангъ-булака (21 килом.); подозрѣвая опасность, онъ спасается съ быстротою вѣтра. Онъ страшно боится дыма ко-стровъ, а также домашнихъ верблюдовъ съ вьючными сѣдлами и даже безъ нихъ, такъ какъ онъ сразу чувствуетъ чуждый ему запахъ домашняго верблюда. Зато иногда случалось, что молодые, не бывшіе еще въ работѣ, верблюды, принадлежавшіе отцу Абду-Регима, попадали въ дикія стада и тамъ были хорошо приняты. Въ общемъ дикіе верблюды Курукъ-тага, по-видимому, имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и верблюды Керія-дарьи. Они держатся вдали не только отъ населенныхъ мѣстъ, но даже отъ мѣстъ, по которымъ, хотя бы и весьма рѣдко, проходятъ люди. При этомъ я упомяну, что по сло-

Домашній верблюдь, служившій мені в 1896 году; погивъ въ среднемъ
Тибетѣ в 1901 году.

вамъ Пржевальскаго, дикіе верблюды весьма часто встрѣчались въ пустынь Кумъ-тагъ, восточнѣе болота Кара-кошунъ. Теперь они тамъ крайне рѣдки, что можетъ зависѣть отъ того, что озеро высыхаетъ и остатокъ воды слишкомъ близко расположенъ къ жилымъ мѣстамъ. Дикій верблюдъ долго не приближается къ мѣсту, гдѣ располагались охотники. Абду-Регимъ былъ того мнѣнія, что они придутъ къ Ярдангъ-булаку только послѣ дождя и во всякомъ случаѣ не придутъ пастись раньше, чѣмъ всѣ слѣды будутъ смыты дождемъ. Вообще стадо верблюдовъ остается на одномъ мѣстѣ только 2—3 дня и потомъ переходитъ на другое. Къ ключу они подходятъ только для того, чтобы попить и, несмотря ни на какое пастбище, не остаются около него; инстинктъ подсказываетъ верблюду, что наибольшая вѣроятность столкнуться съ человѣкомъ—это у воды. Увидѣвъ или почуявъ людей, онъ уходитъ отъ него въ теченіе нѣсколькихъ дней, но въ общемъ его бѣгство очень спокойно: онъ и пасется и отдыхаетъ; на ночь, до наступленія дня, ложится и потомъ, продолжаетъ бѣжать. Онъ ѣстъ всевозможныя растенія, но больше всего онъ любитъ сухія, сорванныя вѣтромъ, кочки.

Во время течки, которая бываетъ въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ, между самцами происходятъ жестоценныя битвы. Они дерутся при всѣхъ встрѣчахъ, на пастбищахъ, у ключей, въ пустынь. Побѣжденный обреченъ на одиночество, побѣдитель-же захватываетъ на свою долю до 8 самокъ. Два равносильныхъ самца дерутся до тѣхъ поръ, пока одинъ, или даже оба сразу не свалятся. Они страшно уродуютъ другъ друга, вырываютъ цѣлые куски мяса и рѣдко можно встрѣтить взрослого самца безъ уродливыхъ рубцовъ.

Дикіе верблюды ходятъ въ одиночку или попарно; чаще всего встрѣчаются стада въ 4—6 верблюдовъ; стада въ 12—15 верблюдовъ рѣдки; сильный самецъ всегда предводителствуетъ. Домашняя самка беременна годъ, дикая же, говорятъ, 14 мѣсяцевъ. Домашняя можетъ метать черезъ каждые 18 мѣсяцевъ, въ возрастѣ отъ 3 до 15 лѣтъ. Раньше чѣмъ ѣстъ траву, молодой верблюдъ сосетъ 40 дней, но и потомъ продолжаетъ еще сосать больше года; щипать же траву онъ начинаетъ только въ возрастѣ 1½ мѣсяцевъ.

То-же самое и дикіе. Домашній верблюдъ считается годнымъ къ работѣ до 20-ти лѣтняго возраста; дикій, говорятъ, проживаетъ до 50 лѣтъ, что однако недостоверно и даже невѣроятно, но Абду-Регимъ рассказывалъ, что нашелъ разъ въ боковыхъ мускулахъ стараго самца монгольскую пулю, такой формы, которой стрѣляли 40—50 лѣтъ тому назадъ.

Дикій верблюдъ попадаетъ всюду между Ярдангъ-булакомъ и Хами; въ мѣста западнѣе дорогъ, между Йингъ-пенемъ и Турфаномъ онъ никогда не переходитъ. Въ Курукъ-тагъ онъ встрѣчается чаще всего около Алтымышъ-булака и нѣсколько восточнѣе.

18-го числа мы двинулись дальше на Ю.-В., наполнивши 7 козлиныхъ кожъ и 2 мѣшка льдомъ, а также 2 мѣшка камышемъ, и какъ только мы перешли черезъ сухое русло, глубиною въ 10 метровъ, называемое Кара-агисъ, или черное устье, мы сразу напали на слѣды верблюдовъ. Абду-Регимъ и Черновъ отправились по слѣдамъ и подкрались къ стаду, состоявшему изъ одного большого черного „бугра“ (самца) и 5 болѣе свѣтлыхъ. Въ бинокль я издали слѣдилъ за ихъ движеніями. Бугра сразу поднялся, раздулъ ноздри и съ безпокойствомъ поглядывалъ въ нашу сторону. Изъ остальныхъ три лежали, а два щипали траву. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Прوماхъ, разстояніе было слишкомъ велико, но, испуганный звукомъ, бугра, а за нимъ и остальные быстро поскакали: бугра отдѣльно, остальные кучей, на 100 шаговъ правѣе его. Сперва они понесли на Ю.-З., но потомъ постепенно описали дугу на Ю. и Ю.-В. и, наконецъ, исчезли. Такіе охотничьи эпизоды потомъ повторялись часто.

Чтобы получить представленіе о пустынѣ по ту сторону Курукъ-дарьи, мы переправились черезъ русло и пошли на Ю.-В. по твердому, неровному, скалистому и весьма утомительному грунту. Ярданги значительно понизились, глубина бороздъ между ними не превышала одного фута, но верблюды постоянно спотыкались о нихъ. Видны были слѣды зайцевъ и лисицъ; почва всюду была усыпана раковинами (*Limnaea*). Въ одномъ мѣстѣ мы нашли глиняную кружку, куски большого сосуда съ глазированными орнаментами и кусокъ громаднаго мѣднаго котла. Находка указала, что это

мѣсто когда-то было населено; сосуды были китайскаго изготвленія.

Въ теченіе дня русло Курукъ-дарьи исчезло совершенно и та мѣстность, по которой мы теперь шли, прежде была

Дикій верблюдъ.

покрыта старымъ Лобъ-норскимъ озеромъ. Поэтому слѣды лѣса совершенно прекратились, а количество раковинъ умножилось противъ прежняго. Ярданги образовывали теперь хребты шириною въ нѣсколько метровъ, вышиною въ одинъ, состоящіе изъ довольно твердой желтой глины расположенной горизонтальными слоями. Большихъ массъ летучаго песка не замѣчалось, такъ какъ озеро исчезло сравнительно недавно. Пройдя по этой однообразной мѣстности и выдержавши ночь довольно сильную

бурю, мы черезъ два дня прибыли въ Алтымышъ-булакъ.

Число дикихъ верблюдовъ у подножія Курукъ-тага вообще очень измѣнчиво. Если охотники сильно преслѣдуютъ ихъ въ окрестностяхъ Лукчина, то они переходятъ сюда и наоборотъ. Въ этомъ году они здѣсь были особенно многочисленны.

XIII.

Бывшее мѣсто озера Лобъ-нора.

Въ Алтымышъ-булакѣ мы разбили палатки среди камышей и тамарисковъ около самаго ключа. Послѣ путешествія по пустынѣ, это было очаровательное мѣсто отдыха и мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ верблюды и лошади паслись на травѣ и по временамъ подходили и лизали ледъ. Здѣсь мы рѣшили отдохнуть нѣсколько дней и собраться съ силами для дальнѣйшаго путешествія по пустынѣ на югъ. Сами мы тоже нуждались въ пищѣ, такъ какъ кромѣ риса и хлѣба у насъ ничего не было. Черновъ и я не могли заставить себя ѣсть верблюжье мясо, которымъ мусульмане съ удовольствіемъ питались. Мы видѣли нѣсколько стай утокъ, но онѣ пролетѣли, не остановившись у ключа.

Абду Регимъ и его товарищи изъ Сингера стали скучать по родинѣ, но мнѣ тѣмъ не менѣе удалось войти съ ними въ слѣдующее соглашеніе. Его два товарища съ четырьмя верблюдами должны были остаться въ Алтымышъ-булакѣ, Абду Регимъ же долженъ былъ провожать насъ еще два перехода на югъ съ четырьмя верблюдами, оказывая нашимъ облегченіе въ перевозкѣ груза и льда. Дальше онъ не хотѣлъ итти, такъ какъ не былъ хорошо знакомъ съ пустыней и боялся ея.

Съ 23-го по 27-го марта мы отдыхали въ этомъ чудномъ уголкѣ. Абду Регимъ увеличилъ мои познанія въ географіи мѣстности и перечислилъ имена всѣхъ ему извѣстныхъ ключей и точно указалъ ихъ положеніе. Годъ спустя я удостовѣрился въ точности его указаній. Онъ говорилъ, что знаетъ на востокѣ всего только три ключа, не имѣющихъ

названій и находящихся въ разстояніи 2 небольшихъ переходовъ отъ Алтымышъ-булака. Я нашелъ всѣ три ключа, которые въ свое время дали намъ возможность выйти изъ довольно критическаго положенія. Далѣе онъ описалъ всѣ извѣстныя старыя дороги въ Курукъ-тагъ. Онѣ обозначены кучами камней, называемыми жителями Сингера „ува“ (монгольское слово „убу“). Такая дорога вела черезъ Сингеръ на Ю.-Ю.-З. и это вѣроятно та же самая старая дорога, по которой китайскіе сборщики податей ѣздили къ Лобъ-нору.

27-го утромъ мы были готовы къ выступленію. Наша задача заключалась въ слѣдующемъ: пересѣчь Лобскую пустыню съ сѣвера на югъ для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ прежняго озера и получить неопровержимыя доказательства о существованіи озернаго бассейна. Въ этомъ спорномъ вопросѣ мы доказали вѣрность китайскихъ картъ и мнѣній фонъ-Рихтгофена и моихъ, прошедши по руслу Курукъ-дарьи и удостовѣрившись въ томъ, что эта рѣка впадаетъ въ озеро; осталось только получить профиль тѣхъ мѣстъ, гдѣ раньше разстилалось это озеро.

Покинувъ Алтымышъ-булакъ и направившись на В.-Ю.-В., Чернову удалось убить пять утокъ; эта добыча составила значительное прибавленіе къ нашимъ уменьшившимся запасамъ.

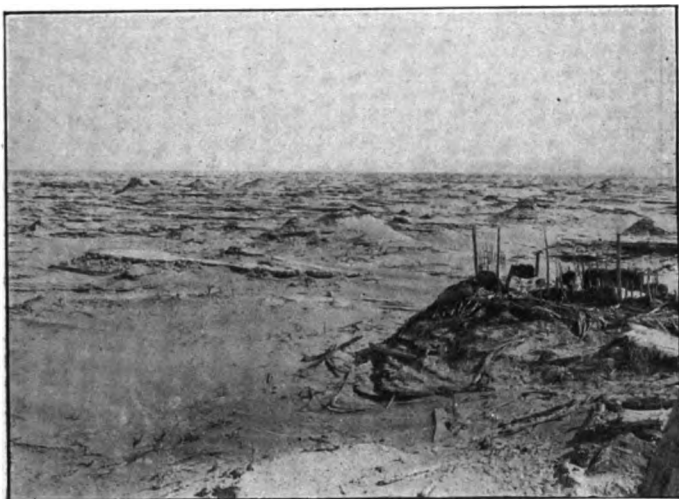
Въ теченіе дня мы по ярдангамъ переходили съ подножія горы въ ровную пустыню, при чемъ не лишнее замѣтить, что углубленія между хребтами ярданговъ совершенно параллельны байирамъ Черченской пустыни; какъ тѣ, такъ и эти образованія возникли подъ вліяніемъ вѣтра.

На востокъ не видно, собственно, продолженія Курукъ-тага, а только одиночныя горы. Уже теперь я имѣлъ полное основаніе сомнѣваться въ существованіи той громадной цѣпи, которая нанесена въ этомъ направленіи на нашихъ картахъ внутренней Азіи. Почва здѣсь совершенно неплодородна и кой-гдѣ встрѣчаются раковины.

28-го марта мы шли на Ю.-З и въ теченіе дня мѣстность нѣсколько измѣнила свой видъ. Количество раковинъ увеличилось и появился опять довольно густой мертвый лѣсъ.

Въ отложеніяхъ глины замѣтны два слоя, указывающіе на различные періоды и различныя высоты воды въ прежнемъ озерѣ; раковины замѣтны также и въ отложеніяхъ глины.

Вдругъ мы наткнулись на развалины нѣсколькихъ домовъ! Мы конечно остановились и сначала сдѣлали бѣглый обзоръ мѣста. Оказалось, что здѣсь нѣкогда стояли три дома, но подѣ вліяніемъ времени и сильныхъ бурь громадные бревна ихъ крыши и досчатые стѣны обрушились, и частью уже были засыпаны пескомъ. Основные бревна все-

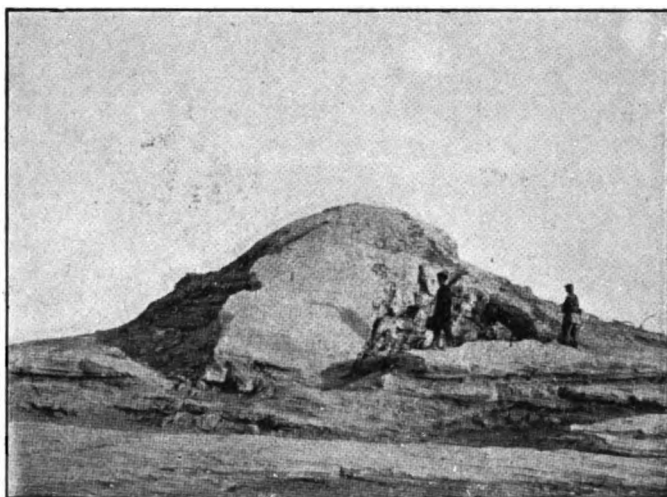
„Зданія стояли на глиняныхъ цоколяхъ“.

таки сохранили свое положеніе, такъ что я легко могъ снять планъ домовъ и узнать ихъ размѣры.

Одно обстоятельство сразу указало на довольно почтенный ихъ возрастъ, а именно то, что зданія стояли на глиняныхъ цоколяхъ, похожихъ на бугорки, вышиною въ 2 $\frac{1}{2}$ метра и одной площади съ ними. Первоначально они были построены на ровной землѣ, которая однако высохла и была снесена вѣтромъ, такъ что только мѣста, защищенные зданіями образовали выдающіяся части. Всюду валялись осколки глиняной посуды и маленькія глиняныя чашки, которыя еще и теперь ставятъ передъ изображеніями Будды

и вообще въ храмахъ. Кромѣ того мы нашли нѣсколько китайскихъ желѣзныхъ топоровъ.

Раскапывая восточный домъ, мы нашли нѣсколько кусковъ дерева, съ причудливой рѣзбой, которые украшали когда-то стѣны этого дома. Было вырѣзано изображеніе короля въ коронѣ, держащаго трезубецъ въ рукахъ, и чело-вѣка съ вѣнкомъ, а также различные узоры и орнаменты, рѣшетки и лotosовые цвѣты; все весьма искусно вырѣзано, но очень повреждено временемъ. Мы конечно вы-

Черновъ и Абду Регимъ у Турн.

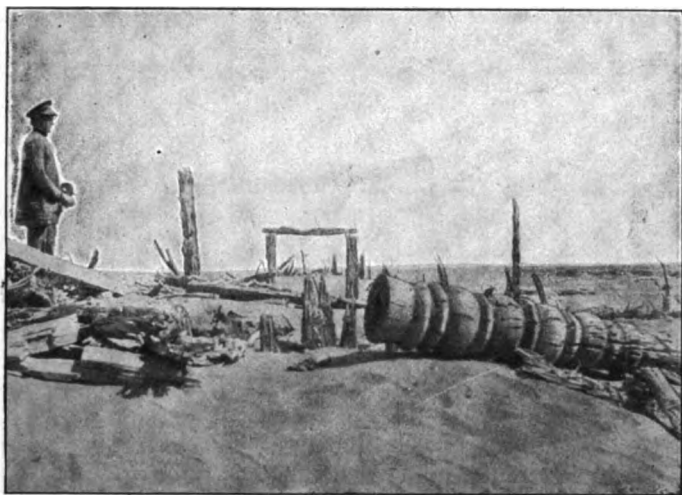
брали образцы всѣхъ различныхъ рисунковъ и взяли ихъ съ собою.

На Ю.-58°-В. возвышалась тура, къ которой мы съ Черновымъ и Абду Регимомъ отправились для ея изслѣдованія. Она имѣла форму купола, частью разрушеннаго, и вѣроятно служила указателемъ дорогъ. Три другихъ туры образовали совместно съ этой фигуру 4 главныхъ звѣздъ созвѣдія Льва; разстояніе между ними было отъ 5 до 7 километровъ. Другихъ домовъ мы болѣе не встрѣтили.

Такимъ образомъ мы, благодаря счастливой случайности, нашли продолженіе Кэмуръ-салди-ѣль, старой дороги, ве-

душей изъ Курли вдоль сѣвернаго берега Ловь-нора въ Са-чео и Пекинъ.

Здѣсь я отпустилъ Абду Регима, заплативъ ему $1\frac{1}{2}$ ямбы, вознагражденіе весьма приличное, но въ виду тѣхъ громадныхъ услугъ, которыя онъ оказалъ мнѣ, вполне имъ заслуженное. Съ нимъ я отправилъ Ходай-Куллу въ Алтымышъ и Сингеръ, а оттуда въ Тура-салганъ-уй, съ нашими находками. У меня остались Черновъ, Файзуллахъ и Эрдекъ, 4 верблюда, 2 собаки и лошадь. Передъ уходомъ мы еще разъ тщательно изслѣдовали развалины. Меньшій домъ, судя по

Черновъ среди развалинъ.

украшеніямъ и присутствію чашекъ, служащихъ для приношенія жертвъ, вѣроятно былъ храмомъ. Большой домъ, имѣющій площадь въ $52,4 \times 18$ метровъ, былъ расположенъ въ направленіи Ю.-22°-З.—С.-22°-В. Онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько комнатъ различной величины. Косяки дверей еще возвышались надъ развалинами. Нѣсколько угловыхъ вертикальныхъ бревенъ были украшены и выточены такимъ образомъ, что казались похожими на шары и кружки, поставленные одинъ на другой.

Одна комната вѣроятно служила овчарней, такъ какъ тамъ лежали толстые слои овечьего навоза. Хотя китайцы

и пользуются имъ, какъ топливомъ, но въ Лобъ-норскихъ береговыхъ лѣсахъ такая расчетливость была-бы излишней. Судя по очертанію мѣстности, эти два зданія и третье, совершенно разрушенное, лежали на полуостровѣ, или на перешейкѣ между двумя озерами.

Теперь возникаетъ вопросъ, кто именно строилъ эти дома и жилъ въ нихъ? По первому моему впечатлѣнію это былъ „эртенгъ“ или болѣе значительная станція на дорогѣ въ Дунгъ-ханъ (Са-чео). Впрочемъ, къ этому вопросу я вернусь позже.

Косяки дверей.

Окончивъ осмотръ развалинъ, мы отправились дальше на Ю.-З., принужденные принять это направленіе ярдангами, которые однако постепенно понижались. Мертвый лѣсъ встрѣчался довольно часто, но отдѣльными рощами, которыя, вѣроятно, росли на островахъ стараго озера. Какая разница въ сравненіи съ Кара-кошунѣмъ, гдѣ теперь нѣтъ ни единого тополя. Раковинъ масса и жесткіе острые остатки камыша не особенно благопріятны для мягкихъ ногъ верблюдовъ. Такіе же остатки камыша появятся, когда высохнетъ Кара-кошунъ.

При дальнѣйшемъ нашемъ движеніи песокъ исчезъ; та-

кимъ образомъ мы миновали первую полосу песка. Все здѣсь мертво и сухо въ этой мѣстности, которая прежде была столь богата и водой и растительностью.

Вечеромъ мы остановились въ незначительномъ углубленіи, въ которомъ росли нѣсколько живыхъ тамарисковъ и гдѣ мы надѣялись найти воду. Но когда хотѣли вырыть колодезь, оказалось, что Эрдекъ забылъ лопату у развалинъ, т. е. въ 20 верстахъ. Такъ какъ мы не могли обойтись безъ лопаты, то пришлось отпустить его одного, несмотря на опасности, могущія возникнуть отъ внезапныхъ бурь. Я далъ ему

Развалины найденныя Эрдекомъ.

инструкціи идти по нашимъ слѣдамъ и въ случаѣ, если онъ не найдетъ насъ, направиться прямо на югъ и дойти до озера Кара-кошуна. Выспавшись и наѣвшись, онъ около полуночи отправился верхомъ на нашей единственной лошади.

Мои опасенія къ несчастью сбылись: ночью поднялась сильная буря, которая очень облегчила наше передвиженіе, такъ какъ вѣтеръ былъ попутный; но одновременно она замѣтала наши слѣды. Я, однако, надѣялся, что Эрдекъ будетъ настолько уменъ, что при наступленіи бури повернетъ назадъ, бросивъ поиски лопаты.

Найдя вечеромъ нѣсколько полѣнъ, мы разбили лагерь. Не успѣли мы еще окончательно успокоиться, какъ появился Эрдекъ съ лопатой и ведущій лошадь въ поводу. Отдохнувъ нѣсколько послѣ столь утомительной поѣздки въ 60 километровъ, онъ сообщилъ намъ очень много интереснаго.

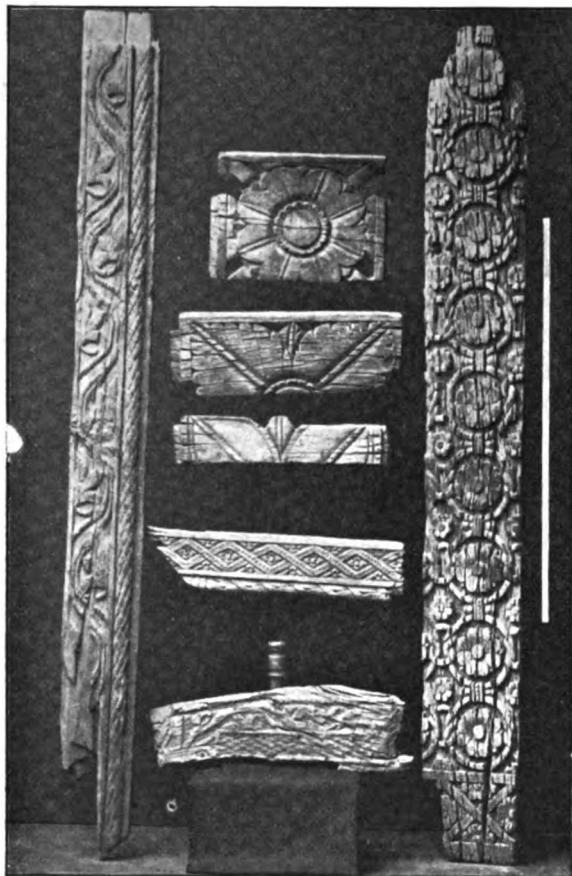
Во время бури онъ заблудился, потерялъ наши слѣды и наткнулся на „туру“, вблизи которой онъ нашелъ развалины нѣсколькихъ домовъ, богато украшенныхъ рѣзьбой. Далѣе онъ нашелъ глиняную посуду, топоры, куски металла и монеты, которыя онъ захватилъ и показалъ намъ. Кромѣ того онъ взялъ двѣ доски, украшенные рѣзьбою и потомъ уже продолжалъ поиски мѣста, гдѣ потерялъ лопату. Доски онъ самъ долженъ былъ нести, такъ какъ лошадь боялась ихъ; у мѣста ночевки, она даже вырвалась и понеслась на западъ и когда ему, наконецъ, удалось поймать ее, то онъ такъ усталъ, что бросилъ доски и поспѣшилъ догнать насъ.

Эти извѣстія сразу перемѣнили мои планы на будущій годъ. Я съ удовольствіемъ бы вернулся сейчасъ же но это было бы безуміемъ, такъ какъ воды оставалось у насъ всего только на нѣсколько дней, а теплое время года приближалось быстро. Къ развалинамъ я долженъ былъ попасть во что бы то ни стало, но лѣто мы должны были провести въ Тибетѣ, зимой же вернуться къ Ловь-нору.

Запасъ воды быстро подходилъ къ концу, и верблюды уже не пили цѣлыхъ пяти дней; когда они получили по ведру, то запасъ воды сократился до однодневнаго. До Каракошуна оставалось еще отъ 60 до 70 километровъ. 1-го апрѣля я съ высокаго бархана, къ крайнему своему удивленію, на Ю.-В. увидѣлъ большія пространства воды между барханами и ярдангами. Я едва вѣрилъ глазамъ при видѣ воды въ этой пустынѣ.

Я бросился туда и въ самомъ дѣлѣ оказалось озеро съ крайне причудливыми береговыми очертаніями, заливчиками, островами и проливами, которые могутъ возникнуть только на равнинѣ среди бархановъ и ярданговъ. Но за исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ тамарисковъ и отростковъ камыша, не было видно растительности; мѣстность казалась

наводненной недавно. Пришлось продолжать путь по извилистымъ берегамъ, которые крайне удлинляли дорогу къ Кара-кошуну. Вода простиралась все дальше на западъ и поэтому я рѣшилъ остановиться и поискать бродъ. Мы, очевидно, стояли передъ совершенно новымъ рукавомъ Та-

Находки Эрдека.

рима и черезъ него намъ надо было переправиться. Теченія не было видно, но совершенно свѣжая черта по берегу показывала, что вода спала на 1 метръ, въ зависимости отъ паденія Тарима въ теченіе зимы.

2-го апрѣля Чернову удалось найти бродъ, глубиною въ

90 сантиметровъ и съ твердымъ песчанымъ дномъ. По ту сторону мы опять вошли въ область бархановъ и скоро потеряли озеро изъ вида. Песокъ и барханы все увеличивались и достигали высоты 11 метровъ. Мои мусульмане были мрачны и думали, что озеро, отъ котораго мы уходимъ, и было именно Кара-кошунъ. Я самъ сталъ удивляться. Въ такомъ случаѣ мы бы пропали. Верблюды пыхтѣли въ глубомъ пескѣ и задумчиво оглядывались.

Но вотъ впереди насъ появился бугоръ въ 5 метровъ высоты, на который я влѣзъ, пригласивъ Файзуллаха посмотрѣть на Кара-кошунъ. И въ самомъ дѣлѣ: съ этой высоты видны были на Ю.-З., Ю., Ю.-В. и В. большія и малыя поверхности чистой синеватой воды, раздѣленныя камышемъ.

Вечеромъ мы уже расположились на мысѣ у воды. Существованіе бассейна стараго Лобь-норскаго озера было доказано, древнее заселенное мѣсто было найдено, а также и новое озеро. Потерь не было никакихъ. Что касается профиля поперекъ всей Лобской пустыни, то я считалъ его не достаточно точнымъ, ибо нельзя пользоваться одними опредѣленіями точекъ кипѣнія и показаніями анероидовъ въ странѣ съ такими малыми разнициами въ высотахъ. Исполненіе плана вторично изслѣдовать эту мѣстность, стало необходимо и нивелировка могла дать ясное представленіе о крайне незначительныхъ разностяхъ высотъ между Лобь-норомъ и Кара-кошунъ.

Послѣ моего предыдущаго путешествія я указывалъ на то, что Лобь-норъ мѣняетъ свое мѣстоположеніе именно потому, что вся мѣстность находится почти на одной горизонтальной плоскости.

XIV.

Двадцать пять дней въ челнокѣ.

3-го апрѣля дулъ крѣпкій вѣтеръ съ С.-В. и сила его временами доходила до 10 метровъ въ секунду. Но я непремѣнно хотѣлъ проѣхать по свѣжимъ волнамъ озера послѣ горячихъ песковъ пустыни и измѣрить глубину воды. Поэтому я рѣшилъ построить плотъ изъ козьихъ кожъ и лѣстницъ вьюковъ и переправиться на немъ черезъ озеро.

Навьючивъ матеріалъ на лошадь, мы отправились къ выдающемуся мысу. На надутые воздухомъ мѣхи мы положили двѣ лѣстницы, соединенныя поперечными палками и плотъ былъ готовъ. Мы съ Черновымъ сѣли верхомъ на лѣстницы, опустивъ босыя ноги въ воду; наши спины замѣняли паруса и мы поплыли прямо на лагерь, который, обладая хорошимъ зрѣніемъ, можно было видѣть на Ю.-50°-З. При набѣганіи большихъ волнъ приходилось цѣпляться руками и удерживать равновѣсіе, чтобы не перевернуться. Черезъ нѣсколько минутъ мы промокли насквозь.

Наше плаваніе длилось 2½ часа. Вода, которая накануне у нашего лагеря была совершенно прѣсна и прозрачна, имѣла теперь слегка солоноватый вкусъ и была мутна, потому что этимъ вѣтромъ спокойная вода выгоняется изъ восточныхъ областей на западъ. На нашемъ берегу вода поднялась на 1½ дециметра. Наибольшая глубина озера равнялась 3,10 мет. Когда мы, наконецъ, добрались до лагеря, то такъ окоченѣли, что едва были въ состояніи дойти до костра, и только черезъ часъ, выпивъ горячаго кофе, я пришелъ въ себя.

Теперь я надѣялся на близость первыхъ человѣческихъ жилищъ у Кумъ-чапгана и 5-го апрѣля мы отправились вдоль берега. Утки, гуси, лебеди, сойки и особенно вороны

встрѣчаются въ большомъ количествѣ, а также зайцы и ёжи. Всюду по берегу видны слѣды лисицъ, сернъ, рысей и кабановъ.

Идя на Ю.-З. мы пересѣкали рукавъ, имѣющій $3\frac{1}{2}$ куб. метра воды въ секунду и 83 сант. максимальной глубины. Вода прибывала, что было ясно видно въ маленькихъ боко-

На Кара-кошунѣ.

выхъ канальцахъ, которые отдѣляются отъ рукава и наполняютъ водою углубленія почвы. Я теперь все шелъ впередъ быстрымъ шагомъ и, наконецъ, 6-го вечеромъ замѣтилъ громадное облако дыма надъ необозримыми озерами-болотами, простирающимися южнее нашего пути. Я сейчасъ-же остановился и ожидалъ остальныхъ. Вѣроятно нѣсколько Лобнорскихъ рыбаковъ зажгли прошлогоднiе сухiе камыши, чтобы проложить себѣ дорогу и дать

мѣсто вырастающимъ свѣжимъ камышамъ. Мы начали разбивать палатки, а Эрдекъ по моему приказанiю отправился верхомъ на лошади по направлению къ дыму, хотя я и очень сомнѣвался, что ему удастся пробраться по этимъ болотамъ.

Черновъ отправился на охоту и черезъ нѣсколько часовъ вернулся съ жирнымъ гусемъ и съ лошадью Эрдека, которую онъ нашелъ привязанной. Эрдекъ самъ вплавь и пѣшкомъ продолжалъ поиски и вечеромъ онъ привелъ 8 человекъ съ нѣсколькими мѣшками весьма нужной намъ про-

визіи, состоящей изъ: 3 гусей, 4 десятковъ яицъ, рыбы, муки, рису и хлѣба.

7-го эти честные лоплыки показали намъ дорогу въ Кумъ-чапанъ. Вѣтеръ все продолжалъ дуть со скоростью 14-ти метровъ въ секунду; въ такую бурю разности температуры не велики: минимумъ 12°, въ 7 час. утра 14,6°, въ 1 часъ дня 16,6°. На жару нельзя было жаловаться, и комаровъ не было.

Въ Кумъ-чапанѣ мы расположились на томъ мѣстѣ, гдѣ Таримъ дѣлится на два рукава: Кумъ-чапанъ и Тузунъ-чапанъ. Все осталось въ томъ же видѣ, какъ и въ 1896 году. Я опять попалъ въ такое мѣсто, гдѣ могъ сличить и соединить маршруты этого и предыдущаго путешествій.

Во время отдыха у Кумъ-чапана, мы совершили двѣ большихъ экскурсіи въ лодкахъ: первую въ тѣ же края, какъ въ 1896 году, вторую по Тузунъ-чапану и вдоль южныхъ частей озера, гдѣ я еще не былъ.

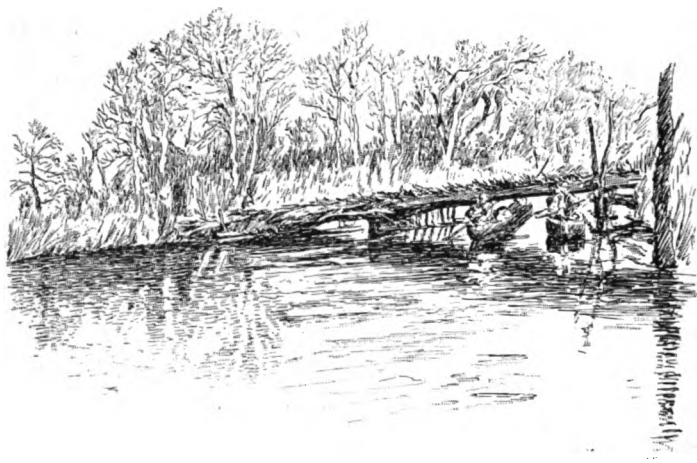
Прибывшій въ это время изъ Абдала Нуметъ-Бекъ долженъ былъ заботиться о верблюдахъ и достать намъ провизіи и проводниковъ въ Тура-салганъ-уй, куда я хотѣлъ пробраться на челнокахъ. Съ Черновымъ и тремя гребцами мы сѣли въ большой челнокъ, Файзуллахъ съ сѣстными припасами и двумя гребцами въ челнокъ поменьше.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ эти мѣста измѣнились до неузнаваемости. Открытыя озера теперь совершенно заросли камышемъ, другія образовались по бокамъ и получили новыя названія. Наибольшая измѣренная въ теченіе дня глубина доходила до 4,85 и 5,15 метра и находилась во вновь образовавшемся бассейнѣ, подъ названіемъ Тоягунъ, что доказываетъ, что около Кара-кошуна могутъ находиться болѣе значительныя углубленія, въ то время, какъ болѣе старыя части озера постепенно мелѣютъ и заростають.

10-го апрѣля я измѣрилъ количество воды Тарима въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ переходитъ въ болото; въ немъ оказалось 29,7 куб. метра въ секунду. Въ 1896 году я на томъ же мѣстѣ и въ то же время года нашелъ 50 1/2 куб. метра. Эта значительная разниа зависитъ частью отъ вновь образовавшагося рукава Ширге-чапанъ, частью отъ большого числа естественныхъ каналовъ, которые отдѣлялись отъ главной рѣки выше Кумъ-чапана.

Песчаный барханъ, по которому Кумъ-чапганъ носить свое названіе, имѣетъ высоту въ 10,²⁴ метра; наибольшая глубина озера 5,¹⁵ метра. Эту разницу высотъ 15,³⁹ можно считать наибольшей въ нижнемъ бассейнѣ Лобъ-нора.

Южная часть Кара-кошуна въ значительной степени отличается отъ сѣверной. Наибольшая измѣренная глубина только 1,⁹ метра, но чаще всего она 0,³ и менѣе. Дно состоитъ изъ синей глины или горной грязи, имѣющей сверху слой мелкаго желтаго ила. Когда стало очень мелко, такъ что челноки не проходили больше, людямъ пришлось вылѣзти и перетаскивать ихъ веревками; скоро, однако, и

Таримъ у Ширге-чапгана.

это оказалось невозможнымъ и мы принуждены были повернуть назадъ. Дно озера было на 1 дециметръ покрыто грязью, подъ которой лежалъ твердый тонкій слой соли. Весь Кара-кошунъ медленно перемѣщается на сѣверъ. Сорокъ дней тому назадъ сошелъ ледъ и съ этихъ поръ вода спадала на 25 сант., что было ясно видно на стебелькахъ камыша.

Доѣхавъ до Абдала, мы измѣрили количество воды, оно было равно 93,³ куб. метр. въ секунду. Теперь стоялъ періодъ весенняго половодья; лѣтомъ вода спадаетъ на 1½ сажени. Сюда привели нашихъ верблюдовъ. На разстояніи небольшого перехода сѣвернѣе Абдала, пустыня пересѣкается

вновь образовавшимся рукавомъ, выходящимъ изъ Ширге-чапгана у нижняго Тарима. Кромѣ Абдальскихъ охотниковъ никто не видѣлъ этой рѣки и я хотѣлъ нанести ее на карту. Но чтобы изслѣдовать этотъ рукавъ, необходимо было перевести челноки по пустынѣ, раздѣляющей эти рѣки, такъ какъ тамъ они были намъ также необходимы. Единственный пригодный способъ запречь верблюдовъ, какъ въ сани, и тащить ихъ по землѣ. Животныхъ пришлось вести осторожно, чтобы они не напугались и не понесли. Такимъ способомъ 2 челнока съ нѣсколькими потертыми днами къ вечеру были доставлены на мѣсто.

Послѣ дождливой ночи мы начали кампанію. Путешествіе было тяжелое, буря ревѣла и рвала камыши, подъ которыми мы искали себѣ защиты. Въ открытыхъ частяхъ довольно высокія волны грозили залить наши челноки. Въ густыхъ заросляхъ стоялъ полумракъ.

Пока теченіе было замѣтно, все шло, какъ нельзя лучше, но потомъ мы попали въ настоящій лабиринтъ изъ камыша, тамарисковъ, мысовъ и перешейковъ. Болѣе трехъ часовъ мы розыскивали свободный проходъ, теряли дорогу, возвращались, пролагали себѣ путь по густымъ камышамъ и перетаскивали челноки черезъ перешейки. Наконецъ, мы зажгли камышъ. Въ полумракѣ это было великолѣпное зрелище, когда пламя бросилось на заросли, которые шипѣли, хрустѣли, трещали и посылали густой черный дымъ къ небу. Копоть наполнила воздухъ и пачкала насъ, когда мы пробирались по открытой огнемъ дорогѣ, расширяющей нашъ кругозоръ.

Наконецъ, мы напали на вѣрный путь съ такимъ сильнымъ теченіемъ, что гребцамъ пришлось напрягать всѣ силы, чтобы двигаться противъ него. Теперь мы шли на С.-З. и черезъ длинныя озера, мы опять попали въ рѣчное русло, которое иногда суживалась до 10 метровъ. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось протаскать челноки по суши, чтобы обойти водопадъ, высотой въ 55 сантиметровъ; другой разъ мы такимъ же образомъ обошли водопадъ, высотой въ 60 сантиметровъ.

Эти водопады производятъ впечатлѣніе, будто паденіе Ширге-чапгана гораздо больше паденія главной рѣки, ко-

торая такимъ образомъ должна находиться въ плоскости, лежащей нѣсколько выше. Этимъ объясняется стремленіе всей системы перемѣщаться на сѣверъ.

Разница высотъ въ 1 метръ играетъ громадную роль въ этой почти горизонтальной странѣ.

Въ Екенъ-эй мы нашли маленькую деревню, состоящую изъ 4 сатмъ и 20 жителей, стариковъ, женщинъ и маленькихъ ребятъ; остальные отправились въ Чархалыкъ заниматься хлѣбонашествомъ. Они живутъ рыбной ловлей, охотою на дикихъ утокъ и собираютъ ихъ яйца. Имъ же принадлежатъ 150 овецъ и нѣсколько коровъ. 4 года тому назадъ они переселились сюда изъ Чиггеликъ-уй и только 7 лѣтъ назадъ, говорили они, новая рѣка стала пролагать себѣ дорогу на востокъ.

18-го апрѣля мы переправились по цѣлому ряду озеръ, имѣющихъ глубину, достигающую до 4,6 метра. Эти озера замѣчательны тѣмъ, что вода изъ нихъ стекаетъ въ двѣ противоположныя стороны:—на востокъ и на западъ. Главная масса идетъ на востокъ и образуетъ тамъ рукавъ, по которому мы шли, но часть вытекаетъ въ Таримъ у Ширге-чапгана и поверхность озера около 60 сантиметровъ выше Тарима.

Понемногу мы входимъ въ „кокъ-ала“ или маленькій рукавъ, который пробирается къ Тариму, гдѣ его чистая вода мгновенно смѣшивается съ мутнымъ потокомъ Тарима.

Нѣсколько ниже, въ Ширге-чапганѣ, мы переночевали. Отсюда я намѣревался на лодкахъ возвратиться въ Тыккенлыкъ. Къ сожалѣнію, въ теченіе двухъ дней пришлось идти по извѣстной мнѣ уже съ 1896 года дорогѣ до Кумъ-чекке, но гидрографія мѣстности такъ измѣнилась, что я надѣялся на новыя открытія.

Оставивъ Ніасъ-куль по лѣвой рукѣ, мы переѣхали черезъ Чонгъ-куль и направились вверхъ по могучему рѣчному рукаву Лайлыкъ-дарьѣ. Садакъ-куль совершенно измѣнился въ теченіе четырехъ лѣтъ: заросъ камышами и наполнился пескомъ. По знакомымъ мѣстамъ и мимо извѣстныхъ уже мнѣ селеній, мы доѣхали до Кумъ-чекке, гдѣ насъ приняли друзья и знакомые съ 1896 года.

Отъ Кумъ-чекке мы продолжали путь вверхъ по рѣкѣ черезъ необычайно густые и великолѣпные лѣса. Въ этой рѣкѣ, выше озера Тозгакъ-чанджи, мы нашли наибольшую глубину, которую я когда-либо находилъ въ системѣ Тарима, а именно 12,5 метра. Таекъ-куль, по восточному берегу котораго мы шли въ 1896 году, имѣлъ глубину, доходившую до 5,7, 6,9 и 9,5 м., т. е. почти вдвое больше, чѣмъ въ Кара-кошунѣ. По ночамъ насъ теперь самымъ жестокимъ образомъ стали преслѣдовать комары, не дававшіе намъ ни минуты покоя. И здѣсь рѣчная система оказалась до того запутанной, что ее можно описать только при помощи очень подробной карты.

29-го апрѣля мы пересѣкли громадное озеро Чивиликъ-куль, ббльшая часть котораго однако, какъ и у всѣхъ другихъ, заросла камышемъ. Въ селеніи Кадыкъ къ намъ присоединились мои прежніе проводники Киргуй-паванъ и Ширдакъ-паванъ, которые извѣстили насъ о послѣдовавшей смерти Парпи-бая. Нѣсколько дней тому назадъ я послалъ Файзуллаха впередъ въ Тура-салганъ-уй съ приказаніемъ Чердонову и Парпи-баю отвести главныя силы каравана въ Чименъ, чтобы комары и оводы не мучили ихъ зря. Но Парпи-бай не узналъ о томъ довѣріи, которое я питалъ къ нему.

4-го мая мы остановились въ Тыккенлыкѣ у стараго Насеръ-Бекъ и получили хорошія извѣстія изъ главной квартыры. 5-го числа я устроилъ смотръ проходящимъ здѣсь подъ начальствомъ Чердонова главнымъ силамъ каравана въ составѣ Файзуллаха, Моллахъ-Шахъ, Муза, Кучика и 10 лоплыковъ, 35 лошадей, 5 муловъ и 5 собакъ. Состояніе людей было превосходное. По моему приказанію они должны были итти по большой караванной дорогѣ въ Абдалъ и оттуда прямо въ Чименъ въ сѣверномъ Тибетѣ.

6-го мая мы въ послѣдній разъ перемѣнили гребцовъ и челноки и 8-го мы наконецъ прибыли. Сыркинъ отрапортовалъ о происшествіяхъ, передалъ метеорологическій журналъ и замѣтки о перемѣнахъ въ состояніи воды. Наша барка стояла въ гавани готовая выступить въ походъ.

XV.

Опасныя озерныя путешествія.

Возвращеніемъ въ старыя зимнія квартиры одинъ отдѣлъ моего путешествія былъ законченъ. Теперь мы больше не нуждались въ основной базѣ у Янги-куля, такъ какъ были намѣрены перевести все наше имущество въ другіе края внутренней Азіи, въ другой міръ, въ другую среду, а именно въ негостепріимныя горы между Гималайей и Кюэнь-лунь.

Десять дней, которые я провелъ въ нашей главной квартирѣ среди массы хлопотъ и дѣлъ, прошли незамѣтно. Первымъ дѣломъ я рассчиталъ Халметъ Аксакала изъ Курли, который доставилъ намъ лошадей и большіе запасы провизіи; ему-же я поручилъ свою почту. Казаки были заняты передѣлкой барки, такъ какъ мы рѣшили пользоваться ею, продолжая путешествіе внизъ по Тариму. На носу вмѣсто палатки воздвигалась настоящая рубка, одного устройства съ темной комнатою, но покрытая бѣлымъ войлокомъ. Передняя стѣна состояла изъ двухъ войлочныхъ занавѣсокъ, изъ которыхъ правая, висѣвшая передъ ящиками, служившими письменнымъ столомъ, опускалась только ночью.

Послѣ введенія еще нѣсколькихъ усовершенствованій, мой кабинетъ оказался настолько привлекательнымъ и удобнымъ, что я не понималъ, какъ могъ удовлетворяться палаткой прошлой осенью.

На югѣ казаки построили себѣ такую-же рубку. Тамъ-же помѣщался наблюдательный столъ Сыркина съ anerоидами, часами, термометрами, приборами для измѣренія быстроты теченія и т. д. и въ путешествіи онъ до Абдала былъ у меня неоцѣнимымъ личнымъ секретаремъ.

Вечеромъ 17-го мая всѣ мусульмане посѣтили могилу Парпи-бая и помолились; это было послѣднее прости. Потомъ собрали всѣхъ временно состоявшихъ у насъ въ услуженіи и дали имъ расчетъ.

На слѣдующее утро Исламъ, Турду-бай, Ходай-Куллу и два лоплыка повели караванъ изъ 9 верблюдовъ подъ присмотромъ Чернова. Въ нашемъ лагерѣ стало пусто и тихо, такъ какъ и всѣ купцы уѣхали въ мѣста, гдѣ имъ можно было ожидать болѣе бойкой торговли.

Еще не утихъ звонъ верблюжьихъ колокольчиковъ, какъ мы съ Сыркинымъ, Эрдекомъ и гребцами сѣли въ два челнока, спустились по рѣкѣ и по узкому каналу поѣхали въ озеро Гельме-кетти, гдѣ мы измѣрили глубину. Странно было то, что глубина озера увеличивалась къ югу до 7 метровъ. Вообще-же наибольшія глубины были найдены мною у восточнаго берега, гдѣ и барханы круто обрываются къ озеру.

Во время нашихъ измѣреній, вѣтеръ усилился и скоро перешелъ почти въ штормъ; волны стали все выше и угрожали затопить наши челноки. Положеніе было тѣмъ болѣе критическое, что озеро мѣстами было очень мелко и, если бы челнокъ задѣлъ за песокъ, то онъ несомнѣнно перевернулся-бы и всѣ наши аппараты очутились бы въ водѣ. Наконецъ челноки до того наполнились водой, что мы рѣшили прекратить это опасное путешествіе и направились къ берегу, гдѣ мы, насквозь промокшіе, и высадились. Поздно вечеромъ мы добрались до барки, около которой Шагдуровъ развелъ большой костеръ.

Послѣдніе дни вода нѣсколько прибыла. Туземцы говорятъ, что послѣ весенняго половодья, происходящаго отъ таянія льдовъ, наступаетъ ежегодно второй, хотя и незначительный, подъемъ воды, а именно, когда цвѣты *Eleagnus* расцвѣтаютъ, и когда утятъ дѣлаются самостоятельными. 16-го мая было 73,4 к. метра воды т. е. на 22 к. метра меньше, чѣмъ 7-го числа.

Поэтому пришлось торопиться и 19-го мая мы отвалили. Эскадра состояла изъ барки, управляемой 4 человекѣми, англійской парусинной лодки и связанныхъ вмѣстѣ челнока и построенной мною парусной лодки, управляемой

лоплыками. Малую барку и остальные челноки мы пода-
рили жителямъ Янги-куля.

Въ этомъ путешествіи я задался цѣлью нанести на
карту нижнее теченіе Тарима и возможно большее количе-
ство озеръ, расположенныхъ вдоль береговъ. Только въ Ар-
ханѣ, Ширге-чапганѣ и Абдалѣ намъ приходилось касаться
маршрута, предыдущихъ экскурсій. Говорили, что рѣка
все больше передвигается на востокъ въ новыя русла и что
едва-ли хватитъ воды, чтобы доѣхать до конца рѣки, но
тѣмъ не менѣе мы рѣшились воспользоваться баркой до
послѣдней возможности.

20-го мая я совершилъ интересную поѣздку по озеру
Каруналикъ-куль въ вполне благопріятную погоду. Поэтому
я могъ сдѣлать измѣренія глубинъ настолько система-
тично, что полученныхъ данныхъ было болѣе чѣмъ доста-
точно для вычерчиванія кривыхъ глубинъ.

Уже у соединительнаго канала я сдѣлалъ интересное на-
блюденіе. Цѣлыхъ 2,5 куб. метра воды протекали изъ
рѣки въ озеро, которое, такимъ образомъ, въ это время
брало съ Тарима около 200.000 куб. метровъ въ сутки.
Какое, слѣдовательно, громадное количество воды нужно
чтобы привести озеро въ одинъ уровень съ рѣкою и отсюда
ясно, сколько воды тратится даже въ такомъ маленькомъ
озерѣ, благодаря испаренію и просачиванію въ песокъ.

Наибольшія высоты и глубины, были найдены на восточ-
номъ берегу озера. Я измѣрилъ высоту ближайшаго бархана
при помощи нивелировочнаго зеркала и нашелъ ее равной
89,5 метра. При этомъ замѣчу, что я зеркаломъ легко опре-
дѣлилъ превышеніе нѣсколькихъ другихъ бархановъ надъ
измѣреннымъ, достигающее 10—15 метровъ.

Далѣе мы изслѣдовали Удлугъ - куль или, „Большое
озеро“ имѣющее наибольшую глубину въ 10 метровъ. Рыбы
здѣсь много, но систематичной ловли ея еще нѣтъ, пока
вода не спадетъ настолько, что озеро будетъ совершенно
отрѣзано отъ рѣки. Тогда говорятъ, рыба дѣлается болѣе
жирной и вкусной. Здѣсь ее ловятъ совершенно инымъ
способомъ, чѣмъ обыкновенно въ озерахъ, гдѣ сѣти выстав-
ляются въ чапганахъ, а именно, ловятъ сѣтью, длиною до 60
саженей, которую лодками тащатъ по мелкой водѣ полукру-

гомъ, потомъ заворачиваютъ спиралью и веслами вгоняють рыбу въ эту спираль. На берегахъ изрѣдко показываются серны и кабаны. Въ это озеро вливаются 6,7 к. м. воды въ секунду, которая потомъ при пониженіи уровня воды въ рѣкѣ частью возвратится въ нее.

Всѣ эти озера, которыя расположены по правому берегу Тарима, какъ листья по стеблю, играютъ роль какъ бы паразитовъ или наростовъ; онѣ питаются рѣкою и при переходѣ ея въ новое русло исчезаютъ. Осенью онѣ высыхаютъ и требуютъ наполненія. Такимъ образомъ, въ нихъ уходить

Застряли въ камышахъ.

масса воды, которая, при отсутствіи этихъ озеръ, вся бы ушла въ Кара-кошунъ и совершенно измѣнила бы карту.

У Кепекъ-уй начался тотъ лабиринтъ вновь образовавшихся озеръ, заросшихъ камышомъ, гдѣ только съ крайними затрудненіями можно продвинуться впередъ. Всѣмъ случайнымъ пассажирамъ, приставшимъ къ намъ по дорогѣ, а также и гребцамъ и провожатымъ пришлось слѣзть въ воду и всѣми силами тянуть и проталкивать барку по густымъ камышамъ. Нерѣдко приходилось лопатами расширять дорогу и огнемъ уничтожать слишкомъ густыя заросли. Къ этимъ затрудненіямъ прибавилось еще мученіе отъ оводовъ (кэккэнъ), которые тучами летали вокругъ

насъ. Послѣ тяжелаго дня мы причалили къ маленькому острову въ озерѣ Еккенлыкѣ.

25-го мая мы совершили экскурсію на озеро Беглыкѣ-куль, куда жители Катикѣ-арика перетащили наши челноки черезъ узкій мысъ. Стояла тихая, чудная погода и только частымъ обливаніемъ платья водою, я спасался отъ невыносимой жары. Весь день мы были заняты топографической съемкой озера; но вдругъ на горизонтѣ поднялись темныя тучи въ видѣ отдѣльныхъ столбовъ, предвѣстники карабурана. Остаться я не могъ, такъ какъ надо было завести хронометры, и послѣ короткаго совѣщанія мы рѣшили переѣхать черезъ заливъ и добраться домой подъ защитой острововъ, расположенныхъ вдоль сѣвернаго берега. Люди гребли съ такой силой, что я боялся за цѣлость весель, и съ тревогой выкрикивали „я Аллахъ“. Но какъ люди не старались, имъ не удалось достигнуть берега раньше бури; уже былъ слышенъ страшный свистъ вѣтра и шумъ громадныхъ волнъ.

Я сунулъ инструменты въ карманы и снялъ сапоги и носки. Въ этотъ моментъ люди закричали: „Вотъ онъ“ и буранъ окуталъ насъ густой пеленой, состоящей изъ песчаной пыли. Челноки ныряли какъ соломенки среди волнъ и только благодаря искусству гребцовъ не наполнились сразу водой, но, подѣвжая къ берегу, они уже стали тонуть. Съ облегченнымъ чувствомъ мы продолжали дорогу подъ берегомъ, защищенные тамарисками.

Въ соединительномъ каналѣ насъ встрѣтили, встревоженные бурей и долгимъ нашимъ отсутствіемъ, товарищи. Съ большимъ трудомъ, при наступившей темнотѣ, намъ удалось отыскать нашу барку. Кругомъ ничего не было видно и только можно было чувствовать ту силу, съ которой буранъ трепалъ камыши. Благодаря только костру Сыркина, мы нашли нашъ плавучій домъ.

Эта была одна изъ страшнѣйшихъ, пережитыхъ мною, бурь. Рубки пришлось особенно сильно укрѣпить, чтобы ихъ не снесло вѣтромъ и снять метеорологическую будку. Особенно я боялся огня, такъ какъ барка была окружена камышемъ, и по этому на всю ночь были разставлены часовые.

XVI.

Внизъ по Тариму.—Послѣднее путешествіе на баркѣ.

Буря продолжалась весь слѣдующій день и только 27-го погода стихала. Послѣ бури появились опять комары и оводы. Въ этотъ день мы по порогамъ вышли изъ Еккенлыкъ-куля въ русло Тарима. 30 человѣкъ, составлявшихъ экипажъ 12-ти челноковъ, на веревкахъ спустили насъ по водопаду, сопровождая эту работу по своему обыкновению крикомъ и гамомъ. Эта часть рѣки, въ которой всего протекаютъ 15½ куб. метра воды, постепенно высыхаетъ, между тѣмъ, какъ образовавшійся вновь рукавъ Лашинъ-дарья впадаетъ въ восточныя озера. Здѣсь мы простились со всѣми ненужными гостями и, въ значительно уменьшенномъ составѣ, наша флотилія спускалась дальше по рѣкѣ.

При наступленіи темноты насъ догналъ джигитъ Муза. Въ 33 дня онъ изъ Кашгара доѣхалъ до лагеря въ Янгикулъ, который онъ нашелъ пустымъ; отсюда онъ пустился догонять насъ на челнокѣ. Цѣлой и невредимой онъ передалъ мнѣ почту, событіе, которое всегда доставляло мнѣ величайшую радость.

Мой старый лодманъ Киргуй-Паванъ, какъ всегда, общалъ мнѣ названія всѣхъ мѣстъ и все, что онъ зналъ о рѣкѣ. О бугоркѣ съ одинокимъ тополемъ, называемомъ Камшукъ-тышкенъ-тогракъ или тополь, у котораго помѣстились Камшуки, онъ передалъ темный рассказъ о людяхъ, неизвѣстнаго племени, но носившихъ вышеупомянутое названіе, которые нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ пришли изъ Курли и спустились по Конче-дарѣ на плотахъ, связанныхъ изъ тополевыхъ бревенъ. Ихъ было около

50 семействъ съ женщинами и дѣтьми, но сравнительно мало стариковъ. Они путешествовали медленно, дѣлали остановки по нѣскольکو дней, были очень бѣдны и вымѣнивали съѣстные припасы за ружья и порохъ. Самъ Киргуй-Паванъ видѣлъ ихъ въ своей молодости. Онъ вспоминалъ, что они были превосходные стрѣлки, которые питались рыбой и мясомъ кабановъ. Предводитель, по имени Йивенъ (Иванъ?), раньше посѣтилъ страну, чтобы изслѣдовать, насколько она пригодна для хлѣбопашества. Рѣжа барановъ, они не поступали какъ мусульмане, а сперва оглушали ихъ ударомъ по лбу. Другого, болѣе стараго человека изъ нихъ, лоплыки называли Егхалагхакъ или „плачущимъ“; его жена умерла и ее похоронили у этого тополя. По приказанію Ашуръ-Бека изъ Турфана, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Лобъ-норской странѣ, ихъ погнали назадъ по той-же дорогѣ до Чархалыка. Возвращались они по сушѣ и ночью на нихъ налетѣлъ буранъ, во время котораго исчезла молодая красивая дѣвушка, невѣста мужчины по имени Эверанъ. Онъ почти сошелъ съума отъ горя и долго искалъ ее, но когда стало ясно, что она заблудилась во время бурана, прекратили поиски и ушли дальше. Всѣ бѣгло говорили по „турки“ и увѣряли, что они бѣглецы. Этотъ несвязный рассказъ, единственный, который я слышалъ въ Лобской странѣ о раскольникахъ.

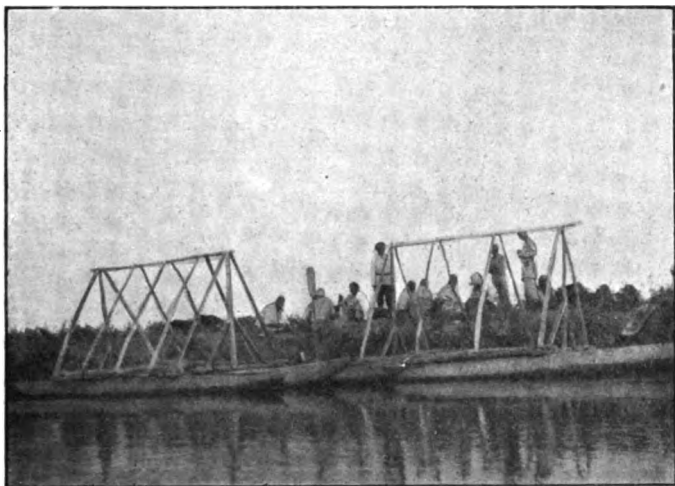
Начиная съ деревни Янги-су, рѣка опять раздѣлилась на нѣсколько рукавовъ, расширялась въ озера, снова переходила въ каналы и продолжала такимъ образомъ пока мы 31-го мая не попали снова въ старый Таримъ, имѣющій здѣсь 23,8 к.м. въ секунду. Отсюда, джигить Муза возвратился въ Кашгаръ съ почтой.

Но черезъ нѣсколько дней прибылъ еще джигить, и я понялъ, что онъ везъ важную новость, такъ какъ мы не условились въ его послыжѣ. Генеральный консулъ Петровский сообщилъ мнѣ, что Туркестанскій генераль-губернаторъ увѣдомилъ его телеграммою, что ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить отсутствіе двухъ казаковъ Сыркина и Чернова, въ виду различныхъ безпокойствъ на границахъ Азіи и что ихъ слѣдовало сейчасъ-же вернуть.

Эта новость, какъ громомъ, поразила и меня и Сыркина.

Мы долго толковали о ней и полагали, что возникли серьезныя безпорядки на Сибирскихъ границахъ; о китайскихъ дѣлахъ мы вѣдь не имѣли никакого понятія. Къ Чернову я сейчасъ же послалъ гонца въ Чименъ-тагъ съ приказаніемъ немедленно возвратиться въ Абдалъ. Въ виду предстоящей разлуки, я очень радовался, что уже въ посланномъ Государю Императору донесеніи подробно доложилъ объ этихъ двухъ казакахъ и о той пользѣ, которую они принесли мнѣ.

У Ширге-чапгана мы вечеромъ измѣрили количество

Новыя суда.

воды въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и 18-го апрѣля. Оно уменьшилось до 68,3 куб. метра. Отославъ послѣдняго джигита въ Кашгаръ, мы ночью поѣхали дальше; впереди ѣхали челноки съ факелами, освѣщая берега. Въ теченіе слѣдующаго дня лѣсъ прекратился и открылась простирающаяся во всѣ стороны равнина. Далѣе насъ встрѣтили нѣсколько челноковъ и въ первомъ изъ нихъ Темиръ бекъ изъ Чеггелнкъ-уй. Онъ сообщилъ, что дальше его деревни нельзя проѣхать, такъ какъ Семиллаку-куль совершенно заросъ камышами. Несмотря на то, что меня сильно тянуло въ горы, а гребцовъ домой, тѣмъ не менѣе я съ сожалѣ-

ніемъ думаль о предстоящей разлукѣ съ баркой. Къ вечеру вдали засвѣтились огоньки и въ сумеркахъ мы въ послѣдній разъ причалили къ лѣвому берегу Тарима, напротивъ Чиггеликъ-уй.

Въ этой тихой деревушкѣ я рѣшилъ остаться, во-первыхъ, чтобы построить новыя суда, а во-вторыхъ, чтобы въ послѣдній разъ воспользоваться темной комнатой и окончить проявленіе всѣхъ снятыхъ мною пластинокъ. При помощи Сыркина я каждую почъ занимался проявленіемъ до 4-хъ часовъ утра. Казаки были заняты устройствомъ судовъ,

Женщины и дѣти у Чеггеликъ-уя.

состоявшихъ каждое изъ трехъ челноковъ. Поперекъ ихъ положили досчатый полъ, на которомъ устроили изъ жердей остовы для палатокъ; остовы покрыли войлокомъ и такимъ образомъ получились отличныя палатки. Мои ящики перенесли въ новый плавучій домъ, который подымалъ 26 человѣкъ и, другими словами, былъ болѣе чѣмъ достаточно для меня, четырехъ гребцовъ и багажа. Часть провизіи помѣщалась подъ поломъ въ челнокахъ, остальная часть въ одиночныхъ челнокахъ. Казаки помѣщались на другомъ подобномъ-же суднѣ.

Старую барку мы оставили съ такимъ чувствомъ, какъ

будто-бы мы прощались съ роднымъ домомъ. Она служила намъ вѣрой и правдой при всякихъ обстоятельствахъ и выполнила свою задачу отличнѣйшимъ образомъ. Теперь мы подарили ее населенію Чеггеликъ-уя, которое пришло въ восхищеніе отъ такого прекраснаго средства для перевозки скота, каравановъ и грузовъ. Потомъ мы узнали, что амбанъ приказалъ отвезти ее въ Арханъ, гдѣ караванная дорога пересѣкаетъ Таримъ и гдѣ имѣлась всего только одна очень плохая барка. Если европейскій путешественникъ придетъ туда, то онъ сразу узнаетъ ее, хотя бы по надписи. Шагдуровъ вырѣзалъ на баркѣ мою фамилію латинскими буквами и гола 1899—1900.

8 мальчиковъ на челножѣ.

19-го іюня наша новая эскадра покинула Чеггеликъ-уй въ сопровожденіи цѣлой толпы новыхъ гребцовъ и бековъ. Безъ всякихъ затрудненій мы быстро проѣзжали по такимъ мѣстамъ, по которымъ большая барка не прошла бы ни въ какомъ случаѣ. Около устья въ Черченъ-дарьи мы остановились для измѣреній и нашли, что, несмотря на рѣзко очерченное глубокое и полное русло, воды прибавилось всего на 4 куб. метра въ секунду. Въ теченіе всего дня мы видѣли только одну маленькую группу десятилѣтнихъ тополей; страна открыта и ровна какъ море.

Около Абдала насъ встрѣтили наши старые друзья Нуметъ бекъ и Токта - Ахунъ. Послѣдній провель и лошадей и верблюдовъ въ Чименъ-тагъ и сообщилъ, что въ новой

главной квартирѣ все обстоитъ благополучно. Съ нимъ же пошли оставленные мною здѣсь четыре верблюда и сѣрая верховая лошадь. Двѣ лошади пали и всѣ собаки околѣли отъ недостатка воды въ пустынѣ между Абдаломъ и горами.

Во время моего пребыванія въ Абдалѣ я почти не отходилъ отъ письменнаго стола, приготовляя громадную почту, которую казаки должны были захватить съ собою. Съ большимъ удивленіемъ я въ одно утро увидѣлъ скачущаго всадника и узналъ въ немъ молодца Чернова, который, получивъ мое письмо, въ невѣроятно короткое время вернулся съ горъ. Послѣдніе 35 часовъ онъ не смыкалъ глазъ, но былъ бодръ и веселъ, какъ всегда, и подробно разсказалъ о новой нашей квартирѣ. Грустно мнѣ было разставаться съ ними, особенно теперь, когда наше путешествіе принимало совершенно иной характеръ. Я съ своей стороны со дня на день откладывалъ часъ разлуки и не рѣшался покинуть Абдалъ.

XVII.

Выступление въ Тибетъ.

Но главная причина моей нерѣшительности заключалась въ огромномъ количествѣ оводовъ. Бушевавшій до сихъ поръ вѣтеръ внезапно стихъ и наступила полнѣйшая тишина при удушливой жарѣ. Воздухъ былъ наполненъ оводами, такъ что требовалось много осторожности и заботливости, чтобы защитить верблюдовъ отъ ихъ укусовъ. Я приказалъ освободить для нихъ „сатму“ и тщательно законопатить стѣны; днемъ при нихъ всегда стояло нѣсколько человѣкъ, которые только и занимались убиваніемъ тѣхъ оводовъ, которые проникали въ конюшню. По ночамъ они паслись и купались. Но тщетно я ожидалъ благодѣтельной бури и, наконецъ, рѣшилъ выступить вечеромъ 30-го іюня. Караванъ долженъ былъ обойти болото и встрѣтить меня у Ёль-арелишъ, или у того мѣста, гдѣ дорога въ Са-чео отдѣляется отъ дороги въ горы.

Я самъ хотѣлъ переправиться по тѣмъ-же озерамъ какъ и въ апрѣлѣ, а такъ какъ Ёль-арелишъ уже было нанесено на карту, то на ней не должны были возникнуть упущенія.

Въ теченіе дня укладывали имущество, устраивали ящики и вьюки, уложили англійскую лодку, словомъ, подготовили все къ выступленію. Казакамъ я вручилъ европейскую почту, ихъ паспорта и въ подарокъ по 2 ямбы, общая отрекомендовать ихъ наилучшимъ образомъ у ихъ верховнаго вождя Государя Императора.

Несмотря на тучи оводовъ верблюды при навьючиваніи остались спокойны и терпѣливы и, когда все было готово, Турду-бай быстрымъ шагомъ, сидя верхомъ на лошади, увелъ караванъ. Другое дѣло было съ лошадьми: онѣ бились, лягались и даже бросались на землю. Съ ними отправились

Моллахъ-Шахъ, Кучукъ и Токта-Ахунъ по слѣдамъ верблюдовъ.

Большой и удобный челнокъ, нагруженный провизіей, войлоками, курительными припасами и фонаремъ ждалъ у берега, и теперь насталъ самый трудный моментъ, а именно прощаніе съ казаками. Сильно тронутый, я поблагодарилъ ихъ за вѣрную службу и послѣ крѣпкаго рукопожатія, они вскочили на лошадей и исчезли по дорогѣ въ Чархалыкъ, куда они должны были прибыть на слѣдующее утро. Они были снабжены рекомендаціями къ амбанамъ, бекамъ и аксакаламъ и должны были ѣхать вдоль горъ черезъ Копа и Сургакъ и далѣе черезъ Хотанъ и Яркендъ въ Кашгаръ.

Послѣ наступившей темноты мы съ гребцами начали наше плаваніе. Въ Кумъ-чапганѣ я перемѣнилъ гребцовъ и съ Тузунъ-чапгана мы шли по пятамъ проводника. Находить дорогу по этимъ лабиринтамъ высокихъ густыхъ камышей, по чапганамъ и узкимъ каналамъ, по лагунамъ и озерамъ—это значило, быть мастеромъ своего дѣла. Сатекуль значительно обмелѣлъ съ апрѣля, почему и гребцамъ пришлось вылѣзть изъ челнока и тащить его, но скоро мы должны были оставить его и продолжать путешествіе въ маленькомъ челнокѣ.

Но когда и онъ уже не могъ проходить, то мы вылѣзли и пѣшкомъ дошли до берега.

Теперь послѣдовало нѣсколько часовъ ожиданія въ тихой безлюдной пустынѣ. Наконецъ мы услышали сперва вдали, потомъ ближе, крики и съ зажженнымъ фонаремъ мы пошли ожидаемымъ на встрѣчу. То были Шагдуровъ и Токта-Ахунъ съ лошадьми, которые обогнали верблюдовъ. Ожидая послѣднихъ, мы позавтракали, и только подъ утро они прибыли, потому что сбились съ пути, слишкомъ рано свернувши по развѣтвлявшейся дорогѣ.

Страна представляетъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова пустыню; поверхность земли равна, какъ полъ и состоитъ изъ шероховатой твердой солоноватой глины, которая раньше стояла подъ водой. Извивающаяся тропинка представляла единственное разнообразіе. При восходѣ солнца мы любовались чудной окраскѣ неба и еще болѣе прекраснымъ освѣщеніемъ отдаленныхъ горъ.

Но восходъ солнца имѣть и свои непріятныя стороны. Солнце едва успѣло выглянуть изъ за горизонта, какъ воздухъ наполнился мірадами оводовъ, которые, какъ тучи, окружали и лошадей и всадниковъ.

Придя въ Дунгликъ, маленькій оазисъ находящійся по дорогѣ въ горы, какъ разъ у начала незначительнаго, усѣяннаго щебнемъ подъема, мы помѣстили лошадей въ недавно возведенномъ постояломъ дворѣ, верблюдовъ же пустили на скудное пастбище. Считая съ Абдала мы поднялись на 200 метровъ ¹⁾.

Раннимъ утромъ мы двинулись дальше, такъ же преслѣдуемые оводами, какъ и наканунѣ. Но послѣ оставленія полосы растительности они прекратили свое преслѣдованіе, не рискуя выходить изъ нея.

Теперь мы вышли на открытый, мертвый неплодородный сай, который медленно подымается къ горамъ. По лѣвой рукѣ тянется на востокъ узкая степная полоса Дунглика, а у сѣвернаго горизонта видна темная неясная полоса; то было озеро и еще дальше можно было по туману судить о присутствіи песчаной пустыни. Вправо выступаютъ детали строенія ближайшихъ горъ: красножелтыя стѣны прерываются устьями долинъ и хребтами.

На различныхъ разстояніяхъ одна отъ другой возведены каменные пирамиды, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ обозначеніи дороги во время бури. Туземцы въ нѣкоторомъ родѣ оказываютъ своимъ дорогамъ и тропинкамъ благодарность, и чувствуютъ себя обязанными прибавить одинъ или нѣсколько камней къ пирамидѣ, мимо которой они проходятъ. Безъ дорогъ они не въ состояніи найти колодца и пастбища и, особенно, если кто счастливо спасся отъ бури, то онъ думаетъ и о другихъ могущихъ попасть въ такое же затруднительное положеніе и отъ себя прибавить нѣсколько камней для увеличенія пирамиды.

Жара страшно стала утомлять насъ и проходя мимо двухъ большихъ пирамидъ, мы мало обрадовались, когда Токта-Ахунъ пояснилъ, что мы прошли ровно половину перехода до горъ; а мы уже непрерывно двигались 7 часовъ.

¹⁾ Абдаль—838 метровъ, Дунгликъ=1041 метръ.

Наши молодые щенки захваченные нами изъ Абдала, уже въ началѣ перехода стали уставать, поэтому мы ихъ уложили въ корзину и прикрыли ее войлокомъ, чтобы защитить ихъ отъ солнца, гдѣ они чувствовали себя отлично. Наши большія собаки Машка и Елдашъ были болѣе чувствительны къ жару и страшно утомились. Ихъ тоже устроили на верблюдѣ, но это имъ не понравилось и онѣ соскочили. Кончилось тѣмъ, что Машка околѣла. Ёлдаша же связали и положили въ корзинку на спину верблюда. Кромѣ этого случая и люди и животныя переносили тягости дня довольно хорошо.

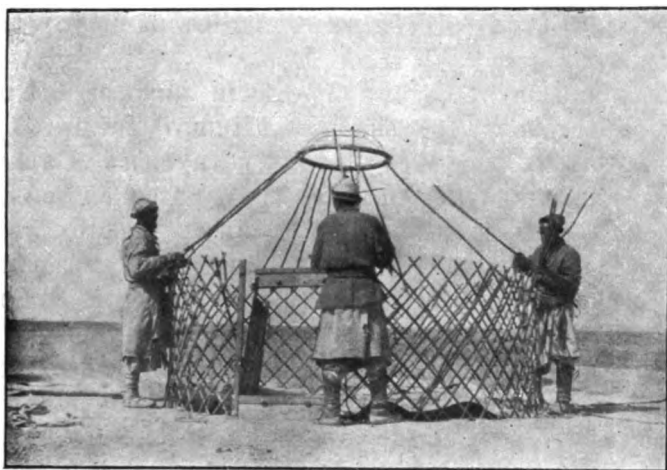
Къ вечеру мѣстность стала пересѣченной и мы сначала перешли на бугорки, состоящія изъ гальки, песку и глины, потомъ на твердыя скалы свѣтло-зеленаго сланца и гранита, въ высшей степени вывѣтривающагося и хрупкаго. Мы подымались по сухой долину, въ которую съ боковъ впадаютъ лощины и мѣстность все болѣе разрѣзается дождевыми ручейками, въ которыхъ теперь нѣтъ ни капли воды.

Наконецъ мы дошли до рѣчки у постоялаго двора Хунгугу—вдвойнѣ пріятное зрѣлище послѣ такого дня! Съ дикимъ лаемъ бросились освобожденные собаки пить и купаться въ этой слегка солоноватой водѣ. Растительность въ этой прелестной долину весьма богата и состоитъ главнымъ образомъ изъ великолѣпныхъ тамарисковъ, достигающихъ величины настоящихъ деревьевъ, а также изъ камыша и различныхъ травъ. Въ тамарисковой рощѣ мы нашли лошадей, которыя весь день шли далеко впереди и маленькій караванъ, состоящій изъ 7 ословъ и овецъ, которыхъ Нуметь-бекъ наканунѣ выслалъ изъ Абдала, чтобы снабдить насъ провизіей.

Съ восхищеніемъ всѣ приняли мое приказаніе остаться въ этомъ чудномъ уголку на дневку. Мую юрту разбили на опушкѣ рощи и она была настолько уютно устроена, что я совсѣмъ забылъ объ удобствахъ барки. Остальные расположились частью въ палаткахъ, частью подъ сѣнью кустовъ. Въ 9 часовъ вечера температура воздуха была +20°, температура воды +12,5°, такъ что обычное вечернее обливаніе показалось довольно-таки прохладнымъ послѣ полуденной

жары. Здѣсь мы уже находились на высотѣ 1,953 метровъ или на 1,115 метровъ выше Абдала. Дно нашей долины шириною отъ 40—150 метровъ, повидимому, можетъ совершенно наполняться водой послѣ долгихъ дождей. Надъ находящимся вблизи ключемъ видны двѣ надписи: Сплингертъ 1894 и С. Е. Бонень 1899.

При оставленіи этого райскаго мѣстечка, мы нѣсколько измѣнили укладку. Англійскую лодку зашили въ войлокъ и юрту навьючили на лошадей, которыя постоянно приходили первыми къ мѣсту ночлега, такъ что я всегда при прибытіи находилъ уже свой домъ готовымъ.

Скелетъ моей юрты.

Дорога все вела вверхъ по долинѣ ручейка между скалъ, состоящихъ изъ чернаго сланца. Тамариски какъ разъ въ это время цвѣли тутъ и ихъ великолѣпные большіе фіолетовые цвѣты придавали однообразному сѣроватому пейзажу весьма пріятный оттѣнокъ. Вечеромъ мы прибыли къ небольшимъ пастбищамъ Башъ-кургана. Въ теченіе двухъ дней мы теперь имѣли громадную разницу колебанія температуры: въ 9 час. вечера $+12,1^{\circ}$ а минимальная температура ночью $+0,1^{\circ}$.

Чтобы устроить переходъ къ большимъ высотамъ болѣе постепеннымъ, мы рѣшили прибѣгнуть къ частымъ днев-

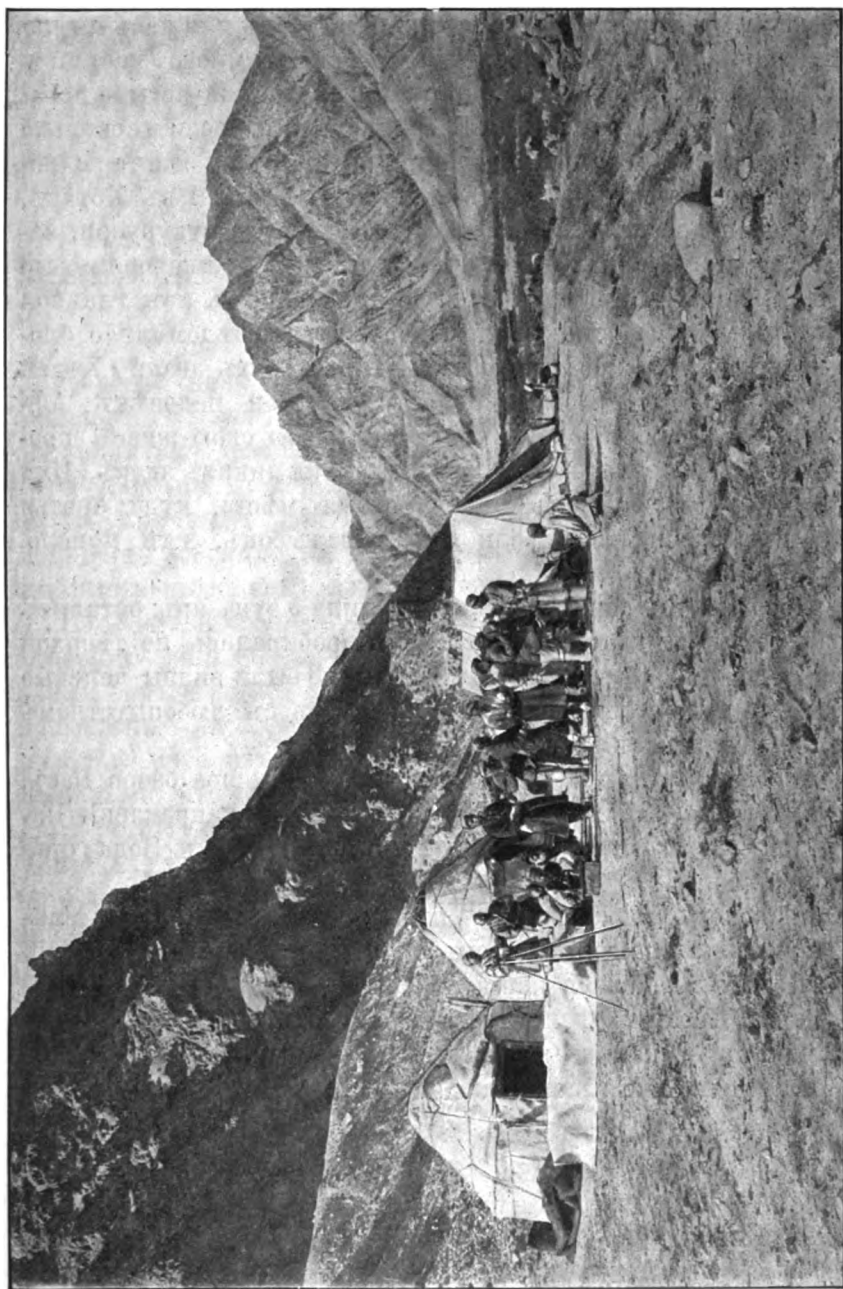
камъ, такъ что и въ Башъ-курганъ мы остались одинъ день. Здѣсь соединяются три долины, ведущія въ длинную лощину Татлыкъ-булака. Названіе „крѣпость начала долинъ“ она получила благодаря развалинамъ маленькаго китайскаго укрѣпленія на уединенномъ бугоркѣ. Здѣсь я въ первый разъ выслалъ Шагдурова и Моллаха на длинную экскурсію на востокъ; перваго я научилъ пользоваться компасомъ и часами и поручилъ ему сдѣлать кроки пройденнаго пути. Хотя имъ и нельзя было пользоваться, какъ картою, тѣмъ не менѣе оно дало полное понятіе о направленіи горныхъ цѣпей и долинъ. На этой экскурсіи они видѣли стадо, состоящее изъ 6 дикихъ верблюдовъ, и убили 12-ти лѣтнюю самку, часть мяса, черепъ и шкуру которой они привезли.

Около Башъ-кургана мы пересѣкли нижнюю цѣпь Астныъ-тага, которая пересѣкается долиною Татлыкъ-булака: переходъ черезъ перевалъ поэтому не нуженъ. Слѣдующій день мы подходили къ главному хребту этой системы, перешли черезъ перевалъ подъ названіемъ просто „даванъ“, перевалъ, и свернули на югъ; при этомъ мы замѣтили двухъ верблюдовъ, удирающихъ на востокъ. Эта третья область средней Азіи, гдѣ я видѣлъ дикихъ верблюдовъ и, послѣ моихъ послѣдующихъ наблюденій, я въ состояніи составить карту ихъ распространенія.

Утромъ 9-го іюля температура при ясномъ небѣ понизилась до $+0,7^{\circ}$. На Ю.-З. блестятъ вѣчные снѣга Ильве-чименъ и ближе расположены два соляныхъ озера, Узунъ-шоръ и Кала-куль. У подножія Акатоса мы нѣсколько отдохнули у маленькаго пруда съ прѣсной водой, гдѣ животныя, которыя наканунѣ остались безъ воды, напились досыта.

Во время нашего короткаго отдыха погода вдругъ измѣнилась, небо заволокло тучами, пошелъ проливной дождь; мы очевидно уже попали въ область атмосферныхъ явленій Тибета, гдѣ солнце, дожди и вѣтеръ чередуются въ нѣсколько минутъ. Отъ ключа мы пошли на Ю.-З. по маленькой сухой долинѣ и здѣсь задулъ со страшной силой сухой, югозападный вѣтеръ; черезъ два часа вѣтеръ такъ же быстро стихъ, какъ и возникъ.

Въ слѣдующей долинѣ мы отдохнули у ключей Темир-

Главный лагерь въ Мандарлыкѣ на высотѣ 3437 м.

лыка (2,961 метръ). Это мѣсто въ будущемъ для насъ имѣло большое значеніе и теперь уже собралось много гостей у нашего бивака. Одновременно съ нами прибыли четыре искателя золота изъ рудниковъ Бокалика; они провели нѣсколько мѣсяцевъ въ горахъ, но нашли очень мало золота и поэтому возвращались весьма недовольные домой въ Хотанъ. Во время дневки насъ догналъ караванъ съ кукурузой, заказанный въ Чархалыкѣ, и привезъ весьма вѣжливое письмо отъ амбана. Далѣе пришли двое присланныхъ изъ главной квартиры, куда осталось два перехода, и увѣдомили о благополучіи людей и животныхъ. Этихъ двухъ звали Ходай Верди и Алдатъ. Послѣдній былъ молодой человѣкъ Афганскаго племени, охотникъ, который всю свою жизнь проводилъ въ горахъ, занимаясь охотою на дикихъ яковъ. Ихъ кожу онъ складывалъ въ извѣстныя мѣста, куда братья его пріѣзжали и собирали ихъ. Спалъ онъ, гдѣ попало, ѣлъ мясо яковъ, а то и голодалъ.

12 іюля мы перешли черезъ долину Узунъ-яръ; оставивъ за собою полосу растительности, мы пробирались по твердой неплодородной почвѣ, но влѣво все еще были видны зеленые луга, откуда нѣсколько стадъ кулановъ съ любопытствомъ оглядывали насъ.

Восточнѣе ключа Кумутлука видно большое озеро Гасъ, широкое на западѣ и суживающееся по направленію къ востоку. Берега окружены недоступными болотами. Вода горькосоленая.

Наконецъ, мы начали подыматься по долинѣ Мандарлыка на сѣверный склонъ Чименъ-тага. Въ расширеніи Мандарлыка паслись наши лошади, мулы и верблюды; Чердоновъ, Исламъ, Файзуллахъ и остальные встрѣтили насъ пѣшкомъ, и немного спустя, мы опять находились въ богато устроенной главной квартирѣ.

XVIII.

Черезъ Чименъ-тагъ, Ара-тагъ и Калта-алаганъ къ верхнему Кумъ-Кулю.

Передъ началомъ первой Тибетской экспедиціи мы отдыхали цѣлую недѣлю въ Мандарлыкской долинѣ, но одновременно усердно занимались подготовленіями. Отсчитали провизіи на 7 человекъ на 2¹/₂ мѣсяца и приторочили ее къ вьючнымъ лѣстницамъ. Инструменты и специально мои вещи уложили въ два ящика. Всѣхъ лишнихъ людей, жившихъ въ нашемъ лагерѣ, уволили.

Изъ оставшихся въ главномъ лагерѣ Исламъ-бай былъ караванъ-баши, Файзуллахъ смотрѣлъ за четырьмя абдалскими верблюдами, Ходай-Куллу, Кадеръ и Ходай-Верди были конюхами, Али Ахунъ портной и наконецъ Шагдуровъ метеорологъ. Муза изъ Оша шелъ съ нами до Кумъ-куля съ 6 лошадьми, чтобы сначала облегчить вьюки другимъ лошадямъ, а оттуда долженъ былъ вернуться съ нимъ также и Токта-Ахунъ.

Караванъ, долженствующій принять участіе въ предстоящей кампаніи, былъ подготовленъ особенно тщательно и имѣлъ слѣдующій составъ: Чердоновъ, моя правая рука и личный слуга, Турду-бай, караванъ-баши для 7 верблюдовъ, Моллахъ-Шахъ, то-же для 11 лошадей и одного мула, Кучукъ, гребецъ при предстоящихъ изслѣдованіяхъ озеръ, искатель золота Ніасъ изъ Керіи состоялъ помощникомъ мусульманъ и пасъ 16 овецъ, которыхъ мы взяли съ собой, и Алдатъ былъ проводникомъ, пока зналъ дороги.

И такъ мы снова оставили нашъ мирный пріютъ и двинулись къ неизвѣстному будущему въ неизвѣстныя страны земли. Главную долину, которая, повидимому, тянется до вѣчныхъ снѣговъ, мы скоро оставили вправо и пошли вдоль

небольшой долины безъ воды и окруженной буграми, покрытыми лугами; но за ними возвышаются черныя скалы и зубчатый хребетъ. По крутому склону, неудобному для верблюдовъ, мы взобрались на переваль и спустились въ долину Дунгъ-сай, имѣющую рѣку, которая питается изъ неизсякаемыхъ ключей.

Въ долинѣ Каръ-якка („падающаго снѣга“) природа принимаетъ болѣе горный характеръ. Абсолютная высота 3.984 метра. Чистый ручеекъ журчитъ между сточенными гранитными глыбами и на его берегахъ маленькіе цвѣточки красуются въ густомъ мхѣ и въ травѣ. Встрѣчавшійся всюду пометъ кулановъ и яковъ обезпечивалъ намъ хорошее топливо. Нѣсколько череповъ яковъ указывали на посѣщеніе мѣстности охотниками. Сурки (давагханы) кой-гдѣ повыкопали себѣ норы, передъ которыми и сидѣли, но при нашемъ приближеніи со свистомъ исчезали. Чердоновъ убилъ нѣсколько куропатокъ.

Къ вечеру завылъ сильный сѣверовосточный вѣтеръ и по долинѣ носились цѣлыя громады черныхъ угрожающихъ тучъ. Мандарлыкъ мы оставили утромъ при грѣющемъ солнцѣ, теперь же насъ окружала сѣрая осень. Когда я на слѣдующее утро вышелъ изъ юрты, стояла настоящая зима, въ воздухѣ кружились снѣжинки и земля исчезала подъ толстымъ покровомъ. Когда лѣто уже такъ сурово, то какова должна быть въ этихъ мѣстахъ зима?!

Мы стали ожидать лучшей погоды, но снѣгъ продолжалъ падать и мы остались на мѣстѣ. Эта четвертая изъ параллельныхъ цѣпей Кюэнь-луня уже при первомъ знакомствѣ оказалась весьма отличающейся отъ предыдущихъ. Тѣ были неорошенныя, не имѣли вѣчныхъ снѣговъ, но имѣли болѣе округленныя вывѣтренныя очертанія; здѣсь же мы находились въ настоящихъ альпахъ съ осадками и богатой растительностью. Мы только что прошли 13—14 часовъ по мѣстности съ рѣдко попадающими ключами; теперь мы видѣли воду на каждомъ шагѣ.

22-го іюля мы рѣшили итти дальше, не смотря на то, что снѣгъ еще шелъ. Къ полудню онъ почти весь стаялъ, но хребты еще бѣлѣли. Въ долинахъ падали большія хлопья мокраго снѣга и таяли при паденіи на землю. На высотахъ

снѣгъ шель въ видѣ круглыхъ легкихъ крупинокъ. Въ теченіе дня мы дугою, направляясь на Ю.-В., потомъ на Ю., Ю.-З. и З., то поднимаясь, то спускаясь, пересѣкая долины безъ счета, обошли громадную часть Чименъ-тага. Вечеромъ мы остановились въ Япкаклыкъ-саѣ (3998 м.), гдѣ растетъ „терескъ“, но мало травы. Температура пала до -4° , снѣгъ больше не таялъ и продолжалъ итти весьма часто, образуя толстое согрѣвающее покрывало на юртѣ.

Рано утромъ я проснулся отъ ужаснаго шума въ лагерѣ и выскочилъ изъ юрты. Оказалось, что пастухъ Ніасъ и всѣ овцы, за исключеніемъ четырехъ, исчезли и по слѣдамъ въ снѣгу легко было видѣть, что насъ въ темнотѣ и во время мятели посѣтили волки. Сейчасъ-же всѣ отправились по слѣдамъ и только къ 10 часамъ утра они вернулись съ Ніасомъ и одной овцой. Девять штукъ были найдены разорванными и одной совсѣмъ не досчитались.

Объ этомъ происшествіи Ніасъ разсказалъ слѣдующее: какъ всегда, онъ спалъ подъ войлочнымъ одѣяломъ около овецъ, изъ которыхъ только четыре были привязаны; если нѣсколько овецъ остаются на мѣстѣ, то остальные не убагаютъ. Ночью онъ проснулся отъ топота и блеянья овецъ, вскочилъ и увидалъ трехъ волковъ, которые противъ вѣтра кинулись на стадо, чтобы выгнать его изъ лагеря. Ніасъ, сломя голову, бросился въ погоню за ними, забывъ разбудить людей, но спасъ только одну овцу. Изъ собакъ одна уже раньше удрала отъ насъ. Мальчикъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ и крѣпко спалъ. Ёлдашъ находился въ моей палаткѣ. Нашъ провіантъ, такимъ образомъ, сильно уменьшился. Въ теченіе дня къ намъ присоединилась пропавшая утромъ овца, которой удалось спастись отъ волковъ.

День стоялъ ясный и погода была прекрасная, снѣгъ таялъ. Мы поднимались къ главному перевалу Чименъ-тага (4269 метровъ), откуда открывался великолѣпный видъ на югъ. Новая горная цѣпь, Ара-тагъ, тянется съ запада на востокъ и теперь совершенно покрыта снѣгомъ, хотя только на нѣсколькихъ вершинахъ на Ю.-З. имѣются настоящіе вѣчные снѣга. По широкой долинѣ, раздѣляющей Чименъ-тагъ и Ара-тагъ и называемой Кайиръ (долина съ глинистымъ иломъ), протекаетъ на западъ рѣка. На ея южномъ берегу

простираются обширныя пастбища, на которыхъ нѣсколько стадъ кулановъ и сайгъ казались не болѣе точекъ.

Объ орографическомъ строеніи Чимень-тага можно сказать, что оно асимметрическое. Долина Чимена лежитъ на 2961 метръ выше уровня моря, и долина Кайира на 4185 метровъ. Съ сѣвера Чимень-тагъ представляется въ видѣ гигантской горной цѣпи; съ юга онъ кажется незначительнымъ, вслѣдствіе того, что относительная разность высотъ не велика.

Въ чудную погоду и подъ темносинимъ небомъ мы въ слѣдующій день поднялись на Ара-тагъ или „среднюю цѣпь“ вдоль маленькой борозды съ ручейкомъ. Около Унгуръ-чаппа маленькая пещера служить жилищемъ и для охотниковъ и для лисицъ. Съ перевала Акъ-чокка-айтузе (4373 метра), или „перевала бѣлой скалы“, повторяется вчерашняя панорама; но теперь видна новая цѣпь, простирающаяся съ запада на востокъ, Калта-алаганъ, отъ которой Ара-тагъ раздѣляется долиной, соединяющейся съ долиной Кайиръ далѣе на западѣ. Послѣ соединенія рѣка прорѣзываетъ Чимень-тагъ и вытекаетъ въ долину Чимена. Спускающаяся съ перевала поперечная долина довольно глубоко врѣзалась между вымывными террасами.

Подъемъ къ перевалу Авра (4786 м.), гдѣ мы пересѣкаемъ Калта-алаганъ („мѣсто охоты Калты“) довольно незначителенъ. Здѣсь открывается безконечный, величественный видъ къ югу, но теперь видна не одиночная легко напосимая на карту цѣпь, а цѣлый рои горъ, для знакомства съ которыми потребовались бы мѣсяцы. На Ю.-В. видны вдали три покрытыхъ снѣгомъ великана, которые, повидимому, принадлежатъ цѣпи, вытянутой, какъ обыкновенно, съ запада на востокъ, и на Ю., на ихъ продолженіи, отдѣльно возвышается цѣлое гигантское соединеніе горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. На Ю.-З. видна другая бѣлѣющая цѣпь, вѣроятно расположенная южнѣе той долины, въ которую впадаетъ Кумъ-куль. На южномъ горизонтѣ едва возможно отличить снѣга и ледники отъ бѣлыхъ облаковъ; можно предположить, что тамъ находится Арка-тагъ, высочайшій изъ всѣхъ хребтовъ Кюань-луня.

26-го іюля мы свернули на западъ и шли подъ прямымъ

Главный перевалъ Чимень-тага.

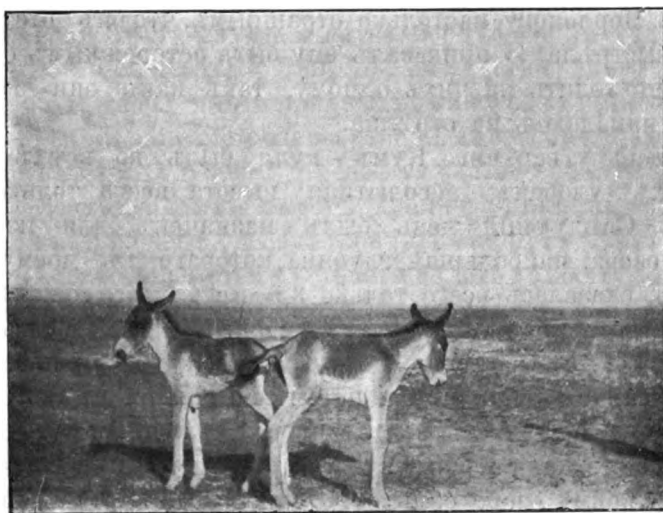
угломъ къ маршруту предыдущихъ дней, по направленію къ верхнему Кумъ-кулю, который сперва былъ видѣнъ вдали только въ бинокль, но потомъ скрылся за буграми. И теперь мы шли въ большой, широкой, продольной долину, ведущей вдоль южнаго подножія Калта-алаганской цѣпи; въ эту сторону отъ цѣпи отдѣляется нѣсколько отроговъ и здѣсь кой-гдѣ возвышаются вершины, покрытыя снѣгомъ. На югъ наша долина ограничивается громаднымъ поясомъ песка, который я сперва принялъ за желтую цѣпь бугровъ, тянущуюся параллельно всѣмъ другимъ цѣпямъ; но при приближеніи къ нимъ оказалось, что цѣпь эта состоитъ исключительно изъ бархановъ почти одной величины съ барханами Такла-маканской пустыни и одного съ ними цвѣта. Здѣсь на высотѣ 4000 м., значить, имѣются тѣ-же условія для возникновенія песчаного моря, какъ и въ пустынѣ. Сѣверная граница песка удивительно рѣзко очерчена на мягкомъ, или покрытомъ щебнемъ, днѣ долины, гдѣ терески и другія, могущія служить топливомъ, кочки растутъ довольно рѣдко. Гребни бархановъ вытянуты съ сѣвера на югъ и по-видимому, образованы западными вѣтрами.

Однообразная мѣстность нѣсколько оживляется животной жизнью. Куланы весьма многочисленны, изъ норъ за нами зорко слѣдили сурки, встрѣчаются часто зайцы, много также и утокъ. Весь день стояло настоящее лѣто, среди дня солнце даже пекло при полной тишинѣ; температура поднялась до $+ 20^{\circ}$. Можно было забыть значительную высоту, если бы отъ незначительныхъ движеній не происходило сердцебиеніе и не затруднялось дыханіе.

Въ теченіе дня мы поймали двухъ маленькихъ кулановъ. Алдатъ и Чердоновъ подѣхали къ стаду, состоявшему изъ 34 кулановъ, которые ускакали; одна самка съ 4-хъ дневнымъ куланенкомъ отстали, но мать оставила ребенка при приближеніи опасности. Куланенокъ не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ страха, и мы уложили его и пойманнаго нѣсколько позже въ корзину на вьюкъ верблюда. Я хотѣлъ вскормить ихъ мучной кашей до 20-ти дневнаго возраста, съ котораго они уже сами ищутъ себѣ пищу, но Токта-Ахунъ увѣрялъ, что они умрутъ въ теченіе пяти дней. Отъ мысли отвезти ихъ на то мѣсто, гдѣ ихъ взяли, мы должны были

отказаться, такъ какъ, по словамъ Токта-Ахуна, мать не подходитъ къ дѣтенышу, бывшему въ рукахъ человѣка. Несмотря на всѣ старанія и на то, что они ѣли мучную кашу, они уже къ вечеру показали признаки недалекой кончины и поэтому я приказалъ убить ихъ. Мусульмане взяли кожу и мясо, про которое они говорили, что оно очень вкусно.

Прежде чѣмъ убить кулановъ, я ихъ нѣсколько разъ снялъ. Одинъ былъ ростомъ въ 90, другой въ 91 сантим. Голова непропорціонально велика и ноги по отношенію къ корпусу развиты до смѣшного. Тѣло очень коротко и слав-

Молодые куланы.

лено и по нему нельзя судить о благородныхъ и гармоничныхъ формахъ взрослага кулана. Наши плѣнные были слишкомъ неопытны, чтобы удивляться людямъ, верблюдамъ, палаткамъ; недѣлей позже наврядъ ли бы кто поймалъ ихъ.

Въ теченіе всего слѣдующаго дня мы шли вдоль песковъ, имѣя по правую руку непрерывно смѣняющіяся озера, болота и лужи, болѣе или менѣе составляющія одно цѣлое, или по крайней мѣрѣ соединенныя маленькими каналами. Трава очень густая, но почва обманчива и опасна и не выдерживаетъ даже тяжести человѣка. Наконецъ вдали показалось свѣтлой полосой и само озеро.

День стоялъ теплый и тихій, москиты надоѣдали и порода оводовъ, называемая „ила“, мучила лошадей, впиваясь въ ихъ ноздри. Куланы защищаются отъ нихъ тѣмъ, что держутъ ноздри около самой земли, когда пасутся, а равно проводятъ теплые дни въ пескахъ и появляются только къ вечеру на пастбищахъ; то-же самое и яки.

Довольно часто мы теперь видѣли большія стада дикихъ яковъ, и, наконецъ, Чердоновъ не вытерпѣлъ и попросилъ разрѣшенія попытать счастье. Какъ кошка подкрался онъ къ большому быку, но тотъ, замѣтивъ опасность, и не думалъ убѣгать, а стоялъ совершенно спокойно и смотрѣлъ на него; это показало Чердонову настолько страшнымъ, что онъ отступилъ безъ выстрѣла. Я приказалъ ему быть осторожнымъ съ яками и не ходить на нихъ одному, такъ какъ они раненые часто нападаютъ на стрѣлка.

Лагерь у верхняго Кумъ - куля былъ во всѣхъ отношеніяхъ удобенъ; абсолютная высота всего только 3882 метра. Слѣдующій день былъ назначенъ для изслѣдованія озера, наибольшая глубина котораго, къ моему удивленію, оказалась всего только 3,75 метра. Къ сожалѣнію и здѣсь, какъ при всѣхъ моихъ озерныхъ экскурсіяхъ, разразилась буря. Проливной дождь мы съ Кучукомъ переждали на маленькомъ островкѣ и потомъ помчались съ попутнымъ вѣтромъ вдоль всего озера. Измѣрять глубину было трудно, но скорость хода и показаніе компаса я наблюдалъ все время. Къ концу озеро сильно сѣзилось, такъ что можно было предположить, что осталось недалеко до рѣки, соединяющей наше озеро съ Аягъ-Кумъ-кулемъ („нижнее песчаное озеро“). Возвращеніе къ лагерю стоило намъ большихъ усилій, такъ какъ пришлось грести противъ сильнаго вѣтра; и только поздно вечеромъ мы вернулись, промокшіе отъ начавшаго моросить дожди и заливавшихъ насъ волнъ.

XIX.

На высотѣ 5,000 метровъ надъ уровнемъ моря.

30-го іюля Токта-Ахунъ и Муза вернулись въ главную квартиру съ 6 лошадьми. Багажъ, вслѣдствіе этого сталъ нѣсколько гяжелѣе для остальныхъ животныхъ. Мы же пошли на Ю.-Ю.-З. по самой однообразной мѣстности, преслѣдуемые москитами. Глубокій песокъ, тяжелыя ноши и разрѣженный воздухъ этихъ высотъ крайне утомляли нашихъ животныхъ. Наконецъ, песокъ кончился и путь нашъ пролегалъ по слабо волнистой мѣстности вплоть до брода на рѣкѣ Петтеликъ-даръѣ, которую мы въ этомъ мѣстѣ и перешли.

Далѣе мы направились на Ю.-Ю.-В. и теперь уже четвертый день идемъ по ровной открытой мѣстности среди наивысшихъ горъ земли. Пустынная цѣпь служить пріютомъ безчисленныхъ сайгъ, но сколько наши охотники ни старались, имъ не удалось убить ни одной. Теперь знанія Алдата кончились и мнѣ пришлось самому взять на себя роль проводника.

Въ общемъ мы все время направлялись на югъ, такъ какъ я хотѣлъ пересѣчь всѣ эти горныя цѣпи подъ прямыми углами и кромѣ географическихъ открытій, также собрать матеріалъ для геологическихъ профилей. Мы должны были идти возможно дальше на югъ и вернуться назадъ, когда половина нашихъ запасовъ будетъ израсходована. При этомъ расчетъ я однако не обратилъ вниманія на весьма важное обстоятельство, а именно, что при возвращеніи силы животныхъ настолько будутъ истощены, что обратная дорога потребуетъ гораздо больше времени. Я главнымъ образомъ думалъ о томъ, какъ бы проникнуть возможно дальше. Тѣмъ или другимъ способомъ мы уже должны были добраться до

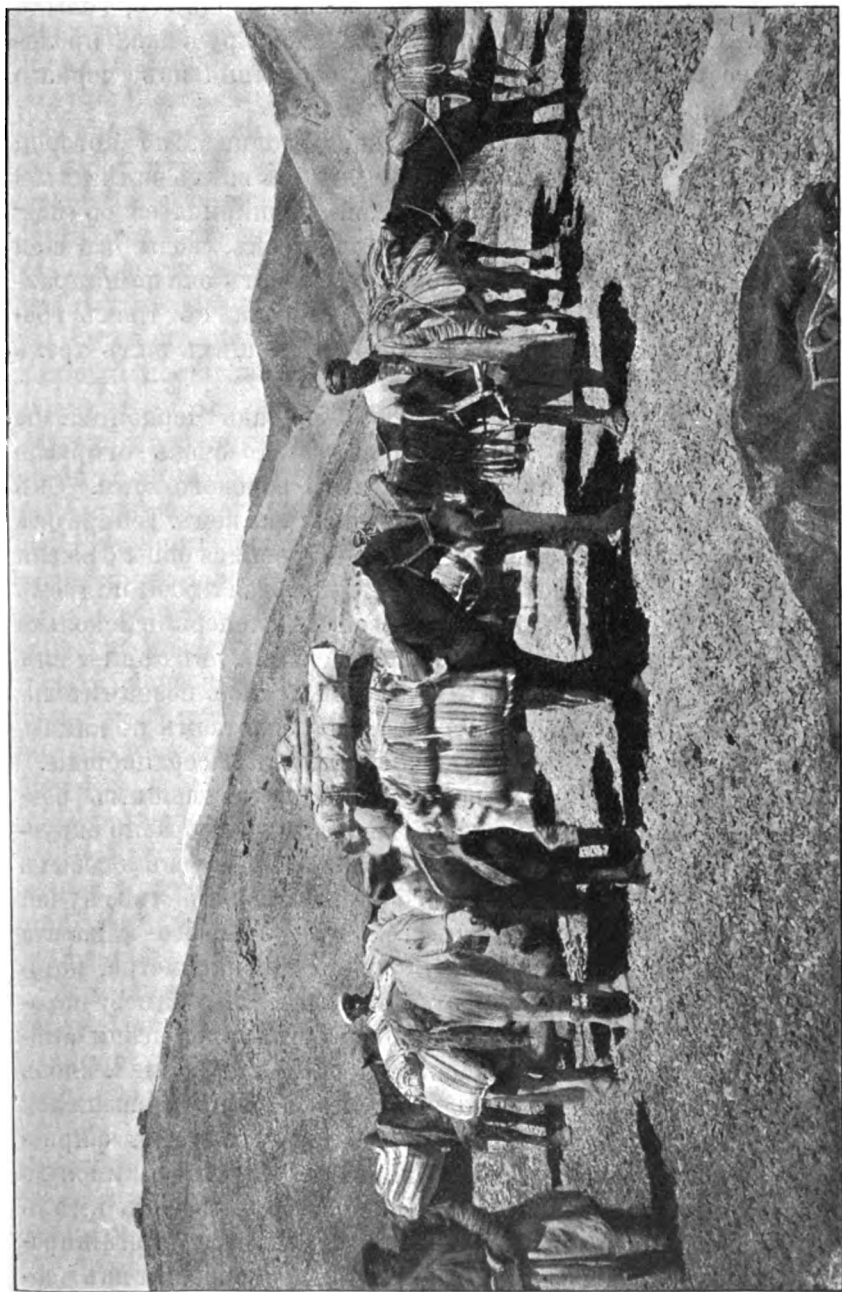
дому, хотя бы и пѣшкомъ. Во всякомъ случаѣ я думалъ повернуть на мѣстѣ, гдѣ были бы хорошія пастбища и гдѣ животныя могли бы отдохнуть. Я не подозрѣвалъ насколько наше возвращеніе будетъ труднымъ и утомительнымъ и сколько усилій потребуется, чтобы довести остатки каравана до лагеря.

Цѣлый день мы шли впередъ черезъ гранитную цѣпь, параллельную Арка-тагу, и съ ея гребня увидѣли громадный черный, частью покрытый снѣгомъ, Арка-тагъ. Въ долину у его подножія мы ночевали у ручейка, гдѣ хотя пастбище было и плоховато, но зато было много помета отъ яковъ.

Высота надъ уровнемъ моря была равна 4638 метрамъ. Ночь на 3-е августа была одна изъ холоднѣйшихъ съ—5,2°. Утромъ всѣ лужи и маленькія канавки были покрыты льдомъ, который однако при чудной солнечной погодѣ скоро растаялъ. Первые признаки усталости теперь показывались у животныхъ; одна лошадь шла уже безъ вьюка, и одинъ верблюдъ съ большимъ трудомъ медленно подымался въ гору. Мы направились прямо въ горы, гдѣ онѣ казались наиболѣе низкими и пришли въ разширеніе долины, гдѣ сайги кишѣли сотнями: громадная стада этихъ животныхъ съ торчащими кверху рогами нѣсколько напоминали войско со штыками. Быстрыя движенія, повидимому, нисколько не утомляли ихъ въ разрѣженномъ воздухѣ.

Дальше долина загоразивалась стѣной и пришлось идти на Ю.-Ю.-З. по найденному Чердоновымъ пути, который, какъ казалось, велъ къ безснѣжному перевалу. Подъемъ былъ чрезвычайно крутъ. Видъ съ хребта высотой въ 4962 метра былъ весьма неутѣшителенъ: передъ нами разстилался яа югъ, хаосъ скалъ, цѣпей и снѣжныхъ хребтовъ. Было ясно, что мы еще не достигли главнаго хребта Арка-тага. Мы только пересѣкли одну изъ числа многочисленныхъ параллельныхъ цѣпей, идущихъ съ запада на востокъ и самый трудный путь былъ еще впереди.

Наконецъ всѣ взобрались наверхъ. Верблюды такъ напрягали свои силы, что ихъ ноги дрожали. Ноздри ихъ были раздуты, требуя больше воздуха, а взоры устало смотрѣли на югъ, какъ будто бы они лишились всякой надежды, когда

Нашъ караванъ 3 августа 1900 г. на высотѣ 4368 метровъ.

либо наѣсться досыта въ этихъ неплодородныхъ, голыхъ горахъ. Съ перевала мы спустились вдоль ручейка, продолжившаго себѣ путь черезъ скалы, состоящія изъ чернаго сланца, порфира и діорита.

Ночь мы провели въ продольной долиנѣ, по которой течетъ рѣка, уступающая по величинѣ изъ всѣхъ видѣнныхъ нами въ Тибетѣ одному только Тариму; ширина ея 65 метровъ, наибольшая глубина 60 сантиметровъ, воды въ ней протекало 27 к. метровъ въ секунду и течетъ она по направленію къ З.-С.-З. Она, повидимому, стекала съ трехъ громадныхъ выпуклыхъ горъ на В.-Ю.-В., имѣющихъ видъ трехъ рядомъ поставленныхъ шляпъ.

Животныя уже начинали слабнуть. Лошадь Чердонова не ѣла и имѣла весьма плачевный видъ. Это очень огорчало казака, который нѣжно любилъ своего вороного коня. Онъ его отлично выѣздилъ и лихо джигитовалъ на немъ. Теперь онъ дѣлалъ все, чтобы спасти его. Четыре оставшіяся овцы бѣжали за караваномъ какъ собаки, легко преодолевая любой подъемъ и довольствуясь самой плохой травой. Мы теперь нѣсколько привыкли къ громадной высотѣ. Когда я сажу въ сѣдлѣ или въ палаткѣ, то ничего не замѣчаю, но самое незначительное усиліе, вродѣ удара геологическимъ молоткомъ по камню, имѣетъ послѣдствіемъ затрудненіе дыханія и сердцебіеніе.

Къ перевалу Арка-тага вела долина съ небольшимъ ровнымъ подъемомъ. Перевалъ имѣлъ видъ куполообразно окруженного гребня, на который верблюды вошли безъ особыхъ затрудненій. Кой-гдѣ снѣгъ еще сопротивлялся дѣйствію лучей солнца. При помощи штатива фотографическаго аппарата мы сдѣлали маленькую палатку для термогипсометра, который показалъ высоту въ 5180 метровъ. Мы здѣсь находились на наивысшей, считая по хребту, горной цѣпи свѣта. Передъ нами разстилалась та продольная долина, вдоль которой я шелъ въ 1896 году. Прямо на югъ возвышался громадный горный массивъ съ вѣчными снѣгами, фирновыми полями и короткими ледниками, спускающимися во всѣ стороны; съ птичьяго полета, должно быть, онъ имѣлъ видъ морской звѣзды. Къ сѣверу спускаются три широкихъ ледника съ громадными конечными моренами изъ чернаго ледниковаго щебня. Съ наслажденіемъ мы теперь спус-

кались послѣ такого длиннаго подъема. Животныя передвигались легко и мы надѣялись найти хорошія пастбища въ долинахъ. Около устьевъ поперечной долины, вдоль которой мы быстро спускались, Алдаты засталъ молодую сайгу врасплохъ и убилъ ее изъ своего неуклюжаго, заряжаемаго съ дула, ружья. Для насъ эта добыча была хорошимъ прибавленіемъ къ запасамъ. Къ сожалѣнію Чердоновъ захватилъ слишкомъ мало патроновъ, которыми онъ въ началѣ плохо хозяйничалъ, такъ что мы теперь должны были пользоваться исключительно ружьемъ Алдаты.

Наконецъ, намъ удалось преодолѣть тотъ громадный валъ, который поставленъ природою преградой къ сѣверу, чтобы защитить и окружить тайны Тибета. Давно мы уже прошли область тропинокъ полудикихъ охотниковъ за яками и искателей золота, и теперь передъ нами на югъ разстилалась совершенная *terra incognita*, гдѣ мнѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось пересѣчь мою дорогу и дороги путешественниковъ Вельби, Рокгилля и Бонвало. Нашъ проводникъ вглядывался съ вопрошающимъ взглядомъ въ ту безконечную даль, въ которую мы отправлялись. Поэтому, хотя я могъ только наносить на карту то, что видѣлъ собственными глазами, вслѣдствіе чего карта получалась въ видѣ узкой полосы вдоль нашего маршрута, тѣмъ не менѣе я надѣялся изучить орографическое строеніе мѣстности посредствомъ новыхъ маршрутовъ.

7 августа мы шли на западъ по продольной долинѣ, надѣясь найти одно изъ моихъ старыхъ озеръ. Но теперь силы лошади Чердонова уже подходили къ концу, хотя ее вели очень медленно; но тѣмъ не менѣе, она часто падала и съ трудомъ поднималась. Чердоновъ лѣчилъ ее по монгольски; пускалъ кровь изъ кончиковъ ушей и отрѣзалъ нѣсколько железовидныхъ придатковъ въ соединительной ткани рѣсницъ, что, повидимому, ее нѣсколько подбодрило, такъ какъ она теперь могла пройти болѣе длинное разстояніе. Я хотѣлъ приказать убить ее, но такъ какъ Турду-Бай предполагалъ, что ее можно будетъ спасти, то Моллахъ-Шахъ повелъ ее за нами.

Такъ какъ намъ не удалось отыскать озера на западѣ, то я рѣшилъ повернуть на югъ и переправиться черезъ ту

цѣпь, которая съ ледника направлялась на западъ. Съ ручейка, у котораго мы расположились на отдыхъ, ледниковый массивъ былъ видѣнъ недалеко на востокъ; мы, такимъ образомъ, на половину обошли его. Пастбище было хуже обыкновеннаго.

Спустя пять часовъ прибылъ Моллахъ-Шахъ. Онъ оставилъ лошадь въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ нашего привала въ безнадежномъ состояніи. Когда Чердоновъ возвратился туда, она уже околѣла. Турду-Бай поѣхалъ по поперечной долинѣ той цѣпи, которую намъ предстояло перейти и вернулся вечеромъ съ вѣстью, что перевалъ неопасенъ, что по ту сторону его находится большое озеро. Пастбища онъ не видалъ.

На слѣдующій день онъ показалъ намъ дорогу. Подъемъ былъ ровный и некрутой, такъ что перевалъ не представлялъ особенныхъ затрудненій. Тѣмъ не менѣе одинъ верблюдъ настолько утомился, что пришлось снять съ него вьюкъ. На перевалѣ насъ встрѣтила обычная картина: продолжная долина и горная цѣпь, частью покрытая вѣчными снѣгами. Послѣдняя, должно быть, тождественна съ Кокошили. Большая часть дна долины была занята довольно большимъ озеромъ, вытянутымъ съ востока на западъ.

Около самаго западнаго залива озера мы разбили лагерь на высотѣ 5024 метровъ. Худшаго мѣста стоянки у насъ до сихъ поръ еще не было: ни слѣдовъ пастбища, ни слѣдовъ топлива. Мы разбили лишній ящикъ, чтобы только согрѣть чай, животнымъ дали по горсти кукурузы. Но едва мы успѣли устроиться, какъ разразилась страшнѣйшая буря: сперва дождь, потомъ градъ, затѣмъ снова проливной дождь, который промочилъ рѣшительно все. Верблюдовъ положили полукругомъ, головой отъ вѣтра и привязали ихъ всѣхъ къ одному колу, вбитому въ землю. Крайнихъ накрыли войлочными одѣялами. Почти голые послѣ лѣтней потери шерсти, они сильно зябли и тряслись отъ холода. Интересно было наблюдать, какъ новая шерсть постепенно вырастаетъ. Вслѣдствіе холодовъ на этихъ высотахъ она вырастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ болѣе низкихъ и теплыхъ странахъ: природа сообразуется съ обстоятельствами!

Слѣдующее утро шелъ густой мелкій дождь и западный

вѣтеръ ревѣлъ по долинѣ. Промерзшіе, мы снялись съ bivouака и пошли дальше съ голодными животными. Новая цѣпь на Ю.-З. казалась намъ низкой и переходъ черезъ нее, въ сравненіи со всѣми предыдущими, представлялся весьма легкимъ. Сѣверный ея склонъ даже не состоялъ изъ скалъ, а только изъ низкихъ бугровъ; переходъ черезъ нихъ казался простымъ, но на самомъ дѣлѣ это былъ самый тяжелый изъ всѣхъ встрѣтившихся ранѣе.

У основанія бугровъ почва была болотиста и намъ пришлось внимательно слѣдить за лошадьми, чтобы онѣ не завязли. Мы, однако, съ увѣренностью рассчитывали на твердый грунтъ склона. И сначала все было хорошо, такъ какъ почва состояла изъ желтой глинистой земли, покрытой камнемъ и сланцевыми осколками. Подъемъ былъ незначительный. Только одинъ большой верблюдъ, ненавидѣвшій все похожее на перевалы, отставалъ и, наконецъ, преспокойно улегся; Турду-бай остался у него.

Когда мы взошли на первый хребетъ, то продолжали идти по немъ на Ю.-В. Я ѣхалъ впереди по слѣдамъ яка; сначала почва была твердая, но далѣе слѣды исчезли въ мягкой грязи, въ которой лошадь шлепала и вязла. Наконецъ, она стала проваливаться такъ глубоко, что я предпочелъ вести ее въ поводу. Конечно, я долженъ былъ повернуть назадъ, но хребетъ казался слишкомъ близкимъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ я чуть было не потерялъ сапогъ, я обождалъ остальныхъ. Люди шли пѣшкомъ и тяжело дышали. Всегда терпѣливые и послушные верблюды тащились за ними, глубоко проваливаясь на каждомъ шагу; все же имъ было легче идти, чѣмъ лошадямъ, такъ какъ широкія ихъ копыта не позволяли имъ такъ глубоко проваливаться. Одинъ изъ нихъ упалъ, и съ него пришлось снять вьюкъ.

Голова кружится отъ ходьбы, и почва сдаетъ и кажется качающейся; постоянно приходится останавливаться, чтобы вздохнуть. Даже на большіе плоскіе куски сланца нельзя положиться, потому что они постепенно вдавливаются въ почву и въ углубленіи накапливается вода. Слышно, какъ вода течетъ и бурлитъ подъ щебнемъ.

Когда, наконецъ, наше положеніе стало слишкомъ тяжелымъ, я отправилъ Чердонова вверхъ на гребень для ре-

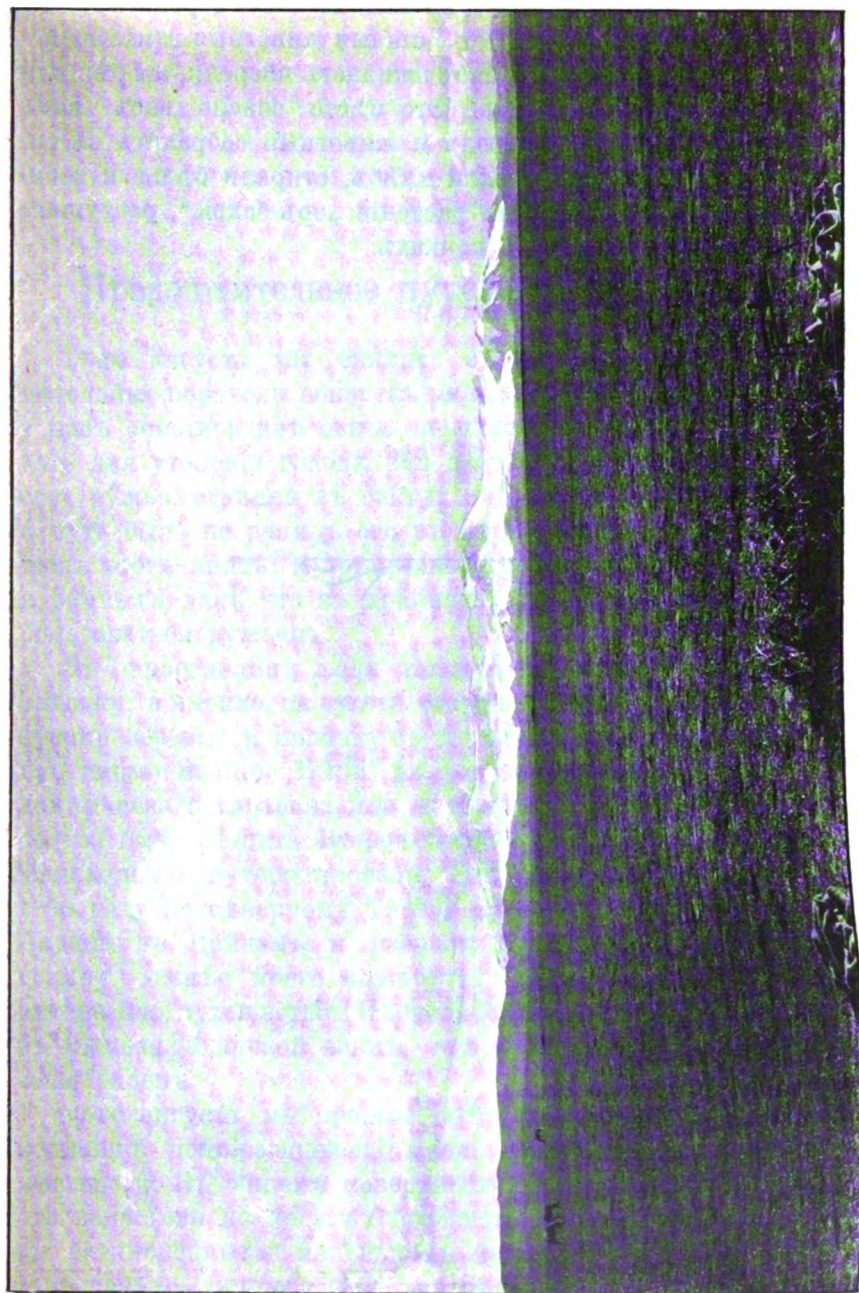
когносцировки. Онъ скоро вернулся съ извѣстіемъ, что этотъ хребетъ первый въ цѣломъ рядѣ подобныхъ, которые разстилались на югъ и закрывали горизонтъ.

Его слова дали знакъ къ отступленію. Мы потеряли четыре часа на этомъ мерзкомъ кускѣ дороги и зря дошли до высоты 5248 метровъ, и что было хуже всего—сильно утомили животныхъ. Послѣ недолгихъ поисковъ мы нашли ложбину и пошли въ ея серединѣ по ручейку, на единственной твердой полосѣ. Ручеекъ въ продольной долинѣ свернулъ на западъ, гдѣ ихъ нѣсколько соединились въ одинъ, имѣющій 8 куб. метровъ воды въ секунду. Когда мы, наконецъ, на правомъ берегу на высотѣ 5011 метровъ нашли траву, то разбили палатки и рѣшили дать животнымъ двухдневный отдыхъ.

Но вмѣсто отдыха на нашу долю выпали обычныя мученія. Утро обѣщало много, но когда я хотѣлъ начать наблюдать солнце, небо покрылось тучами. И въ теченіе двухъ дней шли попеременно дождь, градъ и снѣгъ, и гремѣлъ громъ. Несчастнымъ животнымъ досталось мало пищи и они страшно страдали отъ постоянного холода и сырости.

12-го августа мы пошли дальше по тому же проклятому грунту, по тѣмъ же бездоннымъ грязямъ. Большой больной верблюдъ, наконецъ, совсѣмъ отказался итти и его пришлось зарѣзать. Ночью на 14-ое августа температура пала до—3,2°, такъ что земля была тверда, какъ камень, и вода въ нашихъ слѣдахъ покрылась тонкимъ льдомъ, но къ сожалѣнію, не надолго: уже до полудня все опять растаяло и размякло. Въ этотъ день мы совершили крайне тяжелый переходъ черезъ хребетъ и съ него на Ю.-З. замѣтили въ долинѣ зелень, куда и направились, нуждаясь больше всего въ кормѣ для животныхъ. Какъ только мы прибыли туда и очутились на сухой песчаной почвѣ, то сейчасъ же остановились и съ радостью замѣтили, какъ наши животныя ожили на этой рѣдкой травѣ. Всѣ наши вещи и войлоки мы разостлали на песокъ на солнышкѣ; юрта и палатка сохли лучше всего, поставленныя обычнымъ образомъ.

15-го августа 15 лѣтъ тому назадъ я началъ свое первое путешествіе по Азіи и, чтобы отпраздновать память объ этомъ днѣ, я остался на дневку. Погода, несмотря на дождь, продол-

Ледники на Ю.-З. отъ лагеря (14-го августа).

жавшійся нѣсколько часовъ, въ общемъ была хороша и температура поднялась выше 15° . Усталыя животныя замѣтно поправлялись и, не зная, что насъ ожидаетъ впереди, мы рѣшили отдохнуть еще одинъ день. Это мѣсто спасло насъ, какъ оазисъ въ пустынѣ. И люди и животныя собрались съ силами. Послѣдній день пекли хлѣбъ, стирали бѣлье и собирали топливо, сухіе стебли растенія „еръ-бахры“, растущаго на маленькихъ твердыхъ кочкахъ.

XX.

Продолжительное путешествіе по озеру.

17-го августа мы снялись съ лагеря и начали утомительные переходы поперекъ ряда хребтовъ на Ю.-З. Теперь у насъ остались двѣ овцы, но одною пришлось пожертвовать для утоленія голода. Къ несчастію Алдатъ испортилъ свое ружье, стрѣляя въ сайгу; изъ замка вырвался винтъ и чуть было не ранилъ его въ лицо. Къ счастью онъ нашелъ этотъ винтъ и прикрѣпилъ его стальной проволокой и ремнемъ, такъ что въ крайнемъ случаѣ можно еще было пользоваться ружьемъ.

Въ одной долинѣ люди наткнулись на довольно рѣдкую находку, а именно, на кусокъ старой магометанской рубашки, кусокъ веревки и палочку съ вырѣзами, которой пользуются при навьючиваніи. Были ли это слѣды монгольскаго паломническаго каравана или путешествія Капитана Вельби, нельзя было рѣшить. Второе однако не невѣроятно. Вельби и Малькольмъ путешествовали одновременно со мной въ 1896 году по сѣверному Тибету съ запада на востокъ, изъ Ладака въ Цайдамъ и избрали ближайшую продольную долину, южнѣе моего маршрута. Это было замѣчательно интересное путешествіе. Нѣсколько лѣтъ позже Вельби палъ въ южноафриканской войнѣ, гдѣ и Малькольмъ былъ тяжело раненъ.

20-го августа мы прошли 27^{1/2} километровъ на Ю.-В. по медленно понижающейся, мало пересѣченной, отличной мѣстности. Въ общемъ поверхность земли здѣсь такъ равна, что водостоки не могутъ образоваться, а вода собирается въ безчисленныхъ маленькихъ мутныхъ лужахъ. Трава значительно лучше, чѣмъ въ сѣверномъ Тибетѣ и дикій лукъ мѣстами растетъ довольно густо. Верблюды ѣдятъ его

съ особымъ наслажденіемъ, а также и нашему супу онъ придавалъ отличный вкусъ.

Далѣе къ югу открывался безконечный видъ, и могучія горныя цѣпи уже больше не заграждали намъ путь. На горногоризонтѣ были видны кой-какіе хребты, но они казались довольно незначительными. Страна приняла характеръ плато, и мы шли по необозримымъ нагорнымъ равнинамъ. Передъ нами открылись два маленькихъ озера, между которыми мы хотѣли пройти. Это, однако, не удалось, такъ какъ онѣ были соединены каналомъ, шириною въ 2 метра и глубиною въ 1½ метра. Поэтому мы обошли кругомъ южнѣе и замѣтили на Ю.-В. громаднѣйшее озеро, на южномъ берегу котораго возвышались бугорки. На сѣверо-западномъ берегу подножный кормъ былъ довольно хорошъ и здѣсь мы разбили лагерь.

День отдыха былъ посвященъ астрономическимъ наблюденіямъ и составленію слѣдующаго плана: 22-го августа Кучукъ долженъ былъ перевезти меня по діагонали черезъ озеро, прямо на наиболѣе возвышающуюся вершину на Ю.-50°-В., одновременно караванъ долженъ былъ пройти по западному и южному берегамъ озера и остановиться на берегу у подножья названной вершины. Но такъ какъ я боялся, что имъ не пройти, если большой ледниковый ручей, вдоль котораго мы шли нѣсколько дней тому назадъ, впадаетъ въ юго-западную часть озера, то я приказалъ Моллахъ-Шаху отправиться на рекогносцировку. Онъ вернулся вечеромъ съ докладомъ, что дорога свободна. На западѣ онъ видѣлъ такое-же большое озеро, въ которое вѣроятно впадаетъ вода, стекающая съ ледниковаго массива. Все было ясно, и я былъ увѣренъ, что караванъ прибудетъ раньше насъ, такъ какъ измѣренія глубинъ и другія наблюденія требовали довольно много времени. Поэтому я приказалъ Чердонову по прибытіи разложить костеръ, который вечеромъ долженъ былъ служить намъ маякомъ.

Слѣдующій день былъ теплый и ясный. Въ то время какъ выучили верблюдовъ, мы съ Кучукомъ приготовили лодку на берегу и тронулись раньше каравана. У самой береговой черты начинается тотъ пласть соли, который покрываетъ все дно озера и въ началѣ имѣетъ толщину отъ 2 до 4

сантиметровъ. Онъ лежитъ на красномъ илѣ и ломается подъ нашими голыми ногами. Мы должны были тащить лодку $1\frac{1}{2}$ километра на рукахъ, такъ какъ только на этомъ разстояніи отъ берега глубина едва доходить до $\frac{1}{2}$ метра. Сперва мы направились на В.-Ю.-В. къ маленькому острову, при чемъ Кучукъ не гребъ, а толкалъ лодку; весло ударяло, какъ будто бы о камень, и чѣмъ дальше, тѣмъ пласть становится толще.

Это широко раскинувшееся озеро сплошь соленое безъ единого признака жизни. Ни птицъ не видно, ни водяныхъ животныхъ, ни водорослей. Береговая полоса неплодородна до крайнихъ предѣловъ волнъ и трава растетъ только на песчаныхъ бугоркахъ, возвышающихся на нѣсколько метровъ надъ уровнемъ воды. Вдоль восточнаго берега острова лежатъ нѣсколько странныхъ подковообразныхъ островковъ изъ гальки.

Мы причалили къ этому острову, возвышающемуся всего на 5 метровъ и покрытому чудной травой. Видъ съ него великолѣпный и оріентирующий, чѣмъ мы и воспользовались, чтобы приблизительно нанести окрестности на карту. Къ востоку и западу тянется совершенно открытая страна, гдѣ до горизонта не видно ни малѣйшей возвышенности. На С.-З. блеститъ массивъ ледника, у выходящихъ концовъ котораго мы находились нѣсколько дней тому назадъ. На югѣ видны низкіе, округленные хребты, на сѣверѣ пройденная нами значительная горная цѣпь съ рѣдкими снѣжными вершинами.

Потомъ мы направились на Ю.-50°-В. къ условленному мѣсту встрѣчи. Только островъ былъ окруженъ кольцомъ гальки на пластичной синей глинѣ, но потомъ опять начался пласть соли; его неровности и трещины отлично видны въ прозрачной водѣ. Глубина нѣсколько увеличилась, такъ что Кучукъ больше не могъ толкать лодку, а долженъ былъ гребти; поэтому мы стали передвигаться медленнѣе.

Глубина въ этомъ озерѣ была, противъ ожиданія, незначительная. Дно почти совершенно горизонтальное, и наибольшая глубина всего только 2,33 м., т. е. половина глубины Кара-кошуна. Я захватилъ съ собою веревку, длиною въ нѣсколько сотъ метровъ, раздѣленную на дециметры

и сантиметры; но оказалось, что для промѣровъ весла было достаточно. Скорость я измѣрялъ черезъ 5 минутъ, глубину минутъ черезъ десять, а Кучукъ, подпѣвая, гребъ однимъ весломъ, какъ въ челнокѣ, ставя весло вертикально около бортовъ лодки. Теплой одежды мы не захватили, такъ какъ я рассчитывалъ въ случаѣ холода согрѣваться греблей, да и температура поднялась до $+14^{\circ}$ и въ водѣ до $+17^{\circ}$.

Вода такъ солонa, что попавшія въ лодку капли отвердѣваютъ какъ стѣаринъ. Послѣ того, какъ вода улетучилась, остается бѣлосвѣжная тонкая скорлупка, которая однако обыкновенно проламывается. Весло побѣлѣло, какъ будто его выкрасили, наши руки сдѣлались бѣлы и жестки, платье было покрыто пятнами, и лодка имѣла видъ, какъ будто на ней перевозили муку.

Первые часы мы видѣли движенія каравана, но потомъ онъ исчезъ, должно быть, за холмами. Мы же ѣхали часъ за часомъ, километръ за километромъ, имѣя подъ собою глубину въ 1,50 метра. Къ вечеру блестящая до сихъ поръ, какъ зеркало, поверхность, около южнаго берега приняла матовый оттѣнокъ и все явственнѣе слышался шумъ, который Кучукъ считалъ происходящимъ отъ впадающаго гдѣ-нибудь по близости ручейка. Скоро, однако, стало яснымъ, что это поднялся сильный восточный вѣтеръ, крайне затруднявшій греблю. Поэтому мы подняли парусъ и направились на Ю.-З. полнымъ ходомъ прямо къ берегу на бушующій прибой. Вовремя мы спустили парусъ, Кучукъ выскочилъ, потомъ я, и черезъ острые камни мы повесли лодку на берегъ.

Сейчасъ же, до наступленія темноты, мы взбѣжали на ближайшіе бугорки, чтобы посмотрѣть, гдѣ караванъ. Но ни слѣда, и кругомъ мертвая тишина. Кучукъ собралъ кучу „япкакъ“ и устроилъ костеръ, и если теперь никто не прибываетъ, то было ясно, что они остановились передъ какою-то встрѣтившейся преградой. А намъ крайне нужна была пища, вода и теплая одежда. Пришлось мириться и приготовиться къ ночлегу.

Въ 9 часовъ вечера я завелъ хронометры. Потомъ мы разобрали лодку на двѣ половины, я легъ на парусъ, поло-

жилъ подъ голову спасательный кругъ, а Кучукъ накрылъ меня половиной лодки и задѣлалъ всѣ щели землей; самъ онъ устроился такимъ же образомъ.

Внутри, подъ лодкою я чувствовалъ себя довольно хорошо, особенно, когда дождь сталъ барабанить о дно лодки; ночью я просыпался нѣсколько разъ отъ холода, но окончательно всталъ только въ 7 часовъ утра. У разведеннаго костра мы согрѣли наши окоченѣвшіе члены.

Мы опять соединили лодку, поставили парусъ и по вѣтру понеслись вдоль южнаго берега. Черезъ часъ съ лишнимъ я черезъ бинокль замѣтилъ на лѣвомъ берегу двѣ бѣлыя точки, которыя мы приняли за юрту и палатку. Черныя точки вокругъ были люди и животныя. Черезъ три часа мы подъѣхали къ берегу, гдѣ Чердоновъ и Алдатъ осторожно вытащили лодку на берегъ. Караванъ, какъ мы и предполагали, былъ задержанъ большой рѣкой, черезъ которую нельзя было перейти вбродъ. Рѣка вытекала изъ большого озера на западѣ. Поэтому они остались у того ключа, гдѣ мы нашли ихъ, и всю ночь поддерживали огонь на бугрѣ, чтобы указать намъ дорогу, если бы мы блуждали по озеру. Алдатъ убилъ кулана, что доставило намъ большое удовольствіе, такъ какъ мы уже давно не имѣли свѣжаго мяса.

Вопросъ теперь состоялъ въ томъ, куда направиться. Чтобы итти на западъ, намъ понадобилось по меньшей мѣрѣ три дня для обхода, находящагося тамъ озера; на востокъ разстилалось наше большое соленое озеро. На югѣ намъ преграждала путь рѣка, по которой повидимому прѣсная вода перетекала изъ того озера въ наше. Повернуть назадъ было пока невозможно, такъ какъ болотистая почва не замерзла еще настолько, что бы по ней можно было-бы итти. Поэтому я рѣшилъ переправить весь караванъ черезъ рѣку на нашей лодкѣ.

Для этого я приказалъ отвести караванъ къ наиболѣе узкому мѣсту рѣки, а самъ съ Кучукомъ направился къ ея устью. Ширина здѣсь около 300 метровъ и какъ разъ передъ устьемъ находился порогъ съ глубиной всего въ 50 сантиметровъ; онъ бы могъ служить намъ отличнымъ бродомъ, если-бы не имѣлъ въ серединѣ узкій

проходъ, глубиною въ 2,56 метра. У узкой части рѣки караванъ уже дожидался; вода и здѣсь имѣетъ соленую горечь, несмотря на то, что теченіе изъ прѣснаго озера довольно сильное.

Оба берега состояли изъ твердаго песка. Ширина рѣки 58 метровъ. Натянуть веревку между обоими берегами представило наибольшее затрудненіе. Пришлось собрать почти всѣ веревки, которыми привязываются вьюки, и связать ихъ въ одну. Концы привязали на обоихъ берегахъ и потомъ

Буксировка верблюдовъ черезъ рѣку.

натянули веревку настолько, чтобы она не касалась поверхности воды.

Потомъ мы перегнали лошадей, что однако удалось только послѣ перевозки одной на буксирѣ. Съ верблюдами дѣло было труднѣе. Заставить верблюдовъ переплыть добровольно было невозможно; пришлось перетаскивать одного за другимъ за лодкою, при чемъ Турду-бай держалъ голову верблюда за недоуздокъ надъ водою, а я тащилъ лодку вдоль веревки. Но такъ какъ верблюды сами не работали ногами, а преспокойно предоставляли намъ везти себя, то на моихъ рукахъ висѣла вся тяжесть, которая увеличивалась еще отъ сильнаго теченія, и если-бы я выпустилъ веревку изъ рукъ,

насъ бы понесло въ озеро, что могло кончиться гибелью верблюда.

Наконецъ мы перевезли всѣхъ животныхъ, наша послѣдняя овца переплыла самостоятельно; багажъ мы перевезли въ 14 приѣмовъ и на правомъ берегу мы разбили палатки. Количество воды въ этой рѣкѣ $47\frac{1}{2}$ куб. метра въ секунду. Бѣлой рѣки я не видѣлъ до сихъ поръ въ сѣверномъ и среднемъ Тибетѣ. Она вѣроятно получаетъ притоки далеко на западѣ и всѣ ледниковые потоки этой мѣстности впадаютъ въ ея бассейнъ.

Теперь наша дорога шла по совершенно мягкимъ буграмъ безъ всякихъ слѣдовъ скалъ. Мѣстами около ручейковъ находился отличный кормъ и топливо, но такъ какъ животныя теперь отдохнули, мы рѣшили итти дальше и, перейдя низкій гребень, увидѣли за нимъ озеро, которое, несмотря на отсутствіе видимаго стока, было прѣсное. За буграми на Ю.-З. отъ озера паслись 14 яковъ и еще дальше было видно стадо въ нѣсколько сотъ штукъ. Но въ этотъ моментъ нагрянула гроза съ ливнемъ и градомъ и скрыла отъ насъ яковъ и Алдата, отправившагося поохотиться на нихъ. Поздно вечеромъ онъ вернулся съ мясомъ убитаго молодого яка.

28-го намъ опять преградила путь рѣка, впадающая въ большое соленое озеро. И здѣсь, какъ и всюду, насъ преслѣдовали страшныя грозы съ ливнями и градомъ. Когда буря утихла, я приказалъ приготовить лодку и отправился съ Кучукомъ на рекогносцировку. Около устья рѣки я вышелъ на берегъ и поднялся на бугорокъ и нашелъ, что мы почти окружены довольно основательными озерами. Возвращаясь къ лагерю, я составилъ планъ особой экскурсіи по этимъ новымъ озерамъ.

XXI.

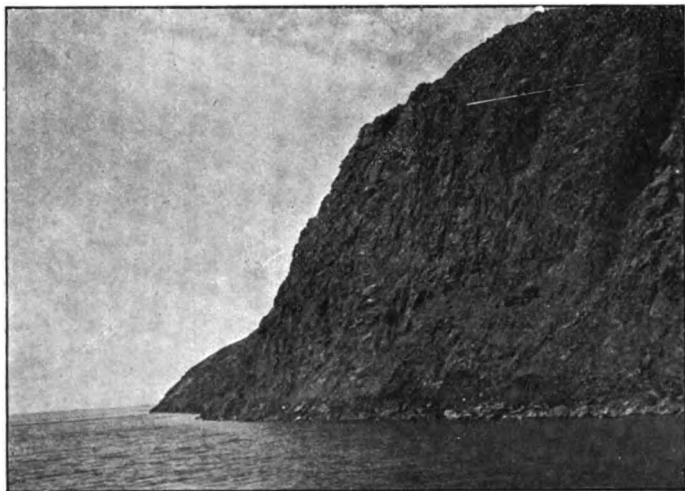
Черезъ бурныя озера и поднебесныя горы.

Лагерь около рѣки былъ назначенъ базисомъ дальнѣйшихъ операцій. Турду-Бай, Алдаты и Ніасъ остались здѣсь со всѣми верблюдами и съ 4-мя усталыми лошадьми. Чердоновъ, Моллахъ-Шахъ и Кучукъ сопровождали меня; въ караванѣ участвовали: мулъ, семь лошадей и собаки. Провіанту мы захватили на одну недѣлю и кромѣ того только самыя необходимыя вещи, войлоки и шубы. Инструменты я уложилъ въ футляръ большого фотографическаго аппарата; въ этой покрытой озерами странѣ лодка,—само собой разумѣется, входила въ наше снаряженіе. Далѣе мы взяли только половину юрты, т. е. деревянную раму составляющую нижнюю ея часть, и два войлочныхъ одѣяла. Багажъ, значить, былъ легокъ и его мы перевезли въ лодкѣ, лошади перешли вбродъ, при чемъ только нижняя часть сѣдель коснулась воды.

Скоро однако проливъ между двумя озерами загородилъ намъ путь и пришлось повторить тотъ же маневръ. Наконецъ мы очутились на маленькомъ полуостровѣ и пошли вдоль сѣвернаго берега прѣснаго озера. Перешеекъ, шириною всего въ нѣсколько сотъ метровъ, отдѣлялъ наше озеро отъ новаго, которое раскинулось на востокъ; мы направились вдоль сѣвернаго берега этого озера.

Нѣкоторое время мы шли на высотѣ около 70 метровъ надъ поверхностью воды вдоль самаго обрыва береговыхъ скалъ, пользуясь тропою кулановъ, и такъ близко къ краю, что было даже непріятно. Въ глубокой водѣ мы видѣли массу рыбъ съ черными спинами, возбуждавшихъ особый интересъ Кучука.

Рано утромъ я влѣзъ на ближайшій бугоръ, съ котораго открывался чудный видъ на эту страну, гдѣ больше воды, чѣмъ земли. Поверхность озера, расположеннаго подъ моими ногами, находится на 4848 м. надъ уровнемъ моря. Такимъ образомъ мы находились выше вершины Монъ-Блана, несмотря на то, что шли еще сравнительно по низкимъ мѣстамъ. Приготовивъ лодку, мы поѣхали къ отвѣснымъ краснымъ песчаникамъ, гдѣ мы видѣли такое множество рыбы. Караванъ пошелъ дальше вдоль озера, чтобы разбить па-

Скала на берегу озера.

латки на южномъ берегу противъ вершины, обозначенной на моей картѣ 01.

У самого берега мы бросили якорь. Глыбы скалистой стѣны часто казались висящими на ниткѣ, грозя упасть и раздавить насъ. При солнечной погодѣ мы стали удить рыбу, но выудили всего только 4 рыбы средней величины. Въ этомъ мѣстѣ глубина достигала 48,87 метра, т. е. наибольшая, которую я измѣрялъ въ Тибетѣ. Однако наша рыбная ловля продолжалась недолго. На западѣ стемнѣло и небо скоро покрылось тучами. Приближалась буря и намъ оставалось одно изъ двухъ, или переждать ее подъ защитой горъ, или направиться къ мѣсту стоянки. Такъ какъ мы

не хотѣли зря терять времени, то выѣхали изъ подъ защиты стѣны. Вѣтеръ сразу подхватилъ насъ и чѣмъ дальше отъ стѣны, тѣмъ онъ становился сильнѣе, разводя ужасное волненіе. Парусинные бока лодки напрягались отъ напора волнъ и грозили разрывомъ. Но и на этотъ разъ все обошлось благополучно. Буря утихла и мы скоро добрались до лагеря при великолѣпнѣйшемъ заходѣ солнца.

Теперь мы удалились на столько отъ лагеря Турду-бая, что надо было думать объ обратномъ пути. По моимъ раз-

Видъ съ озера.

счетахъ мы должны были находиться недалеко отъ истоковъ Янгъ-це-кіанга, и меня не покидала мысль найти ихъ.

Отсутствіе связи между ними и тѣми тремя большими озерами, которыя мы нашли въ этой мѣстности, стало теперь очевиднымъ; онѣ составляютъ отдѣльную систему безъ стока. Но я не былъ вполне увѣренъ и рѣшилъ поэтому пожертвовать еще однимъ днемъ на экскурсію къ югу. Мы шли черезъ волнистыя равнины съ рѣдкой травой и топкой, опасной почвой и, пройдя 27 километровъ остановились на берегу рѣки, впадающей въ небольшое соленое озеро на Ю.-В. отъ предыдущихъ.

Борба за живъ.

Уменьшающіеся запасы и истощенныя лошади не позволяли намъ итти дальше и на слѣдующій день мы повернули на западъ, гдѣ опять чуть было не застряли въ предательской почвѣ. Лошади иногда проваливались до 60 сантиметровъ. Съ горъ на югъ лилась къ сѣверу могучая рѣка въ то озеро, черезъ которое мы только что переплыли; въ руслѣ рѣки мы нашли твердую почву, весьма удобную для ѣзды.

Я намѣревался въ лодкѣ переправиться черезъ озеро на сѣверъ и составить новую кривую глубинъ, но сильный, встрѣчный вѣтеръ и громадныя волны заставили меня бросить эту мысль и направиться вдоль берега.

По широкой рѣкѣ это озеро переливаетъ свою воду въ нижнее, прѣсное озеро и, недалеко отъ мѣста ея впаденія, мы разбили лагерь. Отсюда, должно быть, осталось не болѣе перехода вдоль южнаго берега до главной квартиры, гдѣ насъ ожидалъ Турду-бай. Моллахъ-Шахъ и Чердоновъ отправились по суши, мы же съ Кучукомъ по діагонали черезъ озеро, сначала при чудной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ. Постепенно вѣтеръ усиливался и гналъ насъ на болѣе открытыя мѣста, гдѣ глубина не превышала 3 метровъ. Вскорѣ однако вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и показались черныя тучи, предвѣстники бури. Волненіе усилилось и намъ пришлось грести какъ галернымъ рабамъ. Нѣсколько разъ вѣтеръ мѣнялъ направленіе, вслѣдствіе чего волны стали перекрещиваться и грозили потопленіемъ лодки. Измѣреніе глубины сдѣлалось невозможнымъ. Нѣсколько разъ вѣтеръ утихалъ и снова усиливался и послѣ 8 часовой тяжелой работы, мы, наконецъ, пристали къ берегу.

Съ бугорка я увидѣлъ Моллахъ-Шаха, который на мысѣ ожидалъ насъ съ четырьмя лошадьми. При наступающей темнотѣ мы начали измѣрять количество воды въ проливѣ, черезъ который мы переправлялись недѣлю тому назадъ, но разразившаяся гроза помѣшала нашей работѣ. Съ крайнимъ трудомъ мы переправились черезъ проливъ, шириною всего въ 60 метровъ, и въ страшнѣйшую бурю уложили всѣ принадлежности подъ опрокинутую лодку. Когда мы сѣли на лошадей, мѣсяцъ уже сталъ показываться между

облаками и послѣ страшно тяжелаго дня, мы скоро очутились въ нашихъ палаткахъ. Плотно закусивъ мясомъ сайги, которымъ насъ угостилъ Алдать, я съ большимъ наслажденіемъ скоро заснулъ въ теплой палаткѣ.

6-го сентября мы отдыхали. День имѣлъ почти зимній характеръ: солнца совершенно не было видно и градовыя тучи проходили одна за другой. Я обрабатывалъ результаты экскурсій, Чердоновъ и Кучукъ ловили рыбу, остальные очищали кости сайги для скелета.

Отсюда мы должны были повернуть обратно. Съ нашими запасами мы не могли итти дальше на югъ, такъ какъ они были рассчитаны на 2¹/₂ мѣсяца, мы же были въ дорогѣ уже 1¹/₂ мѣсяца. Рису у насъ было достаточно, но съ мукой мы должны были обращаться весьма бережливо. Слишкомъ много ея мы истратили, стараясь спасти умирающаго верблюда. Зима приближалась и поэтому мы должны были спѣшить по большой дугѣ на западъ, сѣверъ и востокъ къ главной квартирѣ въ долину Чимена.

Но передъ тѣмъ, чтобы покинуть эту часть Тибета, я хотѣлъ пересѣчь еще одну громадную цѣпь, наивысшая точка которой находилась на громадномъ горномъ массивѣ на Ю.-З., покрытомъ вѣчными снѣгами. 7-го числа (4888 метровъ) мы рѣшили раздѣлить караванъ. Турду-бай долженъ былъ пройти съ главными силами по долину, открывающейся на З.-Ю.-З. Ему было приказано остановиться въ открытомъ мѣстѣ на С.-З. отъ горнаго массива, который я хотѣлъ обойти съ южной стороны. Въ этой экскурсіи, рассчитанной на четыре дня, принимали участіе Чердоновъ и Алдать. Мы взяли съ собою 6 лошадей, маленькія юрты, провіантъ на недѣлю и топлива на 2 дня. Я, конечно, всегда могъ добратъся помощью компаса, но для мусульманъ предпріятіе было нѣсколько рисковано въ томъ отношеніи, что они могли заблудиться. Въ крайнемъ случаѣ слѣды одной партіи должны были служить руководствомъ для другой и, въ случаѣ неимѣнія слѣдовъ, прибывшая первая партія должна была ожидать другую. Если бы дождь или снѣгъ стерли слѣды съ лица земли, Турду-бай долженъ былъ, прождавши одну недѣлю, двинуться на сѣверъ къ главному лагерю.

8-го сентября мы двинулись одновременно въ путь. Наша дорога шла на Ю.-Ю.-З., подымаясь по незначительно пересѣченной мѣстности. На высотѣ 4973 метровъ мы остановились около нѣсколькихъ ключей, окруженныхъ низкой, но густой сочной травой.

На слѣдующій день мы при страшномъ вѣтрѣ ѣхали на Ю.-З.. Мѣстность теперь становилась болѣе пересѣченной и мы то подымались, то спускались съ многочисленныхъ бугровъ, между которыми ручейки извиваются въ руслахъ съ краснымъ иломъ. Вечеромъ Алдату удалось убить громаднаго 15 лѣтняго яка, но онъ оставилъ его на мѣстѣ, чтобы на слѣдующее утро забрать крайне необходимое намъ сало.

10-го числа рано утромъ онъ и отправился за своей добычей, предварительно пригнавъ лошадей, которыя отошли довольно далеко внизъ по долину. Намъ пришлось ожидать его весьма долго на рѣзкомъ холодномъ вѣтрѣ, который былъ весьма непріятенъ, тѣмъ болѣе, что нашъ лагерь лежалъ довольно открыто на высотѣ 5143 метровъ. Наконецъ я послалъ за нимъ Чердонова и только въ 11 часовъ они вернулись. Чердоновъ нашелъ молодого охотника около убитаго яка, лежащимъ больнымъ, не будучи въ состояніи шевельнуться, и дѣйствительно, видъ у него былъ печальный: у него сильно болѣла голова и шла носомъ кровь. Пока мы съ Чердоновымъ снимали палатку и вьючили животныхъ, онъ лежалъ.

Съ нѣкоторымъ трудомъ мы посадили Алдату въ сѣдло и направились къ отвратительному перевалу. Часъ за часомъ мы подымались и постоянно намъ казалось, что перевалъ близокъ, но онъ непрерывно отступалъ передъ нами. Почва, которая окаменѣла отъ 6-ти градуснаго ночного мороза, теперь растаяла и лошади проваливались въ грязь, рана себѣ ноги объ острия края валяющагося повсюду шифера.

На перевалѣ anerоиды показали высоту 5426 м.; подъ нами, значить, находилась какъ разъ половина атмосферы. Въ этотъ день температура не достигала $1\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла и отъ пронизывавшаго вѣтра ни шубы, ни шведскія куртки насъ не защищали.

Состояніе несчастнаго Алдата теперь такъ ухудшилось,

что его пришлось привязывать къ сѣдлу. Онъ говорилъ несвязанныя слова, повидимому, бредилъ и постоянно просилъ оставить его. На маленькомъ бугоркѣ у подножія большой горы Чердоновъ замѣтилъ нѣсколько движущихся темныхъ точекъ; по мѣрѣ приближенія мы могли различить двухъ людей, собирающихъ камни въ пирамиду и скоро мы узнали въ нихъ Турду-бая и Кучука, которые уже наканунѣ прибыли сюда, разыскивали насъ и теперь намѣревались возвратиться въ свой лагерь, построивъ намъ указатель.

Отвратительная погода, постоянныя вьюги и плохое состояніе здоровья Алдата отзывались тяжело на нашемъ настроеніи. Въ болѣзни Алдата я ничего не понималъ. Онъ жаловался на боли въ сердцѣ и въ головѣ, и его ноги были холодны и тверды какъ ледъ и совершенно почернѣли, и никакимъ растираніемъ я не былъ въ состояніи возстановить кровообращеніе. Онъ совершенно омертвѣли и были нечувствительны къ уколамъ иголкой. Это состояніе омертвѣнія постепенно, начиная съ ногъ, распространялось выше. Поздно вечеромъ я выкупалъ его ноги въ теплой водѣ и это, повидимому, пошло ему въ пользу. Больше всего насъ поразило то обстоятельство, что онъ какъ бы сошелъ съ ума. Въ пути онъ непрерывно разговаривалъ и приказывалъ верблюду лечь и долго послѣ того, какъ его уложили въ палаткѣ, онъ убѣдительно просилъ остановить верблюда. Моллахъ-Шахъ, который зналъ его съ Черчени, рассказывалъ что онъ раньше разъ сошелъ съ ума, но тогда его излѣчилъ нѣкто Абдуррахманъ-Ходжа, „ишанъ“, который пришелъ въ домъ его родителей, читалъ надъ нимъ молитвы и заставлялъ его проглатывать клочки бумаги, исписанные изрѣченіями корана. Теперь по ночамъ мы дежурили около него и дѣлали все, чтобы спасти его. Но надежда на успѣхъ не велика, когда приходится вести съ собой умирающаго при леденящихъ буряхъ по высокимъ горамъ.

Теперь мы постоянно шли на С.-З. и поэтому намъ не надо было пересѣкать никакихъ громадныхъ горныхъ цѣпей. Мы придерживались такого правила: три дня мы шли, а на четвертый день дѣлали дневку. Воскресенье 16-го сентября былъ чудный день отдыха съ прекраснѣйшей

погодой (4997 м.). Чердоновъ, все время благоразумно сохранившій нѣсколько патроновъ, израсходовалъ ихъ теперь на молодого яка, изъ котораго получился цѣлый большой мѣшокъ мяса; оно не особенно вкусно, но когда другого нѣтъ, то и этимъ нельзя было брезгать.

Вечеромъ Алдатъ просилъ оставить его на свѣжемъ воздухѣ и положить между двухъ верблюдовъ. Мусульмане приписываютъ тѣлесной теплотѣ верблюдовъ цѣлебныя свойства, восстанавливающія силы больного. Его поэтому уложили въ кругу верблюдовъ, гдѣ Моллахъ-Шахъ и Ніасъ составили ему компанію.

Упавшій верблюдъ.

Рано утромъ 17-го сентября я проснулся отъ страшнаго шума; собаки неистово лаяли и люди кричали. Я выглянулъ изъ палатки и увидѣлъ въ 50 шагахъ большого медвѣдя, спасающагося бѣгствомъ. Погода теперь стояла хорошая, но дорога отчаянная. Холмистая мѣстность была покрыта отвратительными, различной величины, кусками туффа съ острыми краями. И если случайно маленькое пространство земли не было ими покрыто, то земляныя крысы и сурки воспользовались этимъ и вырыли свои предательскія норы. Наши животныя постоянно спотыкались объ эти острые камни и два верблюда поранили ноги до крови.

Далѣе пошла мягкая почва, которая утромъ замерзла настолько, что верблюды не проваливались. Но ледяной покровъ постепенно ослабѣвалъ педъ лучами солнца и на одномъ мѣстѣ послѣдній шестой верблюдъ провалился передними ногами. Онъ застрялъ въ глиня и тонулъ все глубже. Остальные прошли еще нѣсколько шаговъ и носовая веревка оборвалась при отчаянномъ ревъ падающаго верблюда. Наконецъ онъ упалъ, кругомъ его почва таяла и онъ тонулъ все глубже и глубже. Всѣ наши старанія не приводили ни къ какому результату и я уже боялся, что намъ не удастся вытащить его, когда въ голову пришла мысль подложить ему подъ ноги войлочные одѣяла. Это помогло и послѣ тяжелой работы удалось вытащить верблюда, облѣпленнаго грязью и дрожащаго отъ холода и усталости.

Наконецъ мы дошли до долины, тянувшейся на В.-С.-В, по направленію къ озеру, показавшемуся на разстояніи 10 километровъ. Сѣверовосточнѣе возвышается громадный снѣжный массивъ, который весь день находился отъ насъ по правой рукѣ и эта была очевидно та гигантская гора которую я въ 1896 году обходилъ съ сѣвера и назвалъ горой Короля Оскара.

XXII.

Смерть Алдата. Убийственные перевалы.

Такъ мы путешествовали по пустынному Тибету. Два мѣсяца мы уже шли не видѣвши ни одного человѣческаго слѣда и начали тосковать по нашимъ товарищамъ. Но каждый переходъ показывалъ намъ, какъ медленно мы приближались къ нимъ и какое громадное разстояніе намъ еще оставалось пройти. Болѣе 400 километровъ раздѣляли насъ отъ Темирлыка.

Теперь мы шли по продолжной долинѣ на западъ и поэтому держались приблизительно на одной и той же высотѣ. Мѣстность весьма богата дичью. Весьма часто встрѣчались черепа и части скелетовъ яковъ. Нѣсколько маленькихъ ключей, просачивающихся изъ подъ земли и образующихъ мелкіе бассейны, имѣли температуру въ $+15^{\circ}$, которая должно быть и зимою, сохраняется довольно постоянной, такъ какъ въ чудной прозрачной водѣ находились въ изобиліи какія-то маленькія странныя черепокожные.

20-го сентября мы отдыхали, разбивъ лагерь на высотѣ 4917 метровъ. Чердоновъ изъ ружья Алдата убилъ 15-ти лѣтняго яка, съ котораго, прежде чѣмъ содрать шкуру сдѣлали нѣсколько снимковъ. Вечеромъ Чердоновъ возвратился съ сайгой и теперь на Алдатѣ попробовали новый мусульманскій способъ леченія. Больного раздѣли и плотно завернули въ еще мягкую теплую шкуру. Я не особенно вѣрилъ въ пользу этого средства и съ горечью чувствовалъ, что стою совершенно безсильнымъ и не въ состояніи помочь. Послѣдніе вечера я давалъ ему по нѣсколько сантиграммовъ морфина; безъ него онъ не засыпалъ ни на минуту. На слѣдующій день онъ чувствовалъ себя нѣсколько

лучше и могъ сидѣть на лошади, хотя и пришлось привязать его. Мы всѣ надѣялись на улучшение, но къ вечеру ему опять сдѣлалось хуже, и противъ желанія людей, которые опасались истощенія запасовъ, мы изъ за него отдыхали одинъ день.

Хотя мы и 23-го утромъ видѣли, что Алдату осталось недолго жить, тѣмъ не менѣе не могли ждать больше. На верблюдѣ устроили мягкую постель изъ войлочныхъ одѣялъ и здѣсь онъ лежалъ удобно, какъ въ кровати. Но въ тотъ моментъ, когда верблюдъ поднялся на ноги, Алдату пересталъ дышать.

„Гетти“ (онъ ушелъ) сказали мусульмане, безмолвно окружившіе покойника. Но Турду-бай смотрѣлъ на положеніе дѣлъ съ болѣе практической точки зрѣнія и спросилъ меня, какъ поступить дальше. Я не хотѣлъ хоронить его сейчасъ же и поэтому всѣ остались очень довольны, когда я скомандовалъ шагомъ маршъ. Людямъ я обѣщалъ дойти до Темирлыка въ 18 дней, рассчитывая дѣлать по 24 километра въ день и принимая во вниманіе 6 дневокъ. Нашъ караванъ теперь превратился въ погребальное шествіе, идущее по пустыннымъ долинамъ Тибета. Никто не разговаривалъ, соблюдая торжественное молчаніе. Встрѣчные куланы и яки были въ полной безопасности и черные вороны смерти летали надъ нами широкими кругами.

Прошли мы мимо озера на С.-З., подымаясь по слегка волнистой равнинѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли маленькій кусочекъ дерева отъ монгольскаго вьючнаго сѣдла. Онъ принадлежалъ или каравану пильгримовъ, который заблудился здѣсь, зашедши слишкомъ далеко на югъ или несчастному каравану капитана Вельби и поручика Малькольма, маршрутъ котораго мы должны были пересѣчь именно въ этотъ день.

Моллахъ - Шахъ и Ніасъ рыли могилу Алдату, пока остальные были заняты обычными дѣлами у лагеря. Одну шубу положили подъ трупъ, другой его накрыли; такъ онъ нашелъ покой въ этой сырой предательской землѣ.

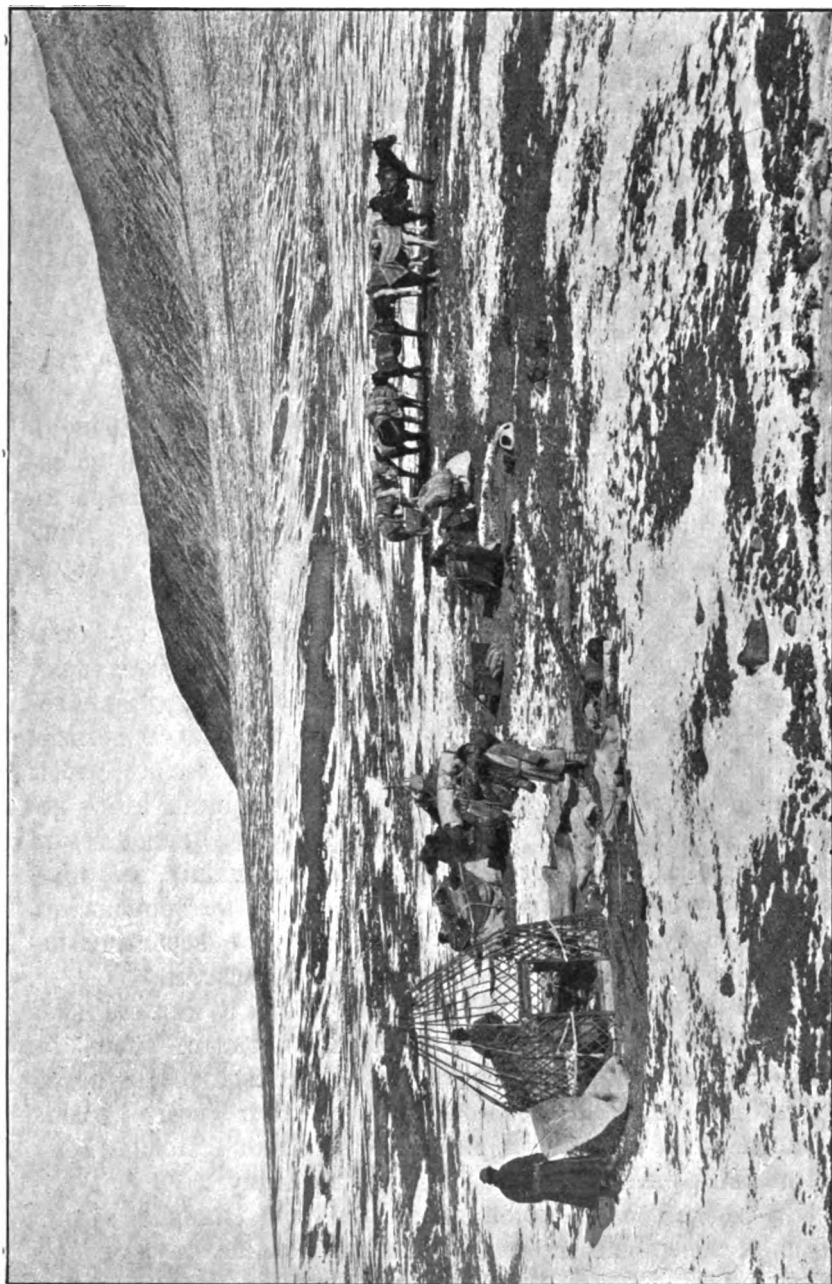
Никогда не приходилось мнѣ присутствовать на болѣе простыхъ похоронахъ: ни церемоній, ни слезъ, ни молитвъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя я говорилъ про себя за

упокоей его души. Могилу засыпали и со стороны головы вбили колъ, на которомъ прикрѣпили хвостъ убитаго Алдатомъ же яка, по обычаю мусульманъ „тухъ“. На маленькой дощечкѣ арабскими и латинскими буквами я вырѣзалъ имя покойнаго, годъ и число и мое имя для тѣхъ, кто судьбою будетъ занесенъ сюда, пока всѣ слѣды могилы не смоются.

Чѣмъ ближе мы приближались къ Арка-тагу, тѣмъ болѣе мѣстность становилась пустынной; 27-го сентября мы не видѣли никакихъ слѣдовъ ни растительной ни животной жизни. Пришлось пересѣкать теперь горы и долины и, несмотря на то, что разность ихъ высотъ не превышаетъ 100 метровъ, онѣ страшно утомляютъ, когда часто повторяются. Абсолютная высота главнаго перевала достигаетъ 5203 метровъ и черезъ него мы перебрались послѣ большихъ усилій и частыхъ остановокъ.

На высотѣ 5111 метровъ мы остановились на ночлегъ; страшно изнуренный караванъ, сильно растянулся и прибывалъ маленькими партіями. Здѣсь у насъ околѣла бѣлая лошадь изъ Янги-куля. У двухъ верблюдовъ и одной лошади болѣли глаза и они шли закрывши ихъ, какъ будто бы спали. На слѣдующее утро насъ опять окружала зима, которая однако скоро исчезла подъ вліяніемъ солнца, заставляющаго инсоляціонный термометръ подыматься до $+ 70^{\circ}$. Поднявшійся въ теченіе дня ураганъ сильно замедлилъ наше передвиженіе. Лошади, всадники, верблюды наклоняются противъ вѣтра, весь караванъ имѣетъ косой видъ и хвосты лошадей и одежда людей принимаютъ видъ флюгеровъ во время шторма. Около ручейка подъ защитою бугра мы остановились; и здѣсь сила вѣтра доходила до 14,1 метра въ секунду; на другомъ склонѣ онъ имѣлъ скорость, приблизительно, 25 метровъ.

Послѣ однодневнаго отдыха мы отправились дальше на встрѣчу неимовернымъ затрудненіямъ въ видѣ перевала на высотѣ 5.203 метровъ, который пришлось преодолѣть во время разразившейся со страшной силой снѣжной бури. Мы шли четыре дня, ни разу не встрѣтивъ травы, и поэтому на пятый день, т. е. 3 октября, остановились, когда наткнулись на признаки травы, хотя мы только успѣли пройти нѣсколько километровъ.

Лагерь на высоте 5111 метровъ.

Наши лошади теперь сильно изнурились, а запасъ курузы могъ хватить только лишь на 2 дня. Пришлось уступить лошадямъ и рись, насколько это было возможно. Самый маленькій изъ муловъ чуть было не погибъ, но былъ спасенъ Чердоновымъ, который лечилъ его по бурятскому. Животъ мула страшно раздулся и бѣдное животное въ мученіяхъ валялось на землѣ. Выбравъ подходящее мѣсто, Чердоновъ сильнымъ ударомъ воткнулъ ему въ бокъ шило до самой рукояти. Изъ отверстія выходилъ газъ, но ни единой капли крови. Потомъ его заставили встать и привязали къ заду веревку. Одинъ тащилъ его впередъ, а другой билъ его сзади кускомъ дерева. Когда онъ лягался, его передергивали то направо, то налево, и въ концѣ концовъ онъ выздоровѣлъ и отлично выдержалъ весь походъ до самаго конца. Потомъ онъ ходилъ со мной черезъ Тибетъ въ Ладакъ и оттуда черезъ Каракорамскій перевалъ въ Кашгаръ, куда и прибылъ въ наилучшемъ видѣ. Здѣсь я, скрѣпя сердце, приказалъ зарѣзать нашу послѣднюю овцу.

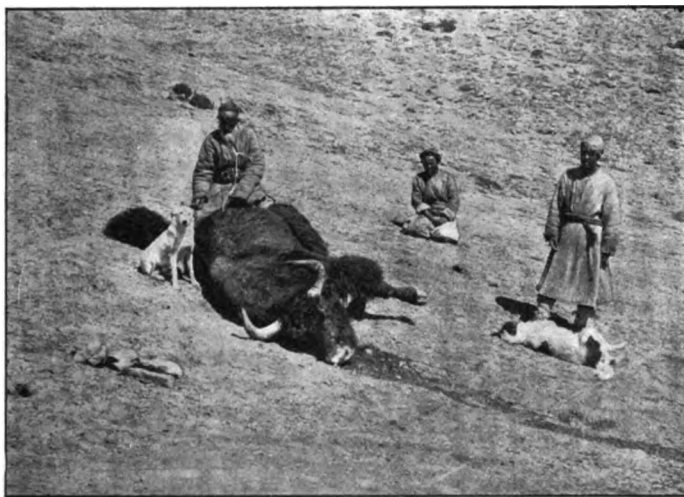
Караванъ теперь былъ на исходѣ силъ и со скоростью похороннаго шествія мы подымались по незначительному подъему. Но когда послѣдній сталъ нѣсколько круче, доложили, что одна лошадь не въ состояніи двигаться дальше. Едва успѣли зарѣзать ее, какъ и другая легла, чтобы больше не встать. Когда мы дошли до вершины этого несчастнаго перевала, который для свѣжихъ лошадей былъ бы пустякомъ, мы потеряли еще двѣ лошади, въ томъ числѣ и ту сѣрую, на которой я ѣздилъ изъ Черчена въ Алтымышъ-булакъ. Къ моему удивленію всѣ верблюды перешли благополучно черезъ это страшное мѣсто.

Ночь на 8-е октября была тихая, ясная и минимальная температура дошла до—18,3°. Свѣжій караванъ могъ бы дойти до Темирлыка въ 4 дня, что, конечно, было невозможно для насъ. Хлѣба осталось у насъ всего только 6 маленькихъ кусковъ, а рису дня на 3 или 4. Повидимому, мы должны были голодать, подходя къ дому.

Въ рѣзко обозначенной долиנѣ и при сильной вьюгѣ, мы шли теперь на С.-В.. Долина все больше суживалась и дно ея было покрыто каменными глыбами. Рѣка большею частью замерзла и мы то и дѣло переправлялись черезъ

нее, чтобы пользоваться болѣе удобными вымывными террасами береговъ. Тамъ, гдѣ ледъ не проламывался, его приходилось посыпать пескомъ, чтобы верблюды не скользили; тамъ же, гдѣ ледъ не выдерживалъ тяжести верблюда, его приходилось предварительно разбивать камнями и палками.

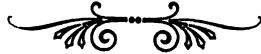
Названіе этой долины Тогри-сай „прямая долина“. Она хорошо извѣстна искателямъ золота изъ Черчени и Керіи, такъ какъ здѣсь имѣются пріиски, по которымъ мы проходили въ теченіе дня. Приблизительно мѣсяцъ тому назадъ, должно быть, ушли послѣдніе золотопромышленники

Убитый якъ.

и свѣжихъ слѣдовъ не было видно. Пройдя около полъ-дороги, мы увидѣли первыя возведенныя изъ гранитныхъ глыбъ хижины. Вблизи видны были многочисленныя вырытыя золотопромышленниками ямы, окруженныя валами изъ песка и щебня. Глубина ихъ рѣдко превышаетъ 2 $\frac{1}{2}$ метра. Жилища золотоискателей представляютъ простые четырехугольники со сторонами длиною въ два или три метра, построенныя изъ глыбъ безъ всякой известки; крыша состоитъ изъ куска полотна или войлока, подвѣшеннаго на палкѣ. Прикрѣпленные къ палкѣ черепа или куски мѣха указываютъ на собственника той или другой ямы.

Нѣсколько хижинъ имѣли весьма простые очаги для выпечки хлѣба. Съ собою золотопромышленники берутъ только муку; мясо доставляется имъ охотниками, которые за дешевую цѣну продаютъ имъ мясо кулановъ, яковъ и сайгъ. Только въ двухъ хижинахъ мы нашли нѣкоторыя хозяйственныя принадлежности, нѣсколько грабель для отдѣленія золотоносной руды, носилки, палки для поддержанія крыши и корыто для хлѣбопеченія или промыванія золотоносной земли. Только въ 11 часовъ ночи мы расположились на ночлегъ послѣ этого труднаго, но интереснаго перехода.

XXIII.

Д о м а.

Теперь караванъ уменьшился ровно на половину, т. е. остались 6 верблюдовъ, 3 лошади и одинъ мулъ, да и тѣ были въ такомъ плачевномъ состояніи, что всѣмъ людямъ пришлось итти пѣшкомъ.

Интересно и поучительно наблюдать верблюдовъ. Эти превосходныя животныя всегда спокойно и терпѣливо несутъ свою тяжелую и утомительную службу, и для чело-вѣка это хорошій примѣръ видѣть, какъ такой исполинъ безъ жалобы падаетъ, нисколько не сокрушаясь о потери жизни, единственное удовольствіе котораго состояло въ свѣжихъ пастбищахъ. Онъ идетъ пока можетъ, хотя бы и на подкашивающихся ногахъ, но съ высоко поднятой головой и не ищетъ уже травы между этими бесплодными скалами; онъ ведетъ себя достойно и величественно до того мѣста, гдѣ будутъ лежать его кости. Только тогда, когда онъ уже больше не въ состояніи сдѣлать ни одного шага, когда смерть затуманиваетъ его сознаніе, онъ прощается со свѣтомъ и ложится возможно удобнѣе. Побой онъ встрѣчаетъ съ гордымъ презрѣніемъ; нѣсколько ударовъ больше или меньше не имѣютъ для него никакого значенія теперь, когда онъ прощается съ жизнью.

Усталыми шагами мы медленно спускались 10-го числа по той же долинѣ на С.-С.-В.. Рѣка послѣ ночного мороза въ —18,° замерзла. Я шелъ по правой сторонѣ долины, чтобы изслѣдовать горную породу, какъ вдругъ, совершенно случайно, наткнулся на нѣсколько весьма интересныхъ картинъ, высѣченныхъ въ скалѣ. Онѣ помѣщались на отполированной дождями и вѣтрами, потемнѣвшей поверхности свѣтлозеленаго шифера и, такъ какъ онѣ были высѣчены

острымъ инструментомъ, пробившимъ наружный слой камня, то ясно выдѣлялись свѣтлыми линіями на темномъ фонѣ. Возрастъ ихъ повидимому, довольно значительный, такъ какъ нѣкоторыя части картинъ стерлись.

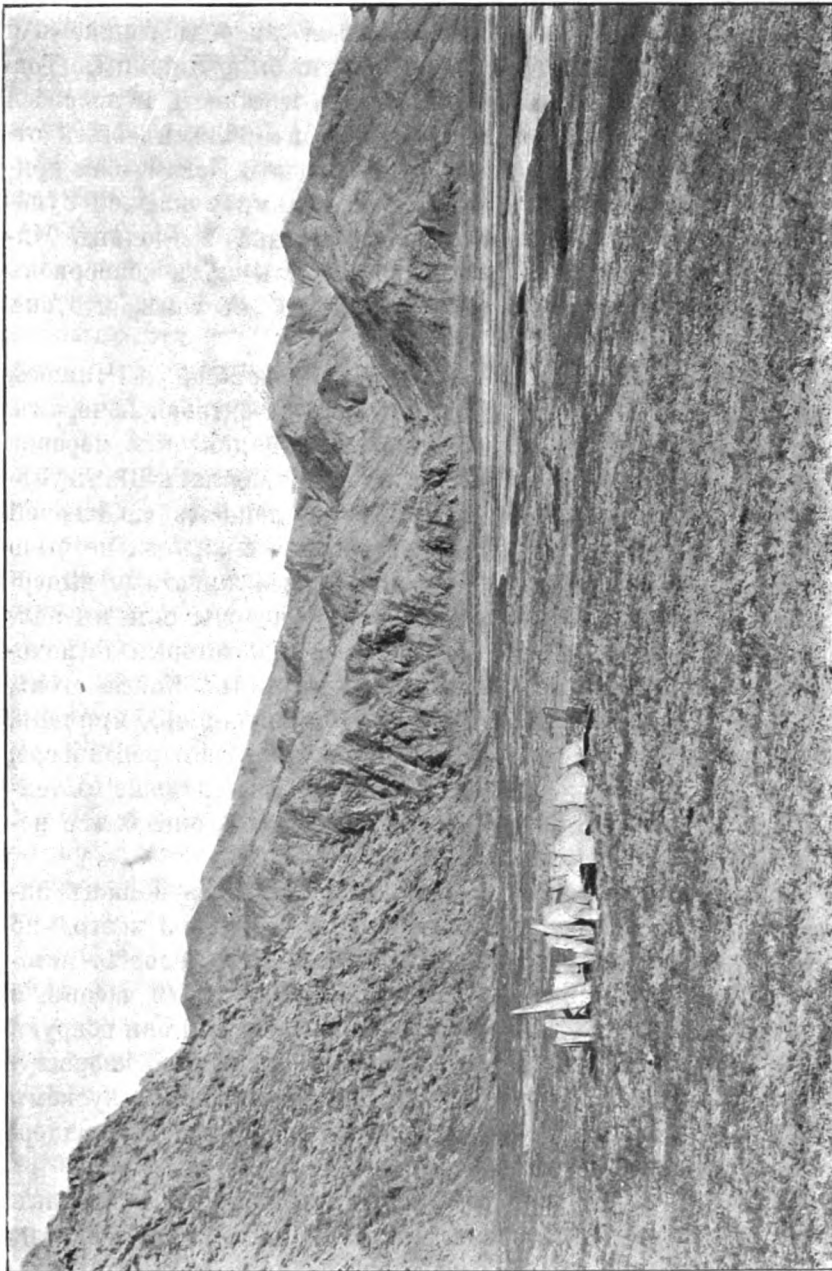
Сюжеты для этихъ картинъ всѣ взяты изъ жизни охотниковъ. И эти охотники народъ бывалый; они охотились на яковъ, кулановъ, оронго и волковъ въ горахъ; на утокъ, гусей и тигровъ у Лобъ-нора. Замѣчательно то, что высѣ-кавшій эти картины не былъ еще знакомъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а то бы онъ изобразилъ ружье на поддерживающей его вилѣ. Длинные стрѣлы снабжены шипами, направленными впередъ, и весьма похожи на трезубецъ Нептуна.

Несмотря на то, что картины были выполнены нѣсколькими штрихами, различныя животныя весьма характерны и легко узнаваемы. Охотники изображены въ различныхъ положеніяхъ, то стоя, то ползкомъ, то на колѣняхъ, а тотъ, который охотится на тигра, остался въ сѣдлѣ. Длина картинъ около 3 дециметровъ. Ихъ происхождение надо отнести къ тому времени, когда монголы жили около Лобъ-нора и вѣроятно проводили часть лѣта въ горахъ.

Вѣроятность этого предположенія подтверждалась и еще однимъ обстоятельствомъ: на мѣстѣ ночлега (4067 м.), на лѣвомъ берегу рѣчки, гдѣ росла довольно хорошая трава, мы нашли монгольское „убу“, или кучу камней съ пластинками изъ шифера, на которыхъ тибетскими буквами была высѣчена основная формула ламаизма „онъ мань падми хумъ“.

Около этого мѣста мы отдыхали одинъ день, который внесъ въ наше положеніе радостную перемену. Около нашего лагеря Чердоновъ послѣднимъ зарядомъ Алдата только что убилъ молодого кулана, когда Моллахъ-Шахъ приближалъ и объявилъ, что онъ вдали на востокъ видѣлъ двухъ охотниковъ верхомъ на лошадяхъ. За ними сейчасъ-же послали и они оказались охотниками, снабжавшими золото-промышленниковъ мясомъ. Въ Темирлыкѣ они не были, поэтому мы ничего не узнали о нашей главной квартирѣ.

Я сейчасъ же купилъ ихъ 2 лошади, да и маленькій свертокъ пшеничной муки пригодился намъ, какъ нельзя лучше

„Убу“ въ нижнемъ Тогри-сай.

Вечеромъ, вокругъ костра, состоялся совѣтъ. Моллахъ-Шахъ уже раньше предлагалъ отправиться впередъ пѣшкомъ и привести намъ помощь, но теперь это было лишнимъ. Тогдашнѣ, одинъ изъ охотниковъ, зналъ мѣстность и на своей только что купленной мною лошади онъ долженъ былъ отправиться къ главной квартирѣ и передать Исламъ-баю приказаніе встрѣтить насъ съ 15-ю лошадьми у ключей Супа-алика на 2 перехода западнѣе Темирлыка въ долину Чимена. Нѣсколько пустыхъ жестянокъ изъ подъ консервовъ должны были служить удостовѣреніемъ въ томъ, что онъ присланъ мною.

Два дня мы шли по долинамъ Тогри-сай и Чименъ, разсчитывая встрѣтиться съ нашими 14 октября вечеромъ. Къ вечеру мѣстность, которая въ теченіе дня была неровна и довольно утомительна, стала лучше и Моллахъ-Шахъ увѣрялъ, что мы до наступленія темноты дойдемъ до ключей Супа-алика. Но смеркалось и стемнѣло, а ключей не было видно. Благодаря ровной, твердой почвѣ, животныя выдерживали болѣе усиленный маршъ. 1½ часа мы шли въ полной темнотѣ, когда увидѣли вдали огонь, который то исчезая, то усиливаясь, служилъ намъ маякомъ. Когда огонь, наконецъ, совершенно исчезъ, мы остановились, кричали, разложили изъ кочекъ костеръ и стрѣляли изъ револьвера; не получивъ никакого отвѣта, мы двинулись дальше въ темнотѣ, которая послѣ нашего огня казалась еще болѣе непроницаемой.

Вдругъ огонь опять вспыхнулъ, а съ нимъ и нашъ интересъ и наша энергія. Мы шли опять довольно долго, но этотъ загадочный огонь снова потухъ. Наша энергія истощилась и прошедши 43 километра почти въ 12 часовъ, я скомандовалъ „стой“. При свѣтѣ костра мы увидѣли вокругъ себя хорошее пастбище и достаточное количество хворосту. Люди получили по чашкѣ чаю съ маленькимъ кускомъ мяса. На всякій случай мы въ теченіе 1½ часовъ поддерживали сильный огонь.

На слѣдующее утро вблизи нашли ключъ и такъ какъ мѣсто было во всѣхъ отношеніяхъ хорошее, то мы рѣшили отдохнуть и обождать дальнѣйшихъ событій. Моллахъ-Шахъ отправился на рекогносцировку и нашелъ, что вчерашній

огонь былъ разложенъ охотниками, которые не зная, какіе мы люди, избѣгали встрѣтиться съ нами.

Въ 2 часа дня Чердоновъ увидѣлъ что-то черное вдали, которое онъ принялъ за стадо кулановъ, но потомъ призналъ за всадниковъ. Съ возрастающимъ интересомъ мы слѣдили за ними и, наконецъ, передъ нами остановились Исламъ-бай, Муза изъ Оша, Ходай-Верди и Токта-Ахунъ изъ Абдала съ 15 хорошими лошадьми и съ провіантомъ.

Въ три часа мы сѣли за хорошій обѣдъ. Въ главной квартирѣ все обстояло благополучно. Изъ Кашгара прибылъ почтовый джигитъ Якубъ, который сразу же своими письмами и газетами перенесъ меня на родину. Скоро послѣ нашего отбытія изъ Мандарлыка они пересѣлились въ Темирлыкъ, гдѣ ихъ посѣтили самъ амбанъ изъ Чархалыка и монгольскій предводитель Пшуй изъ Цайдамъ. Первый привезъ кукурузы, нагруженной на 30 ослахъ.

Еще два дня были посвящены отдыху и 18 мы двинулись домой, при чемъ оставшіяся отъ нашей экспедиціи животныя шли безъ всякаго вьюка. Дорога шла по пустынной и песчаной мѣстности, пересѣкая маленькій оазисъ Багъ-токай, „садовый лѣсъ“. Недалеко отъ лагеря меня встрѣтилъ Шагдуровъ съ рапортомъ, потомъ показались и остальные. Юрта съ маленькою переносною печью и темная комната уже были приготовлены для меня.

Итакъ эта трудная экскурсія была окончена и со спокойной совѣстью можно было отдохнуть нѣсколько недѣль. Путешествіе привело къ выдающимся географическимъ открытіямъ, но оно и стоило большихъ жертвъ и лишеній. Изъ 12 лошадей остались только 2, изъ 7 верблюдовъ только 4. Одинъ изъ нихъ благополучно дошелъ до Темирлыка и два дня стоялъ, какъ вылитый изъ бронзы; на третій день онъ легъ и околѣлъ не дотронувшись до травы. Кромѣ того мы лишились одного товарища.

XXIII.

Черезъ шесть переваловъ. Два дня на Аягъ-кумъ-кулѣ.

Послѣ того, какъ я устроился въ Темирлыкѣ, дни проходили въ самыхъ мирныхъ занятіяхъ. Я переписывалъ журналы и наблюденія, писалъ письма, читалъ старыя газеты, а вечеромъ проявлялъ пластинки. Были также дѣла по хозяйству, покупка 4 свѣжихъ верблюдовъ и выдача жалованья. Муза изъ Оша и Кадеръ вышли въ отставку, такъ какъ тосковали по родинѣ. Первый взялъ съ собою мою европейскую почту, весьма важную на этотъ разъ, такъ какъ я просилъ выслать мнѣ еще денегъ.

22-го октября казаки предприняли охотничью экскурсію къ Кумъ-кулю; съ ними отправились Токта-Ахунъ, Моллахъ и Тогдасынъ. Шагдурову я поручилъ составить кроки пройденнаго по Чименъ-тагу и Калта-алагану пути. Они вернулись съ богатой добычей и Шагдуровъ исполнилъ мое порученіе образцово.

Нашъ лагерь представлялъ такую-же пеструю картину, какъ и Тура-салганъ-уй на Таримѣ. Всѣ охотники и золотопромышленники считали долгомъ завернуть къ намъ, и съ равнины приходили люди предлагать свои услуги. Но они мнѣ не мѣшали; единственной помѣхой была масса воронъ, которые своимъ карканьемъ мѣшали при астрономическихъ наблюденіяхъ.

29-го октября мы опять были готовы къ выступленію, на этотъ разъ для изслѣдованія и съемки тѣхъ частей Чи-

менъ-тага и Акато-тага, которыя до сихъ поръ никѣмъ еще не были посѣщены; такимъ образомъ я хотѣлъ выполнить пробѣлы моей карты сѣвернаго Тибета. Участниками были выбраны: Чердоновъ, Исламъ-бай, Турду-бай, Токта-Ахунъ, Ходай-Верди и Тогдасынъ; послѣдній хорошо зналъ тѣ мѣста, куда мы собирались. Кучукъ и Ніасъ сопровождали насъ первый день, чтобы помочь смотрѣть за нашими 13-ю лошадьми, и 4-мя мулами, такъ какъ онѣ послѣ продолжительнаго отдыха въ началѣ сильно рѣзались. Верблюдовъ не было взято. Шагдуровъ остался начальникомъ въ Темирлыкѣ и ему я поручилъ метеорологическія наблюденія.

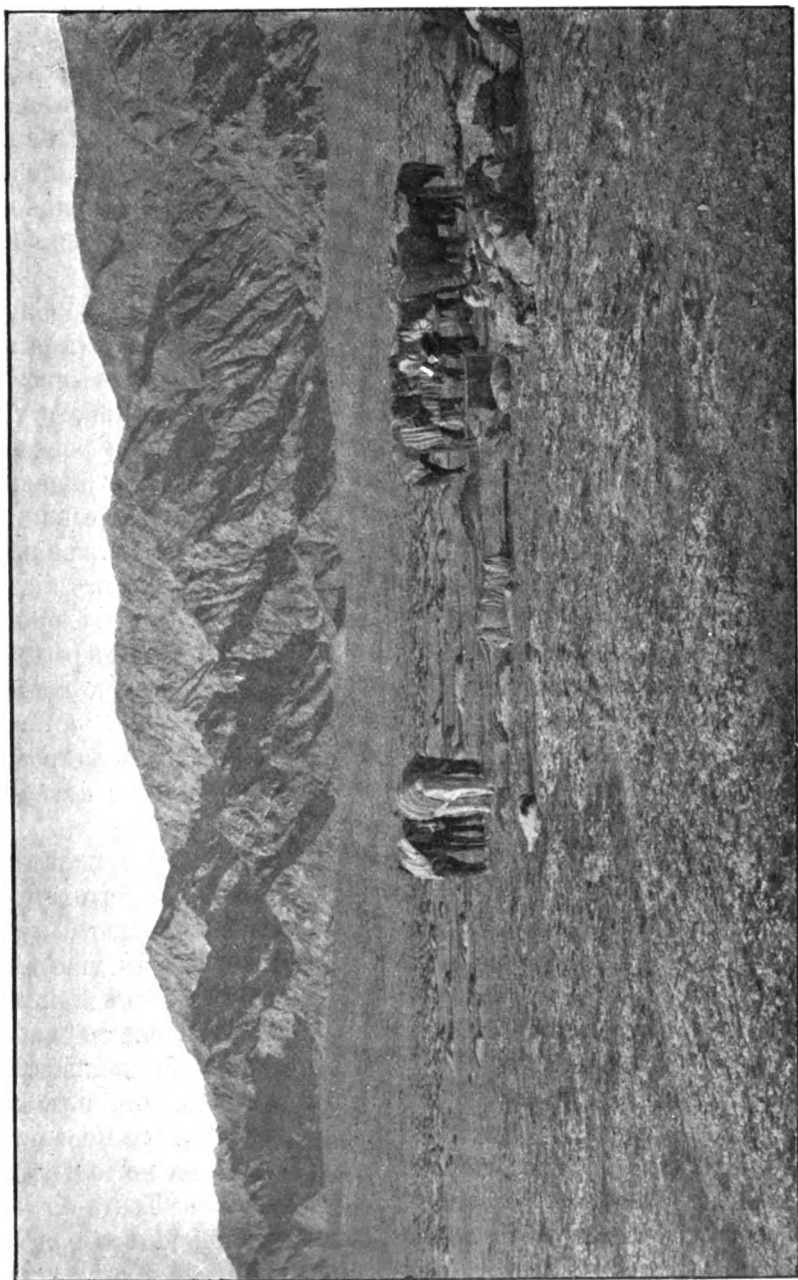
Чердоновъ и Шагдуровъ.

Въ шесть переходовъ мы дошли до нижняго Кумъ-куля—140 километровъ. Въ первый день мы прошли долину Чимена по ея ровному глинистому дну и по сыпучимъ пескамъ въ южной ея части; здѣсь барханы едва достигали 15 метровъ. Черезъ гигантскія гранитныя ворота мы вошли въ Чименъ-тагъ. Затѣмъ прошли долину Савуглука, на днѣ которой протекаетъ рѣка, покрытая прозрачнымъ льдомъ. Продолжая далѣе нашъ путь къ югу мы постепенно поднимались на болѣе значительныя высоты; съ мѣста ночевки

открылся видъ на куполообразныя вершины Акато-тага. На слѣдующее утро Тогдасыяъ повелъ насъ черезъ предгорье по удобному снѣжному перевалу къ Чименъ-тагу. Главный перевалъ черезъ Чименъ-тагъ тоже весьма удобенъ; на южномъ склонѣ, но нѣсколько, восточнѣе мы находились въ іюлѣ предшествующаго года. Когда мы вошли въ лошину, ведущую на гребень цѣпи Калта-алагана, мы спугнули стадо яковъ, которое въ свою очередь подняло стадо кулановъ, и все это въ видѣ обвала спустилось по склону подымая громадныя облака пыли. На южной сторонѣ перевала мы спустились по лощинѣ, покрытой гранитными глыбами и щебнемъ. Бока ея тоже гранитные, красноватаго цвѣта; съ лѣвой стороны они продолжаются въ видѣ отдѣльных острыхъ вершинъ, справа же образуютъ зубчатый гребень.

Къ югу видъ на плато неограниченъ и горныя цѣпи выступаютъ въ видѣ низкихъ полосъ вдоль горизонта. Рѣка, соединяющая верхнее озеро съ нижнимъ, блеститъ серебряной лентой. Изъ долины мы повернули на Ю.-З. и З. вдоль подножья горной цѣпи и расположились лагеремъ въ виду Аягъ-кумъ-куля, блестящаго на горизонтѣ. Была назначена дневка и Чердоновъ, Тогдасынъ, Исламъ-бай и Турду-бай были отправлены на охоту. Первые двое вернулись къ вечеру, остальные только на слѣдующее утро и въ весьма плачевномъ видѣ. При преслѣдованіи стада архари, выбираясь пѣшкомъ по крутому склону, съ Тогдасыномъ случился припадокъ горной болѣзни и не смотря на то, что Чердоновъ помогъ ему сѣсть въ сѣдло, они должны были почевать на склонѣ, потому что Тогдасынъ не могъ держаться въ сѣдлѣ. Въ самомъ дѣлѣ состояніе его здоровья было не важно и его привязали къ сѣдлу, когда двинулись къ берегу озера, гдѣ расположились лагеремъ.

Утромъ 18-го ноября мы приготовили лодку, сварядили ее всѣмъ необходимымъ, и уложили теплыя вещи и провизію на 2 дня. Гребцомъ я нарядилъ Токта-Ахуна. Черезъ каждые четверть часа я мѣрилъ скорость нашего хода и глубину озера: на срединѣ я нашелъ ее равной 19,5 метра. Недалеко отъ сѣвернаго берега озеро было покрыто тонкимъ слоемъ льда, на западѣ же его не было. Температура воды у поверхности была—0.3°. Къ вечеру поднялся сильный сѣвероза-

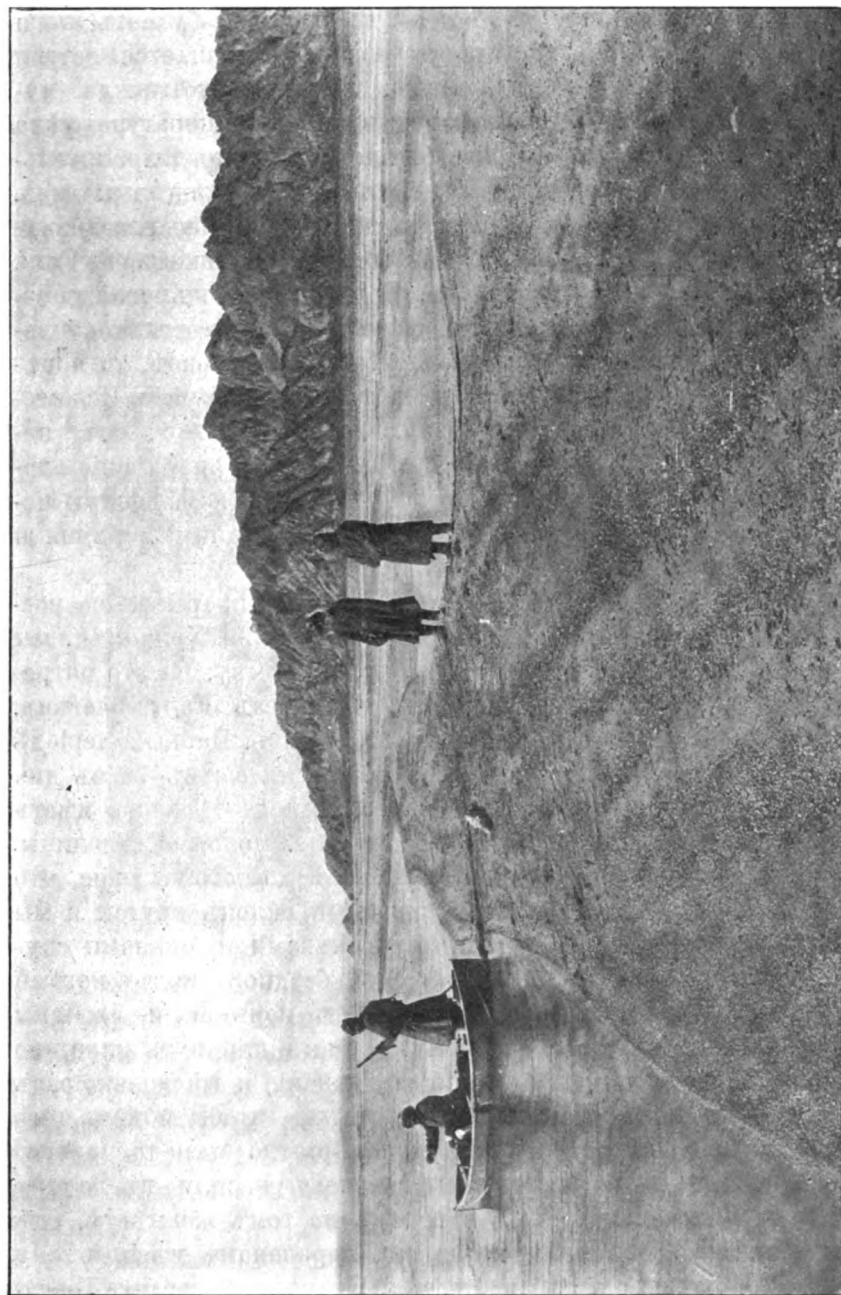
Калти—влаганъ съ юга.

падный вѣтеръ, который заставилъ насъ повернуть на Ю. и Ю.-В. Чтобы избѣжать крушенія при усилившемся вѣтрѣ, мы рѣшили пристать къ берегу. Каравану въ этотъ день было приказано итти въ продолженіе 5 часовъ вдоль сѣвернаго берега и на мѣстѣ остановки поддерживать сигнальный огонь, но вслѣдствіе поднявшейся пыли и большого разстоянія огня не было видно; поэтому мы направились къ ближайшему берегу, гдѣ намъ только съ трудомъ удалось проскочить черезъ береговой прибой.

Мы расположились за холмикомъ, гдѣ нашли хорошее топливо, а именно кочки растенія „Кеурукъ“, изъ которыхъ развели громадный костеръ. Кругомъ было пустынно и единственными признаками жизни были нѣсколько гусиныхъ перьевъ и слѣды кулановъ. Мы приготовили роскошный ужинъ, а потомъ закурили и заговорили о планахъ будущаго лѣта. Къ 9 часамъ мы легли спать, закрывшись въ видѣ палатки половинками шлюпки. Но нѣсколько часовъ спустя я разбудилъ своего товарища, такъ какъ сильно промерзъ; температура стояла 22° ниже нуля и опять пришлось развести костеръ, чтобы отогрѣться. При —19° и лучшей погодѣ мы отвалили отъ берега и поплыли по направленію, гдѣ можно было ожидать, что караванъ остановился. Наибольшая глубина здѣсь доходила до 24 метровъ, температура воды у поверхности была въ —0,45°, у дна мы нашли —0,32°, между ними былъ слой въ $\pm 0^\circ$.

Уже издалека намъ показалось, что мы видимъ палатки, лошадей и юрту, но при приближеніи оказалось, что это—холмики и стадо кулановъ. Пришлось продолжать путь вдоль берега, несмотря на темноту. Наконецъ мы увидѣли огонь, на который гребли 3 часа, но огонь исчезъ и намъ только оставалось грести въ темнотѣ по временамъ издавая пронзительные крики, на которые послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ отзывались собаки. Опять запылалъ костеръ, готовя намъ теплый пріемъ послѣ холоднаго плаванія.

Оказалось, что состояніе здоровья Тогдасына не только не улучшилось, но, наоборотъ, даже ухудшилось. Токта-Ахунъ рассказалъ, что такіе острые припадки горной болѣзни здѣсь весьма обыкновенны, охотники и золотопромышленники часто подвергаются имъ. Болѣзнь называется „тутекъ“ и при-

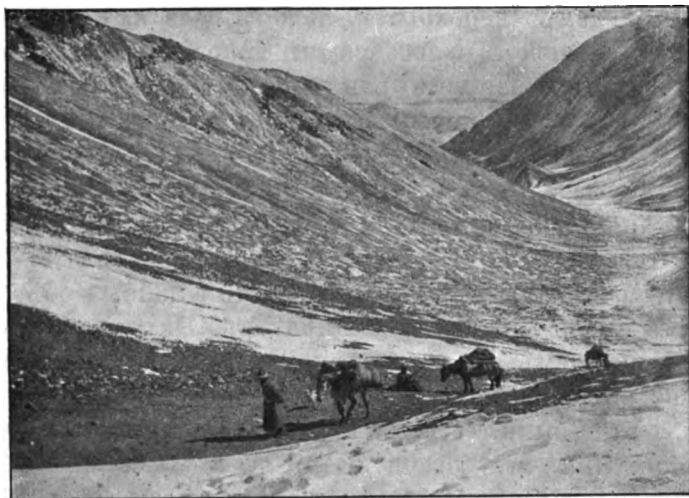
Исламъ-бай и Кучукъ отъ ливаютъ отъ берега.

знаки ея заключаются въ томъ, что тѣло разбухаетъ, ноги чернѣютъ, сонъ и аппетитъ исчезаютъ; ощущается острая боль въ головѣ и въ сердцѣ, неутолимая жажда мучаетъ человѣка, дѣятельность сердца и температура тѣла понижаются. По его словамъ единственное предохранительное средство—курение табака; самъ онъ курилъ цѣлый день, дымя, какъ дымовая труба. По моему мнѣнію главное не переутомляться; самъ я не чувствовалъ признаковъ болѣзни, даже на высотѣ 5500 метровъ. Присутствіе больного производило тяжелое впечатлѣніе и, такъ какъ не только больной, но и всѣ мы нуждались въ отдыхѣ и покоѣ, то я рѣшилъ сдѣлать дневку, во время которой поручилъ Исламбаю произвести новую промѣрную линію по озеру; онъ, несмотря на свою неграмотность, исполнилъ порученіе добросовѣстно, механически отмѣчая каждую измѣренную черезъ $\frac{1}{4}$ часа глубину послѣдовательно однимъ, двумя и т. д. узлами.

Послѣ мрачной ночи, тишина которой прерывалась возгласами больного Тогдасына „Я Аллахъ, эй Ходаимъ“, мы 9-го ноября повернули обратно къ Темирлыку; на это потребовалось 12 переходовъ, ведущихъ черезъ Калта-алаганъ, Чименъ-тагъ и два раза черезъ Акато-тагъ. Первый періодъ былъ тяжелъ; температура быстро мѣнялась; въ 1 часъ дня мы имѣли—2°, а въ 2 часа—10°. Чименъ-тагъ на мѣстѣ перехода имѣетъ своеобразное строеніе. Положеніе долины, по которой мы взобрались на перевалъ, до того высокое, что порогъ едва замѣтенъ. Зато сѣверный склонъ крутой и мы какъ по каналу съ крутыми ступеньками и стѣнами спустились внизъ. На выступѣ съ бездной подъ ногами мы расположились на ночевку. Всю ночь были слышны обвалы по этой крутой сторонѣ. Дальнѣйшій путь внизъ по долинѣ представлялъ большія затрудненія и нѣсколько разъ приходилось перевѣшивать животныхъ, чтобы помочь имъ спуститься по крутымъ ступенямъ. Пріятно было то чувство облегченія, съ которымъ мы наконецъ вышли въ долину Чимена и расположились лагеремъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ встрѣтились со вспомогательнымъ караваномъ мѣсяцъ тому назадъ. Отсюда мы отправили домой Кучука съ больнымъ Тогдасыномъ и съ лодкой. Въ эту ночь стояла, между про-

чимъ, самая низкая до сихъ поръ температура, а именно—24,8°.

По крутой гранитной долиинѣ мы теперь поднялись къ перевалу Гопуръ-алыкъ, ведущему черезъ Акато-тагъ и имѣющему высоту въ 4.926 метровъ. Пришлось взять его въ два перехода. У лошадей затруднялось дыханіе поэтому приходилось дѣлать частые привалы. Гребень перевала острый, какъ ножъ и круто спускается на обѣ стороны. Всѣ идутъ пѣшкомъ, лошади часто спотыкаются. Наконецъ взобрались и удивляемся, что могли подняться по такой кручѣ. Однимъ

Долина ведущая на переваль Гопуръ-алыкъ.

взоромъ можно объять всѣ тѣ горныя громады, покрытыя снѣгомъ ослѣпительной бѣлизны которыя образуютъ запутанную систему скалъ.

На мѣстѣ слѣдующей ночевки нашли хорошее топливо, а далѣе черезъ день мы дошли до хорошаго пастбища. Тутъ мы встрѣтили монгола-паломника, оставшаго отъ цѣлаго каравана, находившагося на дорогѣ изъ Кара-шара въ Лхассу.

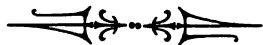
Ежегодно монгольскіе паломники изъ русскихъ и сѣверо-китайскихъ областей направляются въ священный городъ черезъ Темирлыкъ, Гасъ и Цайдамъ. Они всегда путеше-

ствуютъ зимой или осенью и возвращаются въ то же время слѣдующаго года, чтобы избѣжать оводовъ въ Абдалѣ. На обратномъ пути имъ приходится плохо и они стараются промѣнять утомленныхъ верблюдовъ на свѣжихъ лошадей. Ихъ путешествіе продолжается 4 мѣсяца и полно всякихъ лишеній; по этому они снаряжаются возможно лучше. Я почти подвергся искушенію присоединиться къ нимъ и съ Шагдуровымъ въ бурятской одеждѣ пройти въ Лхассу.

Нашъ путь шелъ на востокъ по долинѣ къ соленому озеру Узунъ-шоръ у подножья сѣвернаго Акато; у озера нѣсколько прѣсныхъ ключей и благодаря имъ озеро мѣстами покрыто льдомъ; непокрытая льдомъ вода имѣла температуру—7,°. Вечеромъ 5 декабря мы, наконецъ, дошли до Темирлыка, гдѣ все нашли въ наилучшемъ положеніи. Состояніе здоровья Тогда сына не измѣнилось, даже когда мы въ концѣ декабря передвинулись въ Чархалыкъ, онъ не могъ поправиться. Когда я увидѣлъ его въ апрѣлѣ слѣдующаго года, онъ превратился въ калѣку, я сдѣлалъ при этомъ все что могъ, чтобы дать ему возможность просуществовать.

Шагдуровъ сообщилъ мнѣ интересныя данныя объ отдыхавшемъ здѣсь караванѣ паломниковъ. Онъ состоялъ изъ 75 мужчинъ-ламъ и 2-хъ женщинъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ особенно высокій чинъ. Изъ остальныхъ 25 были до того бѣдны, что были взяты исключительно въ услуженіе болѣе богатыми. Эти богачи имѣли съ собой по 10 ямбъ на человека и кромѣ того 120 ямбъ въ подарокъ Далай-Ламѣ. Ихъ вооруженіе состояло изъ 30 монгольскихъ ружей, двухъ берданокъ и одного винчестера, такъ что они могли отразить нападеніе тангутовъ-разбойниковъ. У нихъ имѣлось 120 верблюдовъ и 40 лошадей, кромѣ того 7 парадныхъ лошадей въ подарокъ Далай-Ламѣ. Они интересовались нашимъ лагеремъ и цѣлью нашей экспедиціи и, безъ сомнѣнія, они въ Лхассѣ на мѣстѣ доложили о встрѣчѣ съ нами. Кромѣ того Шагдуровъ еще узналъ интересныя подробности, а именно: всѣ паломники, приближающіеся къ Лхассѣ подвергаются строжайшему контролю; уже въ Накчу ихъ задерживаютъ и опрашиваютъ, осматриваютъ ихъ удостовѣренія, узнаютъ причины путешествія, все это для того, чтобы помѣшать русскимъ (европейцамъ) проникнуть въ Лхассу. Одинъ

лама даже зналъ о пророчествѣ, гласящемъ, что Цаганъ-Ханъ, или „бѣлый царь“, въ будущемъ завоюетъ Лхассу и Тибетъ и тогда ламы перекочуютъ въ недоступныя южныя горы. Шагдурова, котораго лама пригласилъ присоединиться къ нимъ, все это очень интересовало и меня, конечно, тоже, но исполненіе завѣтнаго плана—дойти до Лхассы переодѣтымъ, я пока оставилъ, такъ какъ впереди были болѣе нужныя работы.

XXV.

Къ Анамбаруинъ-голю.

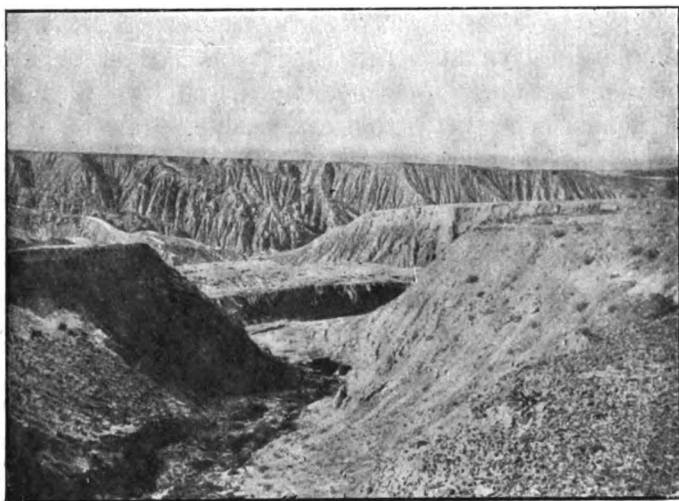
Шесть дней мы отдыхали въ Темирлыкѣ и это время прошло въ работѣ по хозяйству и въ приготовленіяхъ къ путешествію по восточнымъ пустынямъ. Чердонова обучали производству и записыванію наблюденій по метеорологическимъ инструментамъ. На мѣстѣ остались Чердоновъ, Исламъ-бай и Али-Ахунъ, и для нихъ порядили 5 охотниковъ и золотопромышленниковъ, чтобы помочь при передвиженіи каравана въ Чархалыкъ, гдѣ амбанъ и беки обѣщались заботиться о нихъ. Тамъ они должны были ожидать моего возвращенія, занятые метеорологическими наблюденіями и присмотромъ за животными и имуществомъ. Исламу я поручилъ доставить 2 челнока и сѣти для рыбной ловли въ Челль-куль, одно изъ озеръ Кара-кошуна и обозначить мѣсто храненія хорошо видимымъ знакомъ.

Въ составъ новой экспедиціи вошли: Шагдуровъ, Файзуллахъ (караванъ баши), Токта-Ахунъ и Моллахъ изъ Абдала (проводникъ къ Анамбаръ-ула), Кучукъ, Ходай-Куллу, Ходай-Верди, Ахмедъ и вновь нанятый охотникъ Токта-Ахунъ, въ отличіе отъ одноимяннаго сотоварища названный Ли-Лойе; онъ говорилъ по китайски и по монгольски. 11 верблюдовъ, 11 лошадей и 3 собаки также вошли въ составъ каравана, лодка была взята для измѣреній на озерѣ Гасъ, для чего Турду-бай сопровождалъ насъ нѣсколько дней.

Наконецъ, 29-го ноября мы двинулись; стояла прекрасная ясная погода, почти весенняя. Всѣ были въ прекрасномъ настроеніи и бодро смотрѣли на будущее путешествіе по пустынѣ. Верблюды были въ отличномъ состояніи и равно навьючены; грузъ постепенно съ передвиженіемъ ка-

равана уменьшался, такъ что освобождалось мѣсто для льда, когда понадобилось взять его съ собой.

Программа была слѣдующая: я хотѣлъ пройти вдоль Астынъ-тага, чтобы изслѣдовать его орографическое строеніе; путь слѣдовательно велъ на С.-В. къ мѣсту, называемому монголами Анамбаръ-ула, мусульманами же Ханъ-амбалъ. Оттуда мы должны были повернуть къ сѣверу къ пустынѣ Гоби и къ горнымъ цѣпямъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ нея. Повернувъ на западъ мы должны были стараться дойти до Алтимишъ-булака и изслѣдовать развалины

Долина, ведущая на перевалъ Акато-тага.

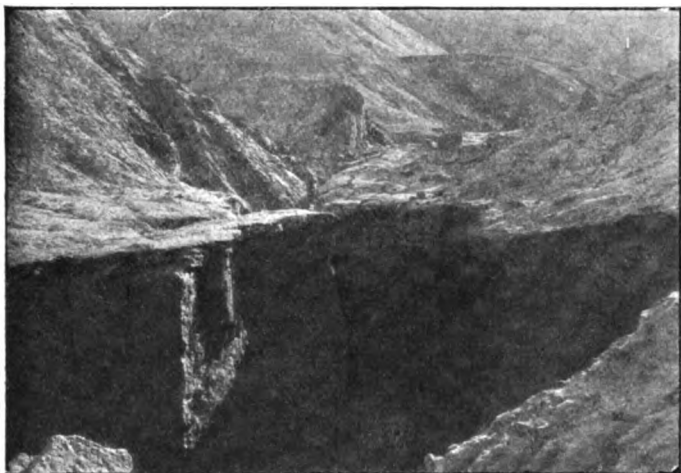
въ пустынѣ и подъ конецъ повернуть на югъ къ Абдалу и Чархалыку.

Чтобы дойти до Анамбаруинъ-голя намъ понадобилось 17 переходовъ. Послѣ первыхъ двухъ переходовъ по мерзлымъ болотамъ и трескучей соли, маленькая экспедиція отдѣлилась для изслѣдованія озера Гасъ, не замерзающаго вслѣдствіе солености, какъ мнѣ сообщали туземцы. По довольно вязкой тропѣ кулаковъ мы дошли до озера, но лодку мы зря взяли съ собой; озеро до самаго горизонта было покрыто льдомъ. Мы воспользовались лодкой, какъ санями и Токта-Ахунъ и Ходай-Верди быстро повезли меня по неровному

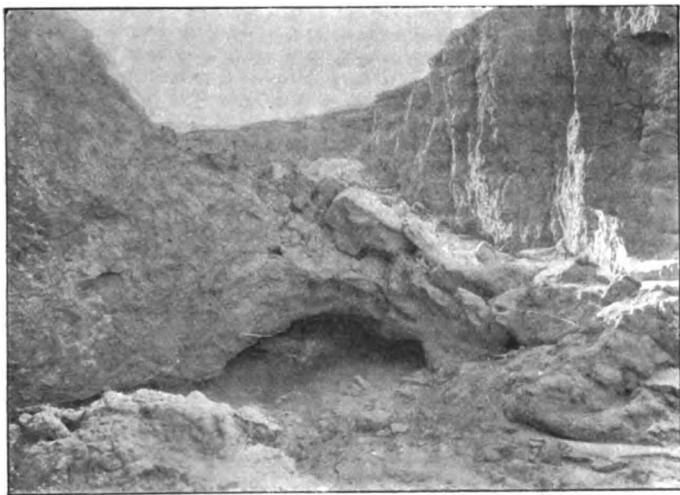
льду. Полный промѣръ не удалось получить и на срединѣ озера пришлось повернуть, потому что ледъ былъ крайне слабъ. Ночь мы провели на берегу и на слѣдующій день присоединились къ каравану у источниковъ Юлгунъ-дунгъ.

Здѣсь мы отдохнули одинъ день и послали Токта-Ахуна, чтобы изслѣдовать переваль къ С.-В. отъ нашего лагеря, и на слѣдующій день двинулись по его указаніямъ. Турду-бай съ лодкой отправился обратно въ Темирлыкъ. Ночью передъ тѣмъ у насъ была самая низкая температура—29,6°. Черезъ ворота, шириной въ 100 метровъ, мы вошли въ лошину глубиной въ 2 метра, и медленно въ продолженіе всего дня взбирались вверхъ по ея дну, ровному какъ мостовая, но извивающемуся крутыми изгибами. Здѣсь Акато-тагъ построенъ изъ тонкой желтой глины, до того мягкой, что рукой можно обломить цѣлые куски и, благодаря вымывному дѣйствию дождей, стѣны этого прохода приняли самыя фантастическія формы; но все безъ признака растительности. На днѣ прохода разсѣяны глыбы самыхъ различныхъ очертаній: слѣды обваловъ, которые и теперь грозятъ на каждомъ шагу. Не далеко отъ перевала мы остановились ночевать. Утромъ нѣсколько людей отправились впередъ, чтобы вырубить ступени на самомъ порогѣ перевала. Меня удивило, что они повѣрнули на востокъ въ боковую долину вмѣсто того, чтобы пойти на сѣверъ. Съ большимъ трудомъ удалось верблюдамъ подняться на переваль и отсюда мы повернули на Ю.-В., что еще болѣе казалось подозрительнымъ. Извилистый проходъ все болѣе суживался, часто закрывался обвалами, подмытыми пещерообразно проточной водой, и, наконецъ настолько сужился, что даже кошка не могла бы протискаться. Долина эта двухэтажная и второй этажъ врѣзался въ дно перваго на 10 метровъ. Токта-Ахунъ сознался, что не дошелъ до конца долины и мы повернули, при чемъ нужно было осадить верблюдовъ, прежде чѣмъ повернуть. Въ расширеніи прохода мы расположились лагерьмъ. Если бы случился обвалъ ночью, мы сидѣли бы какъ въ мышеловкѣ. Цѣлый день пошелъ на то, чтобы вернуться къ главной долинѣ; Токта-Ахунъ и Молла поѣхали впередъ и вернулись съ извѣстіемъ, что впереди есть переходъ черезъ Акато. И дѣйствительно, на слѣдующее утро мы до-

стигли настоящаго перевала, страшно крутого, но съ обширнымъ кругозоромъ, показывающимъ, что мы на главномъ

Двухъэтажная долина.

Сводъ въ долину.

хребтъ цѣпи (3698 метровъ). На сѣверѣ тянутся безконечный Астынь-тагъ, на югъ Чименъ, на Ю.-В. открываются пус-

Свонъ Гедиязъ.—Таримъ—Лобъ-Норъ.—Тибетъ.

13

тыни Цайдама, а востокъ исчезаетъ въ облачной дали. Акато-тагъ отличается отъ всѣхъ цѣпей Тибета прихотливымъ строеніемъ холмиковъ и куполовъ, раздѣленныхъ глубокими лощинами. И кругомъ ни признака жизни!

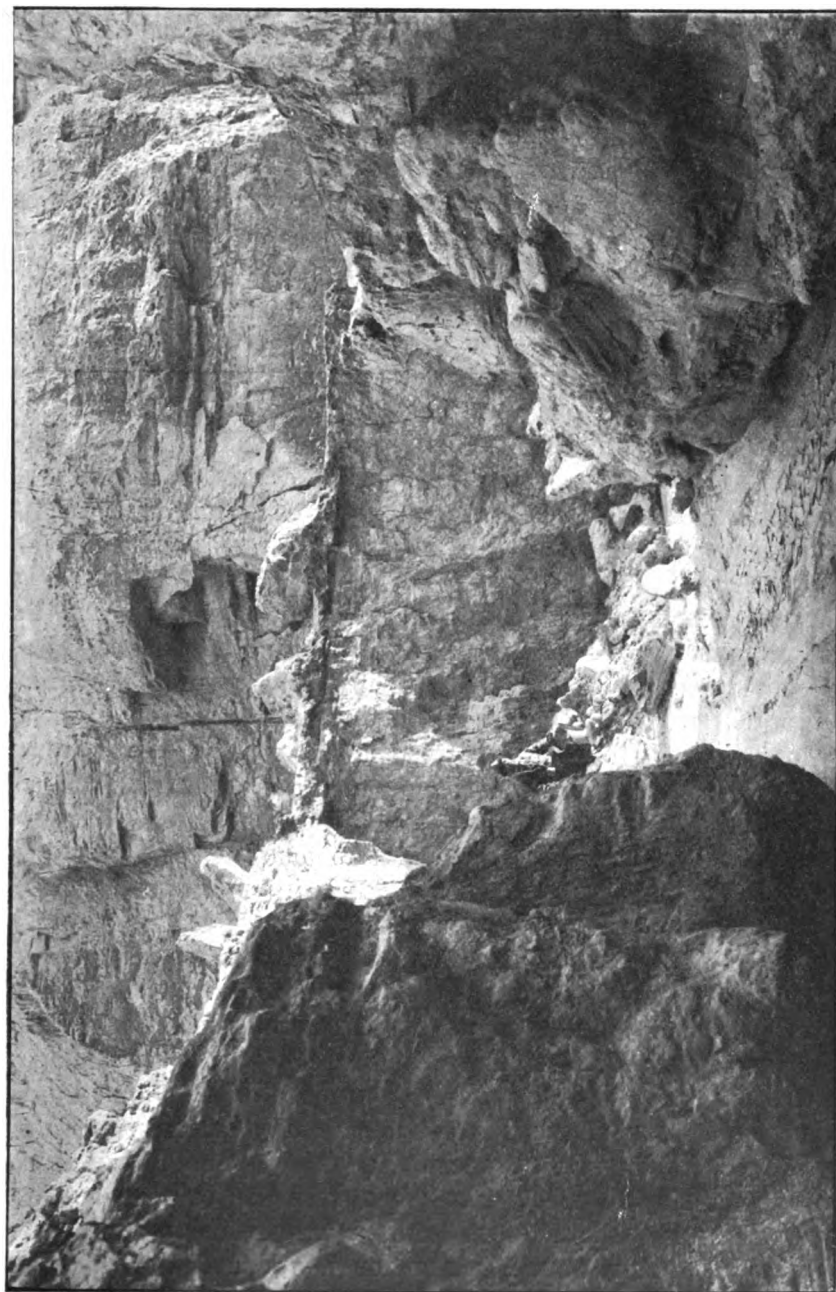
Токта-Ахунъ неоднократно говорилъ о перевалѣ Карадаванъ на пути въ Анамборъ и теперь при переходѣ черезъ широкую ровную долину, отдѣляющую Астынь-тагъ отъ Акато, предстояло отыскать его. Случайно мы нашли дорогу, которой вѣроятно пользуются монгольскія паломники, направляющіеся въ Лхассу, въ то время, когда обыкновенные пути

Пастбище у источника.

не безопасны. Но скоро и она исчезла и мы набрали на источникъ, соленый, но съ прѣснымъ льдомъ, подвернувшійся намъ весьма кстати въ этихъ пустынныхъ странахъ. На слѣдующемъ затѣмъ ровномъ мѣстѣ намъ опять не повезло: почва состояла изъ солоноватой глины, образующей гребни и пороги высотой въ 1 метръ и шириной въ 3 метра, полые внутри и твердые какъ кирпичъ. Получается впечатлѣніе, какъ будто поверхность увеличилась и сложилась въ складки, перпендикулярныя нашему направленію.

И въ этотъ вечеръ мы остановились у источника съ пастбищемъ, гдѣ увидѣли одиноко пасущагося дикаго верблюда.

Мѣсто поворота.

Шагдурову удалось уложить его, что составило весьма пріятное прибавленіе къ нашей провизіи.

Канунъ Рождества, 24 декабря, мы провели, какъ нельзя лучше; въ воздухѣ тишина, небо безоблачно и мы цѣлый день слѣдовали по старинному пути, разбивающемуся на множество параллельныхъ тропинокъ; повидимому здѣсь въ былыя времена проходили большіе караваны; вѣроятно въ тѣ времена, когда монголы еще пасли свои стада около Темир-лыка. Только съ наступленіемъ темноты мы расположились у подножья Астынь-тага, у входа въ долину между двумя параллельными цѣпами. Зажгли громадный рождественскій костеръ и, чтобы не придаваться мрачнымъ думамъ, я принялся посвящать Шагдурова въ мои завѣтные планы, а именно, дойти до Лхассы. Онъ весьма заинтересовался ими и увѣрялъ, что это не невозможно, если запастись подходящимъ платьемъ и найти надежныхъ монгольскихъ спутниковъ. Чтобы мусульмане не могли понять насъ, мы разговаривали по-русски.

Послѣдніе дни года мы провели въ походѣ на С.-В., по долинамъ между параллельными цѣпами Астынь-тага. Морозъ ощутительный, вѣтеръ пронизывающій и снѣгъ остается только въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Мы по удобному пути прошли нѣсколько бассейновъ безъ стока, но перевала Кара-даванъ все-таки не отыскали. 27, 28 и 29 декабря дулъ непрерывный снѣжный штормъ и ночью, несмотря на юрту, нельзя сказать, чтобы я хорошо себя чувствовалъ. Нѣсколько источниковъ, у которыхъ мы ночевали, носятъ китайскія названія: Лапъ-ши-ченъ, Ку-шу-ха, Я-ма-чанъ; у послѣдняго остатки повстанцевъ Дунганскаго возстанія, разбитыхъ при Си-нинъ, были уничтожены; 500 человекъ спаслись и положили оружіе передъ китайской силой около Абдала. Ихъ отослали на поселеніе въ новую колонію Кара-кумъ, къ югу отъ Курли, гдѣ они до сихъ поръ мирно живутъ. Рождественники Токта-Ахуна были убиты дунганами. У этого источника есть китайская надпись, въ память ли этого происшествія, не знаю. Раньше дунганскіе охотники часто посѣщали эти мѣста и до сихъ поръ здѣсь встрѣчаются ихъ первобытные капканы для ловли лисицъ.

Послѣдній день стараго года и первый новаго отли-

чались особенно сильными свѣжными бурями. Съ перевала мы увидѣли громады Анамбаръ-ула. Анамбаруинъ-голь же, рѣка, протекающая по поперечной долинѣ Астынъ-тага, здѣсь отдѣляетъ его отъ Анамбаръ-улы и далѣе исчезаетъ въ пустынь.

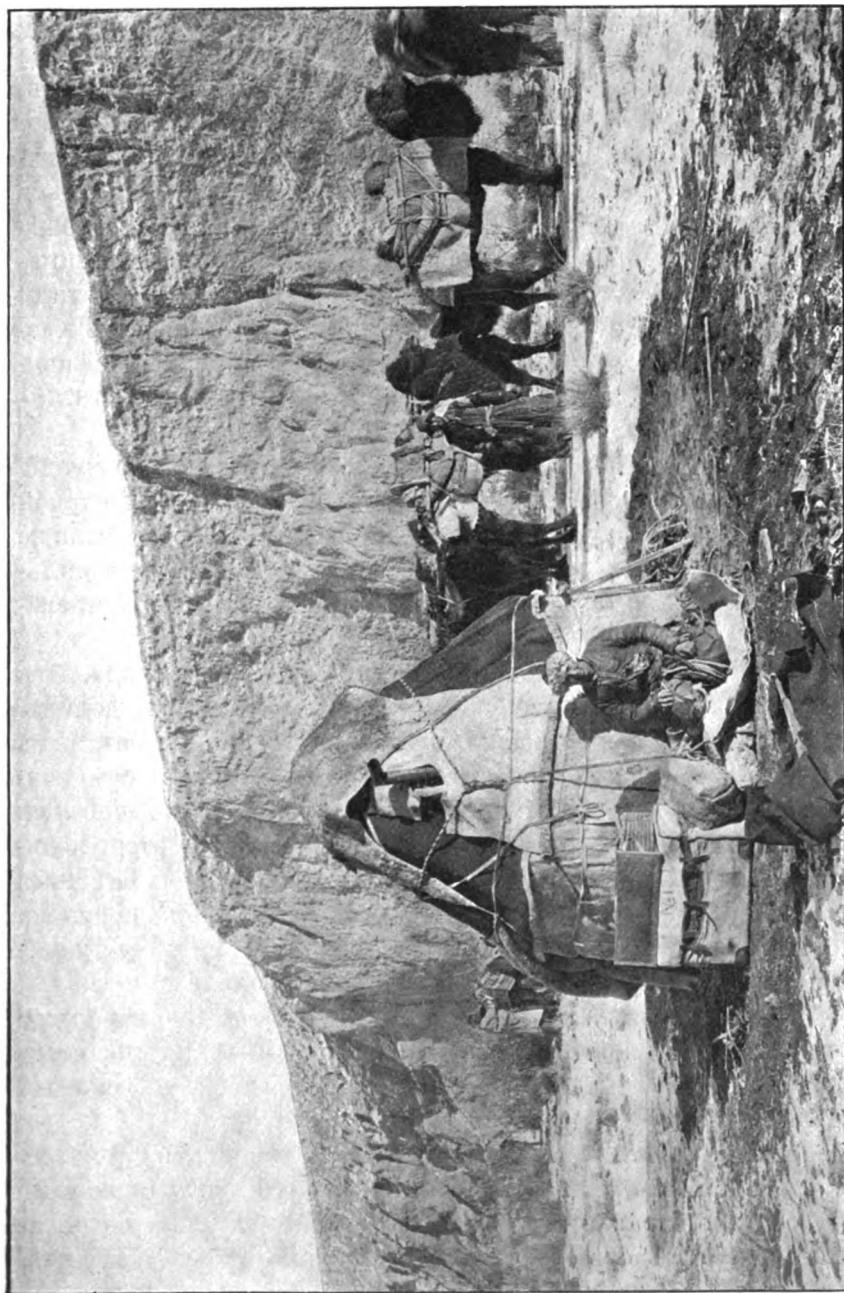
Издалека мы увидѣли лошадь, подозрительно наблюдающую за нами. Мы были увѣрены, что тутъ по близости увидимъ монголовъ, но ошиблись, а такъ какъ у насъ времени было много, то рѣшили отыскать ихъ во что бы то ни стало. Лошадь же, несмотря на всѣ старанія не удалось словить.

XXVI.

У монголовъ Сыртына и черезъ пустыню Гоби.

Теперь мы въ продолженіе нѣсколькихъ дней шли прямо на востокъ по долину Анамбаруинъ-гола. Нѣсколько хижинъ указывали на то, что монголы по временамъ посѣщаютъ эти мѣста. Шагдурову удалось уложить архари, одного изъ цѣлаго стада, наблюдавшаго за нами. Морозъ ночью былъ жестокой—28,5°. На слѣдующій день мы перешли черезъ переваль и вступили въ горную область, изъ которой лѣтомъ рѣки протекаютъ въ бассейнъ Цайдама. Вездѣ снѣгъ; на одномъ мѣстѣ нашли довольно свѣжіе слѣды монголовъ. Мы все шли на востокъ черезъ дикія горныя страны, къ югу отъ величественнаго Анамбаруинъ-ула и, наконецъ, 6-го января передъ нами открылась къ югу и къ Ю.-В. равнина, называемая Сыртынъ и населенная монголами, родственными жителямъ Цайдама. Вдали виднѣлся Булунгиръ-норъ и впадающія въ него рѣки. Пастбище хорошее. Шагдуровъ и Моллахъ ускакали впередъ, чтобы изслѣдовать черныя точки, принятые нами за монгольскія юрты. Но темнота заставила насъ переждать и только на слѣдующее утро мы подошли къ юртамъ; изъ одной вышла женщина и безъ признаковъ смущенія попросила пройти немного дальше, потому что тутъ мужчинъ не было дома; мы расположились рядомъ со слѣдующими тремя юртами, гдѣ насъ любезно привѣтствовали двое мужчинъ. Они продали намъ провизію, но вьючныхъ животныхъ не могли уступить. Вообще здѣсь населеніе очень негустое. Намъ сообщили, что два большихъ каравана недавно отправились къ Са-чео и къ храму Кумъ-бумъ. Нѣсколько дней мы отдыхали, при чемъ

Лагерь въ долиня́ Дзюнгъ-Дунца.

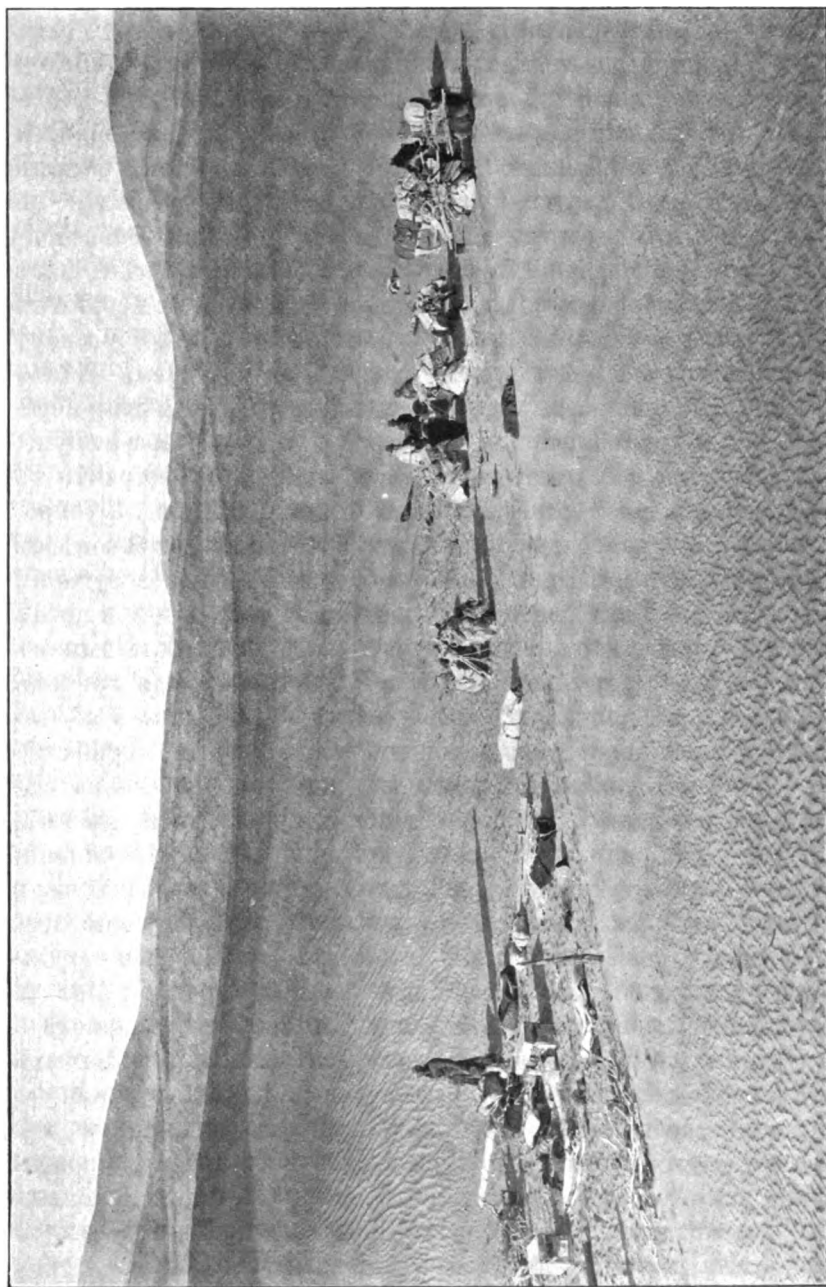
температура падала до $-32,5^{\circ}$, и послѣ отдыха отправились къ Анамбаруинъ-голу, къ сѣверу отъ горной цѣпи того же названія. Сперва мы остановились у озера Булунгиръ-норъ, а потомъ перешли черезъ главный переваль Шо-ово, у котораго сѣверный склонъ замѣчательно крутой. Отъ маленькаго аула близъ Шо-ово мы направились къ западу и здѣсь прошли въ разстояніи не больше одного перехода отъ города Са-чео или Тунгъ-хуанъ (мусульмане называютъ его Дунгъ-ханъ). Можетъ быть къ нашему счастью мы не посѣтили этотъ городъ, мы вѣдь ничего не знали о китайскихъ безпорядкахъ. Этотъ городъ — конечный пунктъ грандіозной экспедиціи графа Béla Gzéchenyi, предпринятой въ 1877—1880 гг., участниками которой были Lóczy и Kreitner.

Проводникомъ намъ служилъ старый монголъ, прекрасно знающій окрестности. Спѣгъ покрывалъ все, но не до такой степени, чтобы животныя не могли пастись. Дорога была не изъ лучшихъ и около Давато, мѣста ночевки, задулъ сильнѣйшій вѣтеръ, своего рода „фѣнь“, повысившій температуру до -16° .

18-го января мы дошли до долины Джонгъ-Дунца. Отъ Анамбаръ-ула къ сѣверу тянутся масса такихъ долинъ, соединяющихся въ нѣсколько главныхъ и исчезающихъ въ пустынѣ. По такой долинѣ съ отвѣсными стѣнами изъ конгломерата и съ чуднымъ эхо мы спустились къ сіяющей льдомъ на солнцѣ рѣкѣ въ главной долинѣ, и расположились на лѣвомъ берегу ея, имѣя чудный видъ на свѣжныя вершины, расположенныя къ югу. Замѣчались признаки осыдлой человѣческой жизни, и около долины Лу-чуэнца виднѣлись даже каменные постройки и поля.

Около Гошунъ-голя Шагдуровъ убилъ дикаго верблюда; они здѣсь весьма обыкновенны. Часто мы видѣли стада отъ 15 до 20 штукъ и они встрѣчаются даже въ южныхъ долинахъ.

Наконецъ, 24-го января мы расположились на томъ же мѣстѣ, гдѣ останавливались 3 недѣли тому назадъ. Вблизи мы встрѣтили караванъ при двухъ китайцахъ, везущихъ на 10 верблюдахъ сушеную и мороженую рыбу изъ Лобъ-нора въ Са-чео. Я хотѣлъ купить у нихъ нѣсколько пачекъ, но они отказали.

Лагерь въ песчаной пустынѣ.

Мы обошли кругомъ весь Анамбаруинъ-ула, но своей цѣли, а именно, купить верблюдовъ, не достигли. Такъ какъ предстоялъ еще далекій путь и нѣсколько лошадей казались утомленными, то я отдѣлилъ караванъ въ 6 лошадей съ Токта-Ахуномъ и Ахметомъ во главѣ. Они должны были отвезти собранныя коллекціи и весь ненужный багажъ въ Абдалъ, а оттуда первый долженъ былъ пройти въ Чархалыкъ и исполнить слѣдующее важное порученіе: принять отъ Чердонова и Исламъ-бая необходимый для насъ въ послѣдствіе провіантъ; возвратиться въ Абдалъ и встрѣтить насъ съ почтовымъ джигитомъ, который согласно уговору долженъ былъ прибыть въ Чархалыкъ въ это время. Далѣе Токта-Ахунъ долженъ былъ совершить три полныхъ перехода отъ Кумъ-чапгана по сѣверному берегу Кара-кошуна, захвативъ съ собою трехъ свѣжихъ лошадей, и устроить въ подходящемъ мѣстѣ лагерь. Токта-Ахуна должны были сопровождать нѣсколько знакомыхъ съ мѣстностью рыбаковъ съ двумя челноками. На хорошо видимомъ съ сѣвера бугоркѣ они должны были разводить огонь въ 12 часовъ дня и послѣ наступленія темноты, чтобы указать намъ дорогу или дымомъ или огнемъ. На указанное мѣсто они должны были прибыть черезъ 45 дней, считая съ 27-го января, и сейчасъ же заняться сигнализациею, терпѣливо ожидая нашего прибытія.

Въ уменьшенномъ составѣ мы двинулись прямо на сѣверъ въ пустыню Гоби по постепенно исчезающей долинѣ. Снѣгъ тоже началъ исчезать и у послѣдняго скопленія льда мы взяли запасъ на 10 сутокъ. Детали строенія горъ постепенно сглаживаются, но кряжеобразное строеніе ихъ выступаетъ болѣе явственно. Пейзажъ также мѣняется характеръ и почва становится болѣе мягкой и ровной. Иногда встрѣчаются довольно богатая заросли тереска и тамариска—настоящая степь. Пересѣкая нѣсколько высохшихъ рѣчныхъ долинъ и переправляясь черезъ невысокія возвышенности—мы опять набрали на старинную дорогу, отмѣченную маленькими каменными пирамидами, безъ сомнѣнія продолженіе той, которую мы видѣли въ Астынъ-тагѣ. Наконецъ мы перебрались черезъ послѣдній маленькій перевалъ и передъ нами открылось необозримое песчаное море. Здѣсь саксаулы росли довольно богато.

Послѣдніе отроги по сторонамъ долины наполовину погружены въ сыпучій песокъ. Что здѣсь выпадаютъ осадки и что вода имѣетъ довольно значительную силу, можно было заключить изъ того, что продолженіе долины тянулось извилистымъ русломъ довольно далеко по пескамъ между исполинскими барханами: результатъ дѣйствія кратковременныхъ, но сильныхъ ливней. Цѣлый день я шелъ впереди пѣшкомъ, чтобы не отморозить себѣ ноги. Саксаулы, наполовину погребенные, выглядываютъ изъ песковъ и громадныя глыбы гранита точно плаваютъ по песку. Наконецъ русло исчезаетъ, кончаясь маленькимъ высохшимъ озеромъ. Здѣсь мы запаслись топливомъ изъ сравнительно богато растущихъ послѣднихъ саксауловъ. Передъ нами мертвые пески. Какъ всегда въ пустынѣ, я шелъ впереди пѣшкомъ, и на этотъ разъ мы расположились ночевать среди песковъ. Въ продолженіи слѣдующаго дня барханы постепенно понижались и мы перешли на глинистый грунтъ, скоро принявшій характеръ террасъ. 1-го февраля террасы обозначились рѣзче, возросли до 50 метровъ и пальцеобразно показывали на С.-С.-В. Къ вечеру мы попали въ полосу камыша и тамарисковъ, богатую слѣдами волковъ, сайгъ и верблюдовъ. Колодезь на глубинѣ 14 метровъ далъ солоноватую, но годную для питья, воду. И въ продолженіе слѣдующаго дня мы проходили по камышамъ, вечеромъ-же мы остановились у колодца, съ отличной для питья водою; здѣсь мы возобновили запасы льда и два дня отдыхали.

Далѣе опять потянулась безжизненная пустыня со странными образованіями изъ глины, похожими на развалины домовъ, высотой до 8 метровъ. Вечеромъ мы по указанію Моллаха дошли до Ачикъ-кудука, „соленаго колодца“, находящагося на астынѣ-ѣль, „нижнемъ пути“, изъ Абдала въ Са-чео. Въ солоноватой глинѣ мы видѣли ясныя слѣды прошедшаго здѣсь каравана. На этомъ пути черезъ пустыню раньше проходили Козловъ и Боненъ и, можетъ быть, Марко Поло. И мы по немъ пошли до слѣдующаго „тополеваго колодца“, Тогракъ-кудукъ, отдохнули день и возобновили запасы льда.

8-го февраля мы двинулись на сѣверъ черезъ неизвѣстныя страны. Сперва мы шли по пожелтѣвшимъ камышамъ,

изобилующимъ слѣдами дикихъ верблюдовъ и сайгъ. Далѣ растительность сразу исчезла. Въ лощинѣ былъ вырытъ колодезь, давшій сносную воду. Затѣмъ мы шли по дну лощины, незамѣтно поднимающейся къ сѣверу. Здѣсь, по имѣющимся картамъ средней Азіи, должна тянуться значительная горная цѣпь, но возвышенія видныя со всѣхъ сторонъ, едва-ли заслуживаютъ этого названія. Найденные мною между камнями остатки чугуна котла и ряды кучъ камней, расположенныхъ по направлению З.-Ю.-З. и С.-З., ясно указывали на то, что мы шли по старинной дорогѣ. Одна безъ сомнѣнія вела къ древнему городу, развалины котораго мы въ прошломъ году нашли на берегу высохшаго Лобъ-нора. По второй, очевидно, ведущей въ Турфанъ, мы пошли по вывѣтренному, ярко-красному хребту. Къ сѣверу видъ закрывался невысокой горной цѣпью. Даже совѣстно называть эти холмики горами, они благодаря атмосфернымъ дѣйствіямъ постепенно исчезаютъ съ лица земли. Особенно рѣзокъ контрастъ въ сравненіи съ Тибетомъ.

XXVII.

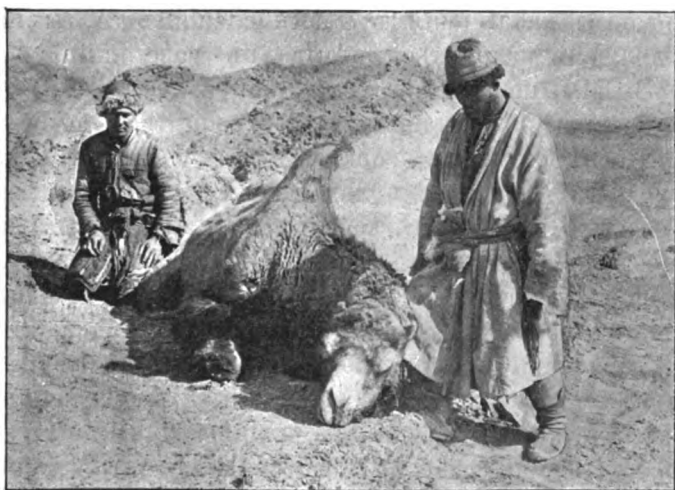
По неизвѣстной странѣ въ поискахъ за водой.

Появлялись первые признаки весны, минимальная температура рѣдко падала ниже — 20°, зима приближалась къ концу.

11-го февраля мы перешли черезъ довольно крутой перевалъ маленькой горной цѣпи. Здѣсь были видны масса слѣдовъ дикихъ верблюдовъ. 12-го ландшафтъ опять принялъ пустынный видъ и рѣдко встрѣчались слѣды верблюдовъ. Поверхность пустыни то ровная, то слегка волнистая. Такъ какъ и 13-го небыло никакой перемѣны, то мы повернули на С.-З. и З. Дорога чудная и въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней мы повернули на Ю.-З., по направленію къ Алтымишъ-булаку. Положеніе было довольно критическое; начиная съ этого дня направленіе слѣдовъ дикихъ верблюдовъ обозначались на картѣ. Слѣды вели или къ С.-З. или къ Ю.-В. Къ Ю.-В. находились камышевыя заросли около астынъ-ѳель, черезъ которые мы прошли. Къ С.-З. находились, вѣроятно, источники, извѣстные только однимъ верблюдамъ. 16-го февраля, во избѣжаніе катастрофы, мы повернули прямо на югъ и насколько могли прибавили шагу. Мы должны были во чтобы то ни стало стараться дойти до низины, тамъ можно было попытать счастья достать воды. Но со всѣхъ сторонъ маленькіе хребты закрывали горизонтъ, настоящій лунный ландшафтъ. Здѣсь слѣды верблюдовъ показывали на сѣверъ и образовали цѣлую дорогу, по которой недавно прошли 57 штукъ, можетъ быть они шли къ источнику Паванъ-булакъ, о которомъ въ прошломъ году говорилъ Абду-Регимъ, но гдѣ онъ не бывалъ. 17-го наше

положеніе становится критическимъ; мы переходимъ черезъ тѣ маленькіе хребты, черезъ которые мы прошли на пути къ сѣверу. Они не связаны между собою и съ Курукъ-тагомъ, но составляютъ съ нимъ орографическое цѣлое. Къ западу виднѣются цѣпи Курукъ-тага, и мы повернули туда, надѣясь найти воду у его подножія. Дорога становилась тяжелой; появились „ярданги“, глинистые холмы, вытянутые съ сѣвера на югъ и заставляющіе насъ итти въ далекіе обходы. Наконецъ вышли изъ этого лабиринта и остановились на ночь между холмиками, гдѣ не было ни малѣйшаго признака жизни. На слѣдующій день дулъ очень свѣжій сѣверный вѣтеръ, пронизывающій насквозь. Нѣтъ ни малѣйшей щепки, чтобы отогрѣть заоченѣлые члены, но верблюды непоколебимо пагаютъ впередъ, хотя давно уже имъ не давали ни воды, ни пищи. Слѣдующую ночь мы остановились въ совершенно открытомъ мѣстѣ. Поужинали нѣсколькими кусками хлѣба и льда и пожертвовали на подогрѣваніе чая палочку отъ юрты. Послѣ такого-же завтрака мы тронулись съ единственною мыслію достать воды. Верблюды уже 12 дней не пили, но наше положеніе все-таки лучше, чѣмъ въ прошломъ путешествіи въ пустынѣ Такла-маканъ, потому что воздухъ былъ холодный и почва отличная для большихъ переходовъ. Я все держалъ направленіе на Алтымишъ-булакъ, надѣясь найти три источника восточнѣе этого мѣста; о нихъ говорилъ Абду-Регимъ въ прошломъ году. Легко можно было незамѣтно пройти мимо нихъ; этотъ штормъ закрывалъ намъ горизонтъ, и дальше отстоящія горы и возвышенія также заволакивались, такъ что я не могъ пользоваться прошлогодней картой для оріентировки. Въ Такла-маканъ мы знали, что какъ ни пойдемъ на востокъ, всегда дойдемъ до Хотанъ-дарьи. Тамъ цѣль—линія, а здѣсь точка! Теперь количество верблюжьихъ слѣдовъ опять увеличилось, и я съ возрастающимъ интересомъ наблюдалъ за ними, имѣющими теперь направленіе на С. и Ю. Очевидно, что они ведутъ отъ воды или къ водѣ. Увлекаясь я часто шелъ по ихъ направленію, но всякій разъ съ досадой бросалъ, потому что они дѣлали такіе неожиданные повороты, что легко можно было заблудиться. Я возможно строго держался

западнаго направленія и рѣшилъ отыскать источники Абду-Регима. Мнѣ сегодня исполнилось 36 лѣтъ и я ждалъ подарка. На каждомъ шагу я теперь видѣлъ верблюжьи слѣды, и подѣ конецъ мы набрели на низкій горный хребетъ, заставившій насъ повернуть на Ю.-З. и Ю.-Ю.-З. Въ засохшемъ руслѣ были видны слѣды зайцевъ и сайгъ, почва сырая и покрыта соляной скорлупой; вырытый здѣсь колодезь далъ сконцентрированный соляной растворъ. Мы съ Шагдуровымъ поспѣшили впередъ и вошли въ мѣшкообразную долину, въ которую вели всѣ верблюжьи слѣды и

Ходай-Куллу и его дикій верблюдъ.

черезъ 10 минутъ намъ открылась утѣшительная картина Ёлдашъ стоялъ и лизалъ ледъ. Спасены! Источникъ, какъ и всѣ, былъ соленый, но ледъ былъ прѣсный. Здѣсь росли всего только 2 маленькихъ тамариска. Мы зажгли огонь и расположились отдохнуть. Нѣсколько времени спустя верблюдамъ дали ледъ и немного выше по долинѣ нашли кочки, послужившія нашимъ животнымъ пищей болѣе основательной. 22-го февраля мы сдѣлали небольшой переходъ въ 20 километровъ и остановились въ маленькомъ оазисѣ, состоящемъ изъ тамарисковъ и камыша и, благодаря обилію топлива, вечерніе костры запылали ярче, чѣмъ когда либо.

Ландшафтъ по мѣрѣ нашего движенія только незначительно мѣнялъ свой обликъ и вообще былъ крайне однообразенъ; почва твердая и пересѣченная; всѣ горы остаются у насъ съ правой стороны. Опять источникъ, гдѣ наши верблюды паслись недолго, а потомъ мы пошли дальше. У третьяго источника Абду-Регима я увидѣлъ стадо изъ 18 верблюдовъ и поджидая караванъ, хотѣлъ дать Шагдурову возможность убить одного верблюда, но онъ погорячился и промахнулся, и стадо понеслось на западъ. Здѣсь на этомъ благодатномъ мѣстѣ, изобилующемъ камышемъ, водой и топливомъ мы остались ночевать.

По моимъ наблюденіямъ и вычисленіямъ Алтымишъ-булакъ долженъ находится отсюда въ разстояніи 28 км. на Ю.-60°-З. Мы пошли по этому направленію, но ближайшая горная цѣпь заставила насъ уклониться болѣе на западъ. Это вѣроятно та горная цѣпь, у подножія которой расположенъ Алтымишъ-булакъ. Въ тусклой атмосферѣ ничего не было видно. Но нѣсколько спустя передъ нами открылись заросли, и тутъ то удалось Шагдурову уложить двухъ верблюдовъ. Пройденное разстояніе оказалось равнымъ 31 км., такимъ образомъ ошибка была незначительна, если принять въ расчетъ пройденное разстояніе въ 2000 км. Мнѣ, значить, удалось связать сдѣланныя топографическія и астрономическія наблюденія съ прошлогодними.

Послѣдніе дни февраля мы посвятили отдыху около ключей Алтымишъ-булака. Одинъ день цѣликомъ ушелъ на пробную нивеллировку съ тѣми людьми, которые должны были помочь мнѣ при нивеллировкѣ отъ стараго Лобъ-Нора черезъ пустыню къ Кара-кошуну. Мы обошли оазисъ и при разстояніи въ 2756 метровъ сдѣлали вертикальную ошибку только въ 1 миллиметръ, результатъ сравнительно хорошій.

Ходай-Куллу; случайно оказавшійся хорошимъ охотникомъ, открылъ новый источникъ къ югу и тутъ же убилъ громаднаго бугру. Мы всѣ переселились туда, потому что этотъ источникъ на 12 км. былъ ближе къ мѣсту будущихъ нашихъ работъ въ пустынь, а именно, къ развалинамъ древняго города. Вода оказалась сильно соленой, верблюды даже отказались пить, но на поверхности льда вездѣ образовались лужи прѣсной воды. Мы оставили здѣсь 3 хворыхъ верблюдовъ и

всѣхъ лошадей подѣ наблюдениемъ Ходай-Верди. Кромѣ того мы оставили ему еще коробку спичекъ, котелокъ и щепотку чая, а сами 2-го марта съ остальными 7 верблюдами и съ 9 мѣшками льда и со всѣмъ багажемъ отправились для изслѣдованія древняго города. Скоро показались признаки сѣвернаго берега высохшаго озера; сначала мы увидѣли осколки посуды, которые говорили о давнишнемъ пребываніи здѣсь людей, потомъ стали встрѣчаться мертвые тамариски, щетиновидные остатки камыша и, наконецъ, раковины.

XXVIII.

Развалины около древняго Лобъ-нора.

Теперь предстояло отыскать развалины. По вычисленіямъ намъ осталось до нихъ 14 км. Мы медленно подвигались впередъ, посматривая во всѣ стороны, чтобы не пройти мимо того мѣста, гдѣ мы надѣялись найти столько интереснаго. Слева отъ нашего пути Шагдуровъ нашелъ развалины трехъ домовъ. Болѣе восточный имѣлъ 6,5 метровъ въ квадратѣ, стѣны его были толщиною въ 1 метръ и построены изъ обожженаго квадратнаго кирпича. Болѣе западная постройка — деревянная, плохо сохранившаяся, длиною въ 26 метровъ и такой-же ширины, какъ и предыдущая. Здѣсь мы нашли пушечное ядро, мѣдную уключину, нѣсколько китайскихъ монетъ и красныхъ глиняныхъ чашекъ.

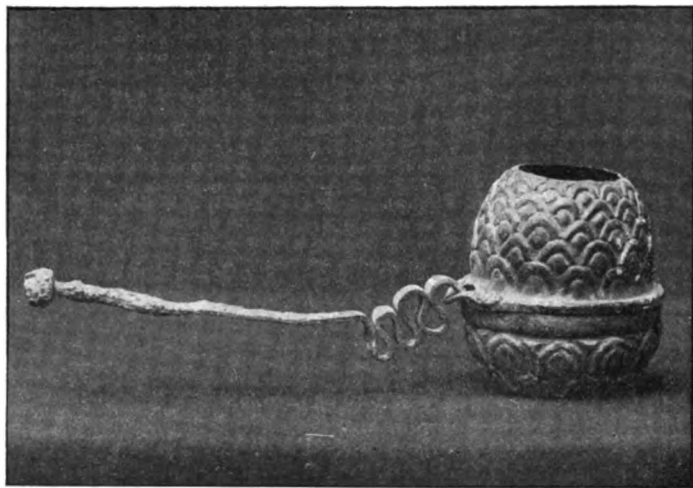
Немного дальше я остановился и всѣ, кромѣ Файзуллаха, отправились на рекогносцировку. Такъ какъ они отсутствовали нѣсколько часовъ, то мы пошли немного дальше по ярдамгамъ и расположились у подножія глиняной башни. На ней я развелъ громадный костеръ и посланные стали возвращаться группами. Одни нашли высокую „туру“ (глиняную башню), окруженную развалинами нѣсколькихъ домовъ и рекомендовали это мѣсто въ качествѣ главной квартиры. Въ видѣ доказательства они притащили съ собой желѣзную цѣпь, мѣдную лампу, монеты и горшокъ.

Сюда мы перекочевали и послѣ кратковременнаго отдыха и устройства лагеря, отправили верблюдовъ подъ начальствомъ Ли-Лоие обратно къ источнику; онъ долженъ былъ возвратиться со всѣмъ караваномъ и съ новыми запасами льда черезъ 6 дней.

Typa.

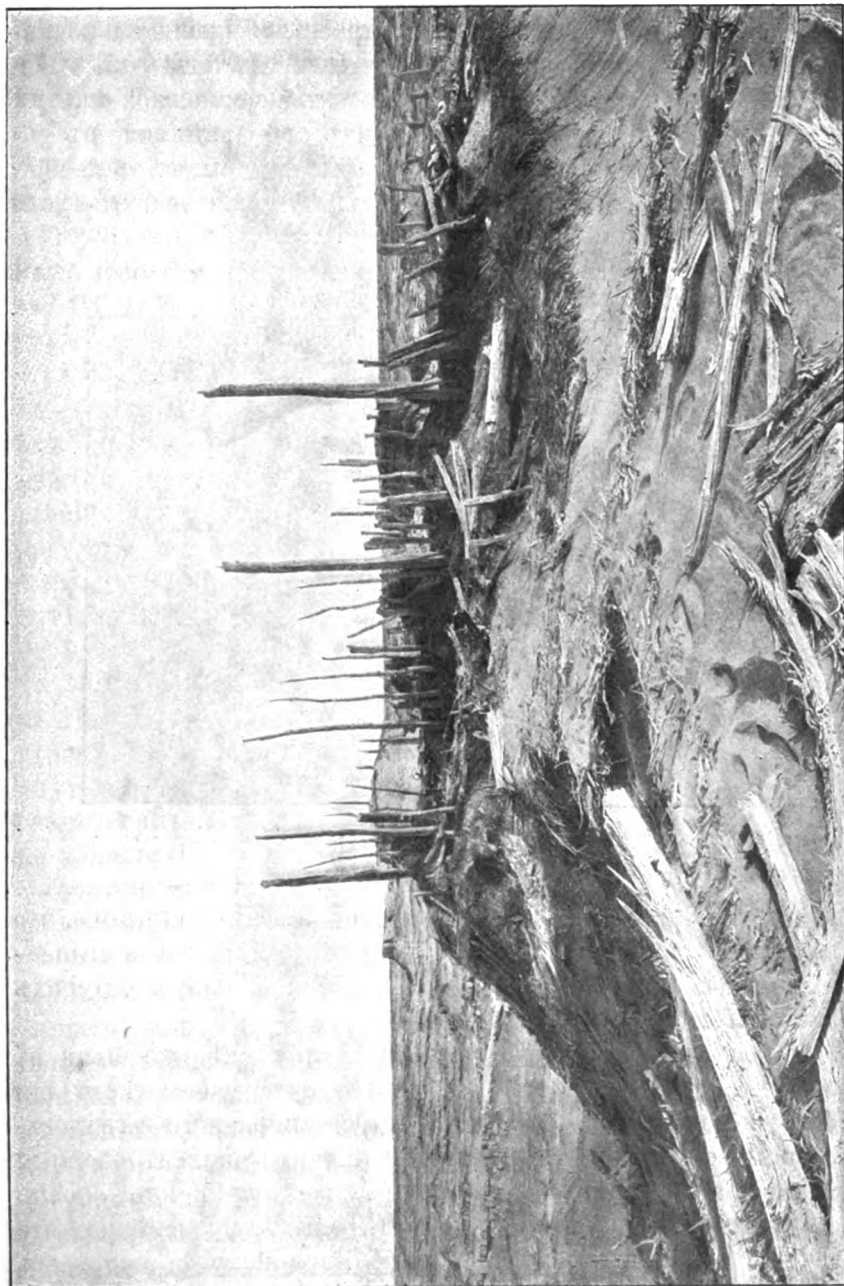
Такъ какъ въ нашемъ распоряженіи было 6 дней, то въ первый изъ нихъ я лично занялся астрономическими наблюденіями, а всѣхъ людей отправилъ на рекогносцировку. Съ вершины башни я сдѣлалъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ желтой, однообразной пустыни, гдѣ между ярдангами кое-гдѣ видны были остатки домовъ. Кругомъ, кромѣ меня и Ёлдаша, ни одной живой души. 5-го марта я обошелъ мѣста, гдѣ мои люди были зачты извлеченіемъ изъ остатковъ домовъ забытыхъ предметовъ. Кромѣ колеса арбы они не нашли ничего интереснаго. Нашли, конечно,

Мѣдная лампа.

тряпки красной матеріи, человѣческіе волосы, части скелетовъ разныхъ домашнихъ животныхъ, китайскія подошвы, свинцовый сосудъ, концы хорошо сохранившихся веревокъ, осколки посуды съ орнаментами, серьги, китайскія монеты и т. п.; въ одномъ домѣ, служившемъ вѣроятно конюшней, нашли даже хорошій навозъ, имѣвшій сравнительно свѣжій видъ; надписей-же, къ сожалѣнію, ни одной не нашли. Я обратилъ особое вниманіе на башню и велѣлъ вырыть сверху внизъ черезъ нее отверстіе, но она оказалась сплошной, изъ необожженной глины, со связями изъ бревенъ.

Вся эта деревня состояла изъ 19 домовъ и я снялъ по-

Развалины дома около нашего лагеря.

дробный планъ ихъ расположенія; всѣ дома ориентированы Ю.-30° В.—С.-30° З. Нѣкоторые построены исключительно изъ дерева, другіе изъ сплетенаго камыша. Дѣлать какія либо заключенія о возрастѣ этихъ построекъ невозможно; остатки бревенъ имѣли весьма древній видъ, но принимая въ соображеніе амплитуду колебанія температуры въ 80°—90°, бури и летучій песокъ, можно только удивляться, что хоть что вибудь осталось.

Всѣ постройки стоятъ на холмикахъ, но что онѣ были

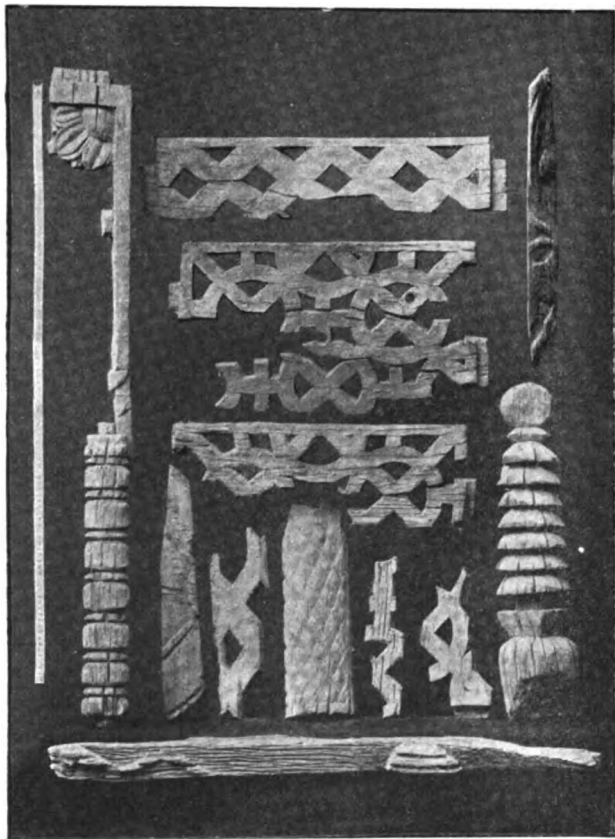

Глиняный сосудъ и колесо арбы.

построены на ровной почвѣ, можно заключить изъ того, что вѣтеръ высверлилъ всѣ промежуточные мѣста, не защищенные бревнами. Такимъ образомъ, тополи и остатки другихъ растений стоятъ на возвышеніяхъ.

6-го марта утромъ, когда я проснулся, всѣ уже были на рекогносцировкѣ, чтобы найти болѣе интересное мѣсто для поисковъ находокъ. Я занялся астрономическими и геологическими изслѣдованіями. Между прочимъ нашелъ озерныя отложенія, толщиной въ 9,6 метра, состоящія изъ слоевъ съ остатками организмовъ и безъ оныхъ, и очевидно, что такія отложенія, образующіяся въ Кара-кошунѣ, заставятъ озеро опять перекочевать къ сѣверу.

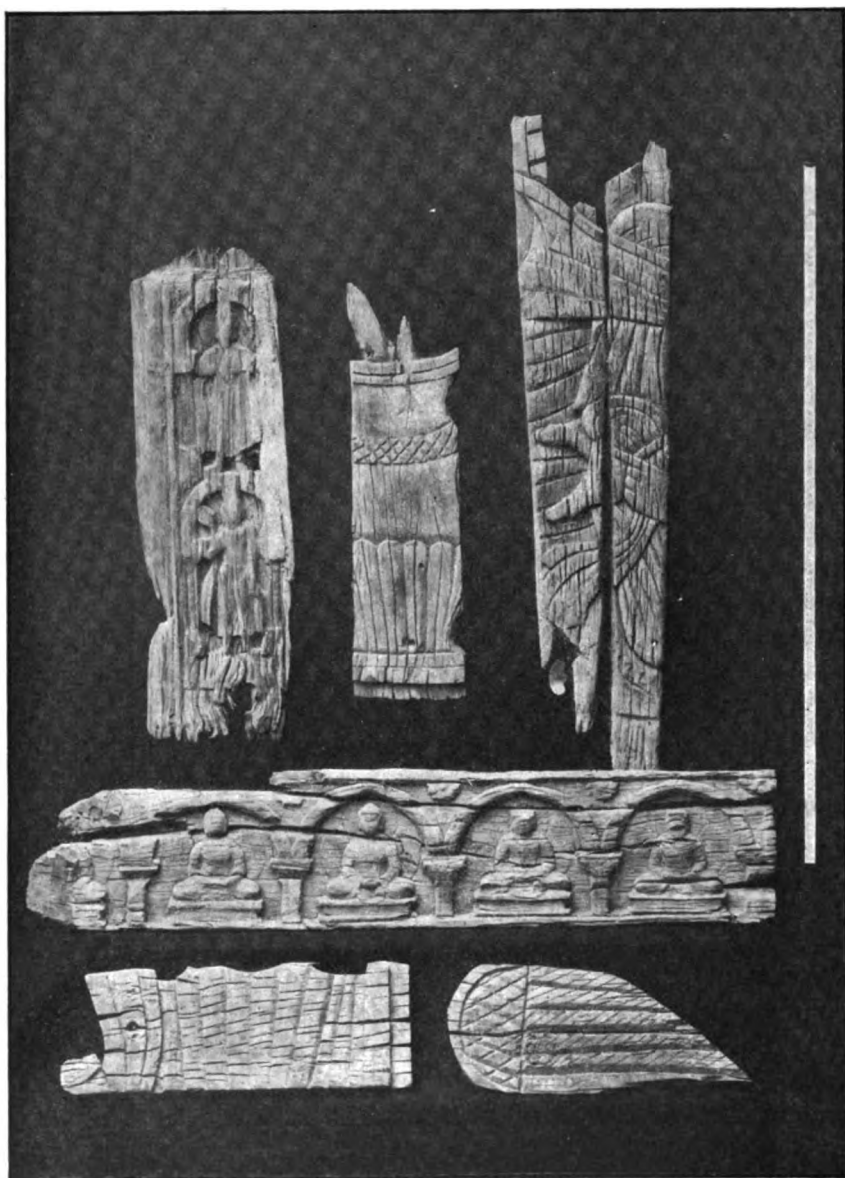
Къ вечеру одинъ за другимъ вернулись мои развѣдчики, Шагдуровъ послѣ всѣхъ, и ему удалось отыскать мѣсто находокъ Эрдека и 7-ое марта мы потратили на изслѣдованіе его. Нашли новую „туру“ къ югу отъ первой и около нея разбросанныя бревна до 7,5 метра длины и 35×17 см. поперечника. Нѣсколько тополей стояли еще на корняхъ. Мы прошли мѣсто прошлогодняго лагеря и въ 4 км. дальше наткнулись на мѣсто находокъ Эрдека. Изъ 8 построекъ только 3 были въ сравнительно хорошемъ состояніи и расположены какъ китайскій „ямень“, или

Рѣзба на домѣ.

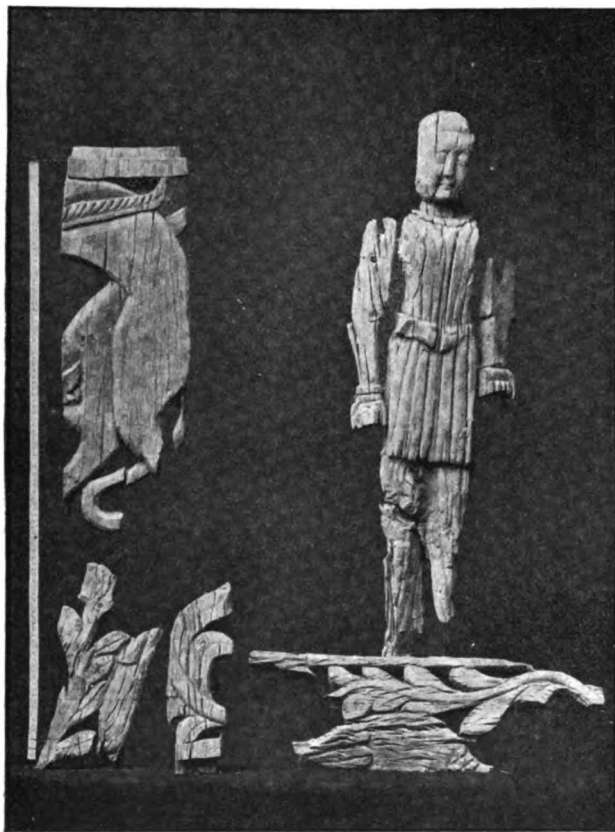
присутственное мѣсто: одно главное зданіе и два громадныхъ флигеля, а между ними дворъ, закрытый къ Ю.-В. заборомъ съ воротами. Главное зданіе, очевидно, служило храмомъ Будды и отсюда Эрдекъ взялъ свои находки. Стали копать и нашли деревянное изображеніе Будды, которое повидимому служило внутреннимъ ядромъ для глиняной статуи, которая въ свою очередь была разрисована обычнымъ образомъ.

Помѣщенные здѣсь изображенія дадутъ читателю болѣе

Образцы рѣзбы по дереву, найденные въ развалинахъ.

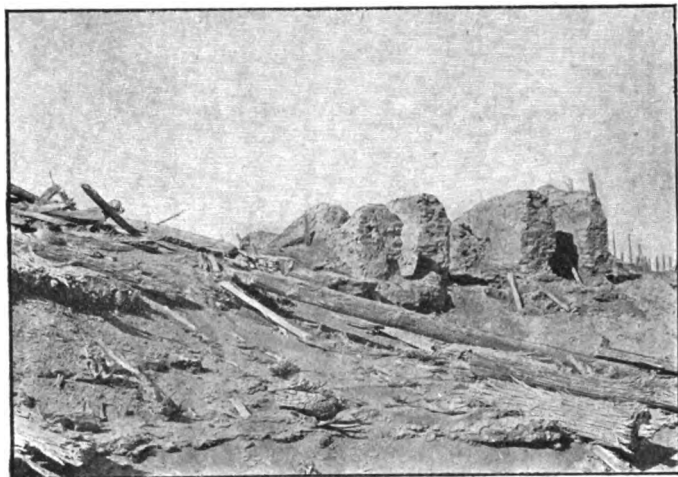
ясное представленіе о нашихъ находкахъ. На нѣкоторыя я тѣмъ не менѣ хочу обратить особое вниманіе. На одномъ бревнѣ вырѣзанъ цѣлый рядъ стоящихъ изображеній Будды; на другомъ онѣ въ сидячемъ положеніи; каждое изъ нихъ находится какъ бы подѣ сводомъ. Въ одномъ орнаментѣ между листьями и вьющимися растеніями имѣется рыба.

Статуя Будды и другія скульптуры. (Черта слѣва = 1 метру.)

Художнику навѣрно не пришло бы въ голову изобразить рыбу, если бы она не имѣла особаго значенія въ этихъ мѣстностяхъ и не составляла важную часть пропитанія народонаселенія. Изображенія рыбы, мнѣ кажется, также могутъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ того, что эти деревни нѣкогда находились на берегу озера.

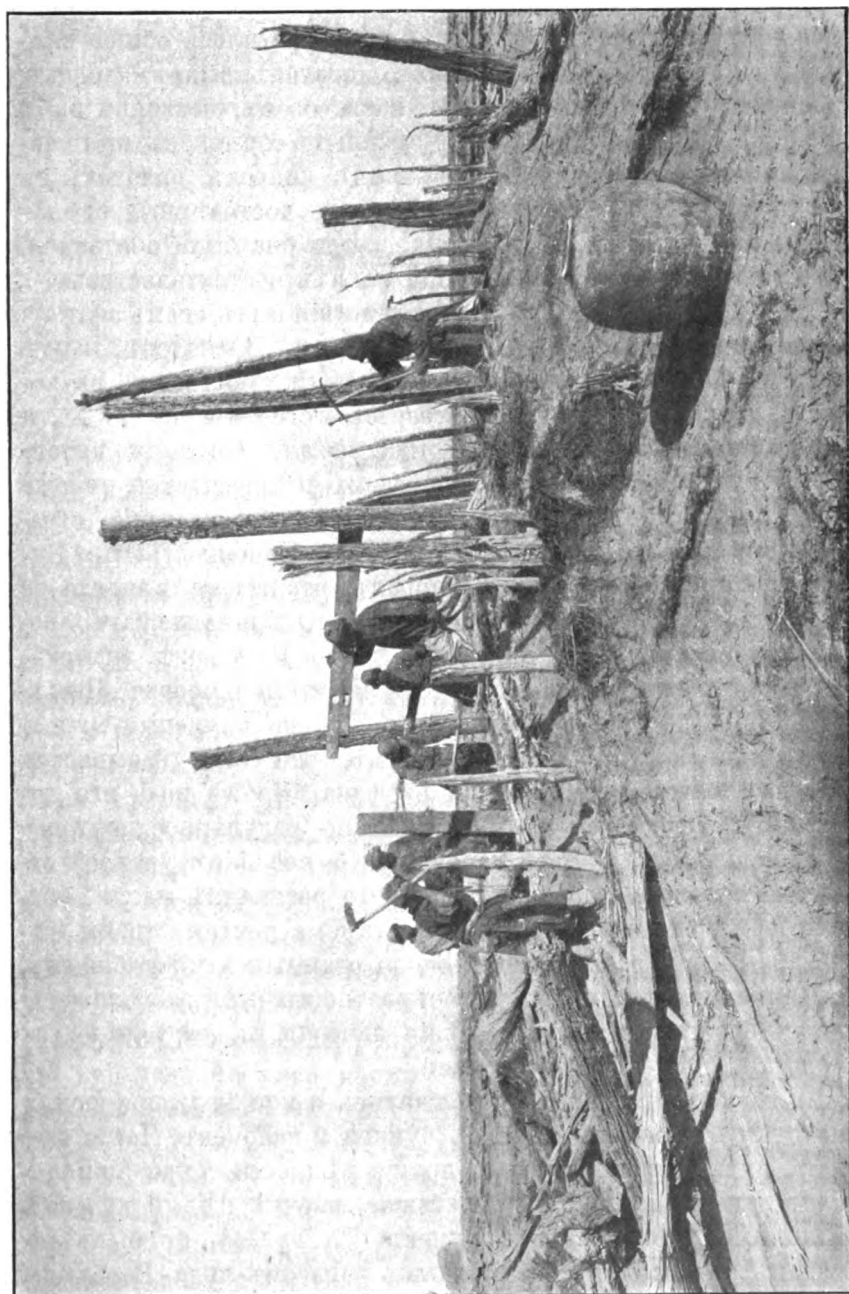
Мы сдѣлали еще одну важную находку. Занимаясь раскопками, Шагдуровъ обнажилъ маленькую дощечку, на которую онъ однако не обратилъ вниманія и потому швырнулъ въ сторону. Совершенно случайно я поднялъ ее, такъ какъ дерево показалось мнѣ удивительно хорошо сохранившимся. Дощечка была покрыта буквами, исполненными тушью чрезвычайно четко и рѣзко, но совершенно мнѣ неизвѣстными, такъ какъ и онѣ не были ни арабійскія, ни китайскія, ни монгольскія, ни тибетскія.

Домъ, въ которомъ были найдены рукописи.

Далѣе нашли остатки четоковъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ и массу глиняныхъ чашекъ, служившихъ для жертвоприношенія богамъ. Весь храмъ, вѣроятно, представлялъ замѣчательное произведеніе искусства и былъ украшенъ массой орнаментовъ и рѣзбою. Такихъ построекъ теперь нѣтъ въ Восточномъ Туркестанѣ и какую прелесть представляло это мѣсто въ былыя времена! Но солнце склонялось къ горизонту и мы отправились домой, руководимые костромъ оставшагося у палатокъ Кучука.

8-го всѣ отдыхали, но соблазненные обѣщанной за какіе-нибудь документы наградой, шатались съ лопатами и рылись въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. Наконецъ, Моллахъ въ строеніи, похожемъ на конюшню съ тремя стойлами, на-

Раскопки въ Доу-ланъ.

шелъ обрывокъ скомканной бумаги съ нѣсколькими вполне ясными китайскими знаками; сюда обратилось общее вниманіе и мы сдѣлали нѣсколько драгоценныхъ находокъ: лоскутки матеріи и сапоговъ, кости овецъ, позвонки рыбъ и здѣсь же нѣсколько сотъ бумажныхъ обрывковъ съ письменами и 42 деревянныхъ, въ видѣ линеекъ, палочекъ съ надписью. Они то и должны были дать достовѣрныя свѣдѣнія о видѣ страны въ то время, когда она была обитаемой, и о томъ, кто тутъ жилъ и при какихъ обстоятельствахъ.

Весь этотъ матеріалъ въ послѣдствіи былъ сданъ знатоку китайской словесности Карлу Гимли въ Висбаденѣ, и онъ мнѣ сообщилъ, что обозначенія времени указываютъ на конецъ третьяго и начало четвертаго столѣтія по Р. Х., и мѣсто находки вѣроятно принадлежало богатому китайскому купцу, занимавшемуся извозомъ и пересылкой писемъ въ Тунъ - гуангъ (Са-чео). Географическое названіе страны—Лоу-ланъ. Жители занимались хлѣбопашествомъ. Бумага исписана съ обѣихъ сторонъ, что теперь никогда не встрѣчается въ Китаѣ. Мѣдныя монеты принадлежатъ промежутку времени 118 до Р. Х.—581 по Р. Х.; онѣ, значить, соотвѣтствуютъ времени означенному въ письменахъ. Названіе Лоу-ланъ уже встрѣчается у Эдризидовъ и ученый мандаринъ въ Кашгарѣ сообщилъ мнѣ, что такъ называлась страна около Пичанъ близъ Турфана. Кромѣ того, эти документы доказали, что существовало регулярное почтовое сообщеніе между Лобъ-норомъ и Са-чео. Мнѣ удалось открыть только 4 деревни, но много развалинъ могли быть и не замѣчены мною. Административные центры страны вѣроятно были расположены около открытых мною башенъ, рыбацкія хижины же по всей вѣроятности были расположены вдоль береговъ и безъ сомнѣнія исчезли въ гораздо болѣе короткій промежутокъ времени.

9-го марта раскопки продолжались, и мои люди приносили находки въ видѣ лоскутковъ бумаги и палочекъ. Части скелета, ручка кисти, кнутъ и другія рѣдкости тоже привлекали ихъ вниманіе. Нашли также вполне цѣлый красный глиняный горшокъ безъ ручки. Къ вечеру прибылъ караванъ съ источника съ полнымъ запасомъ льда. Верблюды были въ хорошемъ состояніи, но лошади выглядели плохо.

XXIX.

Нивеллировка черезъ пустыню Лобъ.—Своевременная помощь.

Рано утромъ 10-го марта затрубили походъ. Три мѣшка льда пожертвовали верблюдамъ. Караванъ раздѣлили на двѣ части. Мы съ Шагдуровымъ, Кучукомъ, Ходай-Куллу и Ходай-Верди пошли на югъ съ намереніемъ сдѣлать нивеллировку къ Кара-кошуну. Нашъ багажъ былъ навьюченъ на 4 верблюдахъ, изъ которыхъ 3 шли со льдомъ. Провизіи взяли на 8 дней, изъ вещей только самыя необходимыя и важныя, напримѣръ: журналъ и карты, найденные документы и палочки. Другая часть каравана: Файзуллахъ, Ли-Лойе и Моллахъ съ 6 верблюдами, 3 лошадьми, 3 собаками, имѣя провизію на 4 дня пошли къ Кумъ-чапгану, гдѣ должны были насъ ожидать.

Исходная точка для нивеллировки была избрана у подножія башни, гдѣ стояла моя юрта. Здѣсь въ первый разъ поставили 4-хъ метровую рейку, которая упиралась въ дощечку, чтобы не погружаться въ песокъ при поворотѣ. Нивелиръ былъ поставленъ на 100 метровъ южнѣе и послѣ отсчета Шагдуровъ переносилъ рейку на 100 метровъ южнѣе; такъ мы чередовались все время до самаго Кара-кошуна, т. е. 81½ километра. Разстояніе между нивелиромъ и рейкой каждый разъ измѣрялось Кучукомъ и Ходай-Куллу посредствомъ ленты въ 50 метровъ. Къ югу отъ Лоу-лана въ этомъ направленіи мы ясно замѣтили, какъ перешли черезъ береговую линію прежняго озера. Сухія деревья, кусты и камышъ сразу исчезли и мы очутились на пустынной сѣрой глинистой почвѣ не имѣющей ни малѣйшихъ слѣдовъ

растительности и безъ сомненія представляющей собою старое дно озера.

Продя въ первый день 9140 метровъ, мы рѣшили остановиться, но Ходай-Верди и 4-хъ верблюдовъ не было видно. Если онъ заблудился и не могъ бы найти насъ, то наше положеніе было-бы критическое. Я выслалъ Шагдурова на поиски и велѣлъ зажечь сигнальный костеръ. Наконецъ поздней ночью Ходай-Верди явился и сообщилъ, что дѣйствительно заблудился и замѣтилъ это только, увидѣвъ огонь Файзуллаха. Насъ онъ нашелъ только, благодаря сигнальному костру. За Шагдурова я не боялся, у него былъ компасъ, и онъ всегда могъ бы дойти до Кара-кошуна, такъ какъ зналъ карту довольно хорошо.

На слѣдующее утро задуть штормъ. Шагдурова не было. Но къ полудню къ крайнему моему удивленію онъ появился; ни разу не отдыхая, онъ шагаль съ 5 часовъ предыдущаго вечера. У Файзуллаха онъ тоже былъ, руководимый его огнемъ и нѣсколько разъ видѣлъ слѣды верблюдовъ Ходай-Верди, но опять терялъ ихъ. Впрочемъ, найти насъ при такомъ штормѣ было доказательство выдающихся способностей Шагдурова и я съ этого момента сталъ ему поручать исполненіе какихъ угодно задачъ. Послѣ этой счастливой встрѣчи мы попробовали продолжать нивеллировку, но штормъ помѣшалъ. Зато 12-го марта стояла прекрасная погода и мы могли работать съ ранняго утра и до поздняго вечера. Верблюды на этотъ разъ были поручены Ходай-Куллу. Дорога была тяжелая, все холмики, но песка почти не было, зато въ углубленіяхъ отлагалась мельчайшая пыль, по которой было тяжело передвигаться. Прошли мы углубленіе въ 125 м. ширины и 8 метровъ глубины, можетъ быть особенно глубокое мѣсто прежняго озера или же часть стараго русла. Къ вечеру оказалось, что мы прошли 11201 м. и при этомъ понизились на 2, ⁴⁶⁶ м. На слѣдующее утро началась та же работа. Почва усѣяна множествомъ раковинъ. Надъ нами пролетѣли 5 стай утокъ, направляясь къ сѣверу. Въ этотъ день мы поднялись на 2, ⁷⁶³ метра и находились на 0,11 метра выше исходной точки. Другими словами, на разстояніи 32 км. мы поднялись на 11 сантиметровъ. Здѣсь,

значить, я нашелъ рѣшеніе задачи; мы прошли явное углубленіе, представляющее бывшее дно озера Лобъ-нора.

На слѣдующее утро мы могли начать работу только въ 11 часовъ, потому что въ продолженіе всего почти утра дулъ сильный штормъ. Что мы идемъ по бывшему дну „Соленого озера“ китайцевъ, явствуетъ изъ того, что почва состоитъ изъ песка, пыли, извести и соли. Нѣтъ и слѣдовъ органической жизни.

Лагерь на этотъ разъ оказался на 0,7⁶⁴ м. выше исходной точки. На слѣдующій день, 15-го марта, стояла та-же великолѣпная теплая погода. Провизія подходила къ концу; верблюдамъ были даны на сѣденіе вычныя сѣдла. Вода имѣла противный привкусъ отъ козьихъ мѣшковъ. Результатомъ дня оказалось пониженіе на 0,3⁰⁴ метра на разстояніи 16226 км. Значить мы перешли черезъ водораздѣлъ между обоими бассейнами.

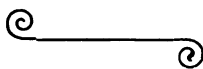
16-го марта показались первые признаки земли въ видѣ полувыхсохшихъ тамарисковъ и массы утокъ; мы приближались къ берегу песчаного моря. Къ вечеру опять пониженіе на 2,1⁷² м., на участкѣ 19 км. и наконецъ 17-го марта мы увидѣли водное пространство и рейка, поставленная въ 19-ый разъ, была водружена уже на самомъ берегу. Всѣ были рады, потому что нивелировка всѣхъ утомила. Берегъ былъ совершенно пустынный, окаймленный только незначительной полосой сыпучаго песка. Сейчасъ-же отправили Ходай-Куллу на Ю.-З., чтобы отыскать вспомогательную экспедицію Токта-Ахуна. Мы же старались достать чего-нибудь сѣдобнаго. Шагдурову удалось убить нѣсколько жирныхъ утокъ; Кучукъ на примитивной лодкѣ тщетно пытался наловить рыбы, но вода была слишкомъ солонa. Я занялся вычисленіемъ результатовъ нивелировки и добился слѣдующихъ данныхъ: мы понизились еще на 55 сантиметровъ, значить, сѣверный берегъ Кара-кошуна лежитъ на 2.2⁷² м. ниже исходной точки у Лоу-лана, то есть на разстояніи 81.000 км. Слѣдовательно я доказалъ, что озеро не только могло существовать въ сѣверной части пустыни Лобъ, но что оно дѣйствительно когда то тамъ и существовало.

Къ вечеру дня прибытія опять задулъ штормъ и я пожалѣлъ, что отпустилъ Ходай-Куллу. Во мглѣ ничего не

было видно. Но когда онъ и на второй день не возвратился мы начали беспокоиться. Шагдуровъ при экскурсиі къ западу открылъ озеро, тянущееся на С. и С.-З., и вдоль берега онъ видѣлъ слѣды Ходай-Куллу. Посланный на рекогносцировку Кучукъ вернулся безъ результата. Наконецъ утромъ 20-го марта мы всѣ отправились на поиски; багажу было немного, такъ что мы могли быстро передвигаться. Скоро намъ пришлось свернуть на С.-З. и С. вдоль берега, гдѣ на одномъ мѣстѣ стояли рыбачьи лачужки; потомъ мы опять направились на Ю.-З. вдоль берега, по слѣды Ходай-Куллу, видимые все время, направляли насъ на С.-З. Вечеромъ мы зажгли огонь, но никто не показывался. На слѣдующій день мы продолжали идти по тому-же направленію, но зашли въ такой лабиринтъ водныхъ поверхностей, что были принуждены повернуть обратно на С.-С.-В.. Ночью образовалось нѣсколько заливовъ, такъ что мы должны были двинуться во время, чтобы насъ не окружило водой. У широкаго рукава мы опять увидѣли слѣды Ходай-Куллу; онъ повидимому переправился черезъ него вплавь. 23-го марта мы все еще шли вдоль цѣпи озеръ и вновь образующихся рукавовъ; ясно было видно, что озеро опять понемногу перекочевывало къ сѣверу. Очевидно, что и Токта-Ахунъ и Ходай-Куллу, а можетъ быть и Файзуллахъ, заблудились посреди этихъ вновь образовавшихся озеръ.

Усталый и недовольный я остановился у пролива шириной въ 7 метровъ и послалъ Шагдурова впередъ на рекогносцировку. Нѣсколько спустя онъ вернулся очень взволнованный и сообщилъ, что видѣлъ свѣжіе слѣды 5-ти лошадей, а потомъ увидѣлъ и всадниковъ.

И дѣйствительно, появилось облако пыли и къ намъ приближались два всадника, въ которыхъ мы узнали Чернова и Токта-Ахуна.

XXX.

Кочующее озеро.

Меня прежде всего интересовало, какъ это могло случиться, что Черновъ могъ вернуться ко мнѣ. Прошлое лѣто мы узнали, что всѣ семирѣченскіе казаки должны были вернуться на свои посты, такъ какъ политическое положеніе въ Азіи казалось неспокойнымъ. Но Его Величество Государь Императоръ Николай II соизволилъ исключить Сыркина и Чернова изъ общаго правила. Они провели всего нѣсколько мѣсяцевъ въ Кашгарѣ, когда прибыла телеграмма по адресу генеральнаго консула Петровскаго съ предписаніемъ, по которому Сыркинъ и Черновъ моментально должны были вернуться ко мнѣ. На другой же день они отправились, имѣя съ собой почту, 27 ямбъ серебромъ, нѣсколько инструментовъ и фотографическихъ принадлежностей, черезъ Аксу и Курлю въ Чархалыкъ, куда они прибыли въ декабрѣ на 48-ой день. Не найдя меня тамъ, Сыркинъ занялся метеорологическими наблюденіями, а Черновъ поѣхалъ рекогносцировать нижнее теченіе Тарима; такъ какъ онъ былъ неграмотенъ, то съ нимъ ходилъ мурза, который записывалъ его наблюденія.

Токта-Ахунъ тоже отлично справился со своей задачей, только въ одномъ отношеніи онъ не исполнилъ приказанія, а именно: онъ ушелъ изъ Кумъ-чапгана только на 2 перехода, потому что вновь образовавшееся озеро ему помѣшало. Запасы у нихъ были большіе и каждый вечеръ они зажигали костры. Ихъ предупредилъ о нашемъ приближеніи Ходай-Куллу. Онъ пробирался къ нимъ въ продолженіе 5 сутокъ и питался за это время только случайно попавшейся уткой. Те-

перъ не доставало Файзуллаха. Ходай-Куллу видѣлъ его слѣды въ нѣсколькихъ мѣстахъ и какъ только Токта-Ахунъ узналъ объ этомъ, онъ отправилъ людей въ двухъ партіяхъ на поиски за нимъ.

25 марта Токта-Ахунъ и Ходай-Куллу отправились въ главный лагерь. Удивительно, что на одномъ мѣстѣ мы отстояли другъ отъ друга всего на 3 километра, а всетаки развѣдчику понадобилось 5 дней, чтобы найти ихъ. Но дѣло въ томъ, что наши лагеря раздѣлялись громадными вновь образовавшимися рукавами, которые отъ Кара-кошуна тянулись на сѣверъ; чтобы пройти изъ одного лагеря въ другой, нужно было обойти озеро съ сѣвера, или переправляться вплавь. На другой же день и мы отправились, идя по слѣдамъ спасшихъ насъ всадниковъ. Какъ быстро вода идетъ на сѣверъ, видно изъ того, что часть этихъ слѣдовъ уже была покрыта водой.

Этотъ странный сѣверный придатокъ Кара-кошуна отчасти можетъ зависѣть отъ гидрографіи всего бассейна Тарима. Въ предыдущее лѣто всѣ рѣки Восточнаго Туркестана отличались необычайнымъ обиліемъ воды, обстоятельство, которое, вѣроятно, находится въ связи съ большими снѣжными осадками въ горахъ. Эти осадки можно объяснить распредѣленіемъ атмосфернаго давленія и интенсивностью вѣтровъ и главнымъ образомъ монуна. Когда притокъ больше, тогда и крайнія озера системы Тарима разливаются больше обыкновеннаго.

У нѣсколькихъ одинокихъ тамарисковъ и сухихъ тополей мы остановились на ночевку на мѣстѣ, гдѣ слѣды отъ каравана Файзуллаха были особенно отчетливы. Дорога была крайне плохая и на слѣдующій день почва тоже не улучшилась: глиняные валы и борозды между ними тянулись на С.-В., какъ разъ поперекъ нашего пути. Рукава новаго озера направлены въ ту-же сторону, и, только оставивъ послѣдніе за нами, мы могли повернуть на З. и на Ю.-З. Въ этой сѣверной части мы наткнулись на довольно частый мертвый лѣсъ, состоящій изъ сухихъ тополей и тамарисковъ. Вѣроятно мы въ этомъ мѣстѣ коснулись южнаго берега прежняго озера Лобъ-нора.

На Ю.-З. мы шли съ большимъ удобствомъ по бороздамъ,

направляясь по слѣдамъ Файзуллаха; что это были его слѣды, въ этомъ мы скоро убѣдились найдя трупъ гнѣдой лошади, на которой ѣздили Шагдуровъ. Лучшія и мягкія части мяса были вырѣзаны; вѣроятно ихъ запасы совершенно истощились.

На берегу мы заночевали. Съ интересомъ я наблюдать, какъ вода протекала на С.-В., т. е. какъ озеро постоянно расширялось въ этомъ направленіи. Мы вѣроятно находились противъ сѣвернаго углубленія, найденнаго нами нивелировкой; того незначительнаго возвышенія, которое мы нашли между сѣвернымъ и южнымъ бассейнами пустыни, въ этомъ мѣстѣ не оказалось. Еще одно интересное наблюденіе мы сдѣлали надъ лужей, которая образовалась послѣ того, какъ Черновъ семь дней тому назадъ сдѣлалъ съемку этого мѣста. Эта лужа не сообщалась съ озеромъ и получала воду изъ земли. Ея поверхность (ок. 50.000 кв. м.) была похожа на кипящій котелъ: подымавшаяся вода извлекала изъ почвы воздухъ въ видѣ пузырей. Вода была слабо соленая. За тотъ небольшой промежутокъ времени, что мы остановились около берега, мы могли видѣть, какъ вода разливалась во всѣ стороны, заполняя собой все новыя углубленія почвы. Новое посѣщеніе этихъ мѣстъ разрѣшить вопросъ, какъ быстро вода дойдетъ до стараго бассейна Лобъ-нора.

29 марта мы дошли до главнаго лагеря Токта-Ахуна, гдѣ они съ Ходай-Куллу ожидали насъ въ своей хижинѣ. Здѣсь мы занялись измѣреніемъ количества воды, протекающаго на сѣверъ въ старое ложе Лобъ-нора. Эта работа оказалась далеко не легкой въ этомъ заросшемъ камышемъ лабиринтѣ. Возвращаясь отъ мѣста нашей встрѣчи сюда, Ходай-Куллу и Токта-Ахунъ перешли черезъ 8 значительныхъ потоковъ; мнѣ удалось измѣрить только шесть и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ протекало 32 куб. метра въ секунду. Это число вѣроятно слишкомъ мало, такъ какъ много воды протекало по густымъ камышамъ. Во всякомъ случаѣ мы нашли, что громадное количество воды проникаетъ на сѣверъ; три милліона куб. метровъ воды въ сутки въ состояніи образовать довольно значительное озеро при такомъ профилѣ. Кажется страннымъ, что вода успѣла протечь на С.-В. всего только на нѣсколько дневныхъ переходовъ, но надо принять во вниманіе, въ какомъ

громадномъ количествѣ сухая почва впитываетъ въ себя воду, раньше чѣмъ промокнуть и уплотниться.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, или со временъ Пржевальскаго, Кара-кошунъ показывалъ явную наклонность къ высыханію. Съ каждымъ годомъ болота заростають и уменьшаются. Я вполне увѣренъ, что мы черезъ нѣсколько лѣтъ найдемъ озеро на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно находилось по китайскимъ даннымъ и по остроумному теоретическому доказательству Рихтгофена. Въ почти совершенно горизонтальной мѣстности это и не удивительно. Кара-кошунъ постепенно мелѣетъ, благодаря осажденію ила, песка и растительныхъ остатковъ одновременно съ тѣмъ, какъ сѣверная сухая поверхность пустыни постепенно вытачивается вѣтрами все глубже и глубже. Къ измѣненію разности этихъ высотъ, которое есть послѣдствіе чисто механическихъ и атмосферныхъ силъ, озеро, образующее собою конечный резервуаръ системы Тарима, относится весьма чутко. Кончается тѣмъ, что вода, такъ сказать, переливается черезъ край и течетъ въ болѣе низкія мѣста. Растительность, животныя и рабочее населеніе съ ихъ хижинами передвигаются съ водой, а старое озеро высыхаетъ. Въ будущемъ повторится то-же самое въ обратную сторону и тогда можно будетъ опредѣлить величину періода. Теперь уже намъ достовѣрно извѣстно, что въ 625 г. по Р. Хр., въ послѣдній годъ царствованія Юанъ Ти, Лобъ-норъ находился въ сѣверной части пустыни.

2-го апрѣля на пути на Ю.-З. насъ встрѣтили Ніасъ Баки Бекъ, Нуметъ-Бекъ и нашъ старый Моллахъ и сообщили, что Файзуллахъ съ караваномъ благополучно прибылъ въ Абдалъ.

Въ челнокахъ мы переправились черезъ Акъ-куль и вверхъ по Тариму и ночью, наконецъ, прибыли въ Абдалъ.

На слѣдующій день мы измѣрили количество воды: протекало 156.2 куб. м. въ секунду, больше чѣмъ гдѣ либо въ Таримѣ, что отчасти зависѣло отъ необычайно суровой и богатой снѣгомъ зимы. Штормъ заставилъ насъ переждать въ Абдалѣ дольше, чѣмъ мы желали, и, наконецъ, послѣ трехъ скучныхъ въ бурную погоду переходовъ, мы прибыли въ Чархалыкъ вечеромъ 8-го апрѣля.

XXXI.

Приготовленія въ Чархалыкѣ. — Судьба Исламъ-бая.

Теперь наступило весьма пріятное и вполне заслуженное время отдыха. Обстановка была самая удобная и мирная. Но только первые дни я дѣйствительно отдыхалъ въ построенномъ Исламъ-баемъ крестѣ, посвящая время почтѣ, которую джигить Якубъ только что привезъ изъ Кашгара. По вечерамъ я проявлялъ пластинки, при чемъ Сыркинъ мнѣ помогалъ; онъ же завѣдывалъ метеорологической обсерваторіей.

12-го апрѣля я поручилъ Шагдурову отправиться въ Кара-шаръ, чтобы закупить полное монгольское снаряженіе для осуществленія плана проникнуть въ Лхассу переодѣтыми. Онъ одинъ былъ посвященъ въ мои планы. Чтобы не быть ему одному во время путешествія, на которое потребовалось около одного мѣсяца, я отправилъ съ нимъ и Чердонова. Лошади ихъ были свѣжи, дорога въ Курлю и Кара-шаръ имъ была знакома, такъ что я могъ быть совершенно спокоенъ за удачное исполненіе порученія.

Исламъ-бай прикупилъ новыхъ верблюдовъ, такъ что къ выступленію у насъ было 39 штукъ, изъ которыхъ, однако, три были молодые; изъ нихъ одинъ даже родился только 6-го мая. Всѣхъ кормили отлично, чтобы они запаслись новыми силами къ предстоящему путешествію. Провизіи было закуплено на 10 мѣсяцевъ впередъ. Наняли также 70 ословъ на 2 мѣсяца для перевозки груза. Мой старый слуга Моллахъ-Шахъ также прибылъ изъ Черчени и его было необходимо взять съ собой, такъ какъ онъ участвовалъ въ путе-

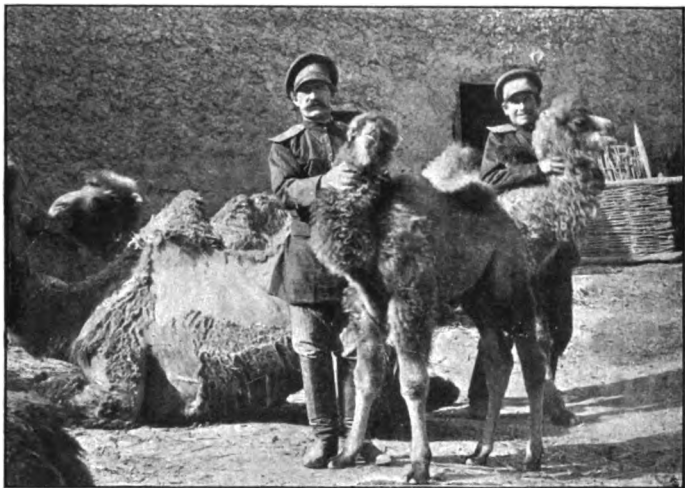
шествиі Литледэля къ Тенгри-Норъ и Ладакъ и поэтому зналъ страну лучше другихъ. Вообще много желающихъ участвовать въ экспедиціи предлагали свои услуги, но мы уже были въ полномъ составѣ.

Время похода приближалось и мы понемногу готовились къ выступленію. Все ненужное, какъ то коллекціи, штуфы, скелеты, растенія, археологическія находки изъ Лоу-лана и другія вещи были выдѣлены и ихъ предполагалось на 8-ми верблюдахъ отправить по адресу генеральнаго консула Петровскаго въ Кашгаръ. Но тутъ явился вопросъ, кому поручить доставку. Вечеромъ, когда я сидѣлъ одинъ въ палаткѣ, ко мнѣ явился Исламъ-бай и просилъ поручить ему отвезти эти вещи. Онъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что чувствовалъ себя слишкомъ старымъ перенести предстоящія лишенія. Я согласился, хотя съ грустью разставался со своимъ вѣрнымъ слугой. Къ тому же я замѣчалъ, что онъ не могъ ужиться съ казаками и очень круто обращался съ мусульманами. Онъ долженъ былъ въ 2 мѣсяца переправиться черезъ Курлю, Кучаръ и Аксу въ Кашгаръ. Невыданное ему жалованье въ размѣрѣ 300 рублей онъ получилъ золотомъ. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія у себя дома въ Оши, онъ долженъ былъ вернуться въ Кашгаръ и ждать распоряженій отъ генеральнаго консула Петровскаго, заключавшихся въ отправленіи почты и денегъ въ Ладакъ. Съ Исламомъ также отправился старикъ Файзуллахъ; онъ усталъ и боялся горнаго воздуха. 5-го мая они отправились, взявъ съ собой громадную почту, а также подробныя донесенія Его Величеству Государю Императору Николаю II и королю Оскару. Кромѣ того я написалъ вице-королю Индіи Лорду Карсону, прося позволенія при возможномъ посѣщеніи Индіи взять съ собой казаковъ.

Та дорога, по которой я хотѣлъ проникнуть въ Тибетское нагорье, ведетъ по узкой лощинѣ Чархалыкъ-су и по ней до тѣхъ поръ не проходилъ ни одинъ европеецъ. Но эта дорога совершенно непроходима для верблюдовъ и даже вьючныя лошади ходятъ по ней съ громадными затрудненіями. Поэтому пришлось организовать походъ инымъ образомъ. Чернову, Чердонову и Турду-баю я поручилъ провести большой, нагруженный тяжелымъ багажемъ караванъ черезъ

Татлыкъ-булакъ и Багъ-токай къ западному берегу Кумъ-куля; самъ я въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправился туда же по болѣе короткой, но гораздо болѣе трудной дорогѣ по лощинѣ.

8-го мая мы были готовы къ выступленію. Чернову было поручено главное начальство надъ караваномъ и даны точныя инструкціи. Турду-баю были подчинены верблюды. Сперва они должны были итти въ Абдалъ, а потомъ по знакомой имъ дорогѣ въ горы. Въ Абдалѣ имъ было приказано ку-

Сыркинъ и Черновъ съ молодыми верблюдами.

пить 50 овецъ и ожидать прибытія изъ Кара-шара Чердонува.

Они также захватили съ собой козулю, весьма красивое животное, преподнесенное мнѣ въ подарокъ амбаномъ Чархалыка Джанъ-Дилой; она такъ приручилась, что бѣгала, какъ собака, за верблюдами.

Послѣ ухода большого каравана у меня остались только трое: Сыркинъ, Ли-Лойе и Моллахъ-шахъ, которому я поручилъ ухаживать за лошадьми. Теперь осталось отправить караванъ ословъ, которые должны были итти черезъ Оврасъ-сай и Кара-чокка и встрѣтить нашъ большой караванъ у Багъ-токай. Старый Довлетъ караванъ-баши выступилъ 13-го ут-

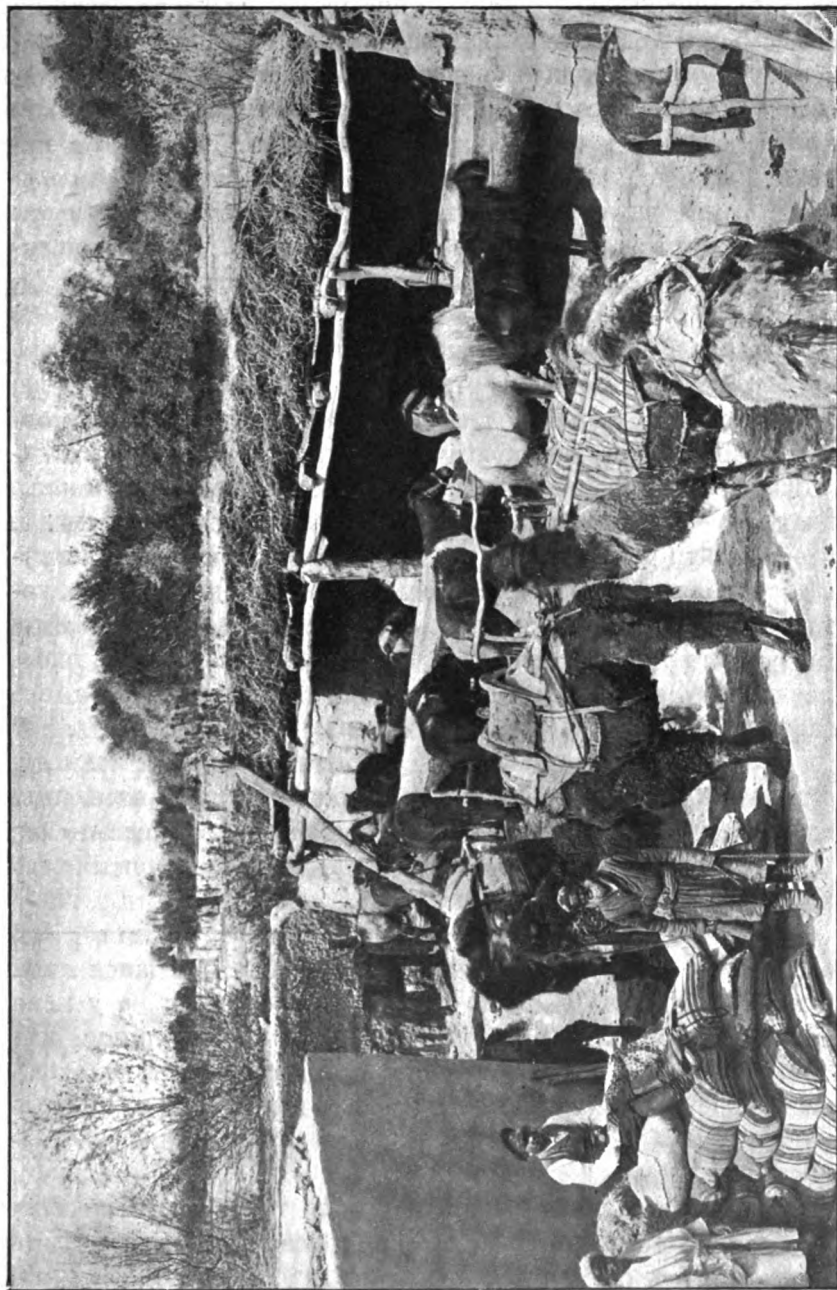
ромъ, нагрузивъ 70 оловъ мансомъ и снабдивъ своихъ подчиненныхъ провіантомъ и шубами.

14-го мая благополучно вернулся Шагдуровъ. Чердоновъ отдѣлился отъ него въ Чегелькь-уѣ. Шагдуровъ, конечно, отлично справился со своей задачей и даже привелъ съ собой настоящаго лама. Шеребъ лама, 27-ми лѣтъ, родомъ изъ Урги, но служилъ въ храмѣ около Кара-шара. Онъ сталъ самымъ интереснымъ лицомъ нашего каравана и я съ его помощью прилежно возобновлялъ свои познанія монгольскаго языка.

Съ Шагдуровымъ пріѣхали два нашихъ прежнихъ спутника: Эрдекъ и Халметъ Аксакаль изъ Курли. Самъ онъ представилъ отчетъ путешествія и вернулъ половину врученныхъ ему денегъ. Эрдекъ же, вполне здоровый, усиленно просился ко мнѣ на службу, будучи согласенъ на какія бы то ни было условія. Онъ сообщилъ, что въ прошломъ году просился въ отставку подъ предлогомъ тяжелой болѣзни только потому, что Исламъ-бай пригрозилъ его убить, если онъ покажется въ Темирлыкъ. Я его нанялъ на прежнихъ условіяхъ.

Лама въ прошломъ году вернулся съ паломничества въ Лхассу, гдѣ въ храмахъ изучалъ святыя книги вмѣстѣ съ другимъ ламой изъ Кара-шара. Въ Цайдамѣ онъ видѣлъ экспедицію Козлова. Онъ сейчасъ же согласился присоединиться къ бурятскимъ казакамъ, чтобы идти въ Лхассу и рассказалъ имъ многое о прелестяхъ этого города; но онъ съ опасеніемъ освѣдомлялся, не ѣдетъ ли въ экспедицію русскій, такъ какъ въ этомъ случаѣ не могъ бы принять участія въ путешествіи, ибо за это онъ заплатилъ бы жизнью. Но Шагдуровъ увѣрилъ его, что русскій не поѣдетъ. Лама между прочимъ сообщилъ, что въ разстояніи 10 переходовъ отъ Лхассы путь охраняется всадниками и пограничной стражей, строго слѣдящими за всѣми караванами и путешественниками. Большой караванъ, слѣдовавшій въ прошломъ году черезъ нашъ лагерь въ Темирлыкъ, былъ задержанъ въ теченіи 10 дней только потому, что узнали, что нашъ караванъ находился на границѣ страны Цайдамскихъ монголовъ.

Затѣмъ я принялся за Халметъ Аксакала: у него я занялъ

Наша конюшня въ Чархалыкѣ.

10 ямбъ (около 900 рублей по тогдашней цѣнѣ серебра) по векселю на имя генеральнаго консула Петровскаго. Одновременно Халметъ подалъ мнѣ жалобу на Исламъ-бая: послѣдній будто взялъ у него въ Курлѣ въ долгъ 27 сэръ и при напоминаніи грубо отказался. Самъ Халметъ даже намекнулъ на то, что Исламъ-бай вѣроятно тоже обокралъ и меня. Я сперва не повѣрилъ, но потомъ рѣшилъ произвести маленькое слѣдствіе и тутъ открылся цѣлый рядъ мошенническихъ продѣлокъ. Шагдуровъ видѣлъ, какъ онъ въ Темирлыкѣ купилъ у золотопромышленниковъ золота на 165 сэръ, но не вмѣшался, потому что былъ увѣренъ, что это онъ дѣлалъ по моему приказанію. Сыркина и Эрдека онъ надулъ на 16 и 10 сэръ, но они стѣснялись пожаловаться. Шагдурова, котораго онъ встрѣтилъ вблизи Тыккенлыка, онъ хотѣлъ сбить съ пути, сообщая, что я перемѣнилъ планъ и что они должны идти черезъ Абдалъ и Чименъ, чтобы найти меня: этимъ онъ хотѣлъ помѣшать моей встрѣчѣ съ Халметомъ, который собирался открыть мнѣ нѣкоторыя его мошенничества при бывшихъ закупкахъ провіанта. Но буряты привыкли повиноваться только личнымъ или письменнымъ приказаніямъ и потому не придали значенія его словамъ.

Основываясь на этомъ предварительномъ слѣдствіи, я отправилъ Аксакала обратно въ Курлю съ письмомъ на имя генеральнаго консула съ просьбою арестовать Исламъ-бая, такъ какъ онъ былъ русскій подданный, по прибытіи его въ Кашгаръ.

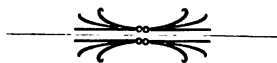
Въ Кумъ-кулѣ я опросилъ всѣхъ моихъ слугъ. Всѣ они были обмануты; одинъ Черновъ не поддавался ему. Всего, оказалось, было у нихъ отобрано 12 ямбъ, а у меня онъ укралъ 9 ямбъ. Прямой кражи онъ не совершилъ, для этого онъ былъ слишкомъ уменъ, но при покупкахъ онъ всегда обчитывалъ туземцевъ въ свою пользу. Никто никогда не жаловался на него, такъ какъ его всѣ слишкомъ боялись.

Но какъ это могло случиться?! Въ теченіе путешествія по Азін въ 1893—97 г.г. онъ былъ образцово честенъ. И это можно вполне объяснить. Тогда онъ игралъ первую роль въ караванѣ, былъ моимъ довѣреннымъ во всѣхъ отношеніяхъ и

это удовлетворяло его честолюбіе. Но въ этомъ путешествіи я замѣтно покровительствовалъ болѣе интеллигентнымъ, образованнымъ казакамъ и это его обидѣло; онъ рѣшился уступить, но не безъ возмездія. Еще другіе проступки, которые теперь обнаружались, окончательно охладили мои чувства къ нему. Въ Янги-кулѣ онъ взялъ себѣ три „жены“, изъ которыхъ одна, дочь Мираба, обошлась ему въ 100 сѣрѣ, несмотря на то, что онъ въ то время въ счетъ жалованья получилъ всего только 30. Во время 12-дневнаго пребыванія въ Черчени онъ во время моего отсутствія въ Андере успѣлъ „жениться“ и тоже самое онъ сдѣлалъ теперь въ Чархалыкѣ. По мѣрѣ измѣненія мѣста пребыванія, онъ разставался съ ними, и когда онъ теперь уѣхалъ въ Кашгаръ, онъ отказался отъ всѣхъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что у него, несмотря на всѣ его легкомысленные проступки, въ Оши находились законная жена и 5 человѣкъ дѣтей.

Его судьба сложилась окончательно въ слѣдующемъ видѣ: въ Кашгарѣ его арестовали и обыскали. Денегъ не много нашли у него, но ему запретили выѣздъ изъ Кашгара. Въ маѣ 1902 г. я его тамъ видѣлъ и онъ со слезами на глазахъ просилъ заступиться за него. Я ему совѣтовалъ признаться во всѣмъ. Но при слѣдствіи онъ, несмотря на всѣ улики, отрицалъ всѣ обвиненія; его приговорили къ трехмѣсячному заключенію, но по моей просьбѣ понизили кару на двухнедѣльное тюремное заключеніе.

Изъ этого мораль: на азіатовъ въполнѣ нельзя полагаться они образцовые рабочіе, но награждать ихъ большимъ довѣріемъ никогда не слѣдуетъ.

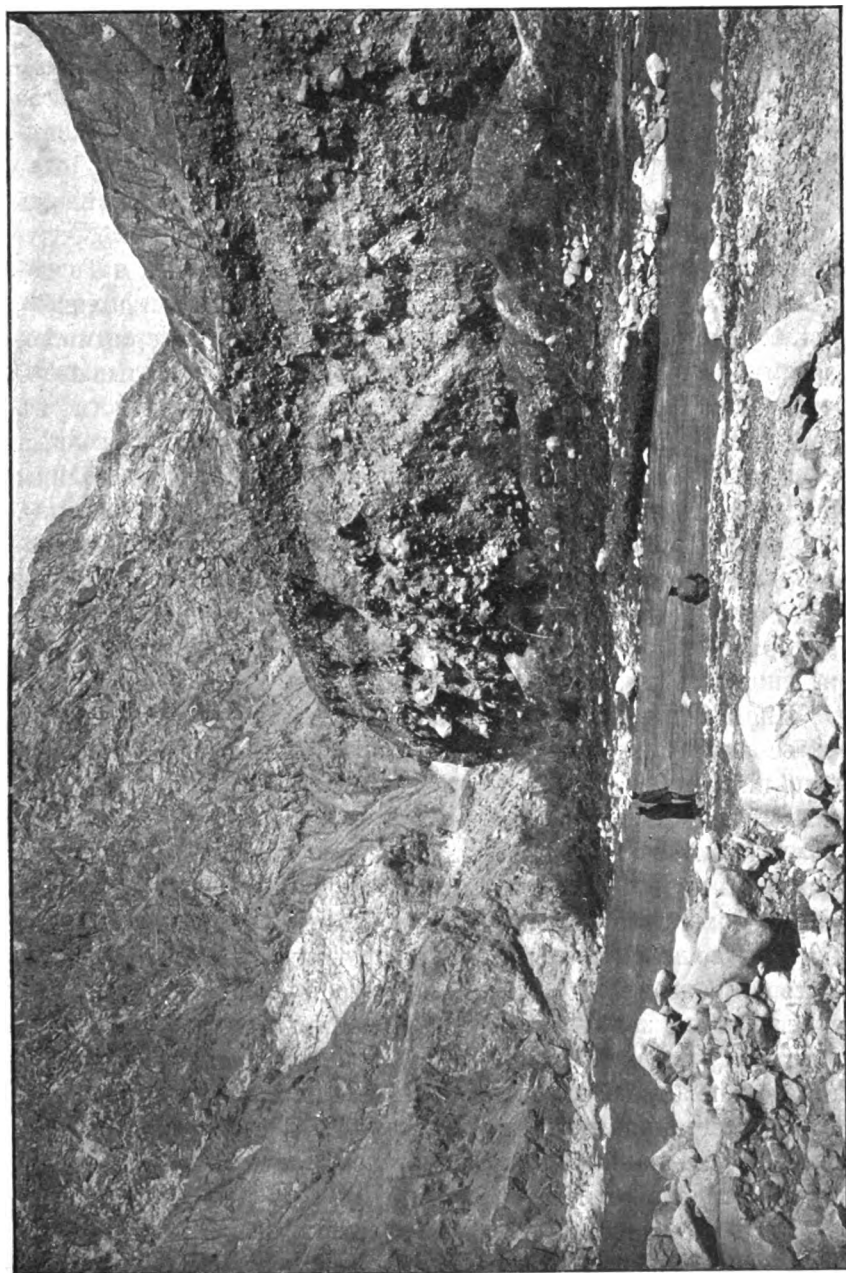
XXXII.

Черезъ горы сѣверной окраины къ Кумъ-кулю.

17-го мая, наконецъ, я сѣлъ въ сѣдло, чтобы отправиться въ странствованіа по пустынному и обширному центру Азіи. Съ большими ожиданіями и со свѣжими силами мы начали это послѣднее знаменательное путешествіе, которое должно было познакомить меня съ наиболѣе недоступными мѣстами материка. Я возлагалъ большія надежды на этотъ послѣдній походъ, но зналъ также, что онъ представляетъ самую тяжелую часть моего путешествія.

Непріятный сюрпризъ предстоялъ еще до выступленія. Вечеромъ 16-го мая прибылъ караванъ въ составѣ 10 монгольскихъ паломниковъ изъ Тарбагатая. Шагдуровъ и Лама встрѣтили ихъ въ Кара-шарѣ и знали, что они на пути въ Лхассу. Конечно, монголы, изъ которыхъ нѣкоторые говорили по турецки, узнали, что по близости расположенъ большой караванъ, и мы не могли выступить не замѣченными. У Сыркина они спросили, куда караванъ направляется, на что тотъ отвѣтилъ, что путь держимъ въ Ладакъ и Кашгаръ. Шагдуровъ и Лама сдѣлали большой обходъ на западъ. Мы же съ Халметъ Аксакаломъ и Тогдасынъ-бекомъ пошли по рѣчной долинѣ. Вся эта манипуляція была продѣлана съ той цѣлью, чтобы монголы при прибытіи въ Лхассу могли представить возможно меньше свѣдѣній о насъ.

Караванъ, съ которымъ я теперь перешелъ черезъ сѣверныя цѣпи Кюэнъ-луня, состоялъ изъ слѣдующихъ участниковъ: Шагдунова, Сыркина, Моллахъ-Шаха, Ли-Люйе, Ламы и

Видъ на Чархалыкъ-су.

проводника, 12 лошадей и собаки Елдашъ. На Ю.-В. была видна долина Чархалыкъ-су, а на Ю. Курукъ-сай и Корум-лукъ-сай, куда мы и направились. Комары въ началѣ насъ преслѣдовали, но скоро исчезли, когда мы вошли въ болѣе пустынные мѣста. Слѣва показались нѣсколько всадниковъ-монголовъ, слѣдившихъ за нами издалека.

Первая стоянка, Ингделыкъ-токай расположена на лѣвомъ берегу Чархалыкъ-су, шумно протекающей въ балкѣ, глубиной въ 40 метровъ. Отсюда вернулись Аксакалъ и Тогдасынъ-бекъ. Дальнѣйшій путь шелъ по „каменистой долинѣ“, стѣны которой состоятъ изъ кирпичнаго цвѣта съ черными полосами гранита и твердыхъ темныхъ сланцевъ. Голыя изсѣченныя скалы часто закрываютъ кругозоръ, но иногда въ боковой долинѣ открывается великолѣпный видъ на горныя и снѣжныя вершины, полный дикаго величія. Дно долины покрыто щебнемъ и глыбами гранита различной величины, что очень затрудняло путь. У Тогракъ-булака стояли нѣсколько одинокихъ тополей съ чудной зеленью. Тамариски и шиповники растутъ обильно. Мы съ наслажденіемъ полной грудью вдыхали чистый, горный воздухъ послѣ зимы, проведенной въ пыльной пустынѣ.

Иногда долина суживалась, такъ что приходилось пробираться по выступамъ и тѣснинамъ. Отсюда открывается чудный видъ на главную долину Чархалыкъ-су. У тополя мы устроили дневку, чтобы подождать караванъ, состоящій изъ 10 муловъ, которыхъ я нанялъ для доставки кукурузы лошадямъ. Въ теченіе дневки они благополучно прибыли и теперь насъ ожидалъ короткій, но тяжелый переходъ: 16 разъ намъ предстояло перейти черезъ бурную рѣчку, проносящую 9 куб. метровъ воды въ секунду. Благодаря осторожности, съ которой изслѣдовали каждый бродъ, мы прошли рѣчку всѣ 16 разъ благополучно и только одного мула, избравшаго себѣ самостоятельно бродъ, понесло по теченію, при чемъ пропалъ его грузъ, состоявшій изъ муки и хлѣба. Къ сожалѣнію былъ туманъ, мѣшавшій наслаждаться окрестностями. Ночевка была устроена въ Мечеть-сай.

На четвертомъ переходѣ мы оставили Чархалыкъ-су и пошли по боковой долинѣ: она уже и круче предыдущей и втаскивать по такой кручѣ навьюченныхъ лошадей было

довольно затруднительно. Со скалистой вершины за нами наблюдали 3 архари, но держались внѣ выстрѣла. Наконецъ мы достигли чрезвычайно узкаго, остраго и трудно доступнаго порога „Яманъ-даванъ“; по обѣимъ сторонамъ этой сѣдловины громоздятся дикія скалы. Воздухъ былъ прозрачный и видъ великолѣпный; температура только $+2,8^{\circ}$. Къ востоку склонъ былъ гораздо положе.

Съ безымяннаго мѣста ночевки мы пошли дальше на востокъ вверхъ по новой крутой долинѣ, на одномъ мѣстѣ загроможденной глыбами гранита. Но съ этого пункта долина расширилась и дорога стала удобной. На ночевкѣ Телкелькъ, термометръ показалъ $5,4^{\circ}$ выше нуля; днемъ шелъ снѣгъ и дождь, а ночью температура пала до 6° ниже нуля. Такимъ образомъ мы опять шли навстрѣчу зимѣ среди лѣта.

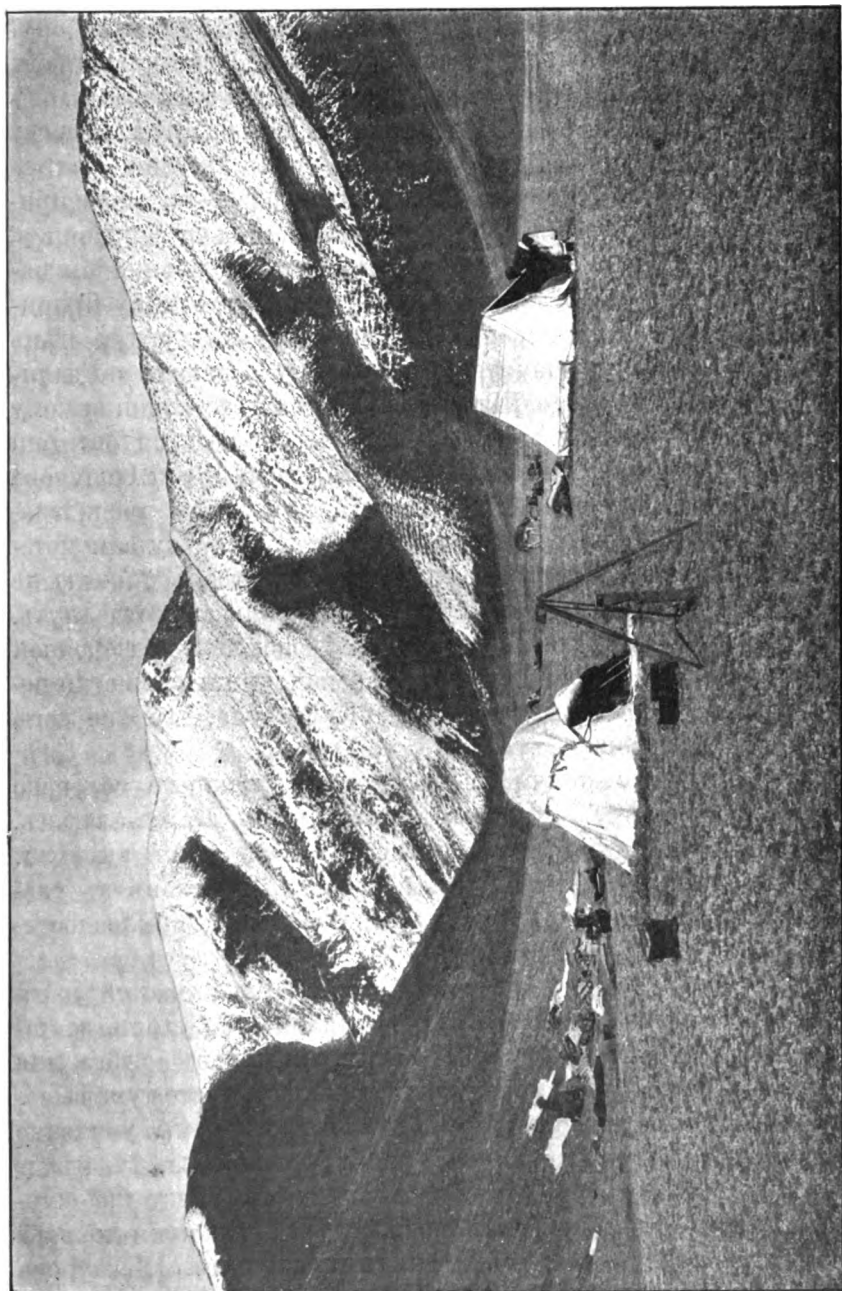
Послѣ длиннаго и тяжелаго перехода 23 мая мы вышли на болѣе открытыя и платообразныя равнины, покрытыя прошлогодней пожелтѣвшей травой. Здѣсь мы встрѣтили первыхъ кулановъ. Темныя тучи привѣтствовали насъ здѣсь и отъ времени до времени изливали на насъ свое содержимое въ видѣ снѣга и дождя. Вечеромъ мы опять увидали Чархалыкъ-су, менѣе значительный, но съ водою молочнаго цвѣта.

Въ нашемъ караванѣ самая интересная личность безусловно былъ Шеребъ-лама въ своемъ красномъ халатѣ, желтомъ кушакѣ и синей шапкѣ. Онъ вскорѣ близко познакомился со мной и съ Шагдуровымъ, другихъ онъ мало зналъ, потому что говорилъ всего нѣсколько словъ по турецки. Каждый вечеръ я бралъ у него уроки монгольскаго языка и рѣдко я имѣлъ такого интереснаго учителя; онъ старался обучить меня, чтобы быть въ состояніи поговорить со мной о вопросахъ, интересующихъ его. На дневкѣ у Гашеклыкъ шелъ снѣгъ и градъ, мѣшавшіе занятіямъ на вольномъ воздухѣ и потому я рѣшилъ посвятить его въ свои планы. Когда онъ узналъ, что мы съ Шагдуровымъ хотѣли пробраться въ Лхассу, переодѣтыми монголами, подъ его руководствомъ, онъ страшно испугался и объявилъ, что это невозможно. Онъ не боялся ни Далай-Ламы, ни монгольскихъ паломниковъ, ни китайцевъ въ городѣ, но боялся тибетцевъ, охраняющихъ дорогу. Меня и Шагдунова никто не тронетъ, но онъ въ качествѣ Ламы поплатится

жизнью. Онъ предлагалъ различные планы, но я настоялъ на своемъ и послѣ дня, проведеннаго въ такихъ разговорахъ, онъ былъ чрезвычайно взволнованъ. Я ему обѣщалъ, что если онъ захочетъ, онъ можетъ вернуться домой съ Кумъ-куля, но во всякомъ случаѣ намъ нуженъ былъ переводчикъ въ Тибетъ, это я ему объяснилъ и онъ вполне понялъ мои доводы. Когда я объявилъ, что онъ можетъ остаться съ караваномъ, я же съ бурятами отправлюсь въ Лхассу, то онъ отказался отъ этого, не желая показаться трусомъ. Шагдурову онъ не могъ простить, что тотъ не сразу въ Кара-шарѣ открылъ ему планъ цѣликомъ. Я ему сказалъ, что это онъ сдѣлалъ по моему приказанію. Каждый вечеръ я теперь съ Ламой разговаривалъ о своихъ планахъ и было условлено, что онъ пойдетъ съ нами до Кумъ-куля, гдѣ объявить окончательное рѣшеніе.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы перешли черезъ нѣсколько рѣчекъ, впадающихъ въ Чархалыкъ-су. Въ открытой котловинѣ Ункурлукъ мы увидѣли стадо овецъ и вечеромъ, когда мы встали и немного прояснилось, мы увидѣли двѣ палатки и десятокъ людей, у которыхъ купили топливо, молоко и дюжину овецъ, которыхъ хотѣли взять съ собой. Эти 18 пастуховъ ведутъ осѣдлую жизнь и пасутъ лошадей и овецъ изъ Черчена, зимуютъ здѣсь же въ землянкахъ, отчасти крытыхъ войлокомъ. Окрестности изобилуютъ дичью: архари, дикіе туры, яки, медвѣди и волки.

27-го мая мы вышли изъ „долины землянокъ“, имѣя съ собой проводниками 3-хъ пастуховъ, взятыхъ взаменъ проводниковъ изъ Чархалыка, и очутились въ настоящей горной странѣ (3797 м.), что сейчасъ же отразилось и на дыханіи; въ теченіе слѣдующаго дня мы перешли черезъ 4 легкихъ, незначительныхъ перевала, покрытыхъ снѣгомъ, въ долину Каръ-ягди. Путь былъ удобный, посрединѣ долины протекала рѣчка, питаемая вновь выпавшимъ снѣгомъ. Здѣсь мы также перешли черезъ довольно легкій перевалъ, но выдающийся по своему значенію: онъ представлялъ водораздѣлъ между Восточнымъ Туркестаномъ и долиной Чимена. Высота его (4079 м.) и снѣгъ покрывалъ его довольно глубокимъ слоемъ. Затѣмъ мы направились внизъ по ближайшей долинѣ на Ю.-В., гдѣ открывается великолѣпная панорама

Нашъ лагерь у Ункурлука.

на покрытую снѣгомъ цѣпь Піаслыкъ и окончательно спустились внизъ въ широкую долину Чимена. Всѣ горы имѣютъ болѣе зимній ландшафтъ, чѣмъ въ октябрѣ прошлаго года: онѣ покрыты сплошнымъ снѣгомъ. Мы поставили палатки на берегу рѣки, ниже соединяющейся съ Тогри-сай; пастбище здѣсь было неважное. Ночью заболѣлъ Шагдуровъ, такъ что пришлось устроить дневку, но 30-го онъ настолько поправился, что самъ настоялъ на томъ, чтобы мы шли дальше. Мы направились на Ю.-В. черезъ довольно широкую рѣку Тогри-сай и потомъ по поперечной долинѣ черезъ горную цѣпь Піаслыкъ. Пройдя значительное разстояніе вверхъ по долинѣ, мы замѣтили, что Шагдуровъ и Лама отстали и потому я послалъ Ли-Лойе отыскать ихъ. Нѣсколько спустя они вернулись втроемъ, оказалось, что состояніе Шагдунова ухудшилось. Его напоили спиртомъ изъ банки, предназначенной для зоологическихъ препаратовъ, и укутали теплѣе чтобы онъ вспотѣлъ. Спиртныхъ напитковъ никогда не было у насъ въ караванѣ. Чтобы дать больному отдохнуть, мы и здѣсь устроили дневку, и послѣ спокойно проведенной ночи онъ настолько поправился, что могъ съ нѣсколькими передышками совершить переходъ до Кумъ-куля, гдѣ уже могъ отдохнуть вдоволь.

1-го іюня мы дошли до берега этого большого соленого озера. Къ востоку отъ него тянется цѣпь Калта-алаганъ. Куланы и сайги встрѣчаются массами. Всѣ балки высохли, и воду мы нашли только послѣ долгихъ поисковъ въ указанномъ однимъ изъ пастуховъ мѣстѣ. Топлива было достаточно, но пастбище неважное.

2-го и 3-го іюня мы ожидали остальныхъ частей каравана. Здѣсь мы отпустили проводниковъ-пастуховъ, заставивъ ихъ заранѣе набрать нѣсколько мѣшковъ снѣга для прѣсной воды. Состояніе погоды мѣнялось, часто туманъ заволакивалъ окрестности, но когда было ясно, мы усиленно высматривали ожидаемыхъ. Сыркина я отправилъ къ мѣсту прошлогодняго лагеря на сѣверо-западномъ берегу для оставленія тамъ указанія, куда наши въ случаѣ прибытія должны отправиться. Дорогой онъ сдѣлалъ кроки пути. Шагдунова лѣчили массажемъ и холодными компрессами и онъ постепенно поправлялся.

Наконецъ, 4-го при прекрасной погодѣ Лама въ бинокль увидѣлъ большой караванъ и скоро мы убѣдились, что это наши. Но они насъ не видѣли и на значительномъ разстояніи отъ насъ расположились лагеремъ; поэтому я отправилъ къ нимъ Моллахъ-Шаха. Въ бинокль мы слѣдили за его движеніемъ, видѣли, какъ ему на встрѣчу выѣхалъ всадникъ и какъ они вдвоемъ направились къ лагерю. Тамъ сейчасъ же было замѣтно сильное оживленіе и вскорѣ верблюды были снова навьючены, и караванъ опять тронулся; впередъ выѣхалъ всадникъ на полныхъ рысяхъ, взявъ направление на насъ. Это былъ Кучукъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ высланъ впередъ Черновымъ, чтобы узнать гдѣ мы находимся. На сѣверо-западномъ берегу онъ нашелъ указанія Сыркина и сейчасъ же сообразилъ, гдѣ мы должны были находиться.

Затѣмъ приблизился караванъ, и казаки примчались и отапортовали по—военному, что все обстоитъ благополучно; только 1 мула они по негодности дорогой оставили въ Багтокаѣ. Затѣмъ пришелъ Довлетъ караванъ-баши съ караваномъ ословъ. За нимъ слѣдовалъ Турду-бай во главѣ своихъ превосходныхъ и жирныхъ верблюдовъ. Для всѣхъ ихъ имѣлись „чапаны“, бѣлыя, войлочные одѣяла, чтобы защитить ихъ отъ сильныхъ колебаній температуры. Особенно смѣшны въ этихъ бѣлыхъ костюмахъ были молодые верблюды, бѣгущіе, какъ собаки, за старыми. Козуля тоже слѣдовала за верблюдами, но ея порокъ состоялъ въ томъ, что она истребляла слишкомъ много кукурузы—она презирала желтую травку. Послѣдними прибыли навьюченные лошади съ ихъ погонщиками. Каждое отдѣленіе прошло мимо главной квартиры, гдѣ я стоялъ съ казаками, и всѣ вѣжливо здоровались. Къ югу отъ главной квартиры они расположили багажъ и палатки. Вьюки были поставлены оградой для овецъ, которыхъ у насъ было изрядное количество и которыя всегда шли съ бараномъ Ванькой впереди; съ осени 1899 г. онъ постоянно ходилъ съ нами и это было единственное животное, которое годъ спустя вернулось съ нами въ Кашгаръ.

День отдыха у Кумъ-куля прошелъ при самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ по приведенію каравана въ оконча-

тельный порядокъ, при чемъ самыя нужныя вещи были уложены такъ, чтобы легко было ихъ достать. Нѣсколько негодныхъ ословъ были отправлены съ погонщиками назадъ, такъ какъ, во-первыхъ, они были негодны, а во-вторыхъ и грузъ, который они несли, уже былъ съѣденъ верблюдами.

Здѣсь же рѣшился вопросъ о Ламѣ и объ его участіи въ предстоящемъ походѣ. Съ Ли-Лойе они составили маленькую интригу: первый сообщилъ, что получилъ извѣстіе о смерти своего отца въ Керіи и поэтому просилъ увольненія. Но ему отказали, потому что выдали жалованья впередъ за $\frac{1}{2}$ года; впрочемъ онъ уже нѣсколько разъ рассказывалъ намъ и раньше объ этомъ скорбномъ происшествіи. Лама было рѣшился присоединиться къ Ли-Лойе, чтобы послѣ примкнуть къ монгольскому каравану въ Чименѣ или Цайдамѣ. Но когда онъ увидѣлъ, что Ли-Лойе не пустили, то и самъ остался.

Наконецъ, собрали всѣхъ мусульманъ и торжественно произвели Турду-бая въ „тугачи-баши“, т. е. въ главные начальники надъ верблюдами. Гамра-Куль изъ Чархалыка былъ произведенъ въ „ать-баши“, т. е. въ старшіе конюхи. Моллахъ-Шахъ же остался безъ производства вслѣдствіе недомотра за лошадьми у Кумъ-куля, гдѣ онъ ушли отъ него, такъ что онъ даже и не замѣтилъ.

XXXIII.

Составъ каравана. Переходъ къ Арка-тагу.

Итакъ, насталь день, когда впервые въ продолженіе всего этого путешествія караванъ цѣликомъ былъ собранъ на одномъ мѣстѣ: вся главная квартира выступила въ походъ. Снятіе лагеря и навьючиванье животныхъ совершалось довольно быстро, такъ какъ каждый имѣлъ свое опредѣленное дѣло и по мѣрѣ навьючиванья верблюды отправлялись отдѣленіями, коихъ всего было пять; во главѣ перваго отдѣленія шелъ Турду-бай. Между верблюдами были многіе достойные вниманія, принадлежавшіе составу прежнихъ моихъ экспедицій; даже молодые верблюды, изъ которыхъ младшему было 33 дня, съ легкостью совершали переходы въ 38 км.

Лошади и мулы, числомъ 45, шли группами подъ приглядомъ пѣшихъ погонщиковъ, слѣдившихъ за равномернымъ распредѣленіемъ груза. Овцы шли за Ванькой и только изрѣдка требовали надзора. Наши восемь собакъ шныряли по сторонамъ въ игривомъ настроеніи. Но козуля на этомъ первомъ переходѣ тяжело заболѣла и мы ее должны были зарѣзать. Скелетъ ея поступилъ въ коллекцію.

Послѣдними вышли ослы и скоро отстали до того, что мы потеряли ихъ изъ вида; ихъ было всего около 60 и только нѣсколько штукъ пережили все путешествіе.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ длинный караванъ животныхъ, навьюченныхъ сундуками, палатками, юртами и мѣшками, представлялъ грандіозное зрѣлище въ пустынной странѣ. Различныя наряды и типы разнообразили эту картину: ка-

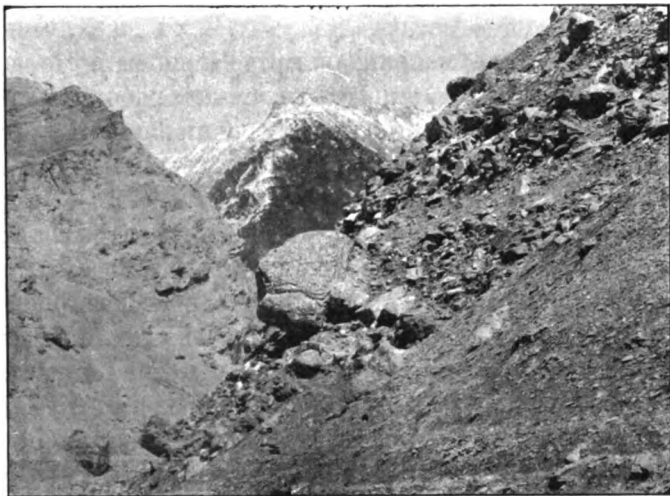
заки въ своихъ поношенныхъ мундирахъ и съ шубами за сѣдломъ, мусульмане въ чапанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, погонщики ословъ, похожіе на оборванцевъ и босяковъ, Лама въ своемъ красномъ костюмѣ. Вся эта группа имѣла видъ войска, отправляющагося завоевывать новыя страны и, въ самомъ дѣлѣ, цѣлью было завоеваніе, но мирное: присоединеніе новой, незнакомой части земли къ числу извѣстныхъ. Караванъ имѣлъ видъ, внушающій довѣріе въ смыслъ выносливости, но если бросить взглядъ на страну, черезъ которую онъ подвигался, то можно было предвидѣть, что переходъ не совершится безъ потерь и, въ самомъ дѣлѣ, караванъ таялъ изо дня въ день и только одна пятая часть прошла эту убійственную страну.

Самъ я ѣхалъ то въ головѣ колонны, то въ хвостѣ, занятый обычными работами. Сперва мы направились къ югу, вдоль берега, но вскорѣ болотистое мѣсто заставило насъ повернуть на юго-востокъ вдоль подножія хребта, оставляя съ лѣвой руки большую лагуну горько-соленой воды. Почва холмовъ состоитъ изъ мягкой, рыхлой породы, утомляющей верблюдовъ. Отсюда мы спустились къ рѣкѣ, протекающей въ глубокомъ оврагѣ съ краснымъ дномъ. Несмотря на быстрое теченіе вода горько-соленая. Черезъ поперечную долину мы пробрались во вторую долину, отсюда въ третью, направляясь все время къ югу. Крутая стѣна этой долины также состоитъ изъ красновато-коричневой породы, образующей самыя фантастическія формы.

Не найдя подходящаго мѣста для ночевки, мы остановились лагеремъ въ чрезвычайно неудобномъ пустынномъ мѣстѣ: ни пастбища, ни топлива, ни воды. Но къ счастью въ 9 часовъ пошелъ снѣгъ и въ выставленныхъ сосудахъ намъ удалось собрать столько, что хватило всѣмъ на нѣсколько глотковъ чая. Животнымъ дали вдоволь кукурузы. Но снѣгъ пересталъ падать и, когда онъ стаялъ, мы попробовали вырыть колодезь; но на 99 см. глубины онъ не далъ ни капли воды и поэтому бросили. Къ утру въ ямѣ накопилось столько воды, что хватило даже собакамъ. Довлеть догнать насъ только съ половиной каравана ословъ и мы поэтому сдѣлали короткій переходъ, чтобы дать остальнымъ присоединиться къ намъ. По указаніямъ Чернова, сдѣлавшаго ре-

когносцировку, мы направились на Ю.-З. по ровной твердой почвѣ, исчерченной по всѣмъ направленіямъ тропами кулановъ. На сѣверѣ все еще видѣлась цѣпь Калта-алаганъ, но озеро скрылось за холмами. Къ тибетской погодѣ мы уже успѣли привыкнуть, гдѣ выпаденія сильнаго града чередуются съ солнечной погодой.

На стойбищахъ соблюдался такой же строгій порядокъ въ караванѣ, какъ и въ пути, и каждый вечеръ лагерь разбивался по одному и тому же плану, мѣнявше-

Видъ по дорогѣ въ Арка-тагѣ.

муся только отчасти въ зависимости отъ условій мѣстности. На одномъ концѣ линіи вьюковъ стоитъ палатка Турду-бая и съ нимъ живутъ Гамра-Куль, Моллахъ-Шахъ и магометанскій священникъ Руси-Моллахъ. Во второй палаткѣ устроена кухня для меня и казаковъ; здѣсь живетъ одинъ Кучукъ, помощникъ Чердонова. Черновъ—кашеваръ казаковъ. Наша кухня отдѣлена отъ кухни мусульманъ, чтобы предупредить недоразумѣнія на почвѣ религіи. Слѣдующее помѣщеніе—большая юрта, занята Сыркинымъ, Шагдуровымъ и Ламой: у каждаго отдѣльная койка и сундукъ для имущества; у туземцевъ же имущество хранится въ мѣшкахъ. Шагдурову послѣ болѣзни запрещено работать, но такъ какъ онъ вскорѣ по-

правился, то запрещеніе, конечно, было отмѣнено. Ламѣ, какъ доктору богословія, я разъ навсегда внушилъ, что черныя работы не соотвѣтствуютъ его положенію и что его задача состояла въ обученіи меня тибетскому языку („тангутъ кэлэ“ по монгольски) и несенія обязанностей переводчика; но это не повліяло и онъ помогалъ при всѣхъ тяжелыхъ работахъ и поэтому пріобрѣлъ извѣстную популярность и подзадоривалъ мусульманъ. Онъ обладалъ большою наблюдательностью и вскорѣ составилъ себѣ списокъ мусульманъ, обоснованный на цѣнѣ ихъ, какъ людей и работниковъ.

Затѣмъ слѣдуетъ маленькая юрта Чернова и Чердонова. Черновъ слѣдитъ за людьми и за тяжелыми работами въ караванѣ. Чердоновъ—мой личный слуга и поваръ. На другомъ крайнемъ концѣ помѣщена моя юрта, охраняемая Ёлдашомъ и Ёлбарсомъ.

Остальные люди довольствуются болѣе примитивными „палатками“, покрывая вьюки войлочными коврами и укрываясь подъ ними. Пищу они готовятъ на огнѣ посрединѣ улицъ палаточного городка. Нѣкоторымъ изъ нихъ надлежитъ ночью сторожить животныхъ, чтобы они не удалялись слишкомъ далеко. За этими сторожами наблюдаетъ Черновъ, предпринимая ночные объѣзды. Овецъ же, защищая ихъ отъ волковъ, всегда на ночь загоняютъ въ закрытое со всѣхъ сторонъ вьюками мѣсто.

Вечеромъ нашъ лагерь съ огнями и группами разговаривающихъ людей представлялъ довольно оживленную картину.

Самъ я вечеромъ занятъ редакціей своихъ наблюденій, нанесеніемъ на карту маршрута и вычисленіемъ пройденнаго разстоянія.

Пока еще изъ каравана ослонъ только 30 штукъ догнали насъ и на слѣдующее утро, 8-го іюня, старикъ Довлетъ вернулся, чтобы отыскать остальныхъ. Мы направились на югъ вверхъ по высохшей рѣчной долинѣ, вырѣзанной въ мягкомъ красномъ глинистомъ пескѣ. По мѣрѣ передвиженія почва ухудшалась и сотни безводныхъ балокъ собирались въ долину, направленную къ сѣверу. Мы спустились въ нее, но здѣсь грунтъ съ каждымъ шагомъ

ухудшался и передвиженіе становилось все болѣе затруднительнымъ. Всѣ, конечно, шли пѣшкомъ, и глинистая почва большими комьями, имѣющими вѣсь свинцовыхъ гирь, пристакала къ сапогамъ; въ одной лужѣ я даже лишился сапога и въ одномъ чулкѣ застрялъ въ глинь выше колѣнъ. Верблюды сильно утомлялись и двухъ совершенно истощенныхъ мы должны были освободить отъ груза. Во что бы то ни стало нужно было выбраться изъ этого ада. Черновъ ушелъ впередъ и вернулся съ извѣстіемъ, что впереди невозможно пройти даже пѣшему. Я приказалъ повернуть назадъ и идти по собственнымъ слѣдамъ, при чемъ всѣ по причинѣ узкаго прохода должны были повернуться на мѣстѣ; наконецъ мы, послѣ безконечнаго ряда неудачъ, выбрались изъ этой подлой мышеловки.

Сыркинъ рекогносцировалъ другую долину, ведущую съ маленькаго перевала на западѣ. Сюда мы и направились. Посрединѣ долины помѣщалась высохшая балка съ отвѣсными стѣнами и черезъ нее намъ приходилось неоднократно переходить, при чемъ при помощи лопатъ вырывали тропинки въ рыхлой, какъ мука, породѣ. На перевалѣ я пропустилъ весь караванъ мимо себя, и наконецъ онъ спустился на болѣе открытое мѣсто по другую сторону. На маленькомъ лугу у ключа мы остановились по четыремъ причинамъ: во первыхъ, пастбище здѣсь хорошее, лучше чѣмъ у Кумъ-куля; во вторыхъ, животныя слишкомъ устали; въ третьихъ, нужно было ожидать караванъ ословъ, который совершенно потеряли изъ вида; ослы оказались ниже всякой критики и въ послѣдніе два дня многіе подошли. Наконецъ, необходимо было выслать впередъ развѣдчиковъ—Моллахъ-Шаха и Ли-Лойе съ порученіемъ не возвращаться раньше, пока не найдутъ проходимую дорогу.

Въ 3 часа у насъ былъ штормъ со снѣгомъ съ запада, въ 9 часовъ съ востока. Сажу и работаю въ шубѣ, рядомъ печка и все это среди лѣта, на 24 градуса широты южнѣе Петербурга, но вѣдь абсолютная высота больше 4000 метровъ. Жаль верблюдовъ, они только что потеряли зимнюю шерсть, и ихъ возможно лучше прикрывали войлочными попонами.

Утромъ шелъ снѣгъ, но къ обѣду прояснилось и удалось

опредѣлить широту. Къ вечеру вернулись развѣдчики съ хорошими извѣстіями. Рѣшено было выступить рано, на слѣдующемъ стойбищѣ ожидать ословъ и въ то же время выслать впередъ развѣдчиковъ. Температура пала до—18° и днемъ поднялась немного выше нуля.

По слѣдамъ развѣдчиковъ мы направились на югъ. Условія мѣстности были довольно благопріятны, но несмотря на это два верблюда отстали. На берегу многоводной рѣки мы остановились на склонѣ, гдѣ зеленѣла свѣжая травка. Рѣка вырыла себѣ ложе съ отвѣсными стѣнами, высотой въ 28,1 метра и, чтобы верблюды не свалились туда, мы ихъ повели въ болѣе безопасную долину. Послѣдняго изъ оставшихъ верблюдовъ привелъ Турду-бай, а къ вечеру появился Довлетъ съ 30 ослами. Три дня были посвящены здѣсь отдыху, въ теченіе которыхъ появились еще шесть ословъ; но такъ какъ объ остальныхъ небыло слышно, то я послалъ Чердонова съ мулами и лошадьми помочь имъ. Онъ явился только на третьи сутки съ полнымъ грузомъ, но только изъ ословъ дошли немногіе, и тѣ въ негодномъ состояніи; въ одинъ день пали 9 штукъ, на другой 13.

Второго отставшаго верблюда мы оставили на попеченіе возвращающимся погонщикамъ ословъ. Казаки занялись охотой, а по вечерамъ Сыркинъ читалъ имъ вслухъ изъ 4-го путешествія Пржевальскаго.

Сыркину и Моллахъ-Шаху была поручена рекогносцировка, и въ этотъ день, 14-го іюня, путь по широкой долиנѣ былъ хорошій. Дикіе гуси были видны въ изобиліи. Одинъ изъ казаковъ подстрѣлилъ нѣсколько штукъ, при чемъ Эрдекъ съ большою ловкостью догналъ раненыхъ по крутому склону; но за это онъ поплатился: у него сдѣлалось такое сильное сердцебіеніе, что онъ долженъ былъ прилечь на спину, чтобы отдышаться. Вообще, много дичи встрѣчалось здѣсь и наши охотники усердно пополняли запасы свѣжаго мяса. Яковъ не было видно, но слѣды попадались и ихъ пометъ служилъ пополненіемъ запаса топлива. Между тѣмъ караванъ медленно подвигался въ обычномъ порядкѣ ко входу въ долину порядочнаго горнаго хребта.

Только что мы успѣли вечеромъ поставить палатки, какъ по другую сторону ледяного покрова, у котораго мы остано-

вились при входѣ въ долину, замѣтили черную точку, принятую первоначально за камень, когда уже она стала подвигаться къ намъ навстрѣчу, то мы были увѣрены, что это молодой якъ. Но Черновъ, слѣдившій въ бинокль, объявилъ, что это медвѣдь, направляющійся прямо на нашъ лагерь. У края ледяного покрова казаки прилегли и поджидали его, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, направился поперекъ черезъ покровъ прямо къ намъ медленнымъ шагомъ. Раздались три выстрѣла, и медвѣдь круто повернулъ кругомъ и галопомъ поднялся по склону. Наши казаки вскочили на коней, раздался еще залпъ и медвѣдь кубаремъ покатился внизъ. Оказалось, что это старый самецъ, страшно растерзанный нашими пулями; зубы у него были съ большими дырами, такъ что мы, должно быть, освободили его отъ страшнѣйшей зубной боли. Мы его сфотографировали, послѣ чего содрали шкуру, которая вмѣстѣ со скелетомъ поступила въ коллекцію.

На слѣдующій день вернулись Сыркинъ и Моллахъ-Шахъ, гарантируя еще два перехода по хорошей дорогѣ. Но такъ какъ 16-го настала сильная снѣжная вьюга, то мы двинулись только 17-го при сравнительно хорошей погодѣ вверхъ къ Арка-тагу. Сыркинъ служилъ проводникомъ. Растительность исчезала и только мѣстами встрѣчался мохъ. Вечеромъ—опять снѣжная мятель. На слѣдующій день мы дошли до удобнаго перевала черезъ горный хребетъ, закрывающій видъ къ югу и, наконецъ, увидѣли на Ю.-З. нашего стараго врага Арка-тагъ. Между хребтами тянулась долина безъ стока, на днѣ которой замѣтили прѣсноводное замерзшее маленькое озеро; мы остановились у его берега, выбравъ мѣсто съ довольно порядочнымъ пастбищемъ. Здѣсь опять отправили развѣдчиковъ. Одинъ изъ нихъ вернулся къ обѣду, согласно инструкціямъ, и сообщилъ, что онъ на разстояніи 10 верстъ не нашелъ пастбища, остальные же только—черезъ 2 дня съ извѣстіемъ, что нашли переваль, но не очень удобный. На этомъ мѣстѣ (4733 м.) я уволилъ Довлета, такъ какъ ослы были въ слишкомъ плохомъ состояніи. Скелеты и шкуру медвѣдя послали съ нимъ для доставленія въ Кашгаръ, что и было имъ исполнено. Съ нимъ отправились Ніасъ, Кадеръ и Курбанъ, всѣ изъ Чар-

халыка, потому что оказались лишними и изъ всего личного состава наименѣе подходящими для меня людьми.

21-го іюня мы направились на С.-С.-В., поднимаясь по удобной почвѣ, покрытой рѣдкой колючей травой, вверхъ по широкой долинѣ, прямо къ Арка-тагу, который подобно стѣнѣ, закрывалъ намъ дорогу. Дорогой Шагдуровъ и Сыркинъ убили двухъ сайгъ, при чемъ лошадь Сыркина на полномъ карьерѣ спотыкнулась, упала, перевернулась черезъ голову и осталась мертвая на мѣстѣ. Сыркинъ-же какимъ-то чудомъ остался невредимъ. Въ этотъ же день мы принуждены были оставить на дорогѣ одного верблюда, ненавидѣвшаго перевалы. Люди, посланные убить его, изъ жалости оставили его въ живыхъ, о чемъ я узналъ только послѣ.

Въ этотъ же день мой верховой верблюдъ Чонгъ Артанъ заболѣлъ задними ногами и еще 9 верблюдовъ показывали признаки усталости, несмотря на тщательный уходъ за ними. Чонгъ Артана лечили массажемъ и освободили отъ вьюковъ во время перехода черезъ Арка-тагъ, благодаря чему онъ поправился; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ 9, которые дошли до Ладака. Къ лагерю мы прошли 32,3 км. и въ будущемъ намъ не скоро пришлось совершать такіе переходы.

XXXIV.

Во вьюгу черезъ Арка-тагъ. Плато Тибета.

22-го іюня мы двинулись рано, чтобы штурмовать высоты Арка-тага, но едва успѣли отойти на сто шаговъ отъ лагеря, какъ палъ первый верблюдъ. Мы его развьючили; онъ всталъ и пытался слѣдовать за нами, но опять упалъ и тогда мы его зарѣзали. Поднимаясь вверхъ по долинѣ, мы попали во вьюгу, одну изъ сильнѣйшихъ, пережитыхъ мною въ Тибетѣ. Подъемъ былъ незначительный, но всетаки крайне утомительный при такой непогодѣ и такой абсолютной высотѣ. Одинъ верблюдъ за другимъ останавливался и отказывался идти дальше; ихъ оставили навьюченными при погонщикахъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи съ помощью лошадей доставить дальше.

Сквозь снѣжную мятель нельзя было ничего видѣть и я сидѣлъ пригнувшись къ сѣдлу и слѣдовалъ за караваномъ по звону колокольчиковъ. Подъемъ становился все круче, и въ воздухѣ раздавались крики погоняющихъ верблюдовъ людей. Снѣгъ становился все глубже и мы съ Ламой отправились впередъ, чтобы посмотреть, возможенъ ли вообще переходъ. Самъ по себѣ онъ не труденъ, но снѣгъ и абсолютная высота въ 5189 метровъ! Звонъ колокольчиковъ и крики людей слышно сквозь вьюгу и наконецъ верблюды появились похожіе на привидѣнія. Слава Богу, подумалъ я, когда сосчиталъ по крайней мѣрѣ 30 верблюдовъ изъ 34. Остальные пали отчасти на послѣднемъ склонѣ, отчасти у самого перевала. Лошади выдержали переходъ хорошо, мулы отлично, даже овцы справились съ нимъ хорошо.

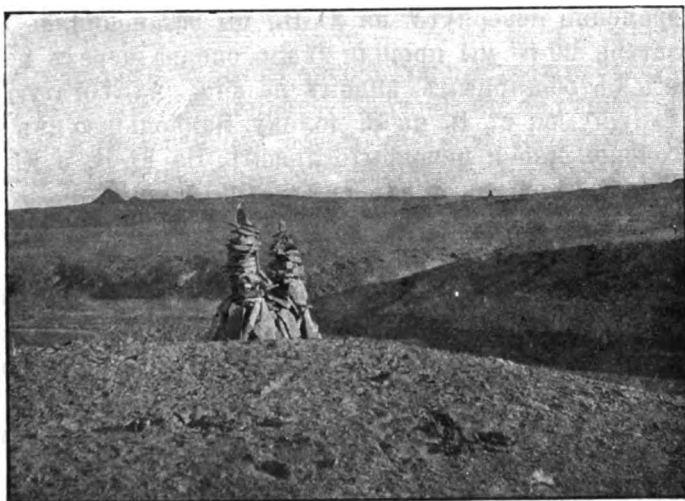
Южная сторона Арка-тага имѣетъ пологій склонъ и на

сырой, вязкой почвѣ было немыслимо остановиться. Наконецъ дошли до пригорка изъ щебня, сравнительно сухого, и здѣсь остановились. Утромъ 23-го іюня, Турду-бай и нѣсколько человекъ съ лошадьми вернулись къ павшимъ верблюдамъ, чтобы попытаться спасти ихъ; но удалось только спасти ихъ грузъ. Слѣдовательно, мы въ одинъ день лишились пяти верблюдовъ, это была наибольшая потеря до сихъ поръ, составившая $\frac{1}{7}$ всего каравана. Такъ какъ грузъ для остальныхъ былъ слишкомъ великъ, то я приказалъ накормить ихъ вдоволь мукой и кукурузой, послѣ чего мы прошли еще 11 километровъ и остановились за маленькимъ водораздѣломъ на берегу рѣчки, гдѣ зеленѣла рѣдкая трава. Съ трудомъ верблюды дотащились до этого мѣста, даже одна лошадь, на видъ здоровая, неожиданно пала. Начиная съ этого перехода не проходило дня, который не ознаменовался бы падежомъ.

Наконецъ, въ Ивановъ день настала желанная хорошая погода и мы могли высушить вьюки, отяжелѣвшіе отъ сырости. Я занялся осмотромъ каравана. Начальникъ конной гвардіи, Гамра-Куль рапортовался серьезно больнымъ; ему дали порцію хины и лошадь для дальнѣйшихъ переходовъ. Затѣмъ Лама, знающій, кромѣ обязанностей священника, и медицину, занялся моей верховой лошадью, ручаясь за ея жизнь: онъ пустилъ ей кровь и она на нетвердыхъ ногахъ слѣдовала за нами въ теченіе дня. Нѣсколько верблюдовъ шли безъ груза. Впрочемъ день прошелъ благополучно; рельефъ мѣстности намъ не мѣшалъ при передвиженіи на югъ и приходилось только извилинами проходить мимо множества маленькихъ озеръ, покрытыхъ льдомъ. Къ югу опять показалась горная цѣпь и, чтобы избѣжать ее, мы направились на З.-В.-З. внизъ по широкой долинѣ, гдѣ остановились на первомъ пастбищѣ. При осмотрѣ каравана оказалось, что моей лошади значительно лучше. Лама еще разъ пустилъ ей кровь, послѣ чего сдѣлалъ ей холодную ножную ванну. Такъ какъ у насъ былъ большой запасъ рису, то рѣшили дать животнымъ кукурузы, смѣшанной съ рисомъ, до достиженія мѣстностей, изобилующихъ свѣжей травой; кромѣ того этимъ облегчался общій грузъ.

25-го іюня мы держались болѣе западнаго направленія, па-

раллельно южному подножью Арка-тага. Переходъ былъ всего въ 19,1 километра по широкой безжизненной главной долинь, гдѣ слѣды животныхъ очень рѣдки. Рельефъ сильно волнистый, такъ что видъ очень ограниченъ. Остановились у берега маленькаго озера, покрытаго льдомъ. Такъ какъ уже давно не находили топлива, то верблюжьи сѣдла по мѣрѣ гибели верблюдовъ служили намъ вмѣсто дровъ. Опять я предпринялъ маленькій осмотръ каравана: Гамра-Куль поправился, но заболѣли Руси-Молла и Мухамедъ-

У б у.

Турду; благодаря лекарствамъ и вѣрѣ въ нихъ, они скоро поправились. Многіе страдаютъ горной болѣзнью („тутекъ“), у меня самого нѣтъ признаковъ ея. Лошадь моя, очевидно, внѣ опасности, но все еще освобождена отъ работы. Многіе верблюды худы до невозможности.

Въ 9 часовъ разразился сѣверный штормъ, температура поднялась до $+ 8.9^{\circ}$.

26-го іюня мы имѣли замѣчательную погоду: утромъ тепло и ясно, но уже рано поднялся сильный западный вѣтеръ, затруднявшій дыханіе и мѣшавшій передвиженію и, когда, наконецъ, достигли мѣста прошлогодняго лагеря, задуть такой же вѣтеръ, какъ и тогда, поднимающій пыль и

песокъ. Единственные замѣтные наши слѣды были куча угля и золы. Благодаря этому совпаденію я получилъ неоцѣнимую контрольную точку для карты. Погода стояла чудная и, несмотря на вѣтеръ, въ 1 часъ дня температура поднялась до $+ 20^{\circ}$: теплое, на подобіе фѣна, теченіе воздуха, разгулялось надъ покрытымъ льдомъ озеромъ! Въ теченіе дневки мнѣ, къ счастью, удалось сдѣлать астрономическое наблюденіе.

28-го іюня мы шли вдоль берега по ровному пути. На берегу новаго озера, тоже покрытаго льдомъ, заставившаго насъ временно повернуть на Ю.-В., мы остановились и разбили лагерь. 29-го мы прошли 27 км., сперва черезъ пологій переваль съ обширнымъ видомъ на югъ, на богатую озерами, тянущуюся съ В. на З. долину. Наибольшее изъ озеръ было солонководно и непокрыто льдомъ. На Ю.-В. и Ю. были видны три господствующихъ снѣжныхъ вершины.

Чтобы остановиться на ночь, понадобилось, конечно, отыскать прѣсную воду, что не удалось сдѣлать сразу. Наконецъ, Шагдуровъ нашелъ ее и мы остановились на берегу рѣки, на плохомъ пастбищѣ. Бушевалъ обычный западный вѣтеръ, но при закатѣ солнца сдѣлалось совершенно тихо, а въ 8 часовъ вечера разразилась сѣверная буря со скоростью вѣтра въ 17 м. въ секунду. Къ утру она стихла, погода разгулялась, несмотря на задувавшій съ Ю.-З. пасать. Безъ особенныхъ усилій и безъ потерь мы перешли черезъ высоты къ югу отъ озера. Но ведущіе черезъ нихъ 3 перевала были не изъ пріятныхъ; почва состояла изъ вязкаго краснаго матеріала. Наконецъ, дошли до рѣчки, оказавшейся верхнимъ теченіемъ той же самой рѣки, у которой мы ночевали прошлую ночь. Если бы мы знали это заранее, то, конечно, пошли бы по руслу, вмѣсто того, чтобы карабкаться по переваламъ.

1-го іюля мы прошли $27\frac{1}{2}$ км. къ югу. На пути выдвинулась громадная горная цѣпь; наивысшую часть ея, покрытую блестящимъ, подобно льду, колпакомъ снѣга, намъ необходимо было обойти съ той или другой стороны. По указаніямъ Чердонова и Ламы мы двинулись на восточную сторону, но указанный ими путь былъ тяжелый. Медленно крутизна подъема увеличивалась, рѣка становилась болѣе

многоводной, чѣмъ ближе мы подходили къ снѣгу. Всякая растительность прекратилась, даже не было мха. Наконецъ, мы наверху, гдѣ насъ ожидалъ Лама. Несмотря на то, что 5 верблюдовъ были въ плохомъ состояніи и три шли безъ вьюка, всѣ дошли до перевала, имѣющаго высоту въ 5337 м., значительно выше Арка-тага, но свободного отъ снѣга. Снѣжные поля остались съ правой руки и южный склонъ этого массива совершенно былъ лишенъ снѣга. Но и здѣсь стекала съ вершины довольно значительная рѣка, протяженіе которой мы не могли прослѣдить и на берегу которой мы остановились.

При каждомъ привалѣ теперь уже аптека играла выдающуюся роль. Теперь явились: Черновъ съ сильной головной болью и Турду-бай съ болью въ глазахъ. Большое впечатлѣніе на послѣдняго произвело дѣйствіе кокаина, вчера Гамра - Куль также удивлялся дѣйствию этихъ капель, освободившихъ его отъ зубной боли. Вѣроятно чтобы удостовѣриться въ дѣйствіи этихъ капель, сегодня три человѣка сразу явились за лѣкарствомъ отъ зубной боли. Состояніе Мухамедъ-Токты было самое плачевное; онъ жаловался на боль въ сердцѣ и отсутствіе сна; ему дали морфія и освободили отъ всѣхъ работъ.

2-го іюля тоже сдѣлали немалый переходъ, а именно 26 $\frac{1}{2}$ км.; почва здѣсь исключительно состояла изъ краснаго песчаника. Пастбища, какъ вездѣ, плохія и верблюды продолжали худѣть; у насъ осталось всего 3 мѣшка кукурузы. Удастся ли во время дойти до мѣстъ, болѣе богатыхъ травою!

Значительная горная цѣпь заставила насъ повернуть на Ю.-З. Нѣсколько мелкихъ озеръ блестятъ на солнцѣ и здѣсь. Ёлдашъ набросился и загрызъ молодого оронго, пасущагося съ маткой. Далѣе спустились внизъ по долиנѣ къ югу, но и изъ нея мы должны были выбраться къ низкому перевалу, потому что дно долины суживалось и было покрыто острыми плитками песчаника, портившими ноги верблюдовъ. Здѣсь Сыркинъ убилъ сайгу, такъ что свѣжаго мяса у насъ было достаточно и меньше всего страдали отъ недостатка пищи мы и собаки. Было рѣшено впредь больше экономить патроны, такъ какъ, несмотря на то, что пока еще имѣлся запасъ въ 142 патрона на каждаго казака, что болѣе чѣмъ

достаточно, мы все-таки не могли знать, что намъ предстояло въ будущемъ.

Съ послѣдняго порога мы увидѣли маленькое озеро и на берегу его сравнительно хорошее пастбище, по крайней мѣрѣ свѣжая зеленая травка. Такъ какъ вода была почти прѣсная, то мы и остановились здѣсь. Какъ всегда, къ закату солнца пассать стихалъ и наступило полное безвѣтріе, такъ что въ сумеркахъ я могъ обѣдать на вольномъ воздухѣ при горячей свѣчкѣ. Но послѣ 8-ми часовъ поднялся сѣверный штормъ и всѣ поспѣшили укрыться въ болѣе защищенные отъ вѣтра мѣста. Сегодня онъ подулъ съ силой 16 м. въ секунду. Штормъ продолжался по крайней мѣрѣ до полуночи, но утромъ, опять полная тишина—къ 7-ми часамъ утра въ атмосферѣ наступило полное равновѣсіе.

По моимъ вычисленіямъ мы теперь находились въ той же продольной долинкѣ, гдѣ были и прошлой осенью, на 30 км. восточнѣе могилы Алдата.

Послѣ дневки на этомъ мѣстѣ мы продолжали свой путь прямо на югъ по слабо волнистой почвѣ съ многочисленными солончаками. Разной дичи здѣсь довольно много, особенно кулановъ и сайгъ. Пометь яковъ тоже встрѣчается часто, старый высохшій, превосходный для топлива. Вновь предъ нами выступает переваль; по крутой ложбинѣ, покрытой щебнемъ мы медленно поднимаемся къ гребню, высотой въ 5210 м. Верблюды, идущій безъ груза, отстаютъ. Наверху никакой растительности, кромѣ мха. Къ югу открывается превосходный видъ: по крайней мѣрѣ четыре перехода безъ препятствій! Къ сѣверу же картина иная: масса горныхъ цѣпей и гребней образуютъ неописуемый хаосъ.

На первомъ мѣстѣ склона, гдѣ встрѣтилась трава, мы опять остановились ночевать (5054 м.). И опять мы могли похвастаться счастливой охотой: Сыркинъ и Чердоновъ убили 12 куропатокъ и 2-хъ яковъ, значитъ, намъ нечего было жаловаться, но верблюды и лошади, зависящіе отъ растительности, сильно страдали. На этомъ лагерѣ даже пришлось зарѣзать одну лошадь. На стоянкахъ Лама и Шагдуровъ вообще заняты мастерствомъ: они мнѣ шили монгольскій костюмъ; уроки монгольскаго языка продолжаются и Лама видимо окрѣпъ духомъ и поддерживаетъ свою бодрость

слѣдующимъ весьма остроумнымъ разсужденіемъ: если намъ придется плохо, то уже не очень плохо, а если все пойдетъ хорошо, то оно пойдетъ очень хорошо. Каждый вечеръ ровно въ 9 часовъ я отправлялся въ большую юрту Сыркина, Шагдурова и Ламы, отчасти, чтобы проконтролировать метеорологическія наблюденія дня, отчасти, чтобы поупражняться въ разговорѣ и поговорить о нашихъ предпріятіяхъ въ будущемъ. Здѣсь же я принималъ рапортъ Турду-бая о состояніи каравана и отдавалъ приказанія на слѣдующій день. Турду-бай того мнѣнія, что нужно скорѣе спѣшить въ страны, болѣе богатая растительностью и гдѣ каравану для полнаго восстановленія силъ необходимо не меньше мѣсяца. Въ этотъ вечеръ сообщили, что овцы исчезли, но къ полуночи ихъ нашли невредимыми въ ложбинѣ, гдѣ онѣ расположились отдыхать.

6-го іюля. По мѣрѣ упадка силъ животныхъ переходы уменьшались; теперь намъ рѣдко удается совершить переходъ въ 20 км. Рельефъ мѣстности все еще представлялъ удивительный параллелизмъ горныхъ цѣпей и почти не проходитъ дня безъ перевала. Теперь опять подходимъ къ довольно значительному перевалу. И все та же мягкая почва, только на днѣ долины щебень: нѣтъ вовсе выходовъ коренныхъ породъ. Нѣсколько верблюдовъ отстали и только къ вечеру догнали насъ: между ними верблюдъ, бывшій со мной въ 1896 году.

7-го іюля почва намъ благопріятствовала и безъ всякихъ переваловъ мы дошли до озера, лежащаго на днѣ неглубокой котловины. Вода озера, конечно, была горько-соленая и шкала ареометра не удовлетворяла степени концентраціи. Береговая полоса состояла изъ болотистаго ила; пройдя мимо нея, мы расположились у входа въ долину, ведущую къ перевалу. На днѣ долины мы попробовали вырыть колодезь и намъ удалось на глубинѣ 56 сантим. достать прѣсной воды.

8-го іюля, несмотря на пройденныхъ всего 14 км., только 27 верблюдовъ дошли до лагеря (5041 м.), и изъ осторожности мы обошли нѣсколько незначительныхъ переваловъ, но главнаго (5059 м.) мы не могли обойти. На вершинѣ его паслись 8 яковъ, которыхъ мы, несмотря на малое

разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ насъ, оставили въ покоѣ. На южной сторонѣ перевала рельефъ становился болѣе спутаннымъ. Шагдуровъ уѣхалъ впередъ для рекогносцировки и вернулся съ извѣстіемъ, что верблюды едва-ли будутъ въ состояніи перейти черезъ слѣдующій порогъ; уже не хватало 3-хъ. У прѣсноводнаго озерка мы поэтому остановились. На слѣдующій день 2 верблюда догнали насъ, третій остался на мѣстѣ.

Очевидно въ такомъ видѣ мы не могли продолжать. Поэтому рѣшили выдѣлить болѣе слабыхъ верблюдовъ. Въ то же время Черновъ безъ результата рекогносцировалъ путь къ востоку; Моллахъ-Шахъ же, съ той же цѣлью отправившійся къ югу, вернулся съ извѣстіемъ, что предстояло нѣсколько неопасныхъ переваловъ. Здѣсь же на мѣстѣ остались 11 верблюдовъ и 6 лошадей, а изъ людей Руси-Моллахъ, Моллахъ-Шахъ, Кучукъ, Ходай-Куллу, Алмасъ изъ Чархалыка и 4 собаки подъ начальствомъ Чернова. Имъ было оставлено 8 вьюковъ провизіи. Болѣе важный грузъ и всѣ инструменты пошли съ нами. Черновъ получилъ приказаніе отдыхать на этомъ мѣстѣ еще два, три дня, а потомъ пойти по нашимъ слѣдамъ или знакамъ (въ видѣ маленькихъ пирамидъ). Быстрота передвиженія не опредѣлялась, такъ какъ ему былъ мѣсяцъ въ распоряженіи дойти до предполагаемой нашей главной квартиры. Мѣсто ея было еще не опредѣлено и выборъ его зависѣлъ отъ многихъ обстоятельствъ.

XXXV.

Первые тибетцы.

10-го іюля мы простились съ людьми арьергарда. За время дневки наступила ненастная погода и утромъ, когда мы вышли, земля была покрыта снѣгомъ. Оставшіяся животныя имѣли жалкій видъ. Наши же болѣе свѣжія сдѣлали переходъ въ 23¹/₂ км. Путь былъ удобный, особенно послѣ того, какъ перешли черезъ два маленькихъ перевала. На южномъ склонѣ одного изъ нихъ Сыркинъ и Шагдуровъ убили каждый по яку, такъ какъ мясо было на исходѣ; зарѣзать овцу было жаль, мы стали смотрѣть на нихъ, какъ на добрыхъ спутниковъ и къ тому же мясо ихъ было невкусно, вслѣдствіе безостановочнаго движенія и недостатка корма.

Съ перевала (5186 м.) насъ обрадовалъ видъ, обѣщавшій открытый путь на нѣсколько дней, но радость была не безъ горечи, потому что на Ю.-В., Ю. и Ю.-З. блестѣли громадныя снѣжныя поля горной вершины. Продольная же долина тянется нескончаемо съ востока на западъ и дно ея покрыто скудной растительностью изъ мха и дикаго лука; послѣдній потреблялся съ большимъ удовольствіемъ какъ людьми, такъ и животными. Стойбище находилось на высотѣ 4982 метровъ.

11-го іюля была годовщина двухъ происшествій, связанныхъ съ большими абсолютными высотами: 4 года тому назадъ Андре и его товарищи поднялись на воздушномъ шарѣ для изслѣдованія неизвѣстныхъ странъ, откуда они не вернулись. Въ этотъ же день 11 лѣтъ тому назадъ я поднялся на вершину Демавенда; хотя мнѣ стоило не малыхъ усилій под-

няться на высоту 5715 метровъ, но то была одинокая вершина среди цвѣтущихъ долинъ, здѣсь же необозримыя пространства, черезъ которыя мы тащимся тяжелыми шагами. Въ этотъ день мы безъ препятствій шли на В.-Ю.-В. Безпрестанный дождь размягчилъ почву и Лама успокоилъ насъ сообщеніемъ, что наступило дождливое время, длящееся два мѣсяца, „по крайней мѣрѣ въ Лхасѣ“, прибавилъ онъ. Издали видно, какъ ливни приближаются темной стѣной; невозможно отъ нихъ укрыться и дождь съ градомъ обрушивается на наши головы; слышны удары грома. Караванъ приходитъ въ безпорядокъ, всѣ промокаютъ и удовольствіе двигаться по неизвѣстной странѣ безслѣдно исчезаетъ. Астрономическіе и фотографическіе приборы бездѣйствуютъ, маршрутная карта сырѣетъ и комкается. Такимъ образомъ мы прошли полдня и, несмотря на обиліе воды сверху, не могли найти питьевой воды. Наконецъ остановились у лужи и только успѣли расставить палатки, какъ оказалось, что вода горько-соленая. Вырытый колодезь угостилъ насъ такой же прелестью. Шагдуровъ уѣхалъ отыскивать воду, но вскорѣ вернулся карьеромъ и взволнованный разсказалъ, что на него, безоружнаго, дважды нападалъ волкъ и при неимѣніи другихъ средствъ обороны, казакъ его угостилъ котлами, взятыми для воды. Шагдуровъ и Сыркинъ отправились сейчасъ же отомстить нахальному разбойнику, не постѣснившемуся продолжать свое преслѣдованіе почти до самаго лагеря; но при видѣ вооруженной силы онъ образумился и отправился во-свояси. За водой же отправился Эрдекъ и вернулся только темной ночью.

Всю ночь шелъ снѣгъ и двинуться утромъ навстрѣчу сырости не представляло особеннаго удовольствія. Направление держали на Ю.-В. по волнистой почвѣ, богатой солончаками. Пройдя 6 маленькихъ переваловъ мы приблизились къ значительной рѣкѣ, впадающей въ длинное соленоводное озеро; мы остановились, чтобъ напоить животныхъ; но опять сюрпризъ—вода рѣки была соленая. Къ счастью, рядомъ набрали на прѣсноводную лужу, гдѣ могли напоить животныхъ вдоволь. На склонѣ съ правой руки пасся громадный якъ. Казаки натравили на него собакъ, но онъ спокойно и съ достоинствомъ ожидалъ нападенія. Онъ былъ до того занятъ соба-

ками, что мы могли подойти совсѣмъ близко. Тутъ Турдубай объявилъ, что запасы мяса на исходѣ. Отозвали собакъ въ сторону и раздались два выстрѣла. Якъ нисколько не отозвался на выстрѣлы и только, когда снова отпустили собакъ, онъ съ яростью пустился за ними, свалился и былъ уже безъ признаковъ жизни, когда мы подошли къ нему. Мясо и жиръ, сколько было, мы взяли и остатки оставили на сѣдленіе пріятелю Шагдурова—волку.

Опять мы прошли 20 км. безъ слѣдовъ питьевой воды, несмотря на дождливое время. Наконецъ, остановились у маленькаго перевала и Шагдуровъ поблизости нашелъ воду. 383 км. осталось до сѣверо-западнаго угла Тенгри-норъ и каждый день являлся вопросъ, гдѣ найти пастбище и устроить главную квартиру. Людей едва ли встрѣтимъ до покрытой снѣгомъ цѣпи, мелькающей впереди между холмами. Въ теченіе слѣдующаго дня мы держались продольной долины, чтобъ не утомлять верблюдовъ перевалами. Растительность бѣдна; „бука-ширикъ“, трава яковъ растетъ на двѣ долины. Животная жизнь болѣе богата: встрѣчаются яки, куланы, сайги, зайцы и куропатки. Чтобъ избѣжать поисковъ за водою, мы остановились у рѣки съ 5 куб. м. воды въ секунду.

15-го іюля температура поднялась до 11,1°, ночью же минимумъ—3,4°. Все держимъ курсъ на Ю.-В. по долиנѣ, ища пониженія въ громадной цѣпи, съ юга отдѣляющей насъ отъ той священной страны. Въ серединѣ дня мы переправились черезъ рѣку, наибольшую съ того времени, какъ покинули Таримъ и имѣющую до 23 куб. м. въ секунду, разбитую на массу рукавовъ; наибольшая глубина 0,60 м. и быстрота 1 м. въ секунду. Она на С.-З. впадала въ довольно большое озеро, видѣвшееся вдали. На холмахъ лѣваго берега рѣки было видно стадо изъ 75 яковъ. Зимой они разгуливаютъ по продольнымъ долинамъ, лѣтомъ же поднимаются къ вѣчнымъ снѣгамъ. Впереди мы увидѣли фигуру, идущую намъ навстрѣчу и приняли ее за человѣка. Сыркинъ, Турдубай и Лама, рассматривавшіе ее въ бинокль, подтвердили, что это человѣкъ, собирающій пометъ; сзади видны были двѣ палатки, а яки, должно быть, домашніе. Но оказалось, что это—куланъ, видимый спереди, палатки ока-

зались тѣнью отъ террасы; яки же, почуявъ наше приближеніе, быстро удалились.

На берегу новой рѣки, повидимому, ниже соединяющейся съ предыдущей, мы нашли хорошее пастбище и обиліе помета и поэтому остановились на дневку. Выше насъ черными точками паслись яки; встрѣчались куланы и сайги, а также и куропатки и гуси съ гусятами. Съ этого лагеря были высланы впередъ по долину для изслѣдованія пути Турду-бай и Гамра-Куль. Погода стояла прекрасная и на слѣдующій день, но только я успѣлъ поставить универсальный инструментъ для наблюденій, какъ разразилась гроза съ градомъ и нужно было скорѣй прятаться въ палатки. Вдругъ поднялся крикъ. Чердоновъ, будучи дежурнымъ, доложилъ, что казаки подняли медвѣдя и только они успѣли въ погонѣ за нимъ пронестись мимо лагеря, какъ раздался выстрѣлъ около палатки Чердонова: онъ убилъ громаднаго волка, подбиравшагося къ лагерю. Казаки и медвѣдь исчезли за рѣкой. Вскорѣ казаки возвратились и подѣхавъ ко мнѣ доложили, что, увлекшись погоней за медвѣдемъ, они попали прямо въ тибетскій лагерь. Человѣкъ, вооруженный ружьемъ, при ихъ приближеніи скрылся; по близости паслись нѣсколько лошадей и вчерашніе яки оказались домашними. Послѣ этой встрѣчи они, не будучи въ состояніи объясняться съ людьми, немедленно вернулись доложить. Лама испугался. Опять возникли сомнѣнія на счетъ вчерашняго кулана. Нечего было терять времени, потому что казакамъ казалось, будто тибетцы собрали своихъ яковъ и лошадей съ намѣреніемъ двинуться въ дорогу. Нужно было догнать ихъ, чтобы получить свѣдѣнія и, во всякомъ случаѣ, разуверить ихъ въ могущихъ возникнуть подозрѣніяхъ. По словамъ Сыркина, разстояніе до ихъ лагеря всего 3 версты, такъ что они непременно насъ видѣли при вчерашнемъ приближеніи и намѣренно не показывались. Кто они? Такъ рано я не рассчитывалъ встрѣтить людей. До сихъ поръ даже мы не замѣтили слѣдовъ старыхъ костровъ.

Между тѣмъ я отдалъ приказаніе Ламѣ и Шагдурову скорѣй отправиться туда и поговорить съ ними. Казакъ для этого переодѣлся въ монгольскій костюмъ, и онъ, благодаря

своей расѣ, имѣлъ видъ вовсе не поддѣльный. Я ихъ снабдилъ деньгами, чтобы, если возможно, закупить лошадей, и табакомъ и чаемъ для подарковъ, чтобы не было подозрѣнія въ враждебныхъ намѣреніяхъ. Они скоро исчезли въ сумеркахъ и я остался на мѣстѣ, мысленно жалѣя, что такъ скоро встрѣтили людей; заранѣе у насъ было условлено, что, если мы издали увидимъ людей, то мы, паломники, наскоро переодѣнемся и, возвращаясь незамѣтно по собственнымъ слѣдамъ, по другой дорогѣ проберемся къ Лхасѣ, чтобы не могли появиться подозрѣнія о нашей принадлежности къ большому европейскому каравану. Но вотъ и вернулись посланные, и безъ результата. Тибетцы ушли къ востоку, костеръ ихъ еще дымился. Вѣроятно ихъ предупредили выстрѣлы охотившихся за медвѣдемъ. Лама выразилъ мнѣніе, что это охотники за яками; у костра нашли два черепа и нѣсколько костей.

Начиная съ этого дня мирная безопасность исчезла. Мы перешли почти на военное положеніе: ночью выставляли часовыхъ и держали животныхъ на виду лагеря. Было рѣшено, что Чердоновъ останется при главномъ караванѣ для усиленія его до прибытія Чернова. Но съ другой стороны сочли ненужнымъ здѣсь же устроить главную квартиру, потому что вѣсть о нашемъ прибытіи несомнѣнно опередила бы насъ, даже если бы мы отсюда попытались на лошадяхъ, при этомъ утомленныхъ, сдѣлать усиленный переходъ въ 1100 км. туда и обратно. Поэтому мы преспокойно остались въ лагерѣ еще день, такъ какъ Турду-бай и Гамра-Куль еще не появились: усиленно приготавливали и усовершенствовали монгольское снаряженіе съ потайными карманами для термометра, часовъ, анероида и записныхъ книгъ. Къ вечеру же прибыли развѣдчики съ хорошими вѣстями; они видѣли слѣды костровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

18-го іюля мы продолжали итти на Ю.-В.; растительность прекратилась. Трижды мы перешли черезъ рѣку; впереди былъ виденъ снѣжный массивъ. Одинъ верблюдъ съ трудомъ добрался до вечерней стоянки и когда утромъ отправились дальше, невозможно было заставить его слѣдовать за нами, хотя онъ былъ жирнѣе другихъ и, повидимому, совершенно здоровъ; очевидно онъ лѣнивъ, и мы были принуждены оста-

вить его на мѣстѣ съ одѣтымъ вьючнымъ сѣдломъ. При немъ на шестѣ въ консервной баночкѣ оставили записку арьергарду, гласящую, что на этомъ мѣстѣ нами оставленъ здоровый верблюдъ и что его слѣдовало бы отыскать. Верблюдъ же вопросительно посмотрѣлъ вслѣдъ и спокойно продолжалъ пастись. Такимъ образомъ мы лишились одного изъ 18, и объ оставленномъ никогда ничего не узнали: арьергардъ, не строго слѣдовавшій по нашимъ слѣдамъ, какъ разъ обошелъ это мѣсто.

Мы же продолжали итти на Ю.-В. по безплодной почвѣ. Окрестностей не видно изъ за снѣга и града—послѣ вчерашней лѣтней погоды настоящая зима. Слѣды яковъ встрѣчаются массами, но стадъ не видно. Въ трехъ мѣстахъ нашли слѣды очага—кружокъ изъ камней съ пепломъ въ серединѣ.

XXXVI.

Два тяжелыхъ перевала.—Ледяная долина.— Главная квартира.—Наше монгольское снаряженіе.

20 іюля предстояло, наконецъ, перебраться черезъ громадную горную цѣпь, покрытую снѣгомъ. Верблюды напрягали послѣднія силы, но упадокъ замѣтенъ; одинъ изъ нихъ, дромадеръ, очевидно, обреченъ уже на скорую гибель. Но съ честью всѣ прошли 19,1 км. Курсъ держали на Ю.-Ю.-З. и намъ навстрѣчу немилосердно неся снѣгъ и градъ; тутъ башлыкъ не защищалъ лицо: снѣгъ проникалъ между воротникомъ и шеей и холодная вода струями просачивалась вдоль спины. Приходилось иногда поворачиваться спиной къ вѣтру, чтобы только отдышаться. Окрестности затянуты снѣжной завѣсой; не легкая задача при такихъ обстоятельствахъ чертить и записывать. Передвиженіе идетъ страшно медленно и скатъ мѣстами до того незначителенъ, что только по направленію струекъ можно судить о направленіи его. Почва очень мягка и непріятна для передвиженій. Съ ледниковаго покрова на обѣ стороны перевала спускаются нѣсколько ледниковыхъ язычковъ; они совершенно покрыты снѣгомъ и съ cadaго изъ нихъ стекаетъ по рѣчкѣ. У края ихъ видно стадо яковъ, до 300 штукъ съ телятами; Чердоновъ убилъ одного теленка для пополненія провизіи. Яки постепенно отступаютъ передъ нами по южному склону.

По плоской ложбинѣ, по которой мы пробирались къ по-

рогу перевала, протекаетъ рѣчка, шириною въ 2 метра, но мѣстами глубиною до 1 мет. По берегамъ пучками растутъ густая трава, а въ рѣкѣ даже замѣтили мелкую рыбу, на высотѣ 5000 метровъ. Но вотъ рѣчки исчезаютъ, склонъ становится круче и, наконецъ, мы съ Ламой взойшли на высшую точку въ 5492 метра. Анероиды показали 394,0 мм. давленія. Караванъ все еще карабкался по склону; дальнѣйшую дорогу загородилъ намъ громадный якъ, зловѣще мотавшій головой, но при видѣ перваго верблюда, онъ исчезъ. Къ югу открывался видъ на хаосъ хребтовъ и горныхъ цѣпей и лабиринтъ долинъ. На южномъ склонѣ около рѣки, стекающей по немъ, наши собаки съ яростью напали на стадо, состоявшее изъ семи старыхъ яковъ и когда ихъ усилія сосредоточились на одномъ изъ нихъ, то остальные убѣжали; этотъ же всталъ посреди пѣнящейся рѣки, послѣ чего уставшія собаки удовольствовались тѣмъ, что пожирали его глазами, сидя на берегу.

Мѣсто для ночевки не отличалось обиліемъ травы. Одинокая куропатка, неподвижно слѣдящая глазами за нами, была убита выстрѣломъ и только тогда мы замѣтили, что она грѣла трехъ цыплятъ. Верблюды съ трудомъ отыскивали себѣ траву. Лама весьма основательно замѣтилъ, что только что пройденная горная цѣпь играетъ такую же роль для жителей Тибета, какъ и Арка-Тагъ для жителей Восточнаго Туркестана: онъ служатъ оградой необитаемыхъ и неизвѣстныхъ странъ, расположеннымъ между ними; эти страны самыя высокія и пустынные и поэтому最难 достигимыя части Тибета. Отсюда намъ осталось 280 км. до сѣвернаго берега Тенгри-норъ.

21-го іюля я проснулся при снѣжной пургѣ. Черныя тучи ползали вдоль снѣжнаго гребня и, совершенно закрывая его, оставляютъ видными только ледниковые отроги. Снѣговая линія здѣсь превышаетъ перевалъ на 100 метровъ. Несмотря на значительную абсолютную высоту, особенныхъ припадковъ горной болѣзни не случилось.

Въ пургу, бушевавшую цѣлый день, мы по долинѣ направились къ югу. Соединясь сперва со второстепенной, главная долина повернула на Ю.-В. и мы шли по ледяной каемкѣ, тянувшейся вдоль рѣки, наблюдая на противоположномъ

берегу такую-же. На поворотѣ рѣки каемка внезапно прекратилась и посредствомъ лопатъ и топоровъ пришлось вырубить ступеньки для спуска къ рѣкѣ въ отвѣсной стѣнѣ, высотой въ 197 м. Но такъ какъ путь по дну рѣки не имѣлъ внушающій довѣрія видъ, то я выслалъ Шагдурова впередъ посмотреть, возможно ли вообще пройти по немъ. Уже успѣли пройти немало по отвратительной сырой почвѣ, отчасти по водѣ, когда наконецъ вернулся Шагдуровъ и сообщилъ, что можно пройти еще 5—6 верстъ, но дальше, едва-ли: долина

Вырубаніе ступенекъ въ каемкѣ льда.

сильно суживается и каемки льда исчезаютъ, при томъ рѣка своей водой занимаетъ все ложе. Пришлось волей неволей вернуться по собственнымъ слѣдамъ, гдѣ почва совершенно приобрѣтала свойство кашицы, такъ какъ къ вечеру вода прибывала. Судя по каемкамъ, зимой ледъ совершенно заполняетъ ложе. Наконецъ у поворота на Ю.-В. мы отошли отъ рѣки по боковой долинкѣ и оставили здѣсь маленькую пирамиду со знакомъ, показывающимъ на С.-В., чтобы аррьергардъ не впалъ въ ту же ошибку, какъ и мы. И вмѣсто того, чтобы спуститься въ болѣе теплые края, мы поднялись по вполнѣ пустынной долинкѣ и, наконецъ, остановились, такъ какъ не могли на-

дѣяться найти пастбище раньше перехода черезъ предстоявшій перевалъ. Вечеромъ немного прояснилось и мы собрались въ палаткѣ Сыркина поболтать о будущемъ нашемъ путешествіи. Я высказалъ намѣреніе взять съ собой, въ видѣ контрабанды, фотографическій аппаратъ и стеариновые свѣчи и упрятать ихъ въ вьючномъ сѣдлѣ, но Лама отсовѣтовалъ, говоря, что легко могутъ украсть осла съ сѣдломъ.

На слѣдующій день условія передвиженія не улучшились; перевалъ, легкій съ виду, оказался тяжелѣй предыдущихъ. Мы съ Ламой уѣхали впередъ и при этомъ строго держались средины ложбины, такъ такъ съ боковъ имѣлась та же непроходимая кашцеподобная масса, какъ и въ предыдущій день; судя по поперечнымъ и краевымъ маленькимъ трещинамъ, вся масса имѣетъ незамѣтное скользящее движеніе. Два часа понадобилось, чтобы дойти до вершины и два часа мы на перевалѣ дожидались остальныхъ. Обильный градъ дѣлалъ положеніе непріятнымъ. Только 15 верблюдовъ дошли до перевала, два остались съ проводниками и ихъ грузъ мы перевьючили на лошадей, ѣдоки же пошли пѣшкомъ. Южный склонъ оказался во много разъ хуже. Всѣ пошли пѣшкомъ, верблюды утопали выше колѣнъ въ такой жидкой грязи, что даже слѣды не сохранялись: они моментально заплывали. Дождь лилъ ручьями, люди и животныя, промокшіе до послѣдней ниточки, тяжело дышали. Я уже освоился съ мыслью, что Черновъ не приведетъ ни одного изъ своихъ жалкихъ верблюдовъ. Наконецъ добрались до болѣе значительной рѣки; откуда она взялась и куда протекала, невозможно было рассмотреть сквозь снѣгъ. Съ наслажденіемъ мы вышли на открытое галькой твердое ея дно; воды уже нечего было бояться, такъ какъ мы и безъ того были совсѣмъ мокрые. На правомъ берегу рѣки я открылъ пастбище. Шагдуровъ же нашелъ большой глиняный котелъ, вѣроятно, принадлежавшій охотникамъ, оставившимъ его здѣсь разъ навсегда; для кочевыхъ племенъ онъ слишкомъ великъ.

Изъ оставшихъ верблюдовъ вечеромъ одинъ добрался до лагеря. Второй несмотря на всѣ усилія спасти его, погибъ: ночью онъ все болѣе и болѣе погружался въ жидкую

почву и къ утру, почти уже безжизненный, отчасти примерзъ къ ней. Это была тяжелая потеря, такъ какъ верблюдъ былъ безъ малѣйшихъ недостатковъ.

Въ теченіе дня, посвященнаго отдыху, Сыркинъ и Шагдуровъ вернулись съ извѣстіемъ, что они на разстояніи 3-хъ или 4-хъ верстъ наткнулись на превосходные луга. Благодаря этому открытію, я рѣшилъ на слѣдующій день передвинуться туда и тамъ устроить главную квартиру. По словамъ Турду-бая корма хватить на мѣсяцъ, необходимый

Каемки льда въ долині.

для полнаго восстановленія силъ каравана. Къ тому же уже давно пора было намъ паломникамъ отправиться въ путь: мусульмане при экскурсіи слышали выстрѣлъ и мы въ любое время могли бы наткнуться на людей. Первоначально я предполагалъ отправиться съ обоими бурятами и съ Ламой. Но было бы слишкомъ рискованно оставить караванъ подъ охраной одного только казака, когда уже знали о нашемъ приближеніи. Чернова нельзя было такъ скоро ожидать. Поэтому я объявилъ Чердонову, что онъ тоже останется; но всетаки я внутренне жалѣлъ лишить его паломничества въ Джо (Лхассу); оно вѣдь по значенію равняется достоинству Хаджи у мусульманъ. Я его утѣшалъ тѣмъ, что едва ли

намъ удастся пробраться въ городъ. Впрочемъ казакъ своихъ мыслей и желаній никогда не высказываетъ, „какъ начальство прикажетъ“ для него законъ. Съ другой стороны положеніе паломниковъ сильно измѣнилось: вмѣсто 4-хъ только 3 человѣка; но при такомъ предпріятіи, безъ того отчаянномъ, численность не играла никакой роли.

24-го іюля мы короткимъ переходомъ дошли до упомянутого мѣста. На плоской вершинѣ холма, на лѣвомъ берегу рѣки и на высотѣ 5127 мет. надъ уровнемъ моря мы избрали мѣсто для лагеря. Растительность въ самомъ дѣлѣ здѣсь была довольно обильная. Но въ стратегическомъ отношеніи мѣсто было неважное: кругозоръ закрывался со всѣхъ сторонъ рядомъ холмовъ и эти холмы вполне господствовали надъ равниной: совершить нападеніе на лагерь было бы очень легко.

Остальные два дня, проведенные на мѣстѣ этого лагеря, прошли въ усердныхъ приготовленіяхъ. Животныхъ, предназначенныхъ для насъ, 5 муловъ и 4-хъ лошадей, подковали и накормили остаткомъ кукурузы. Починили сѣдла и попоны. Весь багажъ уложили въ два монгольскихъ чемодана. Изъ инструментовъ я взялъ съ собой: 3 компаса, 2 часовъ, 1 anerоидъ, 2 термометра, 3 пары темныхъ очковъ съ сѣтками и фотографическую камеру съ 8 дюжинами пластинокъ. Кромѣ того уложили: листъ „Лхасса“ карты (русскаго) Главнаго Штаба, маленькія записныя и маршрутныя книги, чернила, бумагу, перья, бритву и мыло, такъ какъ предстояло возможно чаще брить всю голову; туалетныхъ принадлежностей не понадобилось, такъ какъ для пріобрѣтенія природнаго цвѣта лица, полезнѣе вовсе не мыться. Ножницы, фонарь, топоръ, $\frac{1}{2}$ дюжины стеариновыхъ свѣчей и спички, немного лекарствъ, 10 ямбъ серебра, трубки и табакъ—все это было нами захвачено, какъ вполне необходимое. Провизія состояла изъ муки, риса и мяса. Десять банокъ консервовъ уложили для первыхъ дней и пустыя банки предстояло топить въ рѣкахъ и озерахъ, чтобы не было подозрѣній. Вооруженіе было слѣдующее: 1 магазинка, 1 берданка и офицерскій револьверъ; къ каждому оружію 50 патроновъ. У меня также были четки и „гаво“ съ изображеніемъ идола на шеѣ, въ поясѣ ножъ, китайскія палочки изъ

слоновой кости для ѣды, кожаный кисеть, огниво съ трутомъ и кремнемъ и длинная трубка. Запасная одежда у насъ конечно была съ собой, такъ какъ пришлось не разъ мокнуть. Вся посуда и всѣ котлы—настоящіе монгольскіе. Изъ числа палатокъ взяли наименьшую и самую легкую. Для ночного сторожа Лама сшилъ превосходную шинель изъ бѣлаго войлока—она оказалась весьма практичной. Всѣ вещи, могущія возбудить подозрѣнія тибетцевъ, мы спрятали подъ провизіей въ одномъ изъ сундуковъ. Многія изъ этихъ вещей при опасности мы могли въ критическій моментъ немедленно потопить но съ инструментами и съ запасами я намѣревался разстаться только въ крайнемъ случаѣ. Для часовъ, анероида, компасовъ и термометровъ я имѣлъ, потайные карманы и только при обыскѣ могли бы найти ихъ. Все было готово, даже астрономическое наблюденіе было сдѣлано, и 27-ое іюля было предназначено для выступленія.

Въ послѣдній вечеръ я заперъ на ключъ всѣ мои драгоценные сундуки, за исключеніемъ ящика съ хронометрами: Сыркина научилъ, какъ ихъ заводить; но уже въ первый вечеръ одинъ остановился и во второй вечеръ—другой: онъ ихъ не завелъ до конца изъ осторожности, боясь, чтобы не лопнула пружина. Но это не имѣло большого значенія, такъ какъ я повторяя наблюденія на мѣстѣ главнаго лагеря могъ получить время. Сыркинъ же, какъ всегда, завѣдывалъ метеорологической обсерваторіей. Въ присутствіи всѣхъ я торжественно назначилъ Сыркина начальникомъ главной квартиры и объявилъ, что его распоряженія равносильны моимъ. Турду-бау дали право предложить перекочевку, когда кормъ около лагеря кончится. По его мнѣнію это предстояло черезъ 10 дней, такъ что имъ было еще время отыскать наилучшія пастбища въ окрестностяхъ. При всякой такой перекочевкѣ на мѣстѣ бывшей стоянки должна быть оставлена записка съ извѣстіемъ о направленіи и перемѣщеніи. Кромѣ того я лично обратился къ каждому изъ оставшихся, напоминая имъ объ обязанностяхъ. Ли-Лоие имѣлъ свои соображенія: первоначально онъ изъявилъ желаніе итти со мной въ Лхассу; когда ему отказали наотрѣзъ, онъ сталъ проситься домой въ Чархалыкъ. Съ нимъ хотѣли уйти Моллахъ-Шахъ и Гамра-Куль. Я изъявилъ со-

гласіе и обѣщаль выдать провизіи, но въ яркихъ краскахъ напоминалъ имъ о трудностяхъ пути, о томъ что въ ихъ распоряженіи только одна лошадь и одно ружье, собственность Ли-Лойе, но всетаки пожелалъ имъ счастливаго пути. Къ вечеру они раздумали и просились остаться, на что я тоже согласился. Я не могъ понять, что съ ними сдѣлалось, но Сыркинъ разсказалъ, что видѣлъ свѣжіе слѣды человѣка за палатками.

Наконецъ я бесѣдовалъ наединѣ съ Сыркинымъ и указалъ ему на весь рискъ нашего предпріятія; онъ только покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ. „Если мы не вернемся черезъ 2¹/₂ мѣсяца, то отправляйтесь обратно на сѣверъ въ Чархалыкъ и дальше въ Кашгаръ“. Смерти я не ожидалъ, но всетаки нужно было спасти карты и дневники. Сыркину я передалъ ключъ отъ денежнаго ящика, чтобы онъ въ случаѣ надобности могъ снарядить новую экспедицію въ Чархалыкъ, такъ какъ едва ли хоть одинъ изъ верблюдовъ пережилъ бы такой путь. Я далъ ему также маршрутную карту пути, чтобы въ случаѣ надобности ему легче было обратиться обратно. Кромѣ того, я указалъ ему тѣ ящики, которые при такомъ стеченіи обстоятельствъ слѣдовало бы спасти. Наконецъ было строжайше приказано выставлять часовыхъ днемъ и ночью, особенно для охраны животныхъ.

И послѣ всѣхъ этихъ наставленій я въ послѣдній разъ улегся при „цивилизованной обстановкѣ“, и проснулся только, когда Шагдуровъ разбудилъ меня.

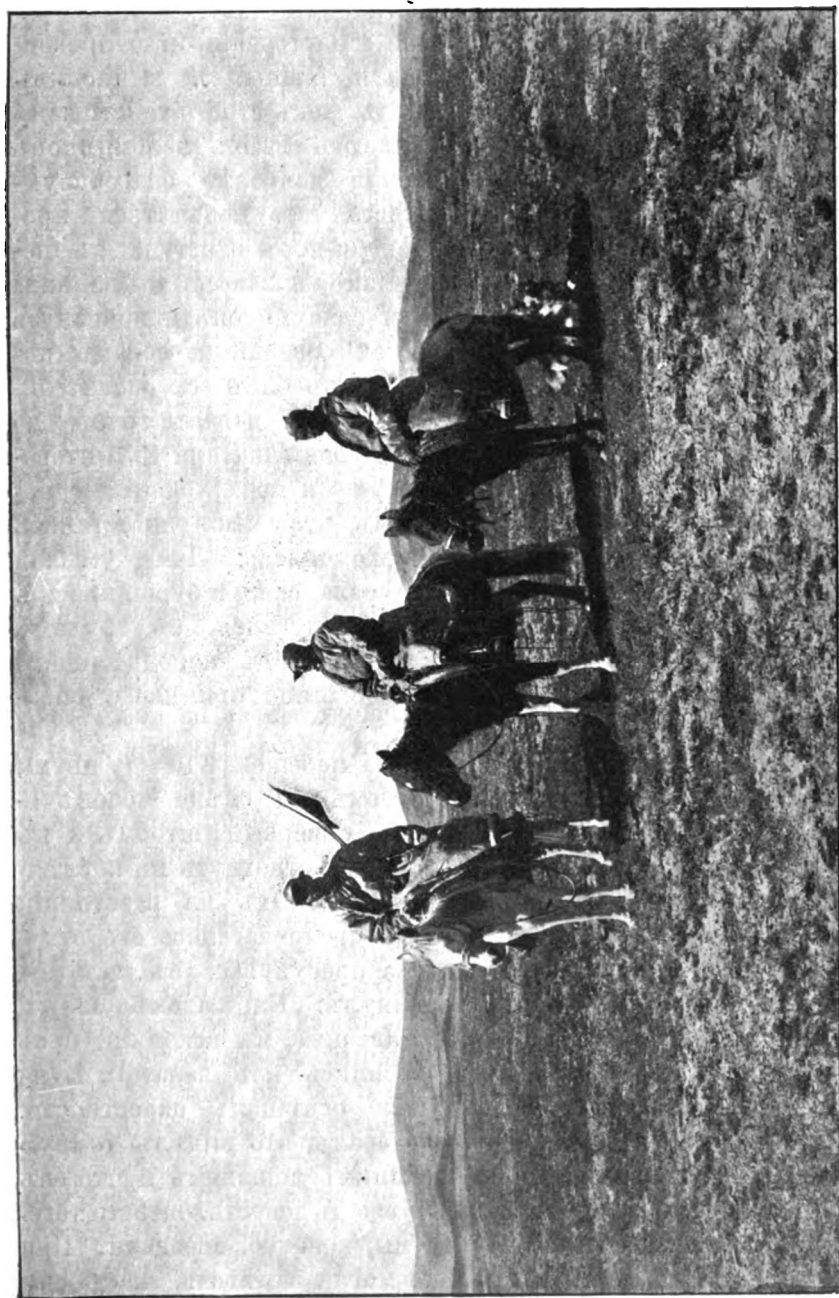
XXXVII.

Выступленіе въ Лхассу.— Ночное нападеніе.

Наскоро я облекся въ монгольское одѣяніе: темно-красный полушубокъ съ желтымъ кушакомъ, желтая шапка и неуклюжіе, на толстыхъ подошвахъ, сапоги со вздернутыми носками, которые я носилъ раньше, чтобы снашивать ихъ; желтой шубы не понадобилось, такъ какъ стояла чудная погода. Я былъ до того „неподдѣльнымъ“, что Сыркинъ, подойдя ко мнѣ сзади, обратился ко мнѣ по монгольски и только, когда я обернулся, замѣтилъ свою ошибку и, конечно, смутился. Всѣхъ собакъ, кромѣ Маленькаго и Ёлбарса, привязали, навьючили животныхъ и, наконецъ, настала минута прощанья: всѣ были болѣе или менѣе тронуты; Сыркинъ отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе, а Гамра-Куль плакалъ, какъ дитя, провожая насъ въ дорогу. Шагдуровъ, повидимому, наслаждался мыслью о предстоящихъ приключеніяхъ, Лама же на своемъ ослѣ былъ флегматично-спокоенъ. Насъ провожалъ Эрдекъ, чтобъ сторожить животныхъ въ теченіе первыхъ двухъ ночей. Чердоновъ и Турду-бай тоже насъ провожали, но они скоро вернулись.

Рѣчная долина, по которой мы пошли, была узка и окаймлена крутыми холмами. Вода протекала по глубокой балкѣ и только въ болѣе широкихъ мѣстахъ рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ. Уже въ самомъ началѣ пришлось перейти черезъ рѣку девять разъ. Почва состоитъ изъ краснаго вывѣтрившагося песчаника, но нигдѣ нѣтъ выходовъ коренной породы. На правомъ берегу бродъ былъ

обозначенъ кучей камней, и здѣсь нѣсколько закоптѣлыхъ камней и убитый, вполне засохшій якъ свидѣтельствовали о стоянкѣ охотниковъ. Медвѣдь, повидимому, наканунѣ или въ этотъ же день поинтересовался остатками. Еще нѣсколько разъ мы перешли черезъ рѣку и, наконецъ, вышли на обширную равнину. Рѣка протекаетъ на С.-В., а мы продолжали путь на Ю.-В. У открытаго нами ключа мы расположились на ночь, потому что одинъ изъ муловъ серьезно захромалъ. Я занялся разведеніемъ огня, остальные же болѣе грубой работой. Лошадямъ и муламъ арканомъ привязали одну переднюю ногу къ задней, чтобы онѣ не могли слишкомъ удалиться отъ лагеря. Затѣмъ поужинали жареной говядиной, рисомъ, хлѣбомъ и чаемъ; китайскія палочки здѣсь пошли въ дѣло, руками подхватывали, и монгольскія чашечки оказались весьма удобными для жидкой пищи. Одинъ Лама мало ѣлъ, онъ страдалъ головной болью и чувствовалъ себя скверно. Уже въ 8 часовъ мы улеглись спать, и Эрдекъ сторожилъ животныхъ. Въ первый разъ паломники по-братски спали подъ одной крышей. На слѣдующій день Эрдека не отпустили, потому что Ламѣ было совсѣмъ плохо: онъ шатался въ сѣдлѣ и часто слѣзалъ и ложился на землю. Почва была чудная и твердая, съ легкостью мы проѣхали почти 40 км. Растительность въ долинахъ и на холмахъ, по которымъ проѣзжали, была скудная, но дичи, кулановъ и яковъ было много: они питаются мохомъ и растеніями, которыхъ наши домашнія животныя не знаютъ. Слѣдовъ людей не было видно, хотя мы тщательно всматривались въ окрестности изъ осторожности. Нужно было дать Эрдеку время скрыться незамѣченнымъ. Курсъ держали на В.-Ю.-В. На В. высится покрытая снѣгомъ громада, ближе разстилается голубое озеро. У берега, вдоль котораго мы хотѣли пройти, отвѣсны стѣны краснаго песчаника, заградили намъ путь и заставили насъ итти въ обходъ черезъ холмы на Ю.-З., но пройдя ихъ мы вышли на удобный берегъ. Уступы и террасы указываютъ на стадію высыханія. На берегу нѣтъ слѣда жизни: вода горько-соленая. Наступила пора думать о ночлегѣ, и къ югу отъ озера показалось другое съ прѣсной водой, несмотря на то, что берега его столь же пустынные; пастбище и топливо поэтому было не обильно.

Три паомника при выступленіи изъ главной квартири.

Лама чувствовалъ себя лучше и настроеніе было превосходное: сидя у огня мы строили планы. Я вычислялъ маршрутъ дня; Лама рассказывалъ, какъ строго тибетцы въ Накчу допрашиваютъ и обыскиваютъ всѣхъ паломниковъ изъ Монголіи и поэтому мы сочли наиболѣе благоразумнымъ обойти это мѣсто, но вмѣсто того попытаться пробраться къ западному берегу Тенгри-норъ и оттуда къ перевалу Лани-ля. Значить, между Накчу и Лхассой мы должны были примкнуть къ общему пути паломниковъ и исчезнуть въ толпѣ ихъ. Затѣмъ надо мной совершили обрядъ постриженія: Шагдуровъ, ножницами истребилъ всю растительность на моей головѣ и Эрдекъ бритвой довелъ голову до состоянія бильярднаго шара. Шагдуровъ и Лама съ интересомъ слѣдили за операціей. Самъ же я подъ конецъ не пощадилъ и усовъ и успокоился тѣмъ, что у меня еще остались брови. Но этимъ процедура не закончилась: Лама умѣлой рукой вымазалъ мое лицо смѣсью сала, сажи и бурой краски. Я посмотрѣлъ въ зеркало и почти испугался, съ трудомъ узнавъ самого себя, до того я имѣлъ видъ неподдѣльнаго монгола. Когда мазь высохла, мое лицо приняло сѣроватый оттѣнокъ.

Наша стоянка была устроена на перешейкѣ между двумя вышеупомянутыми озерами. Кругомъ ни слѣда человѣческаго. Въ пять часовъ поднялся сѣверный штормъ и въ 8 часовъ мы уже спали, чтобъ вполне отдохнуть въ послѣдній разъ. Эрдекъ же сторожилъ животныхъ на разстояніи 200 шаговъ отъ лагеря и утромъ предполагалось его отпустить. Около полуночи его голова просунулась въ палатку, и онъ чуть живой отъ страха шепнулъ: „Биръ адамъ келдн“, т. е. пришелъ человѣкъ! Какъ ужаленные, мы вскочили и съ ружьями и съ револьверами бросились изъ палатки. Буря все еще бушевала; мѣсяцъ тускло освѣщалъ окрестности. Эрдекъ короткими словами рассказалъ, что видѣлъ темную фигуру, пробирающуюся къ крайнимъ лошадямъ и что онъ до того испугался, что сразу побѣжалъ донести, вмѣсто того, чтобы забить тревогу. Поэтому мы, конечно, опоздали. При слабомъ свѣтѣ луны мы только могли замѣтить, какъ два всадника съ двумя подручными лошадьми исчезли за холмами. Выстрѣлъ Шагдунова не поправилъ дѣла. Онъ сейчасъ

же съ Ламой и съ Эрдекомъ пустились по слѣдамъ, но часъ спустя, они вернулись безъ результата. Сейчасъ же учинили военный совѣтъ; сосчитали оставшихся животныхъ: двѣ лошади, моя и Шагдурова, исчезли. По слѣдамъ было видно, что 3 человѣка противъ вѣтра приблизились къ лагерю, два изъ нихъ съ лошадьми остановились въ ложбинѣ, третій же на четверенькахъ подползъ къ лошадямъ и согналъ двухъ въ ложбину, а затѣмъ всѣ три въ одно мгновеніе скрылись за холмами. Я до того разстроился этимъ случаемъ, что разные дикіе проекты отомщенія возникли у меня въ головѣ; и дѣйствительно было чему сердиться: вѣдь это совершилось на глазахъ ночного сторожа и двухъ злыхъ псовъ. Глупаго Эрдека я совершенно забылъ разнести. Его храбрость была приурочена къ пустынямъ и другимъ необитаемымъ странамъ и онъ совершенно правъ, что имѣть дѣло съ людьми хуже всего.

Наконецъ, я успокоился и обсудилъ наше положеніе. По слѣдамъ преслѣдовать было невозможно: они недалеко исчезали на твердомъ щибнѣ. Шагдуровъ ни за что не хотѣлъ разстаться со своимъ конемъ; но и онъ успокоился, когда я ему доказалъ нелѣпость преслѣдовать при такихъ обстоятельствахъ: всѣ шансы были на ихъ сторонѣ, и при нашихъ скверныхъ усталыхъ лошадяхъ, даже если бы были видны слѣды, было бы невозможно догнать ихъ; они знакомы съ мѣстностью, мы же нѣтъ. Нужно было утѣшиться тѣмъ, что они не взяли съ собой всѣхъ нашихъ лошадей. Вѣроятно, эти конокрады имѣли какое-нибудь отношеніе къ слѣдамъ, видѣннымъ Сыркинымъ и къ выстрѣламъ, слышаннымъ мусульманами: за нами слѣдили и насъ очевидно сторожили со всѣхъ сторонъ.

Послѣ этого случая о снѣ, конечно, нечего было и думать. Мы сидѣли и разговаривали у огня, потомъ приготовили завтракъ. На разсвѣтѣ собрались въ путь. Для меня осталась другая бѣлая лошадь, Шагдурову досталась лошадь Эрдека. Самъ же Эрдекъ съума сходилъ отъ страха: ему безоружному предстояло пройти 70 килом. до главнаго лагеря. Онъ униженно просился итти съ нами, обѣщая быть болѣе бдительнымъ въ слѣдующій разъ, но я ему

отказалъ наотрѣзъ. Я передалъ ему записку на имя Сыркина, въ которой описалъ случившееся и предупредилъ его быть насторожѣ, чтобы не украли животныхъ. Далѣе приказалъ послать Чердонова, Ли-Лойе и еще одного на преслѣдованіе конокрадовъ, на что пожертвовать не болѣе недѣли. Письмо это Эрдекъ засунулъ въ поясъ, ему дали коробку спичекъ и онъ отправился, имѣя видъ осужденнаго на смерть. Какъ только мы сѣли на лошадей, онъ пустился бѣгомъ вдоль берега. Онъ, конечно, былъ увѣренъ, въ томъ, что за каждымъ камнемъ его выжидаетъ разбойникъ. Уже впослѣдствіи, когда миновали всѣ заботы о путешествіи въ Лхассу, онъ самъ рассказывалъ, о своемъ возвращеніи. Цѣлый день 29-го іюля онъ не остановился ни на минуту, боялся итти по нашимъ слѣдамъ, пробирался ложбинами и балками. Все время онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ темноты, но когда стемнѣло и пошелъ сильный дождь, то стало въ десять разъ хуже: онъ пугался малѣйшаго звука, даже собственныхъ шаговъ. Наконецъ, уже темною ночью онъ добрался до входа въ нашу долину, и все время ему казалось, что сзади слышны шаги, и какъ онъ не заблудился, осталось загадкой. У входа въ лагерь его чуть было не застрѣлилъ ночной сторожъ, забившій тревогу. Но его во время узнали удивленные товарищи; долго онъ не могъ отвѣтить на разспросы: вѣдь онъ не ѣлъ ничего за это время. Рассказъ Эрдека и письмо, конечно, взволновали всѣхъ оставшихся, ночные дозоры были усилены и ожидали худшаго. На другое же утро Чердоновъ, Турду-бай и Ли-Лойе отправились преслѣдовать разбойниковъ; Эрдекъ лежалъ безъ ногъ. Несмотря на дождь нашли и наши слѣды, и слѣды разбойниковъ: по нимъ они шли около 40 верстъ, считая отъ соленого озера; здѣсь разбойники присоединились къ партіи своихъ съ 15 яками. Послѣ этого они такъ долго шли по водѣ и щебню, что слѣды совершенно исчезли.

Но пора вернуться къ нашему путешествію. Курсъ держали на Ю.-В. и В.-Ю.-В. и въ теченіе дня прошли почти 40 километровъ. На берегу слѣдующаго за лагеремъ озера, мы видѣли слѣды стада барановъ. Затѣмъ шли по широкой долинѣ, богатой подножнымъ кормомъ. На косогорѣ паслось стадо изъ сотни яковъ и мы усердно высматривали пасту-

ховъ; при нашемъ приближеніи яки усакали: они оказались дикими. Всѣ долины, повидимому, сходятся на Ю.-З.; тамъ же вѣроятно находится озеро. Видъ мѣстности однообразный въ теченіе всего дня. Къ вечеру мы остановились на открытомъ мѣстѣ на берегу рѣчки. Подножнаго корма и топлива достаточно. Такъ какъ насъ было только трое, то и мнѣ пришлось взяться за болѣе грубую работу, которую я справлялъ въ послѣдній разъ въ 1886 году, при одинокомъ путешествіи черезъ Персію. Шагдуровъ и Лама занялись животными, я же собиралъ топливо. Теперь я уже больше не „Ваше Превосходительство“: строго было запрещено Шагдурову и Ламѣ оказывать мнѣ знаки почтенія. Шагдуровъ нашъ начальникъ и всѣ мы его слушаемся. Запрещено было также говорить по-русски. Шагдуровъ послѣ нѣкотораго навыка справлялся со своей ролью отлично. Лама остался Ламой. Мнѣ же было хуже всего: и роль монгола и роль рабочего не легка. Шагдуровъ и Лама къ вечеру были въ удрученномъ настроеніи: въ то время, когда они загоняли животныхъ на ночь, они видѣли въ отдаленіи трехъ конныхъ тибетцевъ, проѣхавшихъ съ востока на С.-З.; при видѣ нашего лагеря они остановились было, но затѣмъ поѣхали дальше. Очевидно за нами слѣдятъ и ихъ поведеніе показалось подозрительнымъ.

Когда стемнѣло, мы привязали животныхъ передъ палаткой, съ подвѣтренной стороны. Ёлбарса привязали снаружи, подъ вѣтромъ, а Маленькаго устроили за палаткой. Потушили огонь и приготовились къ ночи: ее раздѣлили на три вахты: я вступалъ въ 9 часовъ вечера, Шагдуровъ въ 12 часовъ ночи, а Лама въ 3 часа утра. Первая вахта оказалась не трудной, отчасти потому, что я передъ вступленіемъ выспался, отчасти же потому, что ожидали нападенія. Но несмотря на то, что я всячески старался развлечься и собаками и мулами, время шло очень медленно; ¹/₁₀ разразилась сильная гроза. Промокая постепенно до нитки, я ходилъ взадъ и впередъ. Дождь шелъ не переставая. Послышался отдаленный вой: не забить ли тревогу? Нѣтъ, это Ёлбарсъ завылъ съ тоски. Раскаты грома и дождь все время меня смущали. Уже первый часъ, но разбудить Шагдурова мнѣ жаль; онъ такъ крѣпко спитъ.

Вдругъ собаки поднимають озлобленный лай. Лама проснулся и вооруженные ружьемъ и револьверомъ мы направились къ подозрительному мѣсту: я ясно слышалъ конскій топотъ и въ другомъ направленіи лай собаки. Разбудивъ Шагдурова, я съ нимъ прокрался прямо по вѣтру, повременамъ останавливаясь и прислушиваясь. Опять послышался быстро удаляющійся конскій топотъ, и опять все стихло; когда всѣ успокоились Шагдуровъ вступилъ на вахту.

Уже въ 5 часовъ утра насъ разбудилъ Лама. Настроеніе не изъ лучшихъ послѣ такой сырой ночи. Все грязно и мокро, все издаетъ какой то прѣлый запахъ. По моему, все идетъ какъ нельзя лучше. Мои мусульмане безъ сомнѣнія считали меня болѣе или менѣе сумасшедшимъ, когда я снарядился въ это безумное предпріятіе. Городъ Лхасса вѣдь, благодаря описаніямъ, картамъ и фотографіямъ пундитовъ и бурятовъ, болѣе извѣстенъ, чѣмъ большинство другихъ городовъ Средней Азіи. Но меня привлекала мысль о предстоящихъ трудностяхъ и приключеніяхъ, пріятная перемѣна послѣ двухлѣтняго странствованія по необитаемымъ частямъ материка. Лама мнѣ до мельчайшихъ подробностей описывалъ городъ, мнѣ это уже надоѣло. Я хотѣлъ познакомиться съ тибетцами, спросить, узнать, почему они такъ презирають европейцевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодой человѣкъ, необладавшій критическимъ умомъ, описалъ, какимъ мукамъ и истязаніямъ онъ подвергался со стороны тибетцевъ; его захватывающія душу подробности меня не смутили просто потому, что я не вѣрилъ имъ. Было бы хорошо, еслибы люди, которые не могутъ въ своихъ повѣствованіяхъ держаться правды, вовсе-бы не писали книгъ.

XXXVIII.

Первые кочевники.—Опасный бродъ.

День настать пасмурный и морозный, хотя дождя выпало меньше, чѣмъ можно было ожидать. Утромъ Лама увѣрялъ, что видитъ палатку и совѣтовалъ заѣхать за справками, но я предпочелъ направиться прямо къ перевалу въ южныхъ горахъ, совершенно побѣлѣвшихъ отъ выпавшаго града. Въ долину мы видѣли слѣды недавнихъ приваловъ и на перевалѣ была воздвигнута каменная пирамида. Въ долину, ведущей на Ю.-В., мы наткнулись на трупъ овцы, навьюченной двойнымъ мѣшкомъ съ солью. Вообще слѣды пребыванія человѣка становятся все многочисленнѣе.

Когда долина повернула на Ю.-З., мы ее покинули и переправились черезъ слѣдующую горную цѣпь. Здѣсь мы попали на хорошо замѣтную дорогу, но видъ на Ю.-В. мало утѣшительнъ: горныя кряжи тянутся за кряжами. Мы спустились по открытой Шагдуровымъ дорогѣ внизъ въ долину, изобилующей водой и подножнымъ кормомъ. Такъ какъ впереди растительность, повидимому, убывала, то мы вскорѣ остановились на стратегически удобномъ мѣстѣ: на перешейкѣ, шириной въ 70 метровъ между двумя озерами. Дождь шелъ безостановочно. Уже въ 8 часовъ мы привязали животныхъ и я вступилъ на вахту. На этотъ разъ никакихъ тревожныхъ случаевъ не было, если не считать отвя завшихся двухъ муловъ, на водвореніе которыхъ на старое мѣсто ушло $\frac{1}{2}$ часа. Когда же я проснулся на слѣдующее утро, 31 іюля, дождь шелъ съ прежней силой. Во всемъ

караванъ не было сухой нитки, но мы не смущаясь сѣли въ сѣдла и двинулись все въ томъ же направленіи на Ю.-В. Дорога, ведетъ повидимому, въ Лхассу черезъ 5 маленькихъ переваловъ второстепенной величины. Далѣе съ ней съ лѣвой стороны соединяется другая дорога, по которой, судя по слѣдамъ, недавно прошло большое стадо яковъ. И дѣйствительно, недалеко мы увидѣли черняющихъ на дорогѣ яковъ и стадо барановъ. Даже палатка выдѣлилась изъ подъ прикрытія холма. Мы съ Шагдуровымъ продолжали путь, а Лама отправился къ палаткѣ для переговоровъ. Оказалось, что это тангуты—паломники идущіе въ знаменитый храмъ Кумъ-бумъ. Они передвигались очень медленно съ частыми привалами и были увѣрены, что остался еще мѣсяцъ пути до Лхассы. Они удивительно интересовались нами и подробно хотѣли узнать, откуда мы идемъ и куда мы направляемся, сколько насъ и т. д. Барановъ сторожила старушка, безъ сомнѣнія, привыкшая къ паломникамъ: она не показывала и признаковъ боязни. Она сообщила, что въ слѣдующей долиנѣ мы увидимъ черную палатку, жители которой могутъ сообщить намъ желаемыя указанія. На указанномъ мѣстѣ мы дѣйствительно нашли палатку и остановились въ верстѣ отъ нея изъ осторожности опять таки въ открытомъ мѣстѣ. Лама сразу отправился къ палаткѣ и вернулся съ хорошими извѣстіями: онъ тамъ видѣлъ молодого человѣка и двухъ женщинъ; они извинились, что ничего не могутъ продать, потому что праздничный день, но все таки снабдили его сухимъ топливомъ. На вопросъ, могутъ ли они продать намъ лошадей, они не могли отвѣтить: хозяина не было дома. Лама едва успѣлъ сообщить намъ эти новости, какъ явился самъ хозяинъ. Сперва онъ остановился поодаль, но приглашенный Ламой безъ стѣсненія приблизился и усѣлся передъ входомъ въ палатку. Ему было около 40 лѣтъ; звали его Сампо-Синги; его лицо было смуглое, почти черное, морщинистое, безъ бороды; черные волосы мокрыми клочками свѣшивались на разорванный, мѣшковатый тулупъ; грубые войлочные сапоги, поясъ съ трубкой и съ кисетомъ—все было покрыто корой грязи. Головного прибора и штановъ на немъ не было. Онъ безпрестанно сморкался въ пальцы и мы послѣдовали его примѣру, увѣренные, что это такъ требуетъ тибетскій эти-

Молодой пастухъ—тибетецъ.

кетъ. Безцеремонно Сампо-Синги осмотрѣлъ наши вещи—инструменты и дневники мы вовремя успѣли упрятать. На меня онъ не обратилъ особаго вниманія. Ламъ удалось узнать отъ него, что мѣсто вчерашняго лагеря называется Мерикъ, что рѣка, протекающая недалеко отсюда, называется

Гомъ-джима и что ближайшія горы носятъ названіе Гарамукъ-Лурумакъ. Далѣе онъ сообщилъ, что въ теченіе двухъ дней мы едва ли встрѣтимъ кочевниковъ, но въ третій дойдемъ до многочисленныхъ палатокъ. По

его словамъ, короткими переходами намъ оставалось 12 дней до Лхассы, а большими (до 40 верстъ)—8 дней. Путь, по которому идемъ, ведетъ къ перевалу Лани-ля. Въ теченіе разговора Шагдуровъ приказалъ мнѣ собрать животныхъ на ночь и, если бы удаляющійся Сампо-Синги былъ болѣе интеллигентенъ, то у него могли бы возникнуть подозрѣнія изъ того обстоятельства, что я такъ не умѣло принялся за исполненіе порученія.

При закатѣ солнца погода немного прояснилась, но къ ночи опять полилъ равномѣрный сильный дождь. Ночь мы

Старикъ—тибетецъ.

провели сравнительно спокойно въ сосѣдствѣ мирныхъ кочевниковъ, такъ какъ Сампо-Синги увѣрялъ, что разбойники здѣсь не встрѣчаются.

1-го августа меня разбудили извѣстіемъ, что идутъ три тибетца: двое мужчинъ и женщина. Мы поспѣшили

спрятать мелкія вещи, могущія насъ изобличить. Сампо-Синги опять ораторствовалъ, выставляя свои приношенія у огня. Какія прелести! Большой кусокъ сала (моръ), горшокъ простокваши (шо), чашка творога (чорà), горшокъ молока (ома) и сливокъ (бема). Творогъ входитъ въ приготовленіе цамбы—національнаго лакомства монголовъ, также какъ и прочія составныя части: мука, чай и кусочки жира или масла; съ цамбой я, признаюсь, не могъ свыкнуться. При вопросѣ о платѣ Сампо-Синги отказался отъ какихъ либо денегъ, кромѣ монетъ изъ Лхассы; такъ какъ ихъ у насъ не было, то мы ему предложили китайской матеріи, которой у насъ имѣлся маленькій запасъ. Долго мы торговались и наконецъ условились на 12 аршинъ. Сампо-Синги умертвилъ барана очень примитивнымъ способомъ: связалъ ему ноги, придавилъ голову къ землѣ и засунулъ два пальца въ ноздри; пока баранъ еще барахтался, Сампо-Синги усердно молился: „онъ маны падми хумъ“. Послѣ этой непріятной сцены мы всѣ вмѣстѣ позавтракали. Только женщина до того влюбилась въ кусокъ матеріи, что ничего не ѣла. Она была одѣта также, какъ и мужчины, и какъ они, неизмѣнно грязна. Послѣ завтрака Сампо-Синги помогъ намъ навьючить лошадей и пожелалъ намъ счастливаго пути въ Лхассу и пріятнаго пребыванія тамъ. Мы обѣщали посѣтить его на обратномъ пути, что и сдѣлали, но онъ тогда уже успѣлъ переселиться въ другіе края.

Женщина—тибетка.

Мы тронулись въ 9 часовъ черезъ холмы и бугорки по направленію къ рѣкѣ Гарчусенги. Погода обѣщала мало пріятнаго. И дѣйствительно, только успѣли отойти на пять минутъ отъ Гомъ-джима, какъ дождь полилъ ручьями,

и почва, конечно, превратилась въ кашу. Гарчу-сенги мы оставили съ лѣвой руки и черезъ перевалъ по крутому косогору спустились на широкое и ровное дно долины. Наконецъ по холмамъ, покрытымъ богатой растительностью, мы вышли на берегъ рѣки, до того широкой, что мы первоначально приняли ее за озеро. Эта рѣка Сачусангпо, черезъ которую необходимо было перейти, оказалась той же самой, черезъ которую перешли Бонвало, Анри Орлеанскій и Рокгиль, но она отъ дождя до того разлилась, что переправа черезъ нее внушала опасеніе. Рѣка разбивалась на 20 рукавовъ, изъ которыхъ 4 были весьма солидныхъ размѣровъ. Но Лама, ѣхавшій всегда впереди, не тратя времени на изслѣдованія брода и не колеблясь пустился въ воду. Все обошлось благополучно и только мѣстами глубина достигала одного метра. Мы посрединѣ остановились отдохнуть нѣсколько минутъ на илистомъ наносѣ. Береговъ не видать сквозь частый дождь. Но Лама безстрашно двинулся дальше. Вода доходила до сѣдла и Лама поднималъ колѣни, чтобы не зачерпнуть воды въ сапоги. Мулъ, навьюченный нашими обитыми кожей, сундуками, благодаря послѣднимъ, былъ поднятъ водою и кружась понесся по теченію; я уже считалъ его погибшимъ. Но онъ удивительно ловко выбрался изъ наиболѣе быстрого теченія и выкарабкался на берегъ. Лама, благодаря шуму не замѣтилъ опасности, грозившей навьюченному мулу и не смущаясь продолжалъ путешествіе и благополучно выѣхалъ на другой берегъ. Намъ на высокихъ лошадяхъ грозила меньшая опасность. Я одинъ замѣшкался и отсталъ, слѣдя за переправой остальныхъ. Наконецъ я пустился по прямому направленію къ переправившимся; вода все прибывала, и что мнѣ кричали мои спутники, я за шумомъ воды не могъ понять. Когда же лошадь пустилась вплавъ, я основательно таки выкупался въ мутной водѣ. Еще немного усилій и мы выбрались на крутой берегъ. Все было перемочено; но это ничто не значило, такъ какъ дождь уже заранѣе сдѣлалъ свое дѣло. Всю переправу совершили въ 26 минутъ. Общая ширина водного пространства была около 500 метровъ. Измѣрить количество воды намъ не пришлось, но на глазъ я опредѣлилъ его въ 200—250 куб. метровъ въ секунду. Это одна изъ самыхъ зна-

чительныхъ рѣкъ центральнаго Тибета, конечно не имѣющихъ стока къ морю.

Погода стояла ничуть не привлекательнѣе и мѣстность пріобрѣтала все болѣе мрачный видъ. Мои сапоги были замѣчательно водонепроницаемы и поэтому я предпочелъ ихъ снять, вылилъ содержимое и повѣсилъ за сѣдломъ. Всѣмъ намъ уже надоѣло путешествовать при мокрой погодѣ и поэтому мы остановились у маленькой рѣчки, подъ холмомъ, покрытымъ травой. Съ большимъ трудомъ удалось развести огонь и немного обсушить самую необходимую одежду. Вахту свою я отстоялъ благополучно, хотя благодаря нервному возбужденію мнѣ слышались то крики, то шаги, то конскій топотъ. Теперь уже ни для кого не могло оставаться тайною, что мы отправляемся въ Лхассу. Наше положеніе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ; но мы съ честью уже выдержали два тяжелыхъ испытанія: покушеніе разбойниковъ и переправу черезъ рѣку. Мои товарищи спятъ тяжелымъ сномъ. Но полночь, пора ложиться! Мы съ Шагдуровымъ безмолвно помѣнялись мѣстами.

XXXIX.

Въ критическомъ положеніи.

День 2-го августа былъ для насъ счастливымъ: дождя не было, хотя утро обѣщало мало хорошаго, такъ какъ небо было затянуто грозными тучами; но къ вечеру солнце побѣдоносно освѣтило однообразный пейзажъ. Дорога могла бы быть хорошей, если бы передъ тѣмъ не выпало столько дождя. Высокихъ горъ не было видно, можетъ быть потому, что они были задержаны темными облаками. Вдали справа показалось черная палатка и около нея нѣсколько яковъ и стадо барановъ. Мы шли по слѣдамъ стада яковъ и, наконецъ догнали караванъ, расположившійся на косогорѣ около дороги; 300 навьюченныхъ яковъ паслись около родниковъ на зеленой травѣ. Ихъ погонщики, числомъ 25, расположились у костра подъ открытымъ небомъ; палатки у нихъ не было. Ихъ грузъ, состоящій изъ кирпичнаго чая, былъ назначенъ изъ Кумъ-бумъ въ Ташилумпо на Брамапутрѣ. Они передвигаются только по ночамъ, что бы дать животнымъ пастись днемъ; отличный способъ, когда путь извѣстенъ и когда не нужно заниматься съемкой. Пока мы проѣзжали, нѣсколько человѣкъ высыпало на дорогу. Верхняя часть тѣла у нихъ была совершенно обнажена и шуба свѣшивалась сзади придерживаемая однимъ только кушакомъ. Они сразу спросили, сколько насъ, какъ будто собирались помѣряться съ нами силами. Далѣе послѣдовали вопросы, куда, откуда и т. д. Между прочимъ я слышалъ какъ одинъ изъ нихъ, толкая товарища въ бокъ и указывая

на меня пальцемъ, сказалъ слово „пелингъ“, т. е. еропеецъ. Видъ у нихъ былъ ужасный, сущіе разбойники. Несмотря на ихъ приглашеніе, мы не остановились, но далеко не ушли, всего 25 км. потому, что лошади не были въ состояніи итти дальше.

Вечеръ былъ прекрасный, солнце грѣло и мы выложили всѣ вещи для просушки. Но только мы успѣли расположиться вокругъ лампы, которую смастерилъ наканунѣ

Домашній якъ. (Мой верховой якъ на пути изъ Лея въ Каракорумъ въ 1902).

Лама на своей вахтѣ изъ консервной баночки, какъ разразилась непогода съ градомъ и дождемъ и принудила насъ быстро спрятать разложенное имущество. Въ теченіе вечера пришли къ заключенію, что необходимо вымѣнять лошадей и муловъ на яковъ, чтобъ совершать болѣе значительные переходы.

Въ послѣдніе дни ничего подозрительнаго не случилось, но Лама былъ увѣренъ, что охотники за яками уже увѣдомили вожда въ Накчу, а этотъ въ свою очередь разослалъ курьеровъ по всей странѣ для усиленія надзора. Поэтому было бы выгодно пройти въ болѣе населенныя мѣста, гдѣ мы могли бы незамѣтно проскочить.

Ночью мы удвоили бдительность, потому что погонщики при чайномъ караванѣ внушали намъ мало довѣрія. Слѣдующій день, чтобы дать отдохнуть животнымъ, мы остались на этомъ же мѣстѣ, называемомъ тангутами Амдомочу. Утромъ въ день отдыха мимо насъ прошелъ чайный караванъ въ образцовомъ порядкѣ, съ военной дисциплиной: они шли отдѣленіями въ 30—40 яковъ каждое, и въ каждомъ отдѣленіи порядокъ поддерживался нѣсколькими погонщиками. Стоило имъ только махнуть рукой, и якъ, отдѣлившійся отъ своего каравана, возвращался на свое мѣсто. Вьюки они имѣли незначительные, и всѣ погонщики шли пѣшкомъ; изъ нихъ 10 были вооружены ружьями. Ради разнообразія они теперь путешествовали днемъ, потому что лунный свѣтъ при сравнительномъ изобиліи подножнаго корма, давалъ животнымъ возможность пастись и ночью. Картина была довольно интересная: всѣ были черны, и яки, и люди, и ихъ одежда, и вооруженіе.

Цѣлый день мы наслаждались чудной погодой, и всѣ вещи наши подверглись основательной просушкѣ. Я увлекся кулинарнымъ искусствомъ и готовилъ настоящія лакомства, поджаривая куски мяса на маслѣ, приправляя ихъ солью и творогомъ. Нашелся также мѣшечекъ изюма, и къ чаю онъ доставилъ намъ не мало наслажденія. Покуривая послѣ обѣда мы развалились погрѣться на солнышкѣ. Къ вечеру занялись обновленіемъ цвѣта моего лица. Разговорнымъ языкомъ у насъ служилъ исключительно монгольскій, и мы заранѣе подготавливались отвѣчать на вопросы. Всѣ мы буряты изъ Сахира и проѣхали черезъ страну монголовъ Халха и черезъ Цайдамъ. Лама ни за что не хотѣлъ слыть за монгола; онъ боялся, чтобы его не узнали и не задержали. Вообще его мучила совѣсть, и цѣлый день онъ произносилъ нескончаемыя молитвы, чтобы успокоить ее. Онъ очень интересовался христіанской религіею и разспрашивалъ меня о ней, увѣряя, что въ ней съ буддійской много общаго, и что я имѣлъ столько же права на паломничество въ Лхассу, сколько и онъ. Видя, что я занятъ столь разнообразными наблюденіями, онъ пришелъ къ заключенію, что ламы въ Лхассѣ должны быть благодарны и за то, что ихъ посѣтитъ столь ученый мужъ. Самъ

онъ часто просилъ меня помолиться за него, чтобъ опасность миновала его; вѣдь онъ только ради меня предпринялъ это путешествіе.

4 августа, въ 5 часовъ утра, мы двинулись. По довольно открытой странѣ мы прошли черезъ нѣсколько рѣчекъ, держа направленіе на Ю.-Ю.-В. Намъ встрѣтился караванъ изъ 100 яковъ съ легкимъ тюкомъ, прикрываемыхъ дюжиной вооруженныхъ конныхъ мужчинъ. При встрѣчѣ произошло маленькое замѣшательство: наши мулы присоединились къ каравану и яки взбѣсились и понесли, собаки наши подрались между собою и стоило не мало трудовъ привести все опять въ порядокъ. Мулы послѣ этого долго не могли успокоиться и пришлось одного привязать, чтобы препятствовать его самостоятельнымъ экскурсіямъ по равнинѣ. Погода стояла прекрасная и мы по хорошей дорогѣ поднялись къ удобному перевалу, украшенному кучей камней („убу“) и плитами песчаника съ надписью: „Онъ маны падми хумъ“. Почва была изрыта ходами крысъ, ловля которыхъ представляла любимое занятіе собакъ. На перевалѣ мы миновали нѣсколько черныхъ палатокъ со стадами барановъ и яковъ. Съ перевала спустились въ обширную котловину. Лама завязалъ переговоры со старикомъ, вышедшимъ изъ палатки, но тотъ не согласился даже продать намъ молока. Дорога становится все шире и число палатокъ все увеличивается. Съ лѣвой стороны у озера мы прошли мимо знакомаго намъ каравана съ чаемъ. Чтобы насъ не тревожили слишкомъ много любопытные, мы прошли еще часъ, всего съ утра 34½ км., и расположились у поселка состоявшаго изъ четырехъ палатокъ. Лама направился туда и вернулся съ кускомъ сала и съ „домбой“ (монгольская чашка) молока, полученныхъ въ обменъ на китайскую фарфоровую чашку. Насъ между тѣмъ посѣтилъ молодой тибетецъ, и только по возвращенію Ламы мы могли понять кое-что изъ его рѣчей; онъ былъ родомъ изъ Амдо, гдѣ говорятъ на нарѣчій, нѣсколько отличающемся отъ нарѣчія Лхассы. Онъ сидѣлъ у насъ и мы его вполне предоставили Ламѣ; только когда начинало смеркаться, онъ удалился. На вопросъ, встрѣчаются ли здѣсь разбойники, онъ отвѣтилъ: „Для насъ тибетцевъ ихъ нѣтъ,

но для васъ, путниковъ изъ далекихъ странъ, мѣстность не безопасна“.

Въ понедѣльникъ 5 августа мы проѣхали 34 км. до лагеря. Мы прошли мимо озера, названнаго вчерашнимъ тибетцемъ Цзо-неккѣ въ него стекались всѣ окрестныя рѣки. Далѣе перешли черезъ три перевала, и на одномъ изъ нихъ разразилась обычная непогода съ градомъ и дождемъ, несмотря на то, что погода до сихъ поръ стояла прекрасная. На обширной равнинѣ, окруженной довольно значительными горами мы остановились, чтобы, какъ въ послѣдствіи оказалось, не итти дальше въ этомъ направленіи. Всего мы прошли отъ главной квартиры 270 километровъ. Въ пути на насъ нигдѣ не обратили никакого вниманія; это насъ удивило: тибетцы продолжали сидѣть у своихъ палатокъ. И даже здѣсь, гдѣ по близости помѣщались 12 черныхъ палатокъ, любопытныхъ зрителей къ намъ не явилось. Мы, конечно, этому были очень рады.

Вечеромъ, когда я успѣлъ совершить обрядъ бритья и окрашиванія и только что заснулъ, Шагдуровъ разбудилъ меня и сообщилъ, что къ намъ идутъ три тибетца. Шагдуровъ и Лама вышли къ нимъ для переговоровъ, я же остался въ палаткѣ. Долго они не возвращались, но наконецъ вернулся Шагдуровъ, спокоенъ какъ всегда, но уже то, что онъ обратился ко мнѣ по-русски, не предвѣщало ничего хорошаго. „Наши дѣла плохи, сказалъ онъ, я ни слова не понялъ изъ разговоровъ, но безпрестанно слышалъ слова: шведъ-пелингъ, чанто (мусульманинъ), бурять, Лхасса. Они теперь сидятъ и разговариваютъ, Лама почти плачетъ“. Но вотъ и Лама появился крайне взволнованный. Когда онъ немного успокоился, онъ сообщилъ, что одинъ изъ трехъ посѣтителей, повидимому, нойинъ (офицеръ, судя по головному убору), рассказалъ, что три дня тому назадъ было получено извѣстіе, будто „шведскій европеецъ“ (шведъ-пелингъ) находится въ пути въ Лхассу и что охотники за яками, недавно прибывшіе въ Накчу, видѣли большой караванъ и массу вооруженныхъ европейцевъ на пути къ югу. Послѣ этого введенія онъ предложилъ Ламѣ массу вопросовъ: знаетъ-ли онъ что-нибудь о европейцахъ, не находится ли одинъ изъ нихъ между нами, сколько насъ, какъ вооружены, откуда

идемъ, отчего прошли этой непосѣщаемой монголами дорогой. „Говори правду; какъ это возможно, что Лама соглашается итти съ незнакомыми иностранцами“. Лама отвѣтилъ, что получилъ приказаніе амбана въ Кара-Шарѣ въ качествѣ переводчика пройти съ европейскимъ караваномъ въ Ладакъ. Европейцы остановились въ разстояніи 9 переходовъ и пока животныя отдыхаютъ, намъ было позволено совершить паломничество въ Лхассу. Офицеръ очень подробно разспрашивалъ Ламу о главной квартирѣ и Лама правдоподобно

Группа тибетцевъ.

сообщилъ, что тамъ насъ ждутъ 3 европейца и 14 мусульманъ. Резолюція его была слѣдующая: оставаться на мѣстѣ въ теченіе слѣдующаго дня, тогда къ намъ прибудетъ монгольскій переводчикъ, чтобы разспросить другихъ. Остальную часть вечера мы провели, подготавливаясь къ распросамъ слѣдующаго дня.

Меня страшно интересовало, откуда они взяли слово „шведъ-пелингъ“. Возможно, что кто нибудь изъ большого монгольского каравана, прошедшаго мимо нашей главной квартиры въ Темирлыкѣ осенью 1900 г., слышалъ это слово отъ Шагдурова или Чердонова, тогда еще ничего не подозревавшихъ о путешествіи въ Лхассу. Возможно также, что Лама

въ разговорѣ съ офицеромъ пользовался этимъ словомъ. Шагдуровъ увѣрялъ, что на Ламу полагаться нельзя, что ему казалось, будто Лама въ теченіе разговора исключительно поддакивалъ офицеру. Но признать Ламу измѣнникомъ я не могъ, одно обстоятельство говорило въ его пользу, а именно, что ему, Ламѣ, было бы выгодно хранить наше инкогнито, такъ какъ при нашемъ разоблаченіи исключительно онъ поплатился бы за нашъ подлогъ. Что уже до 5-го августа насъ ожидали, можно было вывести изъ того, что у одной палатки насъ спросили, видѣли ли мы европейцевъ и одинъ изъ погонщиковъ прямо назвалъ меня „пелингомъ“.

Отстоять вахты въ эту ночь было не трудно, сосѣдовъ было много. Ночная тишина постоянно перерывалась лаемъ собакъ; вѣроятно кочевники переходили отъ палатки къ палаткѣ, передавая извѣстіе о прибытіи иностранцевъ.

XI.

Въ плѣну у тибетцевъ.

Наша судьба должна была рѣшиться 6-го августа. Немедленно послѣ восхода солнца подъѣхали три тибетца, которые слѣзали съ лошадей на почтительномъ разстояніи, расположились у костра и набили трубки свѣтлымъ, мелкимъ, но мало ароматическимъ табакомъ. Ихъ главная цѣль, очевидно, состояла въ осмотрѣ моихъ глазъ, такъ какъ они сейчасъ же попросили меня снять очки. Вѣроятно, они думали, что всѣ европейцы имѣютъ свѣтлые волосы и голубые глаза, поэтому они были крайне поражены, увидѣвъ, что мои глаза также черны, какъ и ихъ. Ихъ просьбу посмотреть на наше оружіе мы удовлетворили съ удовольствіемъ, надѣясь произвести имъ впечатлѣніе.

Послѣ этого они сочли благоразумнымъ удалиться, но предварительно объяснили, что потребуется три мѣсяца, чтобы дойти до Лхассы. Вѣроятно, они хотѣли напугать насъ этимъ извѣстіемъ и заставить насъ повернуть назадъ. Черезъ полчаса явился высокій, коротко стриженный, сѣдой лама въ красномъ одѣяніи и въ желтой шапкѣ; онъ съ перваго взгляда произвелъ на меня впечатлѣніе честнаго человѣка и, дѣйствительно, онъ не задавалъ намъ никакихъ лишнихъ вопросовъ, а только желалъ узнать о силѣ нашей главной квартиры, которую мы не скрывали. Съ поражающей увѣренностью этотъ старикъ сказалъ: „Вы должны остаться здѣсь три или пять дней. Сегодня утромъ мы по-

слали нарочныхъ къ начальнику провинціи Накчу, чтобы узнать, можете ли вы ѣхать дальше или нѣтъ. Въ отвѣтъ будетъ или письмо съ инструкціей или самъ начальникъ Камба-Бомбо: во всякомъ случаѣ вы пока въ плѣну у насъ. Если мы васъ пропустимъ и потомъ окажется, что вы не имѣли права ѣхать въ Лхассу, то мы бы поплатились жизнью за это. Нашъ ближайшій начальникъ въ Накчу, ему мы подчиняемся и у него мы должны испрашивать приказаній“.

Мое предложеніе послать курьера съ запросомъ въ Лхассу, онъ отвергъ, въ виду того, что отвѣтъ могъ быть не ранѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ. Точно также онъ не разрѣшилъ ѣхать намъ самимъ въ Накчу, такъ какъ онъ, вѣроятно, боялся, что мы поѣдемъ дальше на Лхассу. Что мы принадлежали къ составу того большого каравана, который пришелъ съ сѣвера, это они поняли, точно также, какъ и мы, что они хотѣли удостовѣриться въ правдивости нашихъ показаній. Скоро и эти гости уѣхали.

Теперь мы думали, что насъ оставятъ въ покоѣ, но уже черезъ нѣсколько минутъ ходъ дѣйствій наполнилъ насъ тревогой. Со всѣхъ сторонъ собрались у маленькаго палаточнаго лагеря, разбитаго въ разстояніи одного километра отъ нашего, маленькія кучки всадниковъ, вооруженныхъ копьями, мечами и ружьями съ вилами. Нѣкоторые носили высокія бѣлыя, войлочные шапки съ полями, другіе темные бинты; всѣ были въ коричневыхъ, красныхъ, черныхъ или сѣрыхъ плащахъ. На видъ они очень походили на разбойниковъ, но были, очевидно, солдатами, которыхъ мобилизовали для защиты южнаго Тибета отъ нашего нашествія.

Съ большимъ вниманіемъ мы слѣдили за ними въ бинокли. Лама упалъ духомъ, будучи увѣренъ, что они намѣревались насъ убить. Ихъ сборъ кончился маневромъ, который нѣсколько не успокоилъ насъ. Послѣ того какъ 7 всадниковъ полной рысью отправились на востокъ, вѣроятно въ Накчу, и нѣсколько другихъ по направленію къ Лхассѣ, остальные ринулись сплоченной кучей прямо на нашу палатку. Одно мгновеніе я дѣйствительно думалъ, что наше положеніе болѣе чѣмъ критическое; поэтому мы держали наше оружіе наготовѣ и стояли или сидѣли у входа въ нашу палатку. Тибетцы махали копьями надъ головами и

Лама съ молитвеннымъ барабаномъ.

издавали страшнѣйшій ревъ; они неслись, какъ будто-бы въ кавалерійскую атаку, шлепая копытами о мокрую землю и брызгая грязью. Нѣкоторые изъ нихъ махали мечами и, повидимому, командовали.

Недалеко отъ палатки всадники повернули, частью налѣво, частью направо кругомъ, чтобы въ двухъ группахъ вернуться къ исходному пункту. Они повторяли этотъ маневръ нѣсколько разъ, очевидно желая устрашить насъ, и это мнѣніе утвердилось у насъ, когда они спѣшились и начали стрѣлять въ цѣль. Въ два часа они опять сѣли на коней и исчезли на С.-В., что очень встревожило меня, такъ какъ я боялся, что они намѣревались напасть на главный лагерь.

Мы курили и сидѣли въ палаткѣ часовъ до 10 вечера. Ливень и градъ чередовались, и мы были рады, что могли спать всю ночь безъ заботы о животныхъ, которыхъ стерегли тибетцы. Намъ предложили четырехъ сторожей около самой палатки, но мы отказались отъ подобнаго шпіонства. На болѣе далекомъ разстояніи насъ сторожили, какъ мы узнали впоследствии, 37 постовъ.

Въ теченіе всего слѣдующаго дня приходили къ намъ тибетцы отдѣльными группами, такъ что мы не оставались одни ни на полчаса; это было похоже на постоянную смѣну часовыхъ. Всюду разѣзжали верховые; то они пріѣзжали, то уѣзжали. Самая большая группа состояла изъ 10 человѣкъ. Было очевидно, что состоялась полная мобилизація. Одинъ изъ нашихъ гостей сказалъ весьма откровенно, что она направлена противъ нашего большого лагеря въ горахъ. Другой говорилъ, что это только лазутчики и пѣтури, которые охраняютъ страну и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы непріатели не проникали въ нее. За насъ самихъ я не беспокоился, но зато очень за главную квартиру.

8-го августа все также лилъ дождь. Гости приходили и надоѣдали намъ, какъ и въ предыдущій день. Сперва пришли 5 человѣкъ съ овцой и спросили, желаемъ ли мы еще чегонибудь. Мы заказали жиру, масла, молока и простокваши, что намъ и принесли въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ намъ было нужно. Они спросили насъ, находился ли главный лагерь вблизи лагеря кочевниковъ, которые могли бы доставить имъ необходимые припасы. Это нѣсколько

успокоило меня, и я началъ сомнѣваться относительно того, что мобилизація была направлена на нашъ главный лагерь. Далѣе мы узнали, что начальникъ въ Накчу Камба-Бомбо и Нансо-Лама придутъ на слѣдующій день. Отвѣчать на разспросы я отказался до пріѣзда Камба-Бомбо.

9-го августа около 10 часовъ дня переводчикъ Камба-Бомбо извѣстилъ насъ о прибытіи начальника края и о его желаніи видѣть насъ. Дѣйствительно на дорогѣ въ Лхассу, на разстояніи нѣсколькихъ километровъ стоялъ цѣлый го-

Тибетскій солдатъ.

родокъ палатокъ. Одна изъ нихъ была довольно значительныхъ размѣровъ, бѣлаго цвѣта съ голубыми полосками; остальные были меньше и изъ нѣкоторыхъ подымался дымъ. Переводчику было поручено предложить намъ, отъ имени Камба-Бомбо, переѣхать въ его непосредственное сосѣдство и пожаловать на угощеніе. Въ одной изъ палатокъ уже приготавливали яства. Въ середину поставили зажаренную цѣликомъ овцу, а вокругъ нея чашки съ чаемъ и цамба, а при нашемъ прибытіи насъ бы почествовали „хадди-комъ“, т. е. тонкимъ свѣтлымъ бинтомъ, который монголы и тибетцы передаютъ важнымъ гостямъ въ знакъ почета.

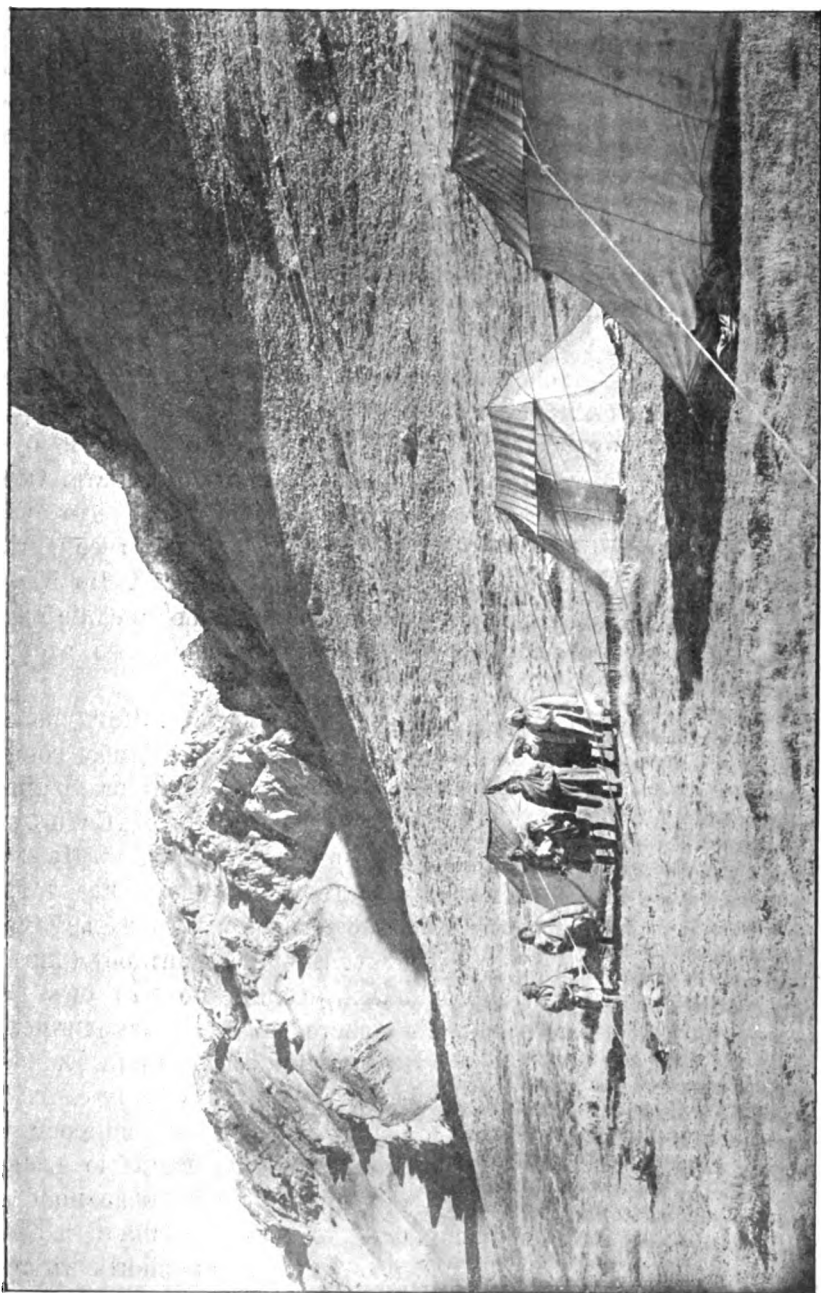
На это приглашеніе я безъ запинки отвѣтилъ, что, если Камба-Бомбо человекъ съ образованіемъ, то онъ долженъ

сдѣлать намъ визитъ раньше, чѣмъ пригласить насъ къ себѣ, что мы никогда ничего о немъ не слышали и не знали, имѣетъ ли онъ право разыгрывать такого важнаго господина или нѣтъ. Въ теченіе двухъ часовъ переводчикъ убѣждалъ и умолялъ насъ принять приглашеніе, но мы остались непоколебимы. „Празднество“, говорилъ переводчикъ, „приготовлено и устроено въ вашу честь и васъ ждутъ; если вы не придете, то это будетъ моя вина, и я попаду въ немилость и меня прогонять“. Наконецъ онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Въ теченіе двухъ часовъ мы были предоставлены самимъ себѣ и разсуждали о нашемъ критическомъ положеніи. По близости не было видно никого, только у палатокъ губернатора толпились люди. Можетъ быть Камба-Бомбо былъ оскорбленъ моимъ невѣжливымъ отвѣтомъ и теперь готовился наказать насъ порядкомъ; однимъ словомъ это было ужасно непріятное ожиданіе.

Вдругъ засуетились около бѣлыхъ палатокъ и забѣгали, приготовили оружіе, сѣли на лошадей и длинная черная вереница всадниковъ понеслась прямо на насъ. Дождя не было, такъ что мы безпрепятственно могли любоваться этимъ истинно прекраснымъ арѣлищемъ. Полнымъ галопомъ всадники неслись на насъ и чувство было такое, какъ будто на насъ сейчасъ обрушится лавина. Наши ружья и револьверы были заряжены и находились подъ рукой, но мы стояли около палатки, и никто бы не могъ подозрѣвать въ насъ то безпокойство, которое овладѣло нами.

Въ серединѣ тибетцевъ ѣхалъ ихъ начальникъ на красивомъ большомъ мулѣ; всѣ остальные были на лошадяхъ. Онъ былъ окруженъ своимъ штабомъ, состоявшимъ изъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ чиновниковъ. Недалеко отъ насъ нѣсколько человѣкъ выдѣлилось впередъ, въ томъ числѣ знакомый намъ переводчикъ, который объявилъ, что самъ Камба-Бомбо удостоиваетъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Когда послѣдній остановился около нашей палатки, нѣсколько человѣкъ его свиты соскочили съ лошадей и разостлали ему коверъ, на который онъ и слѣзъ. Онъ сѣлъ на подушки, которые тутъ же приготовили и рядомъ съ нимъ Нансо-Лама, важный священникъ изъ Накчу.

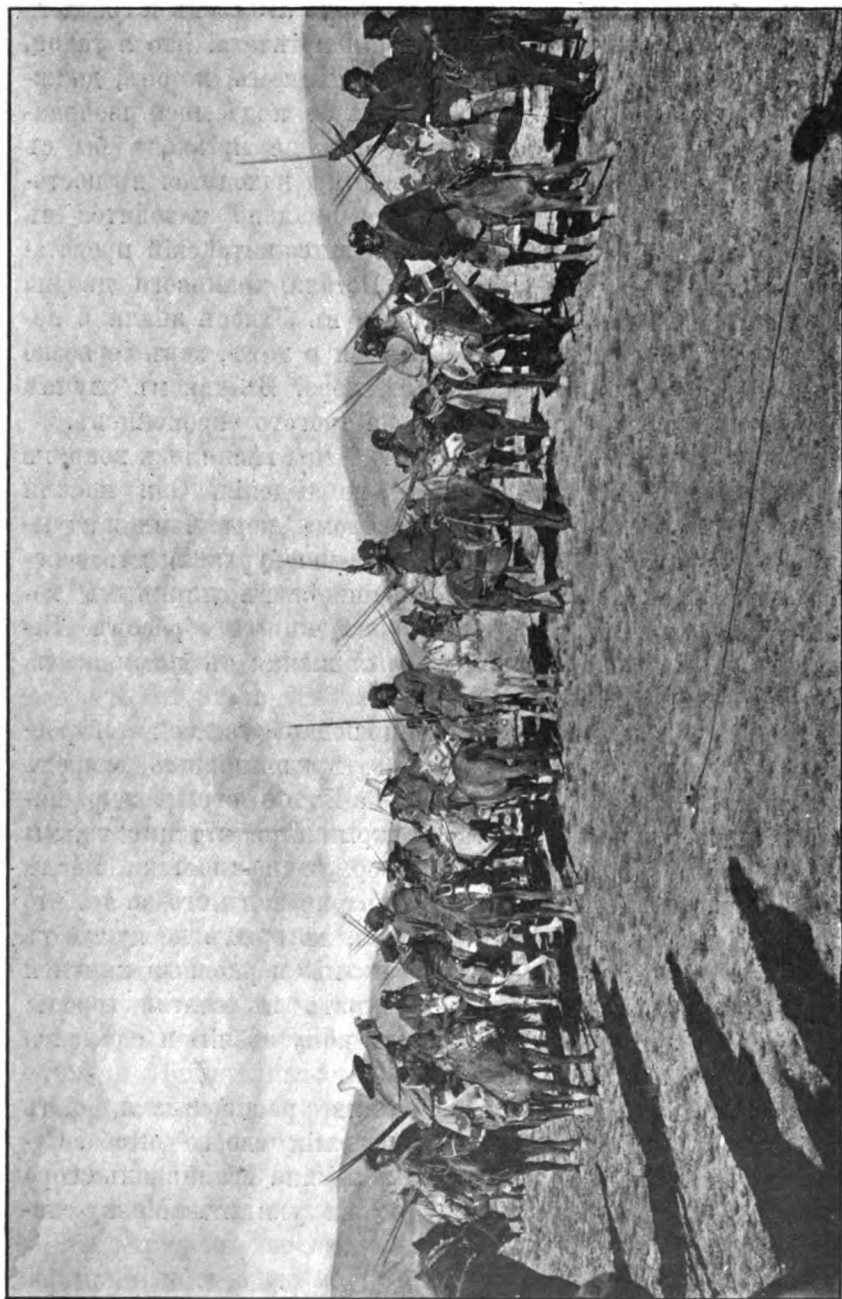

Палатка тибетскихъ вождей.

Теперь я спокойно подошелъ къ нему и пригласилъ его въ палатку, куда онъ сейчасъ же вошелъ и сѣлъ, послѣ нѣсколькихъ церемоній, на почетное мѣсто—мокрый мѣшокъ съ маисомъ. Ему было около 40 лѣтъ, роста онъ былъ маленькаго, и хотя видъ у него былъ блѣдный и усталый, но тѣмъ не менѣе довольный, повидимому тѣмъ, что мы попались. Его платье было очень изящное и онъ, должно быть, одѣлъ его именно для визита, такъ какъ оно было совершенно чисто и безъ пятенъ. Верхнее платье, большой красный плащъ и красный башлыкъ, онъ далъ на руки слугѣ. Самъ онъ былъ въ маленькой голубой китайской шапочкѣ и въ желтомъ шелковомъ платьѣ съ широкими рукавами; на ногахъ у него были зеленые бархатные монгольскіе сапоги.

Къ Камба-Бомбо теперь поднесли чернила, перо и бумагу и онъ самъ началъ разспрашивать и записывать. Обо мнѣ онъ и не спрашивалъ. Шагдуровъ объявилъ, что онъ русскій подданный и бурятъ, и что русскія власти сочтутъ оскорбленіемъ, если его не пропустятъ въ Лхассу. Но Камба-Бомбо смѣялся и говорилъ, что у него предписаніе изъ Лхассы, и что насъ дальше не пустятъ ни шагу по этому направленію.

Мы поняли, что больше нечего было дѣлать. Шагдуровъ разсказалъ о кражѣ лошадей. Сперва Камба-Бомбо говорилъ, что онъ не отвѣчаетъ за то, что случается за границей его провинціи, на что Шагдуровъ отвѣтилъ: „Если это не ваша земля, то, можетъ быть, это русскія владѣнія“. На это Камба-Бомбо разсердился и сказалъ, что все это владѣнія Далай-Ламы. Кончилось тѣмъ, что онъ обѣщалъ дать намъ двѣ лошади взаменъ украденныхъ. Наконецъ онъ объявилъ, что мы можемъ итти, когда намъ угодно, но что онъ не оставитъ Джаллокъ (названіе мѣста, гдѣ мы находились) раньше насъ. Чтобы не терять времени, мы рѣшили возвратиться уже на слѣдующій день. До границы (у Сачу-сангпо) съ нами должна была итти охрана, и когда мы попросили отдать приказаніе, чтобы она сопровождала насъ до главной квартиры, во избѣжаніи утомляющей насъ обязанности сторожить животныхъ по ночамъ, то намъ обѣщали и это. Далѣе намъ обѣщали бесплатную доставку провіанта въ теченіе всего нашего путешествія.

Тибетціє всадники.

Въ общемъ Камба-Бомбо былъ очень любезенъ и совсѣмъ не обиженъ тѣмъ, что его заставили пріѣхать. Кто я такой, это онъ вѣроятно никогда не узналъ толкомъ, но онъ, должно быть, подозрѣвалъ что-то особенное подъ моей изодранной монгольской одеждой, иначе онъ не пріѣхалъ бы съ такимъ блескомъ. Съ Китаемъ тибетцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ; ихъ страна номинально находится въ подчиненіи у Китая, въ Лхассѣ имѣется китайскій представитель и „ямень“ недалеко отъ Потала, храмового дворца Далай-Ламы. Безъ сомнѣнія власти въ Лхассѣ знали о недавнихъ происшествіяхъ въ Китаѣ и о томъ, какъ серьезно было наказано убійство фонъ-Кеттелера. Въ такомъ случаѣ они понимали, что умнѣ всего не трогать европейцевъ.

Во время разговора остальные тибетцы тѣснились вокругъ насъ, дѣлая всякія замѣчанія и наблюденія. Они носили мечи въ богато отдѣланныхъ серебромъ, кораллами и изумрудомъ ножнахъ, „гаво“ (чехоль для бурхана) изъ серебра, браслеты, разноцвѣтныя украшенія въ длинныхъ косахъ, словомъ, они нарядились наилучшимъ образомъ. Больше знатные носили большія бѣлыя шапки съ плюмажемъ, другіе бинты, третьи ничего.

Шеребъ-Лама былъ совершенно подавленъ всей этой роскошью. Онъ стоялъ на колѣняхъ, наклонившись впередъ и смотрѣлъ въ землю, когда Камба-Бомбо его спрашивалъ. Онъ отвѣчалъ коротко и отрывисто, что именно, мы не понимали, такъ какъ они говорили по-тибетски. Послѣ онъ рассказывалъ, что Камба-Бомбо упрекалъ его за то, что онъ пошелъ съ нами, европейцами, которыхъ не пускаютъ въ Лхассу. Его имя было занесено въ церковныя книги и ему не разрѣшалось больше вступать въ святой городъ. Онъ измѣнилъ своему священническому званію и сдѣлался предателемъ.

Послѣ этого Камба-Бомбо вѣжливо распростился, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ сопровожденіи своего штаба. Сумерки уже окутали окрестности и группа всадниковъ скоро исчезла, а съ нею и моя надежда увидѣть Мекку ламаизма.

XLI.

Отступленіе подъ конвоемъ.

Въ тотъ вечеръ мы долго сидѣли въ палаткѣ и разговаривали. Лама былъ молчаливъ и убитъ горемъ, но мы съ Шагдуровымъ въ хорошемъ расположеніи духа. Наша попытка проникнуть въ Лхассу не увѣнчалась успѣхомъ, это правда, но зато мы могли сказать себѣ, что мы сдѣлали все, что зависѣло отъ насъ для выполненія нашей задачи. Но когда натыкаешься на непреодолимые препятствія, то, пожалуй, и время повернуть назадъ, и въ такомъ случаѣ это можно сдѣлать съ чувствомъ исполненнаго долга. Все-таки было странно, что тибетцы выпускали насъ изъ плѣна безъ всякой злобы.

Утромъ 10-го августа мы приказали нашимъ ближайшимъ сторожамъ пригнать наши двѣ лошади и 5 муловъ къ палаткѣ, такъ какъ мы рѣшили начать свое отступленіе въ это утро. Сами по себѣ мы, однако, не могли удалиться, а отъ Камба-Бомбо не было никакихъ извѣстій. Поэтому я рѣшилъ съѣздить туда одинъ, несмотря на то, что Шагдуровъ и Лама отсовѣтовали, будучи того мнѣнія, что намъ не слѣдовало разлучаться.

Мелкой рысью я поѣхалъ по направленію къ бѣлѣющему лагерю палатокъ Камба-Бомбо. Проѣхавши полъ дороги я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ вооруженными всадниками, числомъ около 20. Они не говорили ни слова, но ѣхали спереди и сзади меня. Въ разстояніи приблизительно одного

километра отъ ихъ палатокъ, они остановились, спѣшились и окружили меня, давая понять, что мнѣ слѣдовало сдѣлать то-же самое.

Мы прождали всего, можетъ быть, четверть часа, когда та же большая группа всадниковъ, какъ и вчера выѣхала и помчалась къ намъ навстрѣчу галопомъ. Въ серединѣ опять ѣхалъ Камба-Бомбо въ желтомъ костюмѣ. На землѣ разостлали ковры и подушки, послѣ чего онъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собой. При помощи переводчика мы разговаривали довольно долго.

Этотъ приемъ не въ палаткѣ, а на нейтральной почвѣ былъ совершенно обоснованъ и тактиченъ. Вчера же я отказался принять его приглашеніе и теперь онъ, должно быть думалъ: „Я покажу имъ, что беспокоиться съ визитами имъ ненадо“. Онъ вѣдь также сказалъ: „Ни шагу по направленію къ Лхассѣ“, и хотѣлъ поэтому и теперь загородить мнѣ дорогу.

Всѣ попытки уговорить его были тщетны. „Я“, говорилъ онъ, „не желаю лишиться головы изъ-за васъ. Мнѣ лично все равно, поѣдете ли вы въ Лхассу или нѣтъ, но я обязанъ исполнить полученныя отсюда приказанія“. Шутя я предложилъ ему отправиться туда съ нимъ вдвоемъ тайкомъ на нѣсколько дней; но онъ только смѣялся и качалъ головой: „Назадъ, назадъ, къ сѣверу“.—Вдругъ онъ хитро прищурилъ глаза, показалъ на меня пальцемъ и сказалъ одно только слово „сагибъ“ ¹⁾, указывая на югъ на Гималайскія горы. И безъ помощи переводчика я понялъ, что онъ хотѣлъ сказать: „Вы англичанинъ изъ Индіи! Когда онъ, повидимому, не повѣрилъ моимъ опроверженіямъ, я наконецъ, снялъ маску и откровенно объяснилъ ему откуда я пришелъ. Но и это не измѣнило его мнѣнія и онъ улыбаясь только и повторялъ: „сагибъ, сагибъ“.

Послѣ этого разговора привели намъ двухъ лошадей, которыхъ Камба-Бомбо хотѣлъ преподнести мнѣ въ подарокъ. „Прикажите двумъ изъ числа вашихъ людей сѣсть на нихъ верхомъ и проскакать передъ нами карьеромъ“, попросилъ я его. Лошади были худы и на ходу спотыкались, вообще

¹⁾ Такъ въ Индіи зовутъ англичанъ и вообще европейцевъ.

оказались плохими. Тогда я обратился къ Камба-Бомбо и спросилъ, какъ это онъ, богатый и знатный господинъ, можетъ дарить мнѣ не менѣе знатному такихъ одровъ; такія, можетъ быть, пригодны для его кавалеріи, но не для меня.

Вмѣсто того, чтобы обидѣться этой откровенной критикой, онъ сейчасъ же приказалъ подать двухъ хорошихъ, которыхъ я послѣ надлежашаго испытанія и принялъ.

Окончивъ эти переговоры мы поѣхали къ моей палаткѣ, гдѣ Камба-Бомбо остался довольно долго, принимая наши угощенія. Далѣе мы намѣняли себѣ тибетскаго серебра на китайскія ямбы, которыя Камба-Бомбо тщательно завѣшивалъ на своихъ вѣсахъ. Сильное впечатлѣніе на него произвело наше оружіе, особенно послѣ того, какъ я объяснилъ ему, что мы въ состояніи убить у нихъ 36 человекъ, раньше чѣмъ они успѣютъ зарядить. Но онъ увѣрялъ, что тибетцы совсѣмъ не намѣревались начинать войну, а только охраняютъ границы противъ незваныхъ чужестранцевъ.

Лама бьющій въ барабанъ
и въ тарелки.

Тогда я его спросилъ, почему онъ не рисковалъ пріѣхать къ моей палаткѣ безъ конвоя въ 67 человекъ; неужели онъ такъ боялся меня. „Нѣтъ“ сказалъ онъ, „но я знаю, что вы знатный сагибъ и я получилъ приказъ изъ Лхассы, оказывать вамъ тѣ же почести, что и высшимъ сановникамъ нашей страны“.

Наконецъ я поднялся и приказалъ навьючить животныхъ. При помощи тибетцевъ это было исполнено мигомъ. Камба-Бомбо представилъ мнѣ конвой, состоящій изъ 3 офице-

ровъ и 20 человѣкъ, который долженъ былъ провести насъ на сѣверъ, черезъ границу провинціи Накчу. Онъ увѣрялъ, что конвой будетъ отвѣчать за нашихъ животныхъ и снабдить насъ необходимымъ провіантомъ безвозмездно. Онъ подарилъ мнѣ 6 овецъ и въ чашкахъ и сосудахъ различные молочные продукты и жиръ.

Распростившись съ Камба-Бомбо, мы сѣли на коней и

Читающій лама.

тронулись. Отъѣхавъ недалеко, я увидѣлъ Камба-Бомбо и его людей, обыскивающихъ какъ мыши мѣсто, на которомъ стояла наша палатка. Нѣсколько огарковъ стеариновыхъ свѣчей и окурковъ папиросъ навѣрное утвердили ихъ въ томъ мнѣніи, что мы были европейцы. Насъ провожали два офицера, Сулангъ-Унди и Анна-Церингъ, унтеръ-офицеръ и 14 солдатъ, вооруженныхъ мечами, пиками и ружьями. Еще 6 человѣкъ вели лошадей, везущихъ провіантъ и гнали стадо, состоявшее изъ 10 овецъ. Мы ѣхали довольно быстро и было весьма интересно наблюдать за потѣшнымъ порядкомъ передвиженія тибетцевъ. Они ѣхали и впереди и сзади и по сто-

ронамъ и ни минуты не выпускали насъ изъ вида; если бы они могли, они навѣрное бы ѣздили и подъ и надъ нами, чтобы воспрепятствовать намъ провалиться сквозь землю или подняться на воздухъ.

Было уже довольно поздно, такъ какъ мы двинулись всего только въ два часа. Тибетцы уже останавливались нѣсколько разъ и предлагали разбить палатки. Но теперь я командовалъ и поэтому шелъ, не обращая вниманія на нашихъ вьючныхъ животныхъ, за которыхъ они отвѣчали,

до наступленія темноты. Только тогда мы остановились и разбили нашу палатку. Наши сторожа поставили свои маленькія, черныя палатки вплотную къ нашимъ и сейчасъ пустили животныхъ на траву подъ надзоромъ нѣсколькихъ тибетцевъ. Я пошелъ къ Сулангъ-Унди и Анна-Церингъ и ужиналъ у нихъ. Послѣдній — молодой человекъ удивительно пріятной наружности. Оба, какъ и большинство тибетцевъ, не носятъ бороды. Анна-Церингъ съ распущенными волосами имѣлъ даже видъ молодой дѣвушки.

Вечеромъ изъ всѣхъ палатокъ слышались шорохъ и шопотъ: это они читали вечернія молитвы. Лама съ грустью вспоминалъ тотъ же звукъ, но куда сильнѣе, въ Лхасѣ, гдѣ во всѣхъ храмахъ постоянно читаются молитвы.

На слѣдующее утро, послѣ ночного дождя и нависшихъ тучахъ мы двинулись дальше. Изрѣдка проглядывающее солнце жгло страшно, и тогда наши сторожа, которые только одѣты въ грубую рубашку, высокіе сапоги и овчинный тулупъ, скидываютъ послѣдній съ правой руки и верхней части туловища; какъ только становится прохладно, они опять прячутся въ тулупъ.

Возвращаться по собственнымъ слѣдамъ ужасно скучно; единственное наше удовольствіе состояло въ наблюденіи тибетскаго конвоя. И дѣйствительно, эти дикіе люди въ живописныхъ костюмахъ, ихъ способъ путешествія, ѣзды, ухода за лошадьми, отдыха, разведенія огня, приготовленія пищи крайне интересны. У всѣхъ, за исключеніемъ офи-

Ламы—трубачи.

церовъ, разбойничій видъ. Въ дорогѣ нѣкоторые изъ нихъ сворачиваютъ свои косы подъ высокія, снабженныя широкими полями, шляпы. Нѣсколько стариковъ, ламы, имѣютъ коротко стриженные волосы и во время ѣзды, они постоянно мурлыкаютъ. Теперь мы уже успѣли подружиться съ ними и охрана не такъ строга. Всѣ разговариваютъ и галдятъ, будучи, очевидно, довольны прогулкой.

Сулангъ-Унди носить черезъ плечо красную тесьму, къ которой на спинѣ прикрѣплены четыре большихъ серебряныхъ пластинки; на поясѣ висятъ сабля, ножикъ, огниво, мѣшечекъ съ табакомъ, трубка и другія бездѣлушки, которыя болтаются и бренчатъ. Въ числѣ ихъ имѣются маленькія щипцы, которыми онъ выдергиваетъ волосы, показывающіеся на лицѣ. По этой причинѣ и кромѣ того, благодаря безчисленному количеству морщинокъ, онъ имѣетъ видъ старухи. Его войлочная шляпа украшена большимъ плюмажемъ.

Намъ теперь объявили, что конвой поведетъ насъ всего только до границы Накчу-Бомбо, у рѣки Гарчу-сенги и до дальнѣйшаго нашего пути имъ, повидимому, не было никакого дѣла. Мы просили ихъ пройти съ нами до нашей главной квартиры, на что они, однако, не согласились. Какъ разъ въ той части дороги, которую я бы назвалъ разбойничьей полосой, мы были предоставлены самимъ себѣ. Пришлось помириться съ этимъ положеніемъ.

Предметы, принадлежащіе нашимъ спутникамъ, были весьма интересны, но ни одного намъ не удалось приобрести, вслѣдствіе той высокой цѣны, которую они запрашивали. За саблю въ ножнахъ, отдѣланную серебромъ, изумрудомъ и кораллами, они просили 50 ліангъ (т. е. около 75 рублей), несмотря на то, что настоящая ей цѣна не болѣе 11 ліангъ. За молитвенную мельницу они назначили цѣну въ 100 ліангъ. Ружья и копья по ихъ словамъ принадлежали казнѣ, и ихъ они не могли продавать ни подъ какимъ видомъ. За нѣсколько метровъ матеріи, которая, какъ и чашки изъ китайскаго фарфора и ножи, лучшіе предметы для мѣны, намъ всетаки удалось достать нѣсколько мелочей, въ томъ числѣ кивжалъ, нѣсколькихъ мѣдныхъ браслетовъ, кольцо, ложку, пороховую сумку и флейту.

Ночью на 14-ое августа мы выпались какъ слѣдуетъ, такъ какъ въ этотъ день конвой долженъ былъ оставить насъ, что для насъ было началомъ ночныхъ дежурствъ. Когда я всталъ утромъ, то пригрозилъ, что останусь здѣсь и тогда они согласились итти съ нами до тѣхъ поръ, пока мы не дойдемъ до людей, могущихъ снабдить насъ запасомъ провіанта для окончанія путешествія.

Теперь мы шли по направленію на лагерь Сампо-Синги, гдѣ мѣстность носитъ названіе Гонгъ-гакъ и ея начальникъ Джандангъ. Собранныя мною свѣдѣнія относительно политическаго и административнаго положенія страны довольно сбивчивы и на самомъ дѣлѣ они вѣроятно не совсѣмъ ясны и опредѣленны. О величинѣ Тибета они знали, что онъ на западѣ граничитъ съ Ладакомъ, на востокъ 8 переходовъ до китайской

Женщины-тибетки.

границы; до индійской границы или Гинди надо путешествовать три мѣсяца. Цамуръ и Амдо богато населенныя области на востокъ; на западѣ страна называется Намру.

Какъ только мы остановились на ночлегъ, нѣсколько всадниковъ отправились на западъ, какъ говорили, въ первыя деревни Намру и вечеромъ они вернулись съ нѣсколькими большими сосудами молока и простокваши, которой намъ хватило почти до главной квартиры. Зато мы взяли только двѣ овцы, несмотря на то, что намъ предложили всѣхъ; они бы только стѣснили насъ въ нашихъ передвиженіяхъ.

15-го августа былъ день разлуки. Наши друзья хотѣли уговорить насъ остаться еще одинъ день, увѣряя, что къ вечеру придутъ нѣсколько человѣкъ изъ Намру, которые бы съ удовольствіемъ взялись проводить насъ до главной квартиры и сторожить нашихъ животныхъ по ночамъ. Тѣмъ не менѣе мы предпочли двинуться. Сулангъ-Унди и Анна-Церингъ совѣтовали намъ попросту стрѣлять въ разбойниковъ, могущихъ напасть на насъ ночью. Видно было, что они не были въ соглашеніи съ конокрадами, такъ какъ очень боялись дѣйствія нашего огнестрѣльнаго оружія.

Два пастушка.

При прощаніи Сулангъ-Унди предложилъ провести насъ съ 4 человѣками до палатокъ Сампо-Синги. Съ ними мы шли вверхъ по долинѣ, рѣка которой сильно уменьшилась. Нѣсколько всадниковъ, которыхъ мы встрѣтили, присоединились къ намъ. Они очевидно были лазутчики, которые осматривали нашу главную квартиру и теперь съ оживленными жестами рассказывали о видѣнномъ ими.

Сампо-Синги не было дома. Около его палатки наши спутники остановились и просили насъ переночевать, но теперь мы торопились и вскорѣ исчезли за переваломъ на С.-З. отъ нашего стараго мѣста ночевки.

XLII.

Послѣдніе переходы до главной квартиры.

Первая ночевка втроемъ была ужасна. Съ вечера поднялся страшнѣйшій ураганъ, сопровождавшійся сначала градомъ, а потомъ ливнемъ, продолжавшимся до утра. Къ утру однако небо стало проясняться и при великолѣпной погодѣ мы двинулись въ дорогу. Сначала мы шли восточнѣе нашего стараго маршрута, по слѣдамъ одинокаго всадника, нанося мѣстность на карту, но потомъ мы сбились со слѣдовъ и должны были взять направленіе больше на западъ, такъ какъ дальнѣйшій путь заграждался грозными горами. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ бѣднѣе стала растительность. Послѣ наступленія темноты мы привязывали животныхъ поблизости палатки и такимъ образомъ они для насъ могли пользоваться только временемъ между прибытіемъ на ночлегъ и наступленіемъ темноты и утромъ отъ зари до выступленія. Такъ какъ животныя были изнурены, переходы не отличались величиной, и 17-го августа вечеромъ намъ все еще осталось около 70 верстъ до нашихъ главныхъ силъ.

18-ое августа былъ тяжелый день. Пришлось напрягать послѣднія усилія, чтобы перебраться черезъ горную цѣпь, которая ранѣе не представляла для насъ никакихъ затрудненій. Тѣ мѣста, по которымъ мы теперь шли, чтобы не возвращаться по собственнымъ слѣдамъ, были сильно пересѣчены и въ частыхъ болотахъ и балкахъ животныя

застрявали. Выходовъ коренныхъ породъ не видно нигдѣ, только мягкіе продукты вывѣтриванія. Къ счастью погода въ общемъ была хорошая, хотя и очень переменная: ясная солнечная погода чередовалась съ жестокимъ градомъ. Въ одномъ мѣстѣ на вершинѣ бугорка, собаки потревожили медвѣдя, который видя наше приближеніе, предпочелъ удалиться.

Опять наступила мрачная безконечная ночь, и мы снова должны были поочередно бодрствовать, въ виду возможнаго нападенія тибетцевъ, а также и медвѣдей. Начиная съ этого періода я всегда буду жалѣть нашихъ ночныхъ сторожей. Наибольшее удовольствіе при возвращеніи въ главную квартиру насъ ожидало въ видѣ прекращенія ночныхъ дежурствъ. У каждого изъ насъ свои привычки отправлять дежурства. Я пишу, сидя у входа въ палатку, и отъ времени до времени совершаю обходъ. Шагдуровъ сидитъ, закутавшись въ шубу среди животныхъ и покуриваетъ трубку. Лама бродитъ вокругъ палатки и шепчетъ молитвы.

20-го утромъ мы снялись подъ проливнымъ дождемъ, который однако вредилъ намъ мало, такъ какъ мы съ предыдущаго дня шли по твердому грунту. Пройдя недалеко, мы слышали два ружейныхъ выстрѣла и вслѣдъ за ними еще третій и увидѣли яка, поднимающагося по склону. Мы конечно, сейчасъ-же отправились на выстрѣлы и скоро замѣтили двѣ точки, которыя постепенно превратились въ двухъ всадниковъ. Когда они немного приблизились, мы въ нихъ узнали Сыркина и Турду-бая. Мы слѣзли съ лошадей, поджидая обрадованныхъ товарищей, не ожидавшихъ такой встрѣчи. Они находились на охотѣ, такъ какъ запасы главной квартиры приходили къ концу и осталось всего только три овцы. Для насъ эта встрѣча была особенно счастлива, такъ какъ было бы довольно трудно найти ихъ теперь, когда всѣ слѣды были смыты дождями.

Лагерь недавно былъ переведенъ въ боковую долину, южнѣе устьевъ рѣки; но онъ былъ настолько укрытъ въ складкахъ мѣстности, что мы не нашли бы его безъ посторонней помощи. Теперь мы всѣ отправились туда. Кучукъ, Эрдекъ и Ходай-Куллу выѣхали намъ навстрѣчу, восклицая со слезами на глазахъ: „Ходай саклады, Ходай шу-

куръ (Богъ сохранилъ васъ, слава Богу); во время вашего отсутствія мы были сиротами!“ Было трогательно видѣть ихъ восторгъ.

Нѣсколько времени спустя я опять сидѣлъ въ своей удобной юртѣ среди моихъ ящиковъ, имѣя подлѣ себя чудную постель. Послѣ нашихъ лишеній, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, не трудно оцѣнить какъ слѣдуетъ возвращеніе въ сравнительно цивилизованную обстановку. Сыркинъ донесъ, что одна лошадь пала и остальные еще не поправились, но что верблюды выглядѣли лучше. Хронометры остановились, потому что Сыркинъ не завелъ ихъ до отказа, боясь сломать пружину. Вслѣдствіе этого мы теперь должны были вернуться къ первоначальному мѣсту главной квартиры, откуда я началъ путешествіе въ Лхассу и гдѣ я раньше сдѣлалъ астрономическое опредѣленіе мѣста.

Черновъ съ арріергардомъ исполнилъ мое порученіе настолько хорошо, что прибылъ въ главный лагерь 2-го августа съ 9 верблюдами, потерявъ всего только 2 верблюдовъ и 2 лошади. Послѣ осмотра лагеря я приказалъ Чердонову приготовить мнѣ побольше теплой воды, и рѣдко тщательное мытье было болѣе необходимо, чѣмъ теперь: я вѣдь не мылся цѣлыхъ 25 дней.

На слѣдующее утро пожалѣли разбудить меня во время и потому мы направились въ дорогу только около обѣда. На командующихъ высотахъ мои люди воздвигли каменные пирамиды, издали похожія на тибетцевъ. Онѣ должны были служить намъ указателями дороги. Тибетцы при видѣ ихъ навѣрное подумали-бы, что этими знаками отмѣчена военная дорога и что по нашимъ пятамъ скоро пойдетъ цѣлая армія. Въ боковой долиנѣ большой „убу“ указывалъ на то, что мѣстность посѣщается довольно часто; онъ, какъ обыкновенно былъ воздвигнутъ изъ песчанника съ надписью: „онъ маны падми хумъ“.

На старомъ мѣстѣ мы разставили палатки. Скелетъ покойшей здѣсь лошади былъ совершенно очищенъ волками. Зайцы и вороны встрѣчались въ изобиліи. Здѣсь намъ пришлось отдыхать нѣсколько дней, такъ какъ постоянные ливни и снѣга сдѣлали всякое наблюденіе невозможнымъ. Но и это время не прошло безъ пользы, такъ какъ мы стали

приучать нашихъ людей къ болѣе добросовѣстному исполненію ночной сторожевой службы. Черновъ какъ то разъ ночью накрылъ сторожей въ глубокомъ снѣ и выстрѣлилъ изъ ружья, чѣмъ страшно перепугалъ виновныхъ, которыхъ онъ вдобавокъ и выпоролъ. Они пытались пожаловаться мнѣ, но не нашли поддержки.

Вслѣдствіе происшедшей порки Моллахъ-Шахъ и Гамра-Куль еще разъ хотѣли возвратиться въ Чархалыкъ, но успокоились, понявъ сумасшествіе такой выходки. Старикъ Мухаметъ-Токта, который давно былъ плохъ, почувствовалъ себя хуже и жаловался на боль въ сердцѣ. Ему я прописалъ полный покой. Въ остальномъ наше настроеніе было самое хорошее.

XLIII.

Н а ю г ъ .

25-го мы окончательно оставили лагерь, чтобы идти навстрѣчу новымъ событіямъ и открытіямъ. Наша цѣль теперь Ладакъ, но я твердо рѣшилъ свернуть на западъ только тогда, когда на югъ предстанутъ непреодолимые препятствія. Тибетцы были теперь насторожѣ, вся страна была какъ будто въ осадномъ положеніи, мобилизація была объявлена, это мы знали и поэтому могли рассчитывать, что какъ бы то ни было, но намъ все-таки придется стоять лицомъ къ лицу съ тибетскими войсками.

Странно было то, что три лошади заболѣли ночью и подошли въ теченіе перваго походнаго дня. День былъ одинъ изъ тяжелѣйшихъ. Проливной дождь превратилъ почву въ бездонное болото, такъ что постоянно приходилось высылать впередъ развѣдчиковъ отыскивать болѣе надежныя мѣста. Несчастные верблюды постоянно разрываютъ веревки, привязанныя къ носу, не будучи въ состояніи поспѣвать за товарницами вслѣдствіе мягкости грунта. Не будь у насъ столько народу, намъ попросту пришлось-бы бросать тѣхъ верблюдовъ, которые наполовину погружались въ жидкую, липкую грязь. При такомъ погруженіи вьюкъ сейчасъ-же снимали съ завязшаго животнаго и ставили на твердый грунтъ, чтобы и онъ не погружался въ грязь. Ноги выкапываютъ, верблюда валяютъ на бокъ и подъ увязшаго кладутъ нѣсколько войлоковъ, чтобы дать ему твердую

опору. Безъ этой помощи верблюдъ самъ ничего не предпринимаетъ, чтобы выбраться изъ грязи. И при всей этой процедурѣ дождь льетъ непрерывно.

На слѣдующій день и погода и дорога стали нѣсколько лучше и 27-го Черновъ показалъ мнѣ слѣды верблюдовъ, которые въ большомъ количествѣ паслись въ этихъ краяхъ. Откуда они взялись и кому они принадлежали, для насъ осталось неразрѣшенной загадкой. Въ тотъ же день мы должны были пересѣчь маршрутъ Боуэра, хотя не было возможности по примѣтамъ отождествить мѣсто. Справа разстилалось продолговатое, мелкое озеро, вытянутое по меридіану. Къ С.-В. возвышалась горная цѣпь, у подножья которой мы остановились лагеремъ.

28-го утромъ при навьючиваніи мы замѣтили, что Калпетъ изъ Керіи отсутствовалъ. Я сейчасъ-же спросилъ людей, которые показали, что онъ и наканунѣ отставалъ, жалуюсь на боли въ груди. Но они думали, что онъ медленно шель по нашимъ слѣдамъ и прибыть въ теченіе ночи. Я, конечно, приказалъ оставить животныхъ на пастбищѣ и послалъ Чернова и Турду-бая верхомъ съ муломъ на розыски, чтобы привести отсталаго, который во всякомъ случаѣ долженъ чувствовать себя плохо, такъ какъ онъ ничего не ѣлъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Черезъ нѣсколько часовъ посланные вернулись съ несчастнымъ, за которымъ тщательно ухаживали и который теперь поѣхалъ верхомъ, и мы съ сильнымъ запозданіемъ пустились въ дорогу.

Слѣдующій лагерь находился на высотѣ 5068 метровъ. Уже въ 9 часовъ вечера температура нала до $-1,9^{\circ}$ и въ теченіе ночи она дошла до $-6,2^{\circ}$. Поверхность земли утромъ слегка замерзла и покрылась обильнымъ инеемъ, который однако исчезъ, какъ только солнце показалось надъ горизонтомъ. Въ теченіе этого дня мы переправились черезъ три маленькихъ, но довольно трудныхъ перевала; отъ перехода черезъ четвертую цѣпь мы избавились, такъ какъ она пересѣкалась рѣкою, по которой мы и шли. Старыя мѣста ночлеговъ теперь довольно часты, причемъ онѣ обозначаются или тремя камнями, служившими очагомъ или черепами яковъ и архари. Чудное пастбище около одного изъ такихъ мѣстъ

заставило насъ отдохнуть одинъ день. Приближаясь къ нему, мы спугнули стадо въ 50 кулановъ.

Шагдуровъ и Турду-бай совершили рекогносцировку на востокъ, гдѣ они нашли цѣлый рядъ „илезъ“ или знаковъ, возведенныхъ изъ камня и, гдѣ такого не оказалось, изъ дернинъ. Они простирались на югъ и стояли на столько густо, что Шагдуровъ принялъ ихъ за границу провинціи, такъ какъ тамъ не было видно ни малѣйшихъ слѣдовъ дороги. Сыркинъ убилъ козла „кекмекъ“, котораго я снялъ.

„Кекмекъ“ Сыркина.

1-го сентября мы перешли черезъ переваль, высотой въ 4855 метровъ, ведущій черезъ цѣпь, состоящую почти сплошь изъ мягкихъ породъ съ округленными формами. Видъ съ него на югъ былъ удивительно обширенъ и обѣщалъ намъ легкіе переходы. Появилась трава и поэтому мы остановились у перваго ручейка, пройдя всего только 20 километровъ.

Около четырехъ часовъ лагерь охватило всеобщее возбужденіе. При помощи бинокля мы замѣтили, что куча черныхъ точекъ, сперва принятая нами за дикихъ яковъ, были лошади. Лама и казаки, за исключеніемъ дежурнаго, отправились туда. Лошади оказались жирныя и хорошія, но бояз-

ливныя; отъ сторожей даже и слѣдовъ не было видно; они, должно быть, считали это мѣсто за очень надежное, такъ какъ иначе не оставили бы стадо безъ надзора. Въ виду того, что въ этомъ мѣстѣ трава была лучше, мы перевели туда нашихъ животныхъ, чтобы дать имъ день отдыха.

Рано утромъ Лама, Шагдуровъ и Сыркинъ отправились на поиски за тибетцами, въ присутствіи которыхъ мы не сомнѣвались, такъ какъ на югѣ, на буграхъ, въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ видны были стада приблизительно въ 1000 овецъ и стадо яковъ. И дѣйствительно, послѣ обѣда Лама вернулся съ „домбою“ молока, и на нѣкоторомъ разстояніи казаки буквально гнали передъ собой трехъ тибетцевъ съ ихъ лошадьми и овцою. Они нашли одну единственную палатку съ 13 жителями, которые при приближеніи всадниковъ разбѣжались во всѣ стороны. Ихъ однако поймали довольно легко, такъ какъ у нихъ не было лошадей подъ рукою.

Отъ нихъ мы узнали, что мѣстность носить названіе Джанаунгъ, и что ихъ „бомбо“, который живетъ у большого озера Селлингъ-цзо отрѣжетъ имъ голову, если они намъ продадутъ съѣстные припасы. Они категорически отказывались продавать намъ что-либо; только послѣ долгихъ переговоровъ и угрозъ они оставили намъ овцу и кружку молока. „Куда вы путешествуете?“ спросилъ одинъ изъ нихъ и когда онъ узналъ, что въ Ладакѣ, онъ добавилъ: „Въ такомъ случаѣ вы не на вѣрномъ пути; на югъ вы можете пройти всего только одинъ переходъ, такъ какъ дорога закрывается Селлингъ-цзо, гдѣ жители очень многочисленны“. Сами же они были подвластны Банчингъ Богдо въ Таши-лумпо, но говорили, что не знали, какъ далеко до этого храма. На Ю.-В. надъ областью Лхассы царствовалъ Далай-Лама, и на востокъ Камба-Бомбо надъ Накчу.

Съ явнымъ страхомъ они приближались къ нашему лагерю и садились на коверъ передъ юртой и ѣли то, что имъ предлагали. За овцу, которую сейчасъ же зарѣзали съ мусульманскими церемоніями, мы имъ заплатили деньгами, а за молоко дали фарфоровую чашку. Какъ только ихъ отпустили, они бросились къ лошадямъ и ускакали съ такою поспѣшностью, какъ будто бы боялись, что имъ вслѣдъ пустятъ пулю.

3-го сентября мы прошли 29 километровъ на Ю.-Ю.-З. по ровной открытой мѣстности, богатой маленькими озерами и отличной травой. Препятствій не было никакихъ и я былъ увѣренъ въ томъ, что Селлингъ-цзо простирался между нами и тѣми низкими горами, которыя неясно показывались на югѣ. Кое-гдѣ мы проходили мимо большихъ стадъ съ ихъ пастухами; наконецъ мы даже проѣзжали по цѣлымъ деревнямъ. У молодыхъ женщинъ волосы сплетены въ безконечное количество маленькихъ косъ, которыя съ затылка спадаютъ на спину и на плечи; ихъ концы соединены тесьмой изъ красной матеріи со всевозможными украшеніями. Съ середины этой тесьмы опускалась широкая, вышитая пестрая лента. Головы ихъ были непокрыты и, какъ мужчины, онѣ носили шубы и сапоги; лицо было густо намазано саломъ.

Уже рано утромъ появились, снабженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, шесть солдатъ въ бѣлыхъ головныхъ уборахъ и слѣдовали за нами слѣва на почтительномъ разстояніи. Теперь справа показался новый отрядъ, состоявшій изъ семи человекъ. Тогда первый отрядъ, обходя насъ далеко сзади, соединился со вторымъ и потомъ эти всадники начали слѣдить за нами издалика, объѣзжая то справа, то слѣва, то спереди или сзади. Тѣмъ временемъ мы доѣхали до берега громадной рѣки, текущей съ востока и которую я призналъ за Сачу-сангпо. Теперь явился вопросъ о переправѣ и въ то время, какъ мы ожидали, казаки искали бродъ. Тибетцы съ большимъ интересомъ слѣдили за нашими отчаянными поисками брода и, когда я приказалъ соединить обѣ половины лодки и спустить ее на воду, они, повидимому, были поражены нашимъ колдовствомъ. Я сперва хотѣлъ перейти черезъ рѣку подъ защитой ночной темноты и исчезнуть, но боялся простудить верблюдовъ въ водѣ, и вечеромъ я рѣшилъ пойти по правому берегу рѣки до Селлингъ-цзо и далѣе по западному берегу озера, такъ какъ Литледаль уже былъ на восточномъ.

Когда мы на слѣдующее утро были заняты измѣреніемъ рѣки, несущей 68 куб. метровъ воды въ секунду, къ намъ прибылъ начальникъ этихъ мѣстъ съ нѣсколькими солдатами, которые съ удивленіемъ смотрѣли на наше занятіе. Начальникъ просилъ дать ему ясныя свѣдѣнія о нашихъ

намѣреніяхъ и обѣщалъ намъ проводниковъ на 10 дней, продать лошадей, овецъ и все, въ чемъ мы нуждались, если мы пойдемъ прямо на Ладакъ; но если мы намѣревались итти на Лхассу, то онъ сперва долженъ былъ послать туда курьера, мы же ожидать отвѣта, который придетъ, можетъ быть, лишь черезъ мѣсяцъ. Если мы тѣмъ не менѣе пошли бы на Лхассу, то кочевникамъ запретили бы продавать намъ что бы то ни было, и самъ онъ сдѣлалъ бы все, чтобы препятствовать нашему передвиженію. Если бы онъ не поступилъ такимъ образомъ, то онъ и его люди потеряли бы свои головы. Я ему отвѣтилъ, что мы вообще ни въ чемъ не нуждаемся и что проводниковъ намъ ненужно, такъ какъ мы сами знаемъ дорогу. „Да“, возразилъ онъ невозмутимо, „вы можете убить насъ, если вы хотите, но пока мы живы, мы всѣми силами будемъ препятствовать вашему проникновенію на югъ“.

Послѣ этого краткаго разговора я приказалъ каравану итти вдоль праваго берега рѣки возможно ближе къ ней; самъ же я сѣлъ съ Эрдекомъ въ лодку и поплылъ по теченію. Ниже лагеря рѣка дѣлала крутой поворотъ, такъ что насъ въ некоторое время даже несло на В.-С.-В. На мѣстѣ поворота рѣка сильно суживается и теченіе дѣлается значительно сильнѣе; но дальше рѣка выпрямляется и мы съ наслажденіемъ быстро неслись внизъ по теченію рѣки, направленіе которыхъ до сихъ поръ вообще такъ рѣдко совпадало съ направленіемъ нашего движенія. Въ теченіе дня мы настолько опередили караванъ, что не разъ приходилось приставать къ берегу и ожидать товарищей. Замѣтивъ, что трава кончается, мы пристали къ берегу и подождали прибытія каравана.

Состояніе больныхъ верблюдовъ было удовлетворительно, пока имъ не приходилось переходить черезъ перевалы. Мухаметъ-Токта совершенно обезсилилъ и, повидимому, страдалъ какой-то болѣзнію сердца. Въ воздухѣ теперь чувствовалось, что мы приближаемся къ большому озеру: встрѣчный вѣтеръ былъ свѣжій и воздухъ чистый.

5-го сентября мы сначала ѣхали по довольно узкой части рѣки. Безчисленные ручейки впадаютъ съ обоихъ береговъ въ рѣку; ясно видно, что озеро когда-то было значи-

тельно больше, и что рѣка теперь протекаетъ по прежнему его дну. Потомъ рѣка поворачиваетъ прямо на югъ; высота береговыхъ террасъ доходить до 6,7 метра и самые берега часто совершенно отвѣсны; нѣсколько ниже высота возрастаетъ до 8 метровъ, но потомъ берега понижаются по мѣрѣ того, какъ ширина рѣки увеличивается съ 100 метровъ до 400 и даже до 500; глубина постоянно колеблется около одного метра. Вдали на югѣ рѣзко очерченныя линіи береговыхъ террасъ исчезаютъ и открывается безграничная чарующая перспектива. До Селлингъ-цао осталось немного, но было невозможно опредѣлить величину разстоянія, такъ какъ миражъ надъ водой совершенно сбилъ насъ съ толку.

Теперь рѣка величественно расширяется, наконецъ, берега круто поворачиваютъ направо и налево и передъ нами открывается громадная голубоватая ширь Селлингъ - цао. Въ началѣ озеро было настолько мелко, что намъ пришлось сдѣлать довольно большой крюкъ, чтобы пристать къ сѣверо-западному берегу, гдѣ наши ждали съ лошадьми, чтобы отвести насъ къ лагерю.

Караванъ тоже прошелъ благополучно, хотя тибетцы были довольно назойливы. Два раза казаки подъѣзжали къ ближайшимъ палаткамъ для покупки провіанта, но каждый разъ подсакивали тибетцы и запрещали всякую торговлю. Вспыльчивые казаки черезъ посредство Ламы сказали тибетцамъ, что, если они преслѣдовали насъ только для того, чтобы препятствовать пріобрѣтенію съѣстныхъ припасовъ, имъ не избѣгнуть пули при слѣдующей встрѣчѣ. Послѣ этой угрозы они исчезли на весь день. Благодаря этому инциденту, караванъ безпрепятственно подошелъ къ тремъ палаткамъ, 12 жителей которыхъ приняли его весьма дружелюбно и съ удовольствіемъ продали овцу, молоко, масло и жиръ. Отъ начальства они не получили никакихъ приказаній. Свою страну они называли „Шаннигъ-нагбо“ (Черная Шапка).

Во время дневки около 50 всадниковъ разбили свои палатки на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ насъ. Съ нами они начали переговоры черезъ Ламу на половинѣ разстоянія между лагерями, но я приказалъ передать имъ, что вступлю въ переговоры только тогда, когда ихъ главный начальникъ пожалуетъ ко мнѣ. Онъ прибылъ, сопровождая-

мый солдатами съ саблями. Старикъ начальникъ, добрый-шій человекъ и, повидимому, честный малый, просилъ насъ, когда никакія угрозы не помогли, остаться на мѣстѣ, пока онъ пошлетъ нарочныхъ въ Лхассу и получить отвѣтъ отъ „девапунга“, или священнаго совѣта. Я отвѣтилъ, что мнѣ некогда и что мы на слѣдующій день двинемся дальше на югъ. „Тогда мы пойдемъ за вами и не пустимъ въ Лхассу; скоро мы получимъ подкрѣпленія“.

„Если вы намѣрены насъ не пускать“, возразилъ я, „то вы должны стрѣлять, но помните, что и мы имѣемъ ружья“. Тогда старикъ покачалъ головой, увѣряя, что они и не думаютъ стрѣлять и прибавилъ, что намъ совершенно не нужно обмѣниваться столь рѣзкими словами. Отъ предложенныхъ ему подарковъ онъ отказался: „но если вы останетесь здѣсь 4 дня“, прибавилъ онъ, „я съ удовольствіемъ приму подарки, одарю васъ и снабжу провіантомъ и вьючными животными для путешествія въ Ладакъ“.

XLIV.

Тибетцы встрѣчаютъ насъ съ войскомъ. Посланные изъ Лхассы.

Одинъ изъ старыхъ верблюдовъ изъ Кашгара, который сопровождалъ меня по многимъ пустынямъ, не могъ подняться 7-го сентября, когда мы снялись съ лагеря и ушли со степей Черной Шапки. Поэтому его пришлось зарѣзать; скелетъ его останется на память о нашемъ посѣщеніи.

Бомбо пришелъ къ намъ, когда мы навьючили верблюдовъ и сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку задержать насъ на мѣстѣ. Я объяснилъ ему коротко и ясно, что наша дорога направлена на югъ. Онъ на это ничего не отвѣтилъ и ушелъ.

Мы теперь шли на Ю-З., удаляясь отъ берега, поворачивающаго на югъ и востокъ. При этомъ мы пересѣкли четыре старыхъ береговыхъ черты, необычайно рѣзко обозначенныхъ громадными валами, состоящими изъ мелкаго камня, изъ числа которыхъ наивысшій и послѣдній возвышался около 50 метровъ надъ теперешнимъ уровнемъ озера. Съ его вершины открывался чудный видъ на синюю поверхность Селлингъ-цзо. Это горько-соленое озеро сильно убываетъ, уменьшаясь періодически и оставляя валы, какъ вѣчныхъ свидѣтелей своихъ прежнихъ размѣровъ.

Мѣстность впереди насъ была довольно ровна до тѣхъ поръ, пока мы не достигли новаго вала, склонъ котораго

былъ обращенъ на С.-З. и за которымъ показалось новое озеро. Затѣмъ мы подошли къ краю очень страннаго углубленія въ землѣ, имѣющаго форму яйцевидной арены съ лужами, содержащими прѣсную воду. Около одинокой палатки паслось стадо. Южнѣ насъ тянулся съ востока на западъ хребетъ съ боковыми отвѣсными стѣнами въ нѣсколько сотъ метровъ высоты; къ западному его концу мы и направились. Восемь тибетцевъ теперь появились на бугоркѣ, откуда они наблюдали за нами. Когда они вскорѣ послѣ этого исчезли, я сталъ подозрѣвать, что мы находились на полуостровѣ и что они на первыхъ порахъ считали насъ пойманными. Исполненная Сыркинымъ и Шагдуровымъ рекогносцировка подтвердила мое предположеніе.

Недалеко отъ нѣсколькихъ палатокъ туземцевъ, мы остановились. Тибетцы, за исключеніемъ 15 человѣкъ, которые разбили свои палатки въ непосредственной отъ насъ близости, расположились на разстояніи нѣсколькихъ километровъ. Въ теченіе вечера они занимались маневрированіемъ и военными играми верхомъ на лошадяхъ и стрѣляли въ цѣль. Калпетъ, чувствовалъ себя плохо, такъ разхворался, что его пришлось привязывать къ сѣдлу, чтобъ онъ не свалился. На слѣдующее утро больной даже попросилъ оставить его, но его просьбу, конечно, не уважили. Наоборотъ, его уложили возможно удобнѣе на импровизированной постели на верблюдѣ.

Если бы не сильный вѣтеръ, я поѣхалъ бы по озеру, но онъ заставилъ меня итти съ караваномъ вдоль сѣвернаго берега. Мы успѣли пройти всего нѣсколько километровъ, когда старикъ „бомбо“ подѣхалъ къ намъ съ 12 человѣками, чтобы еще разъ попробовать уговорить насъ итти прямо на Ладакъ. Но когда я отвѣтилъ ему, что я иду, куда хочу и что онъ не въ состояніи напугать насъ, даже если бы онъ собралъ 10.000 человѣкъ, то онъ сдѣлалъ весьма опечаленный видъ и объявилъ, что оставляетъ насъ на произволъ судьбы и возвращается домой на С.-З., на что я пожелалъ ему счастливаго пути. Весь отрядъ исчезъ по этому направленію, но къ вечеру опять показались два всадника, которые, однако, скоро скрылись.

И здѣсь старые береговые валы выдѣляются рѣзко; иногда

можно часами ѣхать по такому валу, какъ по улицѣ. Берегъ наконецъ отклонился на Ю.-З. и Ю.-Ю.-З.; между илистыми берегами вода оказалась прѣсной и скоро мы очутились на берегу впадающей здѣсь рѣки съ чистѣйшей водой, текущей должно быть, изъ расположеннаго выше озера. На берегу, богатой утками и рыбой, рѣки мы разбили палатки. Едва мы успѣли устроиться, какъ наши назойливые сторожа опять появились, и вели съ собой немалое количество вьючныхъ лошадей. Они, повидимому, запаслись провіантомъ

Больной Калпетъ на верблюдѣ.

и готовились къ болѣе продолжительному походу. Эта арава переправилась на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и мы, черезъ рѣку и живописными группами въ разноцвѣтныхъ халатахъ съ развѣвающимися на вилахъ ружей бѣлыми и красными флачками пронеслась мимо насъ каріеромъ.

На незначительной высотѣ, командовавшей надъ нашими палатками, тибетцы разбили свои палатки, при чемъ казаки обратили вниманіе на то, что они въ сумеркахъ положили всѣ свои ружья въ одну линію, дулами къ намъ, намѣреваясь, якобы, подъ защитой темноты открыть по нашему лагерю убійственный огонь. Поэтому мы съ Ламой и Шагду-ровымъ пошли къ нимъ послѣ наступленія темноты и вошли

въ палатку „бомбо“, гдѣ насъ приняли очень вѣжливо. Бомбо хотѣлъ узнать мою фамилію и я обѣщалъ назвать себя, если онъ скажетъ названіе рѣки; на такой обмѣнъ онъ однако не согласился. Позже мы узнали, что рѣку зовутъ Ягю-рапта. На вопросъ, есть ли въ рѣкѣ рыба, они отвѣтили утвердительно. Узнавъ это, я обѣщалъ остаться на мѣстѣ слѣдующій день, въ теченіе котораго мы занимались рыбной ловлей. Измѣреніе рѣки показало, что въ ней протекаетъ 34,6 куб. м. воды въ секунду.

Слѣдующее утро было ясное и солнечное, но мы едва успѣли собраться въ дорогу, какъ тучи нависли и непрерывно обливали насъ то ливнемъ, то градомъ, такъ что почва опять намокла и сдѣлалась скользкой. Тибетцы опять стали приставать къ намъ. У насъ было двое больныхъ, которые чувствовали себя очень скверно.

Черезъ тѣ естественныя величественныя ворота, образовавшіяся перерывомъ въ цѣпи горъ, южнѣе долины Ягю-рапта, мы направились на С.-В. Куланы и сайги здѣсь довольно часты, но ни они, ни рыба не тревожатся тибетцами. Горная цѣпь выходитъ въ видѣ полуострова въ озеро. На южной его сторонѣ мы переправились черезъ рѣку Алла-сангпо.

Мы какъ разъ собирались перейти черезъ маленькій перевалъ на Ю.-Ю.-В., когда Кучукъ и Ходай-Куллу прискакали и объявили, что Калпету сдѣлалось очень плохо. Я поспѣшилъ туда и нашелъ его скорѣе мертвымъ, чѣмъ живымъ. Онъ просилъ воды, но такъ какъ ея не было, то ему дали молока, сколько онъ хотѣлъ. Его глаза имѣли сильный, но стеклянный блескъ, цвѣтъ лица былъ желтый и губы бѣлыя. Одну изъ палатокъ превратили въ больницу и маленькая порція морфія скоро заставила его заснуть. Старика Мухамедъ-Токта тоже положили туда; все его тѣло и лицо вспухли и, конечно, его самочувствіе не могло улучшиться отъ близости другого умирающаго.

Вечеромъ „бомбо“ опять явился и на этотъ разъ съ тремя новыми лицами, которые объявили, что они пришли прямо отъ посланныхъ Далай-Ламы, находившихся недалеко отъ насъ; черезъ два дня они должны были прибыть ко мнѣ для переговоровъ. Но я остался непоколебимъ, объявивъ,

что иду дальше и въ переговоры вступлю только съ самими посланными.

11-го сентября утромъ состояніе Мухамедъ-Токты было плохо; онъ былъ въ полномъ сознаніи, шутилъ даже немного, но замѣтилъ, что понемногу теряетъ чувство въ пальцахъ. Калпетъ чувствовалъ себя хуже. Онъ дышалъ тяжело, его щеки впали, но глаза блестѣли попрежнему. Ему, повидимому, осталось уже не долго жить, но онъ не бредилъ, а говорилъ, что получилъ „катиъ-кессель“ (тяжелую болѣзнь) и что ему сдѣлалось хуже, когда одинъ изъ товарищей прибилъ его нѣсколько дней тому назадъ. Онъ постепенно терялъ сознаніе и я уже хотѣлъ переждать одинъ день, но остальные всѣ желали дойти до болѣе удобныхъ мѣстъ.

Положивъ больныхъ возможно удобнѣе, мы продолжали путь на Ю.-В. и, перейдя черезъ первый незначительный переваль, увидѣли передъ собою необычайно красивое озеро, которое, судя по водорослямъ и рыбѣ и прѣсной водѣ, не было Селлингъ-цзо. Старыхъ береговыхъ линій не было видно и это красивѣйшее изъ озеръ, которое я видѣлъ въ Тибетѣ, повидимому, имѣло выходъ къ какому-нибудь соленому озеру, лежащему южнѣе. Названіе его было Накпонгъ-цзо. Около его восточнаго конца мы разбили палатки.

Въ пути Калпетъ часто разговаривалъ и призывалъ земляка Рози-Моллаха; иногда онъ ясно и отчетливо кричалъ, что верблюдъ шель слишкомъ быстро. Недалеко отъ лагеря онъ замолкъ; меня сейчасъ же позвали и не трудно было установить, что мой бѣдный слуга умеръ. Трупъ уже былъ совсѣмъ холодный, несмотря на то, что онъ всего только 1 часъ тому назадъ просилъ воды. Моллахъ закрылъ ему глаза навсегда и караванъ, обратившійся въ погребальное шествіе, пошелъ дальше. Мусульмане обыкновенно пѣли въ однообразномъ пути, но теперь все было тихо, какъ въ могилѣ и тишина прерывалась лишь звуками шаговъ животныхъ. Въ лагерь Моллахъ и Турду-бай просили отложить похороны до слѣдующаго дня.

Похороны Калпета состоялись 12 сентября въ чудную погоду. Гамра-Куль, Моллахъ-Шахъ и Эрдекъ послѣ омовѣнія завернули трупъ въ простыни. Сами они завернули

свои лица, кромѣ глазъ, въ бѣлые бинты, чтобы непосредственно не вдыхать трупнаго запаха. Глубина могилы была не больше одного метра и въ одной изъ длинныхъ сторонъ былъ сдѣланъ выемъ, куда положили умершаго, при чемъ Моллахъ обратился къ нему со слѣдующей рѣчью: „Ты былъ добросовѣстный и вѣрующій мусульманинъ, никого изъ насъ ты не обижалъ; намъ безъ тебя скучно, мы оплакиваемъ твою смерть, ты хорошо и добросовѣстно служилъ Турѣ“.

Послѣ этой рѣчи положили лѣстницу верблюда на отверстіе могилы, закрыли ее войлокомъ и зарыли все землей. Когда все было готово, мусульмане сотворили еще одну молитву и торжественный актъ былъ оконченъ.

Послѣ похоронъ подошелъ ко мнѣ Роза-Моллахъ и сказалъ: „Раньше чѣмъ разлучиться, кончивъ это путешествіе, дай мнѣ, пожалуйста, письменное удостовѣреніе въ томъ, что Калпетъ умеръ естественной смертью, чтобы его братья въ Керіи не подумали, что я или кто-нибудь изъ насъ убилъ его“. Впослѣдствіе я сдѣлалъ это и выдалъ жалованье Калпета братьямъ покойнаго.

Тибетцы, которые слѣдили за похоронами, удивлялись, что мы такъ долго возились съ покойникомъ. „Бросьте мертваго на съѣденіе волкамъ и воронамъ“ говорили они. Такъ они поступаютъ сами, какъ мы удостовѣрились позже.

Мусульмане сожгли палатку, въ которой лежалъ трупъ, также платье и сапоги покойнаго. Этотъ разъ соблюдались всѣ обычныя церемоніи; умершаго Алдата зарыли, какъ онъ былъ.

13-го сентября мы увидѣли влѣво отъ нашей дороги нѣсколько черныхъ палатокъ и среди нихъ двѣ синихъ и бѣлыхъ. Когда мы поравнялись съ палатками, ко мнѣ подъѣхала группа всадниковъ и сообщили, что два высокихъ сановника прибыли изъ Лхассы; далѣе они просили насъ расположиться по близости для веденія переговоровъ. Сначала я отказался, но когда сказали, что посланные прямо изъ Лхассы, то я счелъ благоразумнымъ выслушать ихъ и попросилъ тибетцевъ передать начальникамъ, что я переговорю съ ними, если они подѣдутъ ко мнѣ.

Теперь показались два пожилыхъ господина въ красныхъ

одѣяніяхъ. Они сидѣли верхомъ на лошадахъ и каждую изъ нихъ 4 пѣшихъ вели подъ уздцы. Они поклонились вѣжливо и имѣли ласковый, добродушный видъ; послѣднія донесенія, касающіяся насъ, должно быть, послужили въ нашу пользу. Они должны были передать мнѣ настолько важныя извѣстія, что я непремѣнно долженъ былъ остаться около нихъ; послѣ долгихъ переговоровъ я согласился на это.

Мы разбили палатки и послѣ нѣкотораго ожиданія посланные пріѣхали съ большой свитой. Въ палаткѣ-кухнѣ,

Похороны Калпета.

которая была убрана надлежащимъ образомъ, я принять посланныхъ въ то время, какъ казаки, тибетцы и магометане расположились вокругъ палатки. Лама служилъ переводчикомъ.

Они говорили, что они члены „девашунга“, въ Лхассѣ и имъ посланы, чтобы не пропустить насъ къ этому городу. Они знали, что я только съ двумя провожатыми направлялся въ городъ, но былъ остановленъ и выведенъ за границу людьми Камба-Бомбо. Шли тѣ же разговоры, какъ и тогда. „На югъ вамъ не пройти ни шагу; у насъ миллионы солдатъ, которые васъ не пропустятъ. Если вы пойдете на югъ, то мы лишимся головъ“.

Я больше не намѣревался сопротивляться; и на самомъ дѣлѣ я на этотъ разъ видѣлъ достаточно отъ Тибета и мнѣ хотѣлось въ Ладакхъ и далѣе домой, домой на родину. Но ради потѣхи я еще разъ сказалъ имъ, что всѣ ихъ попытки тщетны. „Хорошо“ отвѣтили они, „мы въ васъ стрѣлять не будемъ, но не пропустимъ васъ дальше. Десять, двадцать человѣкъ удержатъ cadaго изъ вашихъ всадниковъ и столько же cadaго верблюда. У насъ изъ Лхассы особыя предписанія. „Если вы покажете ихъ мнѣ, тогда я не пойду дальше на югъ“, отвѣтилъ я. Изъ палатки посланныхъ принесли эту интересную бумагу, которую прочитали и перевели по нѣскольку разъ, такъ что я успѣлъ написать содержаніе по монгольски французскими буквами. Потомъ я перевелъ слѣдующее; сначала адресъ: .

„Въ годъ желѣзной коровы, въ 6 мѣсяцѣ, въ 21-ый день. Это письмо должно дойти до обоихъ губернаторовъ Накцзонга. Оно отъ девашунга и пересылается по почтѣ. Въ седьмомъ мѣсяцѣ въ двадцать второй день оно должно дойти“.

Затѣмъ слѣдуетъ самое посланіе: „Въ годъ желѣзной коровы, въ шестой мѣсяцѣ, въ 19 день отъ начальника въ Накчу прибыло письмо, въ которомъ онъ доноситъ, что секретарь монгола Тсанге Хутукту, Лама Сандже и нѣсколько пилигримовъ ходили на богомолье въ Джо-митсингъ въ Хамдунгъ и что онъ и Тутденъ-Дардже дали губернатору области Накчу (т. е. Камба-Бомбо) нѣкоторыя свѣдѣнія.

Губернаторъ области Накчу (въ свою очередь) далъ девашунгу (слѣдующія) поясненія. Секретарь Тсанге сказалъ, что около того времени, когда онъ началъ путешествіе, онъ видѣлъ европейцевъ, частью они шли одной и той же дорогой. Купивши массу платьевъ, они поѣхали дальше. На базарѣ онъ видѣлъ двухъ русскихъ. Куда вы путешествуете, спросилъ онъ ихъ, вы ламы? Мы ламы, отвѣтили они. Халхамонголь и врачъ Шеребъ-Лама, путешествовали вмѣстѣ съ ними и послѣдній былъ ихъ проводникомъ. На дорогѣ онъ видѣлъ ѣдущихъ шесть русскихъ. Большое количество верблюдовъ и людей были въ дорогѣ.

Въ Намру и Накцзонгъ надо немедленно послать письма, чтобы всюду было извѣстно, что съ Накчу во внутрь, насколько простирается мое (т. е. Далай-Ламы) царство, рус-

Хладже Тсерингъ.

скимъ (европейцамъ) не дозволяется ѣхать на югъ. Но всѣмъ начальникамъ надо посылать письма. Охраняйте границы Накцонга; необходимо строго охранять каждый кусокъ страны. Европейцамъ совершенно ненужно проникать въ страну священныхъ книгъ, чтобы осмотрѣть ее. Въ той провинціи, которая состоитъ подъ вашимъ начальствомъ, имъ совершенно нечего дѣлать. Если они говорятъ, что имъ это необходимо, (такъ знайте) что этимъ двумъ начальникамъ нельзя ѣхать на югъ. Если они тѣмъ не менѣе проѣдутъ, вы лишитесь вашихъ головъ. Заставьте ихъ повернуть назадъ и пойти обратно по той дорогѣ, по которой они пришли“.

Этотъ документъ пояснилъ намъ многое, что до сихъ поръ было непонятно. Лама Сандже и Тугденъ-Дардже принадлежали къ составу пилигримскаго каравана, который въ маѣ мѣсяцѣ 1900 года прошелъ черезъ Чархалыкъ. Уже въ Курли и Кара-Шарѣ они встрѣтили моихъ бурятскихъ казаковъ и Шеребъ-Ламу и показанія, приведенныя въ документѣ, были въ главнѣйшихъ чертахъ правдивы. „Большое количество верблюдовъ и людей“, относилось къ большому каравану подъ начальствомъ Чернова и Турду-бая.

Имя Шеребъ-Лама было обозначено въ документѣ и вотъ онъ самъ стоялъ передъ губернаторами, изъ которыхъ старшаго звали Хладже Тсерингъ, младшаго Юндукъ Тсерингъ. Они сказали ему, что не будь меня, они схватили бы его и выдали бы властямъ въ Лхасѣ, гдѣ онъ, проводившій европейца къ Лхасѣ, подвергся бы заслуженной карѣ. Его имя стало общеизвѣстнымъ въ этомъ городѣ и было занесено въ книгу подозрѣваемыхъ. Для него лучше всего больше не показываться въ этомъ святомъ городѣ. Они страшно разносили бѣднаго Ламу, который теперь, когда все пропало, не остался въ долгу и безпощадно ругалъ двухъ посланныхъ, спрашивая, на какомъ основаніи они дѣлаютъ выговоръ Ламѣ, который не тибетскій подданный; какъ отъ китайскаго губернатора въ Кара-Шарѣ, такъ и отъ пріора своего монастыря, онъ получилъ разрѣшеніе ѣхать со мною и, возвратившись домой, онъ расскажетъ о ихъ поведеніи. Такъ какъ я боялся, что ругань перейдетъ въ рукопашный бой, то я пустилъ въ ходъ большой симфоніонъ, который подѣйствовалъ какъ масло на волны.

Хладже Тсерингъ представлялъ собою типъ настоящаго джентельмена, стараго добродушнаго дядюшки, который завоевалъ симпатію всѣхъ, даже не исключая и Ламы. Но увидѣвъ его, никто не сталъ бы отрицать, что онъ гораздо больше походилъ на морщинистую старуху, чѣмъ на властнаго губернатора. Лицо безъ бороды, прическа, коса, головной уборъ съ чиновничей пуговицей, серьги, все придавало ему такой женскій видъ, что я вполне серьезно спросилъ его, не старая ли онъ баба на самомъ дѣлѣ! Такая

Хладже Тсерингъ и Юндукъ Тсерингъ.

откровенность, которая испортила бы всякому хорошее расположение духа, произвела хорошее впечатлѣніе на Хладже Тсерингъ; онъ улыбался добродушно, кивалъ головой, корчилъ невозможно смѣшныя гримасы, смѣялся до слезъ, и увѣрялъ, что онъ настоящій мужчина.

Его бѣлая палатка съ синими углами и полосами была очень прилично и удобно устроена. Въ дальнемъ концѣ находился низкій диванъ изъ подушекъ, а передъ нимъ маленькій столикъ, на которомъ намъ предлагали чай, простоквашу и тсамбу. По правую руку отъ дивана стоялъ маленький переносной храмъ съ различными бурханами (священные книги), частью позолоченными, частью закутанными

въ „гаддикъ“; между ними находился и бурханъ Далай-Ламы. Передъ ними горѣли нѣсколько лампадокъ и были поставлены въ маленькихъ мѣдныхъ чашахъ различныя легкія явства, какъ это дѣлается въ большихъ храмахъ.

Юндукъ Тсерингъ былъ довольно глупый малый, который только старался запугивать меня громкими фразами.

Офа посланные были хорошо и щеголевато одѣты; они имѣли съ собой нѣсколько различныхъ платьевъ: теплыхъ, легкихъ, нарядныхъ и для обыденной носки. По китайскому обычаю они носили юбки и шелковые или шерстяные кофты или жилеты.

XLV.

Накцзонгъ-цзо и Тжаргутъ-цзо.

14-го сентября я оставилъ лагерь, чтобы предпринять прелестнѣйшую экскурсію по озеру. Съ Кучукомъ я поѣхалъ на западъ къ находящемуся недалеко берегу Накцзонгъ-цзо, лодку везли на верблюдѣ. Тибетцы насъ не беспокоили, такъ какъ я сказалъ имъ, что отправляюсь на рыбную ловлю. Каравану я приказалъ остаться еще одинъ день на мѣстѣ и потомъ отправиться къ западному берегу озера и ожидать меня тамъ. Мы взяли съ собою провіанту на три дня и теплыя вещи въ виду холодныхъ ночей.

На Ю.-З. возвышался маленькій островъ и на него мы направили нашу лодку. Я наслаждался величественными, красивыми видами и хорошей погодой, плескомъ о бортъ лодки прозрачныхъ волнъ, теплымъ прекраснымъ воздухомъ, нагрѣтымъ солнцемъ до $+14,2^{\circ}$, и главнымъ образомъ, сознаніемъ, что отдѣлался отъ любезной назойливости и неизмѣннаго интереса тибетцевъ. На вершинѣ скалистого островка, возвышающагося на 50 метровъ надъ уровнемъ воды я сдѣлалъ набросокъ всей окружающей насъ мѣстности, при чемъ мой интересъ былъ возбужденъ тремя дикими скалистыми хребтами, принадлежащими или острову или полуострову. Для рѣшенія этого вопроса мы направились къ восточному концу южнаго хребта, обогнули мысъ и поѣхали вдоль стѣны, состоящей изъ гигантскихъ скалъ; несмотря на высокую стѣну, вода всего имѣетъ глубину въ 2 метра.

Вмѣстѣ съ берегомъ мы повернули на С.-З. и поѣхали по все сѣуживающемуся заливу. Поздно вечеромъ мы вытащили лодку на берегъ, гдѣ заливъ, какъ казалось, кончался; въ темнотѣ мы произвели маленькую рекогносцировку и къ великой радости нашли проливъ въ 30 метровъ ширины. Отличный сухой арголь далъ намъ матеріаль на костеръ и скоро мы спали мертвымъ сномъ, завернувшись въ наши шубы.

На слѣдующее утро мы встрѣтили еще болѣе красивыя мѣста въ этихъ узкихъ проливахъ, напоминающихъ собою венеціанскіе каналы съ дворцами, сложенными руками циклоповъ. Направленіе залива все время было С.-З., что было весьма выгодно для насъ. За скалистымъ выступомъ, на правомъ берегу, мы къ нашему великому удивленію замѣтили нѣсколько яковъ и лошадей. Когда лодка проѣхала мимо мыса, три человѣка съ громкими криками бросились отгонять скотъ отъ берега. У слѣдующаго мыса видны были двѣ черныхъ палатки, передъ которыми мужчина, женщина и мальчикъ съ удивленіемъ разсматривали насъ и нашу лодку. Присутствіе кочевниковъ привело насъ къ заключенію, что мы ѣхали вдоль полуострова и что намъ скоро придется повернуть назадъ и возвратиться той же дорогой.

Но заливъ расширился и глубина его достигла 11, ^с метра. Наша радость была, однако, непродолжительна, т. к. заливъ, вдругъ кончился и передъ нами простиралась ровная земля. По крайне мелкой водѣ мы дотащили шлюпку до илистаго берега. Отсюда я послалъ Кучука до ближайшей возвышенности на рекогносцировку; онъ скоро вернулся и сообщилъ, что текущая съ юга рѣчка впадаетъ въ маленькое озеро, которое, повидимому, было соединено съ Накцзонгъ-цзо. Поэтому мы вытащили лодку на берегъ и перенесли ее добрыхъ 500 метровъ до рѣчки, на что мы потратили цѣлыхъ три часа. Рѣка впадала въ довольно широкій заливъ и скоро мы замѣтили, что мы снова находились на Накцзонгъ-цзо. Строго говоря, мы объѣхали кругомъ полуострова и перетащили лодку черезъ перешеекъ, шириною въ 800 метр.; но этотъ перешеекъ, очевидно, состоялъ изъ наноснаго ила, который наполнилъ эту часть

озера; не будь его, кочевники находились бы на островѣ. Накцзонгъ-цзо, которое не обозначено на картахъ или, въ крайнемъ случаѣ, очень искажено, имѣетъ очень странную форму; оно образуетъ водяное кольцо, которое довольно широко въ сѣверной части и значительно суживается въ южной. Озеро Ямдокъ-цзо къ югу отъ Лхассы имѣетъ подобную же форму.

На слѣдующій день мы къ вечеру благополучно присоединились къ нашему отряду, который ждалъ насъ на условленномъ мѣстѣ. Всѣ наши стояли на берегу, казаки отдавали честь и я здоровался на трехъ языкахъ: „здравствуйте“, „саламъ-алейкумъ“ и „эмуръ-сенъ-бане“.

Тибетскіе посланные сильно были встревожены моимъ двухдневнымъ отсутствіемъ. Въ первый вечеръ Хладже Тсерингъ спросилъ казаковъ про насъ и они, нисколько не смущаясь, отвѣтили, что я переправился на южный берегъ, чтобы идти въ Лхассу, они же должны были ждать моего возвращенія. Посланные были очень удручены такой вѣстью и сейчасъ же выслали патрули во всѣ стороны, преимущественно на югъ. На слѣдующій день они уже поняли, что мы находились на озерѣ. Всѣ мѣры охраненія были усилены и когда мы возвратились, ихъ сила состояла изъ 194 человекъ, противъ 18 насъ.

Должно быть содержаніе отряда въ 200 человекъ на военномъ положеніи обходится довольно дорого, даже если не считать того, что люди оторваны отъ домашней работы. Но на расходы тибетцы не смотрятъ, лишь бы чужеземцы не переходили черезъ границу. Боязнь всего иностраннаго касается только европейцевъ; китайцы, ладаки и другіе сосѣдніе народы имѣютъ свободный доступъ. Такимъ образомъ оказывается, что отдѣленіе тибетцевъ основано на политическихъ соображеніяхъ, а не на религіозныхъ. Китайцы, японцы, буряты, пундиты, всѣ безъ всякаго затрудненія проникаютъ въ Лхассу, и если дать такому надлежащія инструкціи, то онъ принесетъ намъ свѣдѣнія о томъ, что видѣлъ. Мы знакомы съ Лхассой лучше, чѣмъ съ какимъ-либо городомъ внутренней Азіи, за исключеніемъ Кашгара, Кульджи и Урумчи.

18-го сентября мы разбили нашъ лагерь на восточ-

номъ берегу Тжаргутъ-цзо (4613 м.)—это была одна изъ лучшихъ нашихъ стоянокъ. Берегъ представлялъ собою весьма оживленную картину; кромѣ нашихъ палатокъ я насчиталъ еще 25 и всетаки большинство солдатъ расположились подъ открытымъ небомъ у костровъ. Только одинъ разъ я жилъ въ еще большемъ лагерѣ, а именно въ 1890 году, когда я путешествовалъ въ Эльборусъ съ персидскимъ Шахомъ Насръ-Эддиномъ. Нашъ конвой теперь доходилъ до 800 человекъ. Мы остались два дня на этомъ красивомъ берегу и время прошло быстро въ постоянныхъ переговорахъ. Хладже Тсерингъ подарилъ мнѣ двѣ лошади, когда услышалъ, что Камба-Бомбо поступилъ также и кромѣ того сообщилъ мнѣ, что по приказанію Далай-Ламы въ наше распоряженіе на дорогу въ Ладакъ будутъ предоставлены 40 яковъ.

20 сентября мы должны были начать наше движеніе на дальній Ладакъ, но посланные попросили насъ остаться, такъ какъ они хотѣли пройти съ нами еще нѣсколько переходовъ, а этотъ день у нихъ считался праздникомъ. Я съ удовольствіемъ согласился, такъ какъ меня манило на озеро.

Моя попытка познакомиться съ Тжаргутъ-цзо не удалась вслѣдствіе бушевавшей въ тотъ день бури, но зато на слѣдующій день нельзя было желать ничего лучшаго. Запасшись провіантомъ на три дня, теплой одеждой и необходимыми инструментами мы поплыли съ Кучукомъ. Нѣсколько спустя двинулся нашъ караванъ, окруженный со всѣхъ сторонъ тибетцами. Мои люди получили приказаніе отдохнуть у западнаго края озера, гдѣ нибудь на хорошемъ лугу.

Мы погребли всего, можетъ быть, полъ часа, какъ поднялся свѣжій западный вѣтеръ, который все усиливался и дѣлать промѣры стало невозможно; волны до того расходились, что мы только могли подумать о нашемъ скорѣйшемъ спасеніи. Возвращаться было слишкомъ поздно, такъ какъ никого не было на берегу, куда волны выбросили бы насъ. Поэтому мы рѣшили искать защиты подъ маленькимъ скалистымъ островомъ; по дорогѣ туда удалось сдѣлать нѣсколько промѣровъ, при чемъ наибольшая глубина была 42 метра, даже у самаго берега островка она достигала 34

метровъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ мы достигли берега, полумертвые отъ усталости и промокшіе до послѣдней нитки. Несмотря на солнечный день намъ только осталось лечь спать и ждать лучшей погоды. Но къ вечеру вѣтеръ вмѣсто того, чтобы утихать, все крѣпчалъ. Въ 4 часа утра Кучукъ разбудилъ меня, мы сварили себѣ чай, солнце взошло какъ огненный шаръ, а вѣтеръ бушевалъ съ той же силой. Отъ нечего дѣлать я нарисовалъ карту озера и островка, но день пропалъ безъ пользы и мы готовились провести вторую ночь около пылающаго костра.

Къ вечеру намъ показалось, что вѣтеръ сталъ стихать и наша надежда оживилась. Въ 7 часовъ скорость вѣтра замѣтно уменьшилась, но озеро все еще было столь же бурно и мы должны были ждать. Пока еще было свѣтло, я взялъ направление на ближайшій островокъ, надѣясь попасть на него до захода луны. Пока вѣтеръ стихалъ, мы укладывали вещи и, наконецъ, отвалили отъ берега. Было такъ темно, что невозможно было различить контуръ береговъ, а ближайшій островъ совершенно скрылся, почему пришлось брать направление исключительно по компасу. Нѣсколько часовъ мы двигались впередъ, не замѣтивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ острова; только, когда мы очутились на разстояніи одной минуты отъ него, онъ вынырнулъ изъ темноты. Мы показали, что вершины показавшихся горъ западнѣ озера, но онѣ быстро выросли и черезъ нѣсколько секундъ мы ударились о берегъ; на этотъ берегъ мы сейчасъ же вытащили лодку и легли спать.

Наше намѣреніе было чуть свѣтъ продолжать наше плаваніе, но тотъ же вѣтеръ свирѣпствовалъ съ прежней силой. Къ $\frac{1}{2}$ 1 все утихло, но съ запада надвигались черныя дождевыя тучи. Приближался новый штормъ, а провіантъ подходилъ къ концу. Тѣмъ не менѣе мы стали укладываться, но въ два часа съ проливнымъ дождемъ налетѣла буря, которая такъ же быстро улеглась и въ три часа мы покинули нашъ островокъ при ослѣпительномъ свѣтѣ солнца. Несмотря на то, что гребли торопливо, мы не успѣли уѣхать далеко, какъ новый штормъ взбушевалъ поверхность озера. Спасающей бухты не было видно, дать вѣтру отнести себя назадъ къ острову не позволялъ недостатокъ провіанта,

осталось одно: итти противъ вѣтра, придерживаясь южнаго берега. Промѣрамъ и черченію карты былъ положенъ конецъ, мы только гребли и гребли. Никогда я не напрягалъ своихъ силъ, какъ въ этотъ день и еще нѣсколько дней спустя у меня на рукахъ были большіе пузыри.

Берегъ все приближался, но волненіе усиливалось и одна волна за другой перекидывалась черезъ бортъ, пытаясь потопить лодку. Положеніе стало до того критическимъ, что мы держали спасательные круги наготовѣ. Какъ только мы попали подъ выдающійся мысъ, волненіе прекратилось и съ наступленіемъ темноты мы пристали къ берегу. Теперь и вѣтеръ утихъ, но всю ночь шелъ дождь и чтобы защититься отъ него, мы перевернули лодку и залегли подъ нее.

24-го сентября мы попали въ рѣку, но прослѣдовали по ней всего только одинъ километръ, послѣ чего снова очутились на громадномъ озерѣ. Посланные называли его Адданъ-цао, но тѣ кочевники, которыхъ мы встрѣтили на берегу говорили—Нолма-цао. Третій штормъ настигъ насъ на этомъ озерѣ и буквально выбросилъ на ближайшій берегъ, при чемъ лодку наполнило водой и намъ пришлось выскочить изъ нея. Къ счастью дождя не было и на сильномъ вѣтру мы сняли платье и высушили его. Но послѣ 2—3 часовъ я такъ проголодался, что хотѣлъ направиться къ ближайшимъ палаткамъ кочевниковъ, когда Кучукъ замѣтилъ двухъ всадниковъ съ тремя вьючными лошадьми. То были Чердоновъ и Эрдекъ, которые въ теченіе двухъ дней искали насъ вдоль береговъ Адданъ-цао, крайне обезпокоенные нашей судьбой. Вскорѣ прибыли Черновъ и Лама, которые собирались искать насъ на берегахъ Тжаргутъ-цао. Сыркинъ уже искалъ насъ на мѣстѣ прежняго лагеря на восточномъ берегу. Раньше, чѣмъ покинуть эти мѣста безъ своего начальника, они хотѣли отыскать остатки нашей лодки и нашихъ вещей.

Лагерь былъ разбитъ въ долину, по которой, вѣроятно, также проходилъ Литледаль. Все было спокойно, но здоровье старика Мухамедъ-Токта стало хуже. Одинъ тибетецъ умеръ; мы проѣхали мимо трупа, который выбросили на пищу воронамъ. Хладже Тсерингъ пригласилъ меня въ свою палатку и принялъ меня, какъ великаго побѣдителя.

На мои изслѣдованія можно смотрѣть только какъ на предварительныя, но онѣ дали мнѣ очень цѣнные понятія о гидрографіи этихъ сказочно красивыхъ озеръ. Если поднять поверхность воды приблизительно на 50 метровъ, образовались бы настоящіе фьорды, напоминающіе берега Норвегіи и Шотландіи. Вѣроятно и эта страна когда-то была покрыта льдомъ, хотя не видно слѣдовъ ледниковыхъ отложеній, шравовъ, моренъ или эрратическихъ валуновъ. Горныя породы вывѣтрились и всѣ слѣды снесены. Адданъ-цзо самое большое озеро въ этой мѣстности и расположено выше другихъ. Нѣсколько ручейковъ стекаютъ въ него съ ближайшихъ горъ, главнымъ образомъ съ довольно значительныхъ снѣжныхъ хребтовъ, видныхъ на югъ. Адданъ-цзо отдаетъ излишекъ воды Тжаргутъ-цзо, вода котораго въ свою очередь перетекаетъ въ Селлингъ-цзо по рѣкѣ Ягю-рапга. Въ Селлингъ-цзо она остается и испаряется, почему, вода этого озера такая соленая. Въ какомъ отношеніи Накцзонгъ-цзо стоитъ къ Селлингъ-цзо мы не могли опредѣлить. Можетъ быть существуетъ подземный стокъ, по которому вода перетекаетъ въ болѣе низкое озеро, расположенное дальше на югъ и котораго мы не видѣли.

25-го сентября мы разстались съ нашими друзьями Хладже Тсерингъ и Юндукъ Тсерингъ, нашими неизмѣнными спутниками съ 12 сентября. Они прислали мнѣ по „гадику“ съ пожеланіемъ счастливаго пути. Позднѣе они лично явились и увѣряли, что необходимые проводники, вьючныя животныя и провіантъ будутъ намъ даны по приказанію Далай-Ламы. Когда караванъ былъ готовъ, я еще слѣлалъ короткій прощальный визитъ, подарилъ посланнымъ нѣсколько револьверовъ, ножей, компасовъ и кусокъ матеріи и въ послѣдній разъ обѣщалъ не итти на Лхассу.

Наша дорога теперь шла прямо на востокъ, и хотя пастбища были очень плохи, тѣмъ не менѣе мы насчитали 32 черныхъ палатки или около 150 жителей на протяженіи 27 километровъ. Насъ провожали теперь только 22 человѣка подъ командою Ямду Тсерингъ, съ которымъ я скоро очень подружился. Мѣсто нашей ночевки онъ называлъ Шалунгъ и озеро, нѣсколько западнѣ Джангцае-цзо; въ него впадаетъ рѣка Богцзангъ-сангпо.

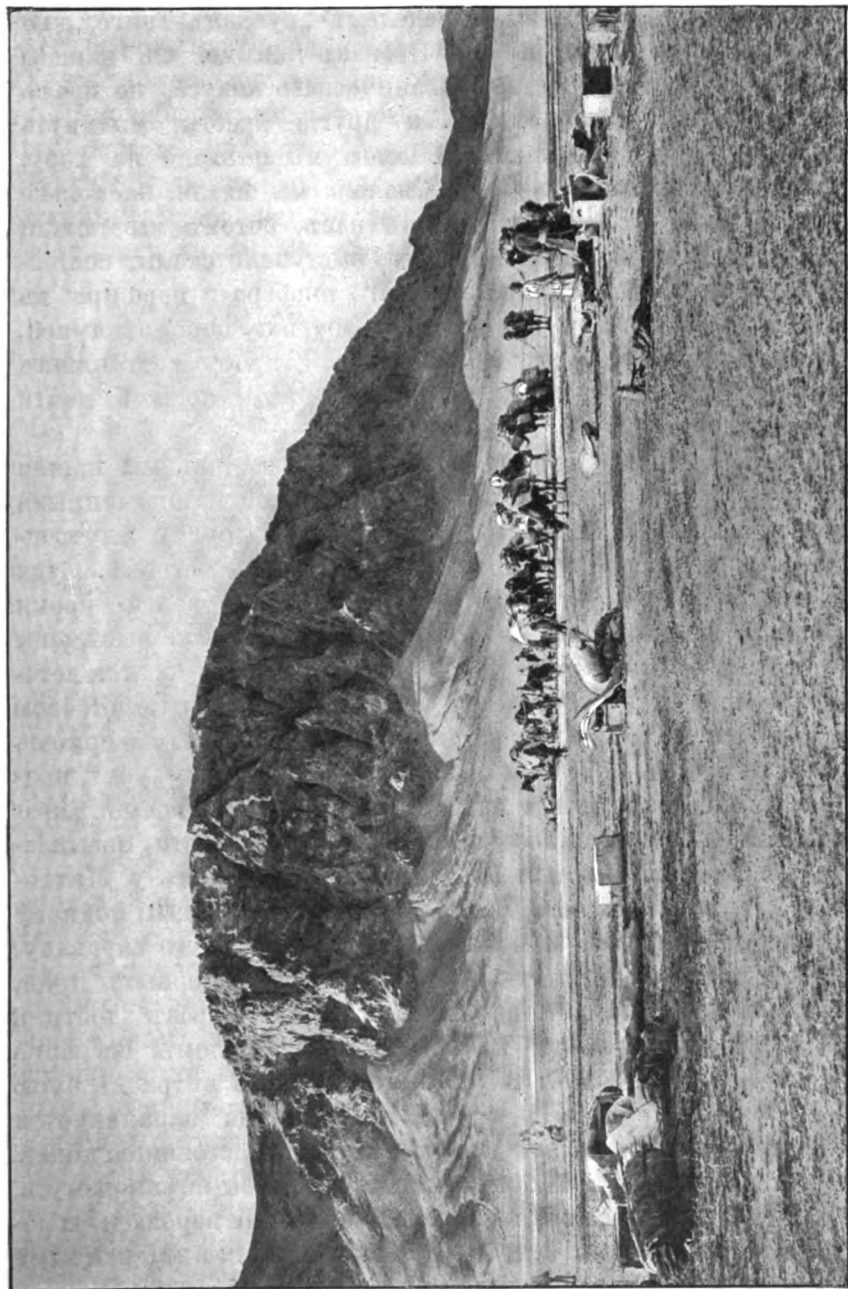
XLVI.

На пути въ Ладакъ.

26-го сентября мы поѣхали къ озеру Джагцзе-цзо къ устьямъ рѣки Богцзангъ-сангпо. Такъ какъ оставшіеся у насъ 22 верблюда были крайне изнурены и силы лошадей тоже на исходѣ, то мы остались одинъ день на богатыхъ пастбищахъ у береговъ этой рѣки. На протяженіи 28¹/₂ километровъ мы теперь видѣли только 16 палатокъ, но довольно большія стада овецъ. Дичи довольно много, какъ на примѣръ: куланы, сайги, зайцы, рябчики и гуси; наши охотники снабжали насъ мясомъ въ достаточномъ количествѣ. Озеро значительно меньше предыдущихъ, но вода горько-соленая. Круговые валы на берегахъ показываютъ, что и Джагцзе-цзо высыхаетъ. На одномъ мѣстѣ ясно обрисовывались одинъ надъ другимъ 7 такихъ валовъ.

Слѣдующіе дни мы не отходили отъ береговъ Богцзангъ-сангпо, такъ что нашъ маршрутъ проходилъ между маршрутами капитана Боуэра (Bower) на сѣверѣ и Nain Singh'a на югѣ. Порядокъ марша теперь былъ слѣдующій: три дня перехода и четвертый дневка; время отдыха всегда уходило на рыбную ловлю въ богатой рыбой рѣкѣ. 1-го октября Шагдуровъ выудилъ цѣлыхъ 18 штукъ. Вообще въ эти дни наша пища состояла почти исключительно изъ рыбныхъ блюдъ.

3-го октября мы шли въ послѣдній разъ вдоль рѣки, чтобы потомъ идти на сѣверъ. Я собственно хотѣлъ пройти по болѣе южному пути, но для верблюдовъ онъ оказался

Видъ на сѣверъ отъ нашего лагеря 29-го сентября.

слишкомъ гористымъ. Кромѣ того я утѣпался мыслью, что увижу гору, названную Литледэлемъ „вулканъ Тонго“, по которую при мнѣ называли Эренакъ-тжиммо. Съ нашего лагеря она имѣла видъ вулканическаго конуса, но позже мы увидѣли, что она, какъ и другіе хребты, вытянута на западъ. Съ Черновымъ и Ламой мы поѣхали на гору, отпустивъ караванъ впередъ. Сначала мы ѣхали, насколько лошади были въ состояніи везти насъ, потомъ мы пошли пѣшкомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступали скалы, состоящія изъ гранита, кристаллическаго шифера и порфира; въ отколахъ я замѣтилъ и нѣсколько другихъ породъ камней. Вулканомъ эта гора никогда не была, а просто составляетъ часть всѣхъ тѣхъ цѣпей, распутаться въ которыхъ почти невозможно.

Въ восточномъ обрывѣ одного изъ хребтовъ мы нашли круглый гротъ, раздѣленный низкой стѣной изъ каменныхъ плитъ на двѣ комнаты, одну наружную, другую внутреннюю; входъ въ гротъ, вышиною около трехъ метровъ. Судя по толстому слою копоти на потолкѣ, гротъ долгое время служилъ жилищемъ. На нѣкоторыхъ плитахъ были высѣчены слова: „онъ мань падми хумъ“ (о ты, жемчужина цвѣтка лотоса). Можетъ быть здѣсь жилъ отшельникъ, посвятившій свою жизнь на служеніе божествамъ этой горы. На сѣверномъ склонѣ Эренакъ-тжиммо мы нашли очень красивый „убу“, наибольшій изъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ въ Тибетѣ. Караванъ мы догнали только на ночлегъ въ мѣстности, называемой Тжурингъ. Моллахъ-Шахъ, который служилъ у Литледэля, узналъ эти мѣста и въ подтвержденіе мы нашли подкову осла, которую только и можно было отнести къ его каравану.

5-го октября былъ одинъ изъ самыхъ скверныхъ дней, которыхъ я могу припомнить. Ночью морозъ достигъ 13,^о и ручеекъ около лагеря покрылся льдомъ. Въ юртѣ холодъ не такъ замѣтенъ, но ѣхать противъ вѣтра въ бурю было очень трудно; даже дѣйствіе солнца парализуется вѣтромъ и съ ужасомъ мы думали о предстоявшей зимѣ. И наши люди и тибетцы шли пѣшкомъ, чтобы не замерзнуть. Печальнѣе всего то обстоятельство, что наши верблюды и лошади всѣ сразу стали сдавать. Купленный нами въ Чархалыкѣ молодой верблюдъ сталъ похожъ на скелетъ, обтянутый кожей.

Другой верблюдъ задней ногой засѣкалъ переднюю, на которой поэтому образовалась рана съ постояннымъ кровотеченіемъ. Рану пришлось ежедневно перевязывать и обмывать. У всѣхъ лошадей и муловъ спины были набиты.

Списокъ больныхъ также увеличился: Гамра-Куль, который отсталъ, былъ подобранъ тибетцами; состояніе Мухамедъ-Токты не улучшалось; у Альмаса заболѣли глаза, что я однако вылечилъ кокаиномъ и темными очками. У Ходай-Куллу появилась лихорадка. Увидѣвъ, что скоро половина личного

Шагдуровъ и Эрдекъ ловятъ рыбу.

состава заболѣть, я призвалъ къ себѣ Ямду Тсеринга и сказалъ ему, что теперь время достать намъ обѣщанныхъ Далай-Ламой яковъ, что онъ обѣщалъ исполнить въ непродолжительномъ времени. И дѣйствительно, ночью на 7 число намъ привели 18 отличныхъ яковъ, на которыхъ перевѣхнули грузъ, такъ что большинство нашихъ животныхъ, главнымъ образомъ больные, шли безъ вьюковъ.

Подъ предлогомъ поисковъ за пастбищами, но главнымъ образомъ, чтобы не идти по слѣдамъ Литледэля, я 7-го числа взялъ болѣе южное направленіе, захвативъ съ собой Чернова, Ламу, Ли-Лойе и Кучука, 4 мула и 5 лошадей. Шагдурова я назначилъ начальникомъ главнаго каравана, предо-

ставивъ ему останавливаться по нѣсколько дней на хорошихъ пастбищахъ.

Когда мы хотѣли тронуться, къ намъ подскочили тибетцы, схватили нашихъ животныхъ за поводья, не желая пустить насъ на югъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они лишились бы своихъ головъ. Но когда я пригрозилъ имъ револьверомъ, они отступили назадъ. Но скоро насъ догнали 12 человекъ подъ командою Тсерингъ Даши; остальные остались при караванѣ. Усталость одной лошади заставила насъ разбить палатки еще до наступленія вечера. Къ вечеру прибылъ новый отрядъ всадниковъ и рано утромъ старый Ямду Тсерингъ. Онъ ѣхалъ всю ночь, прозябъ и былъ весьма огорченъ тѣми хлопотами, которые мы готовили ему. Онъ просилъ меня вернуться къ каравану, отъ чего я, конечно, отказался.

Когда мы направились вверхъ по долиנѣ, рѣки. Тжуринга, мы опять увидѣли палатки кочевниковъ. Когда ихъ жители становились слишкомъ назойливы было достаточно сдѣлать только жестъ рукой чтобы заставить ихъ исчезнуть. Эта сплоченность у такого полудикаго народа удивительна. Боговъ и начальство они слушаются слѣпо, подкупить ихъ золотомъ невозможно. Ни одного нельзя уговорить показать намъ дорогу на югъ. Страна, гдѣ нѣтъ ни одного предателя!

Къ вечеру мы разбили лагерь у озера Джандинъ-цзо, въ которомъ Тжурингъ беретъ свое начало. 9-ое октября мы шли на З.-Ю.-З. въ сопровожденіи всего только шести всадниковъ. На западѣ возвышается гигантскій массивъ Шахъ-ганджума, покрытый вѣчными снѣгами.

11-го октября состояніе лошадей было такъ плохо, что мы не могли итти дальше на югъ. Мы забрались слишкомъ высоко и теперь должны были думать о возвращеніи къ главному каравану. Поэтому мы направились на С.-З. по широкой открытой долинѣ и прошли вправо отъ Шахъ-ганджума, недалеко отъ него. Литледаль называетъ его Шакканьормъ. На полѣ дороги насъ встрѣтилъ Ямду Тсерингъ, который посредствомъ курьеровъ слѣдилъ за нами.

Лагерь большого каравана находился у маленькаго ключа. Всѣ были здоровы, кромѣ нашего старика Мухамедъ-

Токты, тѣло котораго распухло, какъ будто оно было налито водою. Верблюды съ больной ногой околѣли. Здѣсь мы разстались 13-го числа съ Ямду Тсерингъ и Тсерингъ Даши, которые просили выдать имъ свидѣтельство о томъ, что они честно исполнили службу и что я ими доволенъ. Въ этомъ мѣстѣ проходила граница между Накцзонгъ и слѣдующей провинціей Бомба, въ которой новый начальникъ Ярво Тсерингъ долженъ былъ заботиться о насъ.

14-го октября у насъ были 30 новыхъ спутниковъ и 22 яка, нанятыхъ за 22 тсо ¹⁾ въ день. Тибетцы старались, по возможности, уменьшить дневные переходы, что имъ однако не удалось, такъ какъ я всегда назначалъ мѣсто ночлеговъ. Вода сдѣлалась все болѣе и болѣе рѣдкой и безъ указанія тибетцевъ мы больше не находили ключей.

18-го октября мы застрѣлили собаку Гамра, которая своимъ лаемъ не давала намъ покоя по ночамъ. Если вблизи не было тибетцевъ, на которыхъ онъ могъ лаять, то онъ лаялъ на нашихъ ночныхъ сторожей и на животныхъ. Въ этотъ же день околѣли двѣ лошади, и что страннѣе всего, два верблюда одновременно родили слишкомъ рано. Турду-бай думалъ, что причина этому рожденію пятнадцатиградусный морозъ и выпитая не во время холодная вода. Ноги Мухамедъ-Токты вспухли до того, что съ нихъ пришлось срѣзать сапоги и ноги завернуть въ войлокъ.

¹⁾ Намъ здѣсь давали 8 тсо за одинъ лянгъ китайскаго серебра при чемъ насъ, конечно, обсчитали.

XLVII.

Тяжелый путь.

20-го октября въ $1\frac{1}{2}$ 10 утра началъ дуть пассатъ. Я называю этотъ вѣтеръ именно такимъ именемъ потому, что онъ дулъ съ поразительнымъ постоянствомъ. Послѣ обѣда онъ усилился, обратившись въ настоящую бурю пустыни съ настолько густыми тучами песка и соленой пыли, что ландшафтъ часто совершенно исчезалъ. На двѣ характерныхъ, метеорологическихъ особенности мы обратили вниманіе: періодъ дождей падаетъ на конецъ лѣта и начало осени; послѣ него наступаетъ ненадолго хорошая погода, а потомъ, характеризующій осень и зиму, господствующій западный вѣтеръ.

Во время перехода случилось странное происшествіе. Старикъ Мухамедъ-Токта отсталъ, на что однако никто не обратилъ вниманія. Гамра-Куль, который шелъ послѣднимъ и велъ двухъ усталыхъ коней, нашелъ его въ ямѣ, лежа въ которой онъ объяснилъ, что почувствовалъ себя усталымъ и поэтому нарочно свалился съ лошади, которая ушла дальше. Гамра-Куль посадилъ старика на одну изъ своихъ лошадей и въ лагерь его, какъ всегда, завернули въ шубы и войлоки. На всѣ вопросы онъ отвѣтилъ весьма толково и когда я спросилъ его о самочувствіи, онъ улыбнулся привѣтливо. Но раньше, чѣмъ солнце успѣло взойти, онъ умеръ. Смерть настигла старика во время сна; его глаза были сомкнуты и съ вечера онъ не измѣнялъ положенія.

Съ его смертью всѣ почувствовали облегченіе, такъ какъ никто больше не надѣялся на улучшеніе съ тѣхъ поръ, какъ тѣло больного вспухло и приняло отвратительный, темный цвѣтъ. Ему самому жизнь была въ тягость и смерть такимъ образомъ явилась освободительницей. Онъ былъ честный человѣкъ и никогда я не слышалъ, чтобы съ нимъ обращались неласково, несмотря на то, что онъ былъ всѣмъ въ тягость; всѣ любили его, такъ какъ онъ самъ всегда былъ ласковъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Мухамедъ-Токта былъ четвертой жертвой нашихъ тяжелыхъ походовъ по Азіи и Тибету; это была слишкомъ большая потеря въ людяхъ.

Другіе больные, Альмасъ и Ахмедъ, конечно, не почувствовали себя лучше послѣ этихъ похоронъ; у перваго лицо также распухло, и я долго беспокоился за него, пока онъ не поправился.

Эта страшная болѣзнь, которая послужила причиною смерти трехъ человѣкъ въ Тибетѣ, не могла быть слѣдствіемъ плохого питанія. У насъ было много хорошей пищи. Недостатка въ свѣжемъ мясѣ не было въ Тибетѣ, особенно, пока мы находились въ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ жители снабжали насъ бараниной и жиромъ. Охота на дикихъ яковъ, кулановъ и сайгъ давали хорошіе результаты. Къ тому еще парное молоко и простокваша, масло и рыба служили пріятнымъ разнообразіемъ; взятые изъ Чархалыка рисъ и мука были рассчитаны на 10 мѣсяцевъ, а мы были въ дорогѣ всего только 5½.

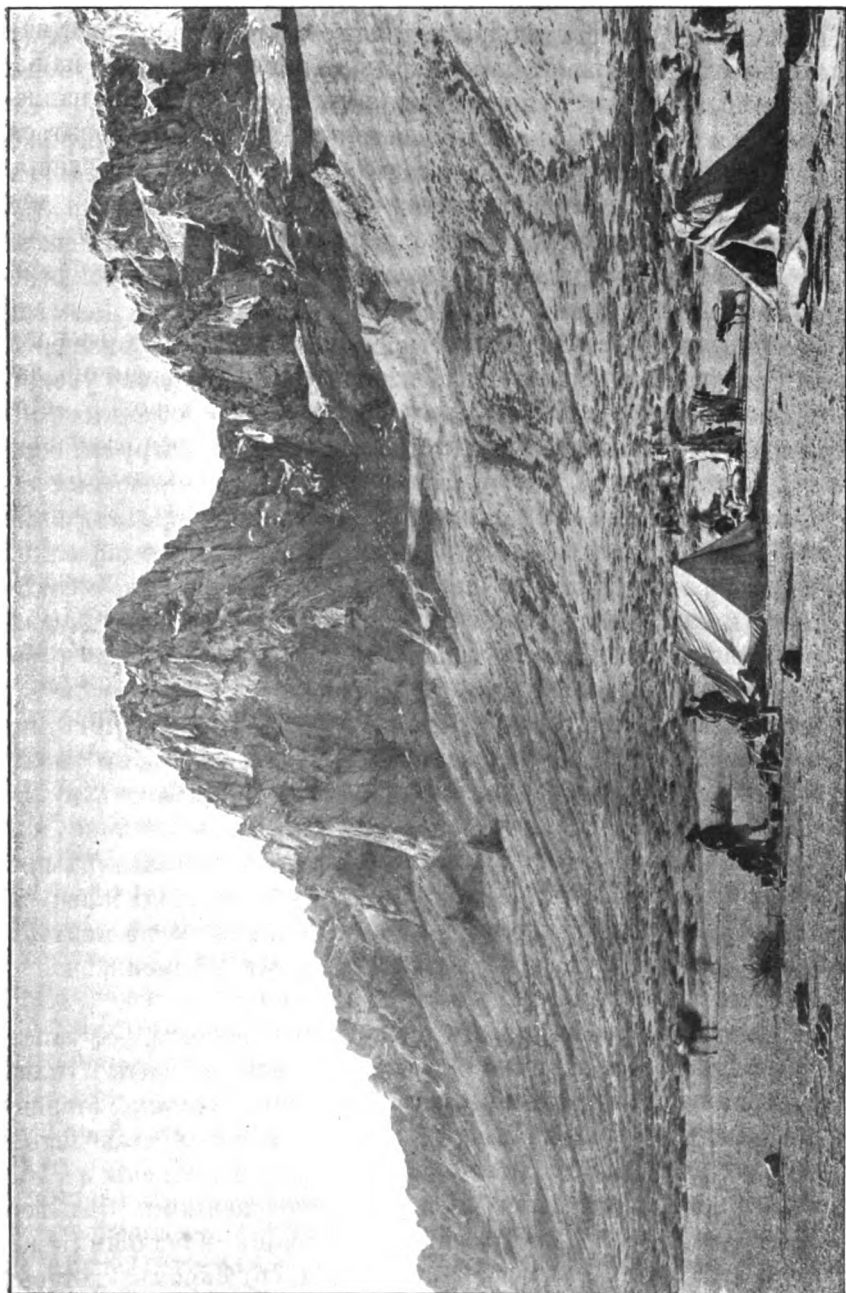
Нѣтъ, эта болѣзнь есть слѣдствіе разрѣженія воздуха. Плотность воздуха на половину меньше, чѣмъ на уровнѣ моря, и кровь не получаетъ достаточнаго количества кислорода. Наше тѣло и его органы не приспособлены для такихъ мѣстъ. Правильность дѣйствія этихъ органовъ нарушается; у того, кто самъ по себѣ некрѣпокъ и нездоровъ, шансы погибнуть гораздо больше. На такихъ высотахъ сердце, работая при ненормальномъ давленіи, не можетъ гнать кровь къ оконечностямъ тѣла, если мускулы и ткани недостаточно сильны. Выдающійся шведскій врачъ объяснилъ мнѣ, что это и есть причина, вслѣдствіе которой ноги моихъ людей буквально сохли; далѣе онъ говорилъ,

что ихъ, пожалуй, можно было бы спасти, если бы постоянно держать въ горизонтальномъ положеніи или даже ноги нѣсколько выше головы. Въ такомъ путешествіи, какъ наше, конечно, очень трудно ухаживать за больными надлежащимъ образомъ; прежде всего слѣдовало остановиться въ какомъ-нибудь мѣстѣ до полного выздоровленія. Но въ Тибетѣ это часто невозможно безъ опасности для всего каравана; остается одно: тащить больныхъ съ собой, что для ихъ угасающихъ силъ слишкомъ тяжело и безпокойно.

До Ладака осталось около 800 километровъ, что въ виду нашихъ маленькихъ переходовъ казалось безконечно далеко. Но медленное передвиженіе имѣло ту хорошую сторону, что я могъ осмотрѣть страну болѣе основательно, сдѣлать большее число астрономическихъ наблюдений и чаще опредѣлять высоту измѣреніемъ температуры кипѣнія воды.

На слѣдующій день послѣ похоронъ я пустилъ караванъ впередъ, а самъ отправился въ сопровожденіи Шагдурова и Сыркина къ склону горы, находящейся къ западу отъ лагеря, съ намѣреніемъ измѣрить высоту старыхъ береговыхъ линій надъ уровнемъ озера, помощью нивелировочнаго зеркала. На обращенномъ къ западу склонѣ эти старыя линіи, числомъ восемь, очерчены значительно рѣзче, чѣмъ на остальныхъ склонахъ. Въ теченіе дня и позже, я имѣлъ случай удостовѣриться въ томъ, что береговыя линіи обращенныхъ къ западу склоновъ всегда развиты интенсивнѣе береговыхъ линій склоновъ, обращенныхъ къ востоку, гдѣ онѣ нерѣдко совсѣмъ отсутствуютъ. На южныхъ и сѣверныхъ склонахъ онѣ менѣе ясны. Здѣсь невольно является вопросъ, гдѣ причина такого явленія? На это можно дать только одинъ опредѣленный отвѣтъ: западный пассатъ. Онъ гонитъ волны на восточный берегъ, гдѣ возникаетъ сильный прибой, между тѣмъ, какъ западные берега находятся подъ вѣтромъ.

Нивелировка показала, что наивысшая старая береговая линія расположена не менѣе, чѣмъ на 133 метра выше теперешняго уровня озера, который такимъ образомъ палъ на эту громадную величину. Сравнительно съ этимъ умень-

Лагерь 25 Октября.

шилась и площадь озера и мы навѣрное ѣхали по старому его дну. Гора, на которой мы производили наши измѣренія, состояла изъ мелкаго зернистаго, кристаллическаго шифера, а выше изъ твердаго кварцита.

25-го октября у насъ осталось всего только 18 верблюдовъ; 21 лежали уже вдоль нашего тернистаго пути и на слѣдующій день ихъ погибло еще три. Казаки ѣхали на мулахъ и только я и еще нѣсколько человѣкъ на лошадяхъ.

28-го октября мы прибыли къ озеру Перуцзе-цзо, пройдя девять дней безъ дневки; лучшаго мѣста для дневки мы не имѣли съ Чархалыкъ-су. Трава была высокая, мягкая, но нѣсколько подмерзла, воды и матеріалу для костровъ—сколько угодно. Большіе костры помогали намъ защищаться отъ ночныхъ морозовъ, достигавшихъ—20,1°. На морозѣ и на вѣтру мы остались здѣсь 4 дня, въ теченіе которыхъ наши животныя замѣтно поправились. Наши новые проводники продали намъ за 4 ліанга 3 маленькихъ мѣшка гречихи, что было слишкомъ дорого, но для нашихъ животныхъ это было необходимо и въ 1 часъ они покончили съ нимъ. Новый начальникъ рассказывалъ, что онъ Таджинурскій монголъ и родился нѣсколько южнѣе Куку-нора, но что родители на дорогѣ въ Лхассу продали его тангутской четѣ, неимѣвшей дѣтей. Сколько заплатили за него, онъ не зналъ, но Лама говорилъ, что обычная цѣна 20 ліанговъ и что подобная торговля случалась часто. Бываетъ, что и тангуты продаютъ дѣтей монголамъ. Нашего начальника продали, когда ему было 5 лѣтъ и онъ, конечно, сдѣлался настоящимъ тибетцемъ; онъ не помнилъ ни слова по монгольски. Тангуты принадлежать къ тому же племени, что и тибетцы, и у нихъ одинъ и тотъ же языкъ.

3-го октября мы пришли къ границѣ Рудока. У западнаго конца озера Лума-рингъ-цзо уже были разбиты 7 палатокъ и показалась масса народу. Какой-то нахальный старикъ подошелъ къ намъ и объявилъ, что мы должны остановиться здѣсь. Мы расположились по сосѣдству тибетцевъ и Лама сейчасъ же отправился къ нимъ за поясненіями. Онъ вернулся въ довольно потрясенномъ состояніи; начальникъ жителей Рудока оказался настоящимъ грубіяномъ, который требовалъ паспорта отъ Далай-Ламы; безъ такого онъ никог-

да бы насъ не пропустилъ по своимъ владѣніямъ. Я тогда послалъ за этимъ „бомбо“, который, говорили, былъ на хорошемъ счету у „девашунга“ и главнымъ управляющимъ въ Тжокъ-Джалунгъ, ¹⁾ гдѣ онъ жилъ лѣтомъ; зимой онъ находился въ Рудокъ.

На мое приглашеніе онъ явился въ парадной формѣ, съ большой свитой и громадной самоувѣренностью и я пригласилъ его сѣсть на коверъ передъ моей палаткой. Самъ же я остался въ палаткѣ около печки и, вслѣдствіе этой сомнительной вѣжливости, онъ сначала хотѣлъ обидѣться, но потомъ сѣлъ и потребовалъ паспортъ Далай - Ламы. Я отвѣтилъ, что мы никогда не видѣли этого властелина и поэтому не могли имѣть отъ него паспорта. „Я про васъ не слышалъ ни слова“, отвѣтилъ онъ, „не знаю, кто вы такіе, никакихъ писемъ изъ Лхассы я не получалъ и никакихъ приказаній снабжать васъ яками; но я знаю, что европейцамъ разъ навсегда запрещено путешествовать черезъ Рудокъ“.

„Если Вы высокопоставленное должностное лицо, то Вы должны знать, что это Ваша обязанность быть къ нашимъ услугамъ во время нашего путешествія въ Ладакъ“.

„У меня нѣтъ обязанностей по отношенію къ подозрительнымъ личностямъ, у которыхъ нѣтъ паспорта, но если Вы хотите, я напишу въ Лхассу, Вы же подождите отвѣта 2½ мѣсяца“.

„Это намъ весьма кстати“, отвѣтилъ я, „наши животныя изнурились и нуждаются въ отдыхѣ; пишите въ Лхассу, а мы обождемъ“.

„Хорошо, поймите, что я лишусь головы, если я пушу Васъ черезъ мою провинцію“.

Онъ былъ весьма увѣренъ и спокоенъ въ своемъ поведеніи, но кромѣ того еще и дерзокъ по сравненію съ нашими друзьями близъ Лхассы. Казаки были взбѣшены, — каждый изъ насъ стремился домой или хотѣлъ по крайней мѣрѣ

¹⁾ Тжокъ-Джалунгъ имѣетъ золотыя росыпи и расположено на нѣсколько переходовъ Ю.-З. отъ того мѣста, гдѣ мы находились. Зимой, говорили, живутъ тамъ около 20 человекъ, лѣтомъ же до 300, которые собираются со всѣхъ сторонъ, даже изъ Лхассы, для поисковъ золота. Тжокъ-Джалунгъ считаютъ наивысшей точкой земли, населенной круглый годъ.

выбраться изъ горъ до наступленія зимы. Я успокоилъ ихъ возбужденныя чувства, понявъ, что я не имѣлъ никакого права воевать противъ Рудока. На ихъ сторонѣ уже собралось свыше 100 вооруженныхъ людей. Состояніе каравана не допускало обходнаго движенія съ сѣвера, гдѣ я кромѣ того не хотѣлъ соприкасаться съ маршрутами Nain Singh'a, Bower'a и Deasy, или Wellby и Malcolm'a, которые проходятъ еще сѣвернѣе. Я также не чувствовалъ охоты поступить подобно капитану Deasy въ критическомъ положеніи, а именно сжечь большую часть багажа, палатокъ, провіанта и лодку.

Зато я ничего не имѣлъ противъ 2½ мѣсячнаго ожиданія. Работы и западныя бури утомили меня и я нуждался въ отдыхѣ. Съ казаками мы составили цѣлый планъ зимовки. Черезъ нѣсколько дней мы должны были вернуться въ Перуцзе-цзо и построить укрѣпленный лагерь. Въ этой интересной мѣстности я бы не нуждался въ работѣ, люди же занялись бы возведеніемъ высокаго земляного вала вокругъ палатокъ и багажа. Изъ того же матеріала мы бы построили сторожевую башню и выкопали бы ровъ вокругъ укрѣпленія. Потомъ мы бы отдыхали, охотились, дѣлали бы экскурсіи, ухаживали бы за животными и весною пошли бы на югъ. Я благословлялъ „бомбо“, который принуждалъ меня къ этому, хотя на самомъ дѣлѣ эта трудно-достигнутая страна уже надоѣла мнѣ.

На слѣдующее утро я объявилъ начальнику, что мы возвращаемся на востокъ, противъ чего онъ ничего не возразилъ. Но скоро онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и изъявилъ готовность дать намъ и яковъ и провіанту, если бы мы обѣщали не итти на городъ Рудокъ, что не входило въ мой планъ, такъ какъ Литледэль проходилъ по этой болѣе южной дорогѣ. Такимъ образомъ мой планъ зимовки разрушился, и мы опять стали приближаться къ концу нашихъ трудовъ.

XLVIII.

Цз о-н г о м б о.

Мы теперь выдѣлили все лишнее имущество, раздарили его тибетцамъ и обошли 6 ноября переваль (4858 м.), на сѣверной сторонѣ котораго мы нашли подходящее мѣсто для ночлега съ водой и пастбищемъ. Погода была хорошая, даже вѣтеръ утихъ, но вмѣсто этого тибетцы буянили и ругались съ Ламой, называя его собачьимъ язычникомъ, за то, что онъ шатался съ „такими русскими“. Наконецъ Лама такъ обозлился, что началъ бить ихъ нагайкой направо и налево; я приказалъ имъ прекратить ругань, пригрозивъ, что въ противномъ случаѣ прикажу привязать ихъ на спины верблюдовъ и такъ продержу ихъ, пока имъ не сдѣлается дурно.

Ночные морозы доходили до—26,5°. Просыпаешься отъ холода, кутаешься и сворачиваешься въ клубокъ. На ночь я обыкновенно оставлялъ стаканъ съ чаемъ, но это теперь было уже невозможно; онъ превращался въ кусокъ льда. Чернила всякій разъ передъ употребленіемъ приходилось согрѣвать, чтобы они растаяли.

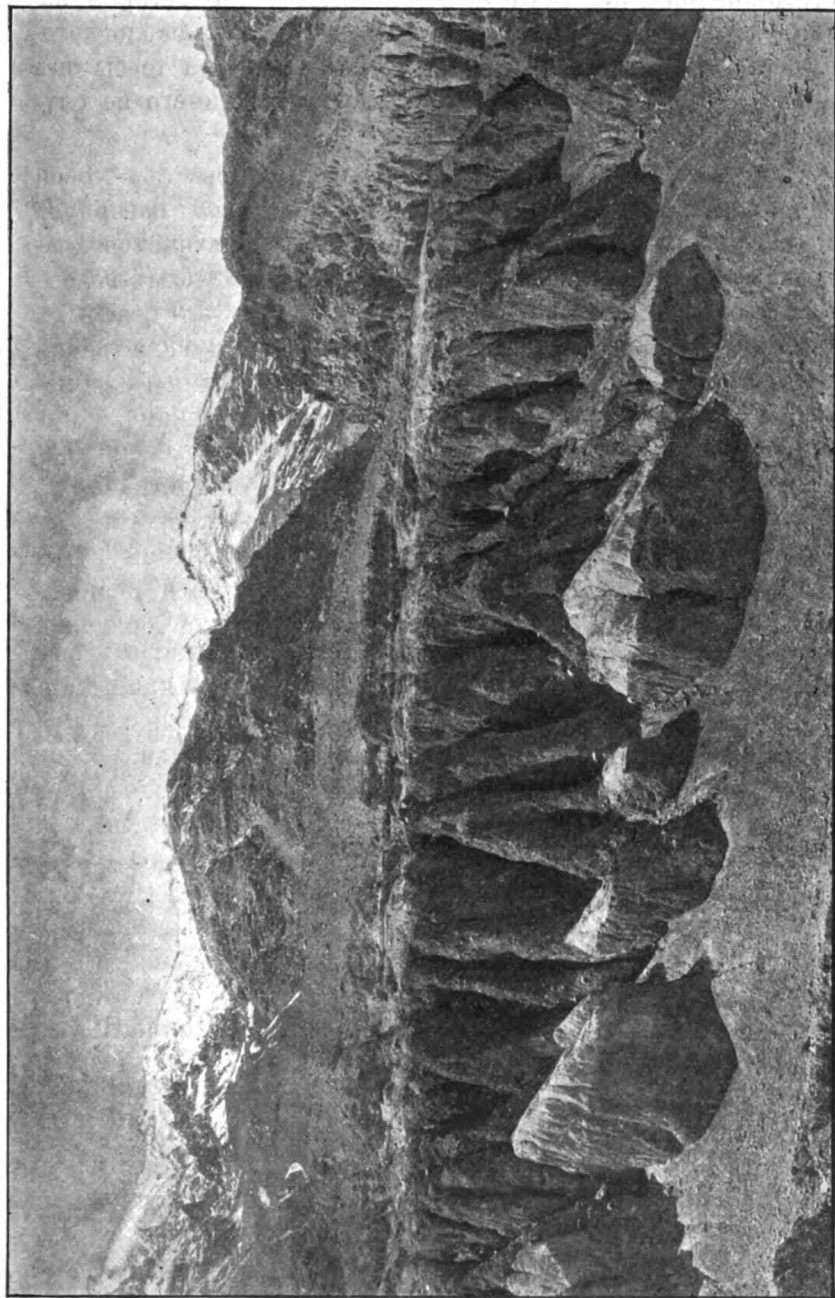
Такъ мы шли изо дня въ день по однообразному пути. 23 ноября у насъ уже только осталось 13 верблюдовъ изъ 27; въ теченіе одного дня околѣли 4 лошади. 27 и 28 ноября у насъ было пріятное ощущеніе приближенія болѣе низкихъ мѣстъ, по мѣрѣ того, какъ мы шли вдоль Цзангаръ-шара. Рыбная ловля продолжалась во время самаго движенія, при чемъ Черновъ и Шагдуровъ старались превзойти другъ друга, пользуясь шашками и тибетскими копьями. Разъ Шагдуровъ

порядкомъ выкупался въ ледяной водѣ; къ счастью я находился вблизи и развелъ костеръ въ кустахъ, около котораго онъ обогрѣлся и высушилъ свое платье, а то бы онъ навѣрно пошелъ бы дальше, какъ будто бы ничего не случилось.

Та стѣна, которая постоянно извивалась съ лѣвой стороны, наконецъ, кончилась, и рѣка круто повернула на югъ. Въ этомъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу находится храмовое селеніе Но, также называемое Оджангъ. Тамъ возвышается маленькій, довольно красивый храмъ въ красныхъ и бѣлыхъ краскахъ, съ куполами въ видѣ луковицъ, съ флажками, позолоченными шпиками и другими украшениями. Четырехугольные дома съ плоскими крышами обыкновенно окружены выбѣленными стѣнами съ красной каймой сверху. Дома украшены вымпелами и флагами. Полы устланы войлочными коврами; въ потолкахъ отверстія для дыма; большіе запасы хвороста приготовлены на зиму. Теперь Но освѣщалось яркимъ солнечнымъ свѣтомъ и представляло прелестный и необыкновенный видъ, обрисовываясь на гигантскихъ горахъ.

Когда мы прошли черезъ маленькій перевалъ, украшенный флагами, передъ нами открылся величественный видъ на Ю. и З. на озеро Цзо-нгомбо. На югѣ блестятъ нѣсколько покрытыхъ снѣгомъ вершинъ, на западѣ раскинулось озеро съ бухтами, мысами, островами и крутыми берегами. Ширина его всего только нѣсколько километровъ. На береговой полосѣ съ плохимъ пастбищемъ мы разбили палатки. На маленькомъ островкѣ въ разстояніи 1 километра мы нашли дрова, которыя и притащили по льду.

Въ теченіе слѣдующаго, посвященнаго отдыху, дня мы измѣрили глубины между берегомъ и островомъ, при чемъ наибольшая была 6,35 метра. Нашъ начальникъ сообщилъ, что ему было приказано выслать отсюда курьера въ Лей (Ладакъ), чтобы получить все необходимое на границѣ между Тибетомъ и Кашмиромъ. Я воспользовался случаемъ и послалъ письмо „Joint Commissioner for Ladak“ съ просьбой прислать яковъ, лошадей и провіанта. Бѣдный всадникъ исчезъ въ ночной мглѣ на своей маленькой един-

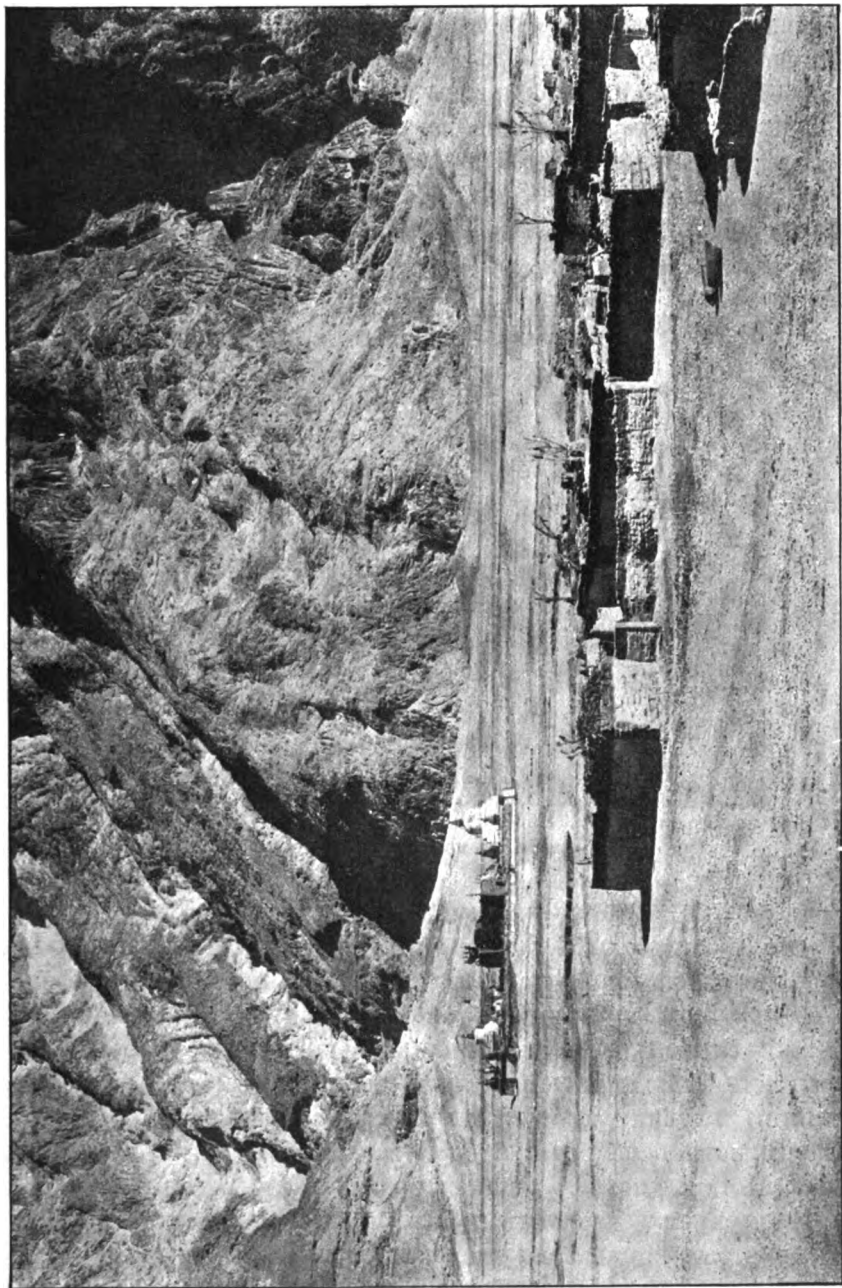
Двойныя террасы, состоящія изъ валуновъ.

ственной лошади; увидавши ту дорогу, по которой онъ ѣхалъ въ темнотѣ, мы его пожалѣли вдвое.

30-го ноября мы совершили весьма интересный переходъ вдоль сѣвернаго берега Цзо-нгомбо. Наши пѣшеходы часто укорачивали путь черезъ ледъ. За островомъ озеро кончается и переходить въ совсѣмъ короткую рѣчку съ открытой водой, которая въ свою очередь снова переходитъ въ покрытый льдомъ бассейнъ; но скоро и это озеро кончается и мы опять поѣхали вдоль рѣки. Она ровна и такъ однообразна, какъ прорытый каналъ, шириною около 12 метровъ, глубиною не болѣе 3 метровъ; вода течетъ весьма медленно, прозрачна какъ кристаллъ съ зеленымъ оттѣнкомъ. На днѣ росли водоросли и на глубинѣ обрисовывались черныя спины рыбъ, которыя сейчасъ же подверглись преслѣдованію казаковъ. Далѣе рѣка протекаетъ черезъ бассейнъ средней величины, потомъ черезъ очень маленькій бассейнъ и, наконецъ, впадаетъ въ озеро, размѣромъ больше, чѣмъ другія, и тянущееся далеко на З. и С.-З.; оно не было покрыто льдомъ, что, вѣроятно, зависѣло отъ его большой глубины. Въ равнинѣ Балъ мы разбили палатки; съ Но мы шли по одной дорогѣ съ Nain Singh, но теперь наши маршруты опять разошлись. На дорогѣ мы встрѣтили караванъ въ 200 овецъ, навьюченныхъ гречихой изъ Ладака. Смѣшно видѣть, какъ онѣ перебираются черезъ какіе угодно кручи несмотря на довольно тяжелыя ноши. На границѣ люди занимаются мѣною; за 100 овецъ, навьюченныхъ солью, тибетцы берутъ 80 овечьихъ ношъ гречихи.

Ширина Цзо-нгомбо, конечно, постоянно мѣняется въ зависимости отъ окружающихъ его горныхъ цѣпей. Гдѣ два мыса находятся какъ разъ одинъ противъ другого, тамъ ширина наименьшая. Круто обрывающійся, усыянный большими каменными глыбами склонъ послужилъ намъ большой помѣхой, такъ какъ животныя, навьюченные ящиками съ инструментами, не могли пробраться между камнями; поэтому ящики пришлось снять и нести на рукахъ. Верблюдовъ вели по одному и поддерживали; ямы завалили, а стѣсняющіе движеніе камни сбрасывали въ озеро.

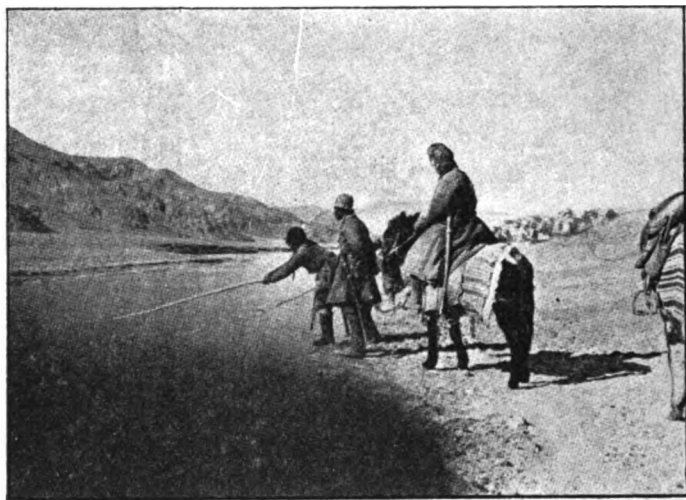
Лагерь мы разбили недалеко отъ отдыхающаго каравана, состоящаго изъ двухъ черныхъ палатокъ, окружен-

Храмовое селеніе Но.

ныхъ вьюками овецъ и кучами дровъ. Здѣсь я измѣрилъ старыя береговыя линіи; высшая находилась на 19,5 метра, низшая на 4,5 метра надъ теперешнимъ уровнемъ воды.

3-го декабря я поручилъ Чернову измѣрить глубины по назначенному направленію; наибольшая достигла 30 метровъ. Съ Чердоновымъ я поѣхалъ вдоль берега, караванъ же продолжалъ итти на западъ. Проливъ въ 300 метровъ ширины былъ покрытъ льдомъ. Намъ говорили, что мы въ этотъ день наткнемся на препятствіе, непреодолимое для

Казаки на ходу ловятъ рыбу.

верблюдовъ, а именно на скользкую и крутую стѣну, выступающую изъ воды. Когда мы теперь нашли, что маленькій проливъ покрытъ льдомъ, мы надѣялись перейти на южный берегъ озера и, такимъ образомъ, обойти препятствіе. На всякій случай мы переправились и прорубили отверстіе во льду, чтобы измѣрить частью его толщину (13,4 — 15,2 сант.), частью глубину озера, которая доходила до 29,63 метра. На южномъ берегу мы продолжали наши изысканія безъ препятствій, но для вѣрности я послалъ Эрдека дальше. Въ это время караванъ былъ принужденъ остановиться, Эрдеку было приказано развести огонь, если онъ наткнется на такое мѣсто, гдѣ невозможно провести верблюдовъ. Когда

мы потомъ возвращались къ каравану, мы замѣтили на южномъ берегу не менѣе трехъ костровъ, изъ которыхъ послѣдній напротивъ новаго лагеря. Значить, остался только сѣверный берегъ.

Непроходимое мѣсто было изслѣдовано Турду-баемъ, который не считалъ возможнымъ провести верблюдовъ невредимыми. Но такъ какъ мѣстность вокругъ была очень богата сухимъ, мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, я рѣшилъ форсировать трудную переправу при помощи плота, скрѣ-

На берегу Цзо-нгомбо.

пленнаго верблюжьими лѣстницами, палаточными шестами и веревками. Его можно было сдѣлать достаточно большимъ, чтобы переправлять по одному верблюду. Это должно было удасться, такъ какъ я не желалъ возвратиться въ Балъ и потомъ итти по слѣдамъ Nain Singh'a въ Niagara. Было только ужасно досадно, что озеро не было покрыто льдомъ какъ разъ вокругъ этого мыса.

Ночью было слышно, какъ вода покрывалась льдомъ при 20° морозѣ и утромъ большіе участки воды, которые накануне еще были открыты, затянулись тонкимъ слоемъ льда. Я самъ удостовѣрился въ томъ, что переходъ по сушѣ невозможенъ. Черный шиферъ гладкой поверхностью па-

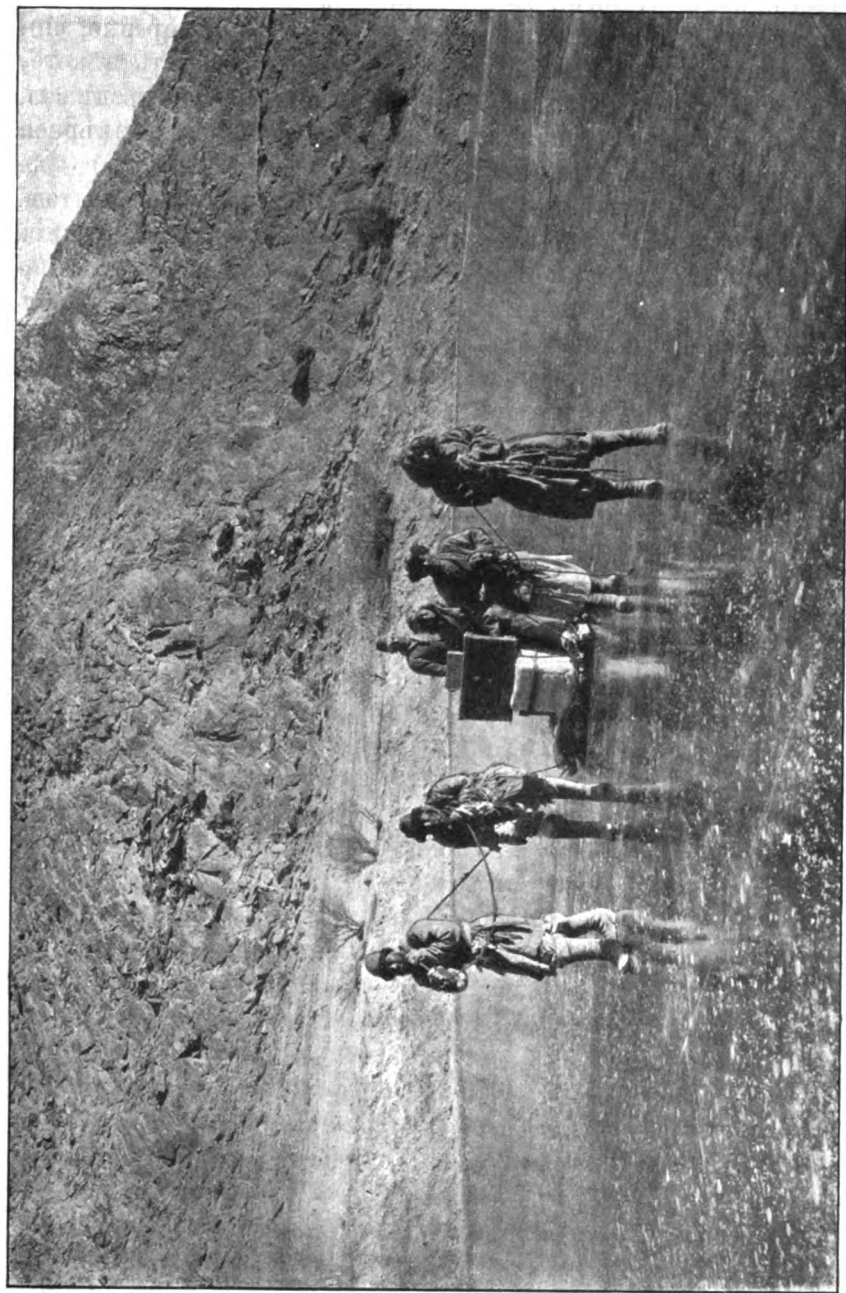
даетъ подъ угломъ въ 43° въ озеро. Щель въ склонѣ даетъ нѣкоторый упоръ шифернымъ плитамъ, которыя положены для расширенія тропинки. Можетъ быть нѣкоторые изъ нашихъ усталыхъ верблюдовъ и могли бы сдѣлать этотъ фокусъ—пройти здѣсь, но большинство навѣрное скатились бы въ пропасть.

Поэтому надо было построить плотъ и разломать тонкій ледъ или подождать, пока ледъ будетъ въ состояніи держать насъ. Такъ какъ въ 1 часъ дня еще было $-4,5^\circ$, то

Лодка, превращенная въ сани.

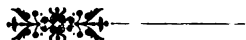
я надѣялся на послѣдній исходъ. Въ 6 часовъ вечера ледъ уже достигъ толщины въ 5,2 сантим. Мы произвели нѣсколько испытаній крѣпости льда, но должны были ждать еще одинъ день, съ большимъ интересомъ наблюдая за измѣненіемъ температуры. Ночью термометръ палъ до $-19,1^\circ$, въ 7 часовъ утра 5-го $-11,1^\circ$, въ 1 часъ $-5,1^\circ$, въ 9 час. $-8-9^\circ$ и въ слѣдующую ночь $-20,9^\circ$. Я поднялся за часъ до восхода солнца, чтобы сдѣлать астрономическое опредѣленіе мѣста. Потомъ на устроенныхъ саняхъ перевезли весь багажъ, за исключеніемъ моего и кухни, на берегъ по ту сторону скалы. Толщина льда увеличилась на 2 сантим. Тибетцы также переправились, но они предпочли горную

Перевозка багажа по льду.

тропинку, на которой имъ все-таки пришлось вести яковъ осторожно. Эти животныя ходятъ удивительно увѣренно; они могутъ поскользнуться, но никогда не упадутъ.

На ледъ вокругъ скалы высыпали 28 мѣшковъ песка, чтобы образовать тропинку для верблюдовъ. Ихъ перевели до восхода солнца, чтобы отъ дѣйствія послѣдняго не ослабъ ледъ, толщина котораго теперь возросла до 9,9 сантим. Все сошло благополучно, только въ нѣкоторыхъ трещинахъ просачивалась вода. Оставленный багажъ перевезли, и потомъ мы пошли дальше вокругъ опасныхъ мысовъ, черезъ маленькія песчанья поля. Озеро теперь совершенно открыто; очевидно, оно покрывается льдомъ постепенно съ востока на западъ. Цзо-нгомбо опять суживалось и, наконецъ, оно перешло въ ту рѣку, Аджидзонякъ, по которой его прѣсная вода переходитъ въ соленое Пангонгъ-цзо. Около его начала мы разбили наши палатки на сѣверномъ берегу. Теперь величественное озеро съ восхитительными перспективами осталось позади насъ.

XLIX.

Отъ Пангонгъ-цзо въ Лей.

Лагерь, находившійся какъ разъ на разстояніи 100 переходовъ отъ нашей главной квартиры, былъ для насъ не безъ значенія. Говорили, что мы въ этомъ мѣстѣ получимъ новыхъ яковъ изъ Ладака; но такъ какъ о нихъ ничего не было слышно и тибетцы хотѣли вернуться домой, то мы должны были зорко слѣдить за ними, чтобы они не удрали. Трехдневный отдыхъ между озерами послужилъ не только верблюдамъ въ пользу, но и моей работѣ.

Мы собирались итти дальше 9-го декабря, но оказалось, что всѣ яки убѣжали, а ихъ слѣды уничтожены сильнымъ вѣтромъ. Послѣ долгихъ поисковъ ихъ нашли къ вечеру. Ихъ вожакъ, Лонсенъ, согласился итти съ нами вдоль сѣвернаго берега Пангонгъ-цзо до тѣхъ поръ, пока насъ не встрѣтитъ подмога изъ Ладака. Наши запасы риса и муки кончились уже нѣсколько дней тому назадъ и мы теперь питались исключительно мясомъ. Въ расположенныхъ недалеко палаткахъ мы купили 7 овецъ. Тамъ были нѣсколько собакъ, съ которыми Ёлдашъ очень подружился; его пришлось привязывать, чтобы онъ не удиралъ, такъ какъ даже побои не помогали. У лагеря мы измѣрили высоту наивысшей террасы надъ рѣкою; она находилась на высотѣ 59 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Оба озера раньше, очевидно, составляли одно цѣлое, а теперь высыхаютъ, какъ всѣ другія озера Тибета. Горы состояли изъ чернаго и зеленаго шифера.

12 декабря бушевала страшная вьюга, въ которую даже не было видно южныхъ береговъ озера. Нашъ переходъ былъ не особенно великъ, но зато онъ былъ болѣе затруднителенъ, чѣмъ какой-либо изъ предыдущихъ переходовъ по берегамъ этихъ двухъ озеръ. Въ озеро вдавалась громадная скала съ отвѣсно спускающимися въ воду боками; черезъ нее вела тропинка, протоптанная караванами, но неудобная для верблюдовъ. У подножія горы мы отдыхали, пока Сыркинъ изслѣдовалъ самый берегъ, который оказался неприступнымъ, даже для людей. Сыркинъ осмотрѣлъ тропинку и говорилъ, что она ужасна, но что, можетъ быть, возможно перейти по ней. Яки полѣзли очень увѣренно; на гребнѣ съ 15-ти сняли грузъ и они вернулись за моими ящиками, палатками и остальнымъ багажемъ, съ которымъ они пошли до лагеря по ту сторону горы, чтобы ночью взять остатокъ.

Одновременно мы лопатами и ломами подготавливали тропинку для проведенія верблюдовъ, которыхъ вели и подталкивали по одному; это заняло нѣсколько часовъ, несмотря на то, что относительная высота гребня была всего только 200 метровъ. Но и западный склонъ былъ не лучше, къ тому же еще вѣтеръ до крайности затруднялъ спускъ. Людямъ иногда приходилось ползти на четверенькахъ, верблюдовъ же оставили на горѣ до слѣдующаго утра.

На слѣдующій день около лагеря Сердэе, гдѣ проходитъ граница между Тибетомъ и Кашмиромъ, мы были пріятно поражены. Здѣсь именно встрѣтилъ насъ тотъ вспомогательный караванъ, который былъ высланъ намъ навстрѣчу по приказанію Везиръ Везарата, намѣстника кашмирскаго магараджи въ Ладакѣ. Этотъ караванъ сначала прошелъ, въ Мангъ, въ деревушку на южномъ берегу озера противъ Сердэе, но такъ какъ тамъ ничего не было слышно о насъ, то онъ повернулъ назадъ и попытался на сѣверномъ берегу. Наше положеніе сразу измѣнилось; 12 лошадей и 30 яковъ были въ нашемъ распоряженіи; овцы, мука, рисъ, сушеные фрукты, молоко, сахаръ и для нашихъ животныхъ гречиха; больше нельзя было требовать. Мой караванъ, который находился при послѣднемъ издыханіи, сразу поправился, намъ больше не надо было страдать, наши лишенія кончились.

Предводителями каравана были два ладака: Анмаръ Джу, говорящій свободно по-персидски, съ которымъ я поэтому могъ разговаривать, и Галунгъ Гираманъ, добродушнѣйшій старикъ; остальные люди тоже были ладаки, только одинъ гинду. Мы теперь простились съ послѣдними тибетцами, заплативъ имъ щедро и подаривъ имъ все, въ чемъ мы больше не нуждались, вродѣ: кастрюлей, чашекъ, платья и даже одинъ револьверъ. Съ сожалѣніемъ я расстался съ ними, ибо они намъ служили отлично, были честны и ласковы и имѣли много хлопотъ изъ за насъ.

Начальники встрѣтившаго насъ каравана, удивили меня, подаривъ мнѣ по одной серебряной рупіи. Несмотря на мое нѣсколько смѣшное положеніе, я понялъ любезное значеніе подарка и сунулъ его въ карманъ съ намѣреніемъ отплатить имъ, какъ слѣдуетъ.

Но этотъ день не обошелся безъ огорченій. Моя собака Ёлдашъ, которая, начиная съ Оша не отлучалась отъ меня, провела и эту ночь въ палаткѣ у моихъ ногъ. Къ восходу солнца она

Музыканты и танцовщики въ Другубѣ.

Къ восходу солнца она встала, встряхнулась и вышла изъ палатки. Обыкновенно она грѣлась на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока караванъ не двигался дальше. Но теперь она побѣжала по горамъ на востокъ и больше не вернулась. Ходай-Куллу видѣлъ ее несущейся, какъ сумасшедшая, по слѣдамъ предыдущаго дня, назадъ къ своимъ новымъ знакомымъ въ палаткахъ между озерами. 2¹/₂ года я ухаживалъ за ней. Я очень скучалъ по ней, но въ караванѣ всѣ презирали ее, находя, что она неблагодарный перебѣжчикъ.

Караванъ теперь тронулся по болѣе сѣверной дорогѣ въ

то время, какъ мы съ Анмаръ Джу, Черновымъ и Ламой продолжали итти вдоль озера, по крайне опасной тропинкѣ до маленькаго ключа. Когда караванъ, наконецъ, догналъ насъ, всего только осталось 9 верблюдовъ; ужасно жалко послѣдняго, который палъ именно теперь, когда соломы и гречихи было вдоволь и до большого отдыха съ полными яслями въ Лей осталось 8 дней.

Ночью шелъ снѣгъ и 16-го мы проѣзжали по бѣлому зимнему ландшафту. Съ перевала надъ лагеремъ озеро имѣло видъ глубокой канавы между снѣговыми горами. Потомъ мы разстались съ Пангонгъ-цзо, проѣзжали по песчанымъ степямъ, медленно поднялись по долинѣ и дошли до маленькаго перевала, украшеннаго прямоугольными кучами камней и плитами съ надписями: „онъ мани“. Далѣе мы спустились по глубокой, заваленной камнями и щебнемъ, долинѣ и расположились на берегу маленькаго покрытаго льдомъ озера, находящагося приблизительно на 60 м. ниже уровня озера (Пангонгъ-цзо); мы достигли бассейна Инда и тѣ капли воды, которыя журчали въ этой долинѣ, должны были послѣ долгихъ странствованій очутиться въ Индійскомъ океанѣ. 2½ года мы находились въ странахъ, орошаемыхъ водами, не имѣющими стока къ морю; теперь же мы, наконецъ попали въ такія мѣста, которыя имѣютъ стокъ къ морю. Это было пріятное сознаніе; теперь мы постепенно удалялись отъ высшей горной страны свѣта.

Пройденный нами перевалъ представляетъ большой интересъ, если сравнить его съ тѣми старыми береговыми линиями, которыя находятся на 54 метра выше Пангонгъ-цзо. Когда-то Пангонгъ-цзо имѣло выходъ въ Индъ, но потомъ оно отдѣлилось отъ него вслѣдствіе климатическихъ условий. Озеро поэтому стало соленое и моллюски прѣсныхъ водъ вымерли.

17-го декабря я простился съ караваномъ, чтобы выѣхать впередъ въ Лей. Анмаръ Джу, Черновъ и Чердоновъ ѣхали со мной; нашъ багажъ везли на трехъ лошадяхъ. Намъ надо было ѣхать по 40 километровъ въ день, чтобы доѣхать въ Лей въ четыре дня и тогда мои телеграммы дошли бы до мѣста назначенія въ канунъ Рождества Христова. Мы быстро спускались по долинѣ, въ которой на-

чали показываться селенія и обработанныя поля. У Тан-кси, гдѣ мы перемѣнили лошадей, возвышается на одинокой скалѣ, красиво расположенный монастырь Джова. Первый ночлегъ былъ въ Другубѣ (3919 м.), гдѣ цѣлая толпа музыкантовъ съ барабанами и флейтами въ маскахъ танцевали въ нашу честь на дворѣ. Казалось какъ-то страннымъ ночевать подъ крышей.

Чтобы дойти до мѣста слѣдующаго ночлега, Тагаръ, намъ пришлось перейти черезъ высокій, трудно преодолить

Видъ съ храма Тиксе.

мый перевалъ Тжангъ-ля, который обыкновенно въ это время года покрытъ снѣгами.

Для насъ было странно видѣть все новыхъ людей, проѣзжать мимо одной деревушки за другой и видѣть обработанныя поля. На скалахъ возвышаются храмы и вѣтеръ шепчетъ въ тополяхъ и вербахъ. Постоянно мы спускались все ниже и ниже, гдѣ воздухъ сталъ болѣе плотнымъ и температура повышалась. Количество и величина прямоугольныхъ кучъ камней увеличивалась; одна такая куча имѣла въ вышину $1\frac{1}{2}$ метра, въ ширину 3 м., а въ длину цѣлыхъ 260 мет. и вся ея поверхность была покрыта плитами съ высѣченными: „онъ мань падми хумъ“. Потомъ мы

проѣхали мимо храма и монастыря Джимре, мимо нѣсколькихъ деревень и приблизились къ самому Инду, текущему въ глубоко вѣзавшихся извилинахъ; прозрачная зеленоватая вода журчитъ на глубинѣ 50 метровъ. Около поворота находится громаднѣйшая каменная куча, вышиною въ 3 метра, шириною въ 9, а длиною въ 416 метровъ, т. е. почти полъ километра. Сумасшедшіе люди, которые занимаются такими безплодными работами!

Здѣсь меня встрѣтилъ Мирза-Мухамедъ, „наибъ“, или

Дворъ въ храмѣ Тиксе.

секретарь тэзильдаря города Лей. Онъ былъ очень любезный и симпатичный человѣкъ, свободно говорилъ по персидски и въ послѣдствіе сдѣлалъ мнѣ нѣсколько неоцѣнимыхъ услугъ. Далѣе мы поѣхали вдоль праваго берега Инда, по широкой долинѣ до постоялаго двора Тиксе. Надъ деревней, выше свѣтскаго шума, расположенъ монастырь Тиксе-гомпа. Монахи, числомъ отъ 40 до 50 человѣкъ, любезно предложили мнѣ ночлегъ у себя, но я отказался, такъ какъ внизу въ деревнѣ мы ни въ чемъ не нуждались; я сдѣлалъ имъ визитъ на слѣдующее утро. Съ террасъ и балконовъ монастыря открывался, подавляющій своимъ величіемъ, видъ на гигантскую долину Инда:

По дорогѣ въ Тиксе насъ уже встрѣтили три гонца вер-

хомъ и пѣшкомъ, въ томъ числѣ одна женщина. Они носили свои письма, намотанныя на концѣ маленькой палочки. Одинъ курьеръ принесъ привѣтственную телеграмму отъ резидента въ Кашмирѣ. Съ того момента, когда я сталъ на англійскую почву, меня каждый день принимали все съ большими знаками гостепріимства. Когда мы 20-го декабря пріѣхали въ Лей, столицу (4000 жит.) Ладака, насъ встрѣтилъ ея тэзильдаръ Етгумаль, гинду, весь въ европейскомъ костюмѣ, за исключеніемъ турбана, и привѣтствовалъ меня на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ. Я остановился у Мирза-Мухамеда, домъ котораго раньше служилъ миссіонеру Веберу церковью, гдѣ казакі могли получить нѣсколько комнатъ, тамъ же имѣлся большой дворъ для каравана. Сюда принесли мою громадную почту, которая накопилась за одиннадцать мѣсяцевъ.

Первымъ дѣломъ послѣ моего прибытія я послалъ телеграммы королю Оскару, лорду Керсону и моимъ родителямъ и получилъ въ канунъ Рождества Христова отъ нихъ отвѣты. Телеграмма короля гласила: „Благодарю тебя за телеграмму и полученныя раньше письма. Отъ души радъ твоему благополучному прибытію на британскую территорію и надѣюсь, что скоро вернешься домой. Я и всѣ мои здоровы. Привѣтствую тебя сердечно. Король Оскаръ“.

Изъ Чархалыка я писалъ черезъ Кашгаръ лорду Керсону и просилъ разрѣшить мнѣ заемъ въ 3000 рупій; эта сумма была приготовлена, когда я прибылъ, съ препроводительнымъ письмомъ отъ вице-короля, который въ немъ приглашалъ посѣтить его въ Калькуттѣ. Отвѣтивъ и поблагодаривъ за любезное приглашеніе, я получилъ еще привѣт-

Старый ладакъ.

Изъ Чархалыка я писалъ черезъ Кашгаръ лорду Керсону и просилъ разрѣшить мнѣ заемъ въ 3000 рупій; эта сумма была приготовлена, когда я прибылъ, съ препроводительнымъ письмомъ отъ вице-короля, который въ немъ приглашалъ посѣтить его въ Калькуттѣ. Отвѣтивъ и поблагодаривъ за любезное приглашеніе, я получилъ еще привѣт-

ственную телеграмму отъ него. Отсюда я рѣшилъ проѣхать въ Индію.

Караванъ прибылъ въ первый день Рождества. Послѣдніе 9 верблюдовъ благополучно перебрались черезъ перевалъ Тжангъ-ля. Теперь они могли отдохнуть, ѣсть свѣжій душистый клеверъ въ награду за всѣ труды и лишенія, которые они перенесли. Они съ удивленіемъ и даже нѣсколько боязливо смотрѣли на городское движеніе, но на нашемъ дворѣ они скоро почувство-

вали себя какъ дома и ихъ глаза заблестѣли отъ удовольствія, когда они услышали запахъ сочнаго корма. Жители маленькаго города, которые вѣроятно раньше никогда не видали верблюдовъ, лазили по стѣнамъ, окружающимъ дворъ, и съ удивленіемъ осматривали этихъ странныхъ животныхъ съ длинными шеями и горбатыми спинами.

Молодая ладакская женщина.

Теперь я принялъ слѣдующее рѣшеніе. Во время моего путешествія въ Индію, караванъ долженъ былъ отдохнуть въ Леѣ. Но мнѣ только были нужны три мусульманина и поэтому было очень кстати,

что остальные просили разрѣшенія сейчасъ-же вернуться домой черезъ Каракорумъ и Яркендъ. Я имъ выдалъ жалованье съ большими прибавками и кромѣ того подарилъ имъ платья, провіантъ и верховыхъ лошадей. По просьбѣ Сыркина я отпустилъ его и далъ ему письмо къ генеральнаго консулу Петровскому въ Кашгарѣ. Хотя онъ и скучалъ по родинѣ, тѣмъ не менѣе онъ горько плакалъ, когда мы разставались съ нимъ, и я благодарилъ его за службу.

На зимнихъ квартирахъ я назначилъ Чернова начальникомъ, Чердонова метеорологомъ; Турду-бай, Кучукъ и Ходай-Куллу ухаживали за верблюдами, мулами и моею старой верховой лошадей. У нихъ остался и Лама. Шагдурова я взялъ съ собою въ Индію, получивъ на то разрѣшеніе вице-короля. Я уже впередъ радовался удивленію честнаго казака при видѣ всего чудеснаго въ этой странѣ.

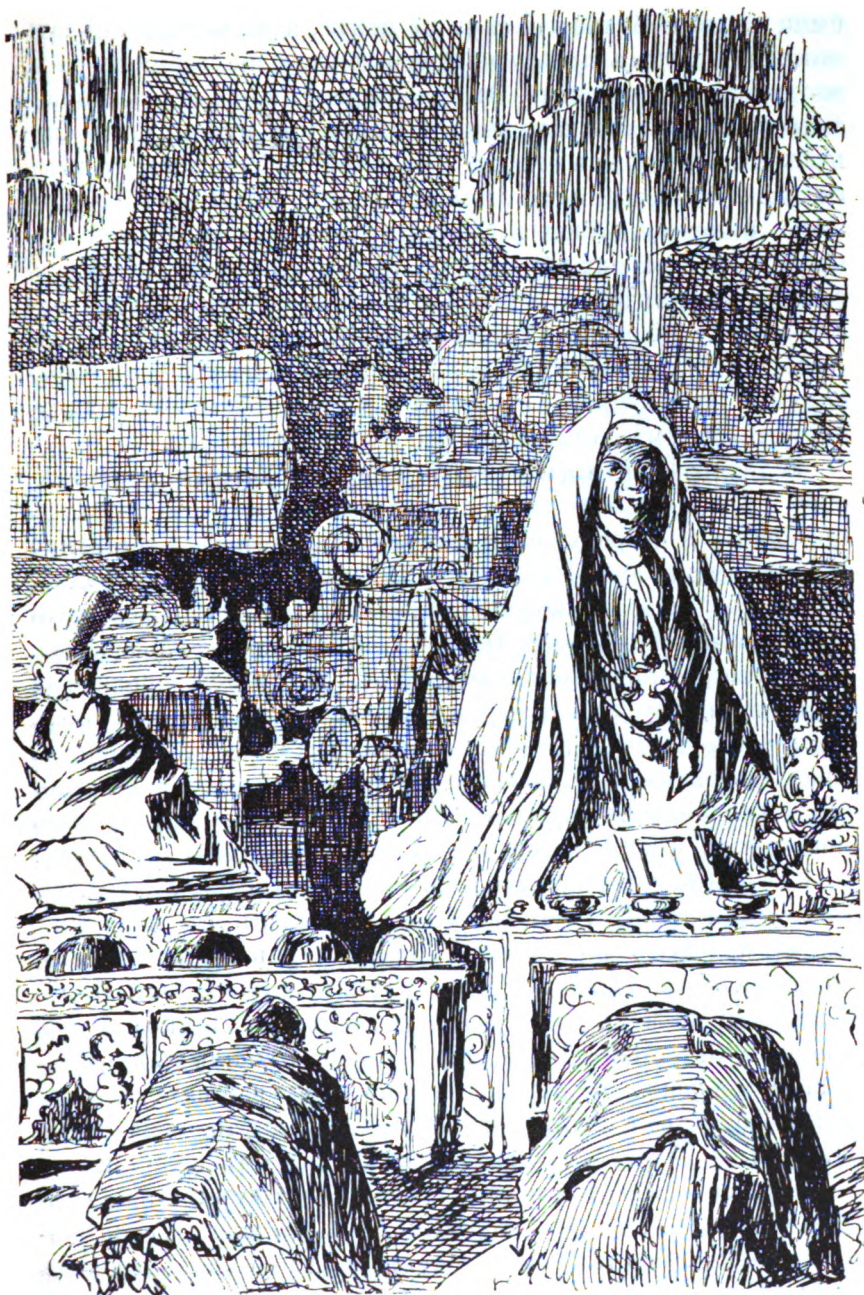
Г.

Домой через монастырь Хемисъ.

1-го Января я выѣхалъ въ Индію въ сопровожденіи моего вѣрнаго Шагдурова. Въ этой сказочной странѣ я пользовался широкимъ гостепріимствомъ вице-короля въ Калькуттѣ; въ Секундерабадѣ около Гайдерабада я посѣтилъ стараго знакомаго съ памирской пограничной комиссіи 1895 года, полковника Mc. Swiney. Далѣе я побывалъ въ Бомбеѣ, у магараджи въ Картарпурѣ, и только 25 марта вернулся въ Лей съ этой крайне интересной поѣздки. Къ моему прискорбію Шагдуровъ не переносилъ индійскаго климата и заболѣлъ лихорадкой въ Калькуттѣ, такъ что я не могъ взять его съ собой по Индіи. Изъ Калькутты его доставили въ Равальпинди, откуда я взялъ его съ собой.

Въ Леѣ все обстояло благополучно. О Сыркинѣ и Эрдекѣ не слышали ничего, но всѣ остальные, которыхъ я отпустилъ послѣ прибытія каравана, возвратились, такъ какъ всѣ перевалы были непроходимы изъ за обилія снѣга. Первые два однако благополучно достигли Кашгара.

Я намѣревался отдохнуть только нѣсколько дней и потомъ спѣшить на сѣверъ черезъ перевалъ Каракорума. Но злые духи задержали насъ въ Леѣ: Шагдуровъ опять заболѣлъ, и очень серьезно, тифомъ, и по словамъ доктора онъ могъ выѣхать только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ страшно похудѣлъ и потерялъ силы. Такимъ образомъ мы задерживались со дня на день и хотя было ясно, что мы должны

Догсангъ Распа.

были оставить больного, тѣмъ не менѣе, я не хотѣлъ сдѣлать это раньше, чѣмъ пользующій его докторъ не сообщилъ мнѣ, что опасность миновала. Въ началѣ апрѣля онъ сталъ поправляться, но для полного выздоровленія ему нужны были еще нѣсколько мѣсяцевъ отдыха. Все устраивалось для него какъ нельзя лучше, и для его личныхъ услугъ я оставилъ ему Ли-Лойе, которому обѣщалъ дополнительную награду, если онъ исполнитъ свою службу хорошо. Грустно было, когда мы разстались съ нимъ 5-го апрѣля. Съ сожалѣніемъ я также разставался съ моими 9 вѣрными ветеранами—верблюдами, которые въ зимнее время не могли переправиться черезъ Каракорумъ. Я ихъ продалъ за безцѣнокъ яркендскому купцу, который лѣтомъ хотѣлъ отвести ихъ въ Яркендъ.

Если переходъ съ тибетской земли на высотѣ 5000 метровъ къ индійскому лѣту у моря былъ рѣзокъ, то переходъ въ обратную сторону ощущался не менѣе рѣзко. Собственно говоря странно, что я избѣжалъ всякихъ слѣдовъ лихорадки, но за то я былъ сильно утомленъ и меня тянуло въ мой тихій кабинетъ въ Стокгольмѣ. Поэтому я рѣшилъ воспользоваться возможно дольше носилками, т. е. до подножія перевала Тжангъ-ля. Несомнѣнно четырьмя сильными людьми я качался, удаляясь отъ Лея. Дворецъ прежнихъ королей и маленький городокъ скоро исчезли за холмами, по мѣрѣ того, какъ люди быстрыми шагами приближались къ Инду подъ напѣвъ монотонной пѣсни, которая помогала идти имъ въ тактъ.

6-го апрѣля мы подымались по лѣвому берегу Инда. Со мною были только Лама и Кучукъ; караванъ съ нанятыми лошадьми шелъ по большой дорогѣ вдоль праваго берега, подымаясь къ Тжангъ-ля. Но потомъ мы оставили Индъ, повернули на Ю. и Ю.-З. и вошли въ долину Хемиса. Масса живописныхъ „Чортенъ“ и длинные ряды каменныхъ кучъ украшаютъ дорогу. Долина постепенно суживается; среди сѣрыхъ скалистыхъ стѣнъ отдѣльныя группы тополей очень красивы, и вдали блестятъ покрытыя снѣгомъ вершины.

Наконецъ передъ нашими глазами открывается знаменитый храмъ Хемиса; онъ скорѣе похожъ на массу тѣсно построенныхъ амфитеатромъ домовъ, подобно ласточкинымъ гнѣздамъ на склонѣ. Черезъ дворы, ходы, по извивающимся тропинкамъ мы дошли до маленькой двери въ стѣнѣ, гдѣ

привратникъ Хемиса, любезно привѣтствовалъ насъ. Онъ былъ старикъ съ рѣдкой, сѣдой бородой, съ большимъ толстымъ носомъ, но съ постоянной, добродушной улыбкой на лицѣ. Нгавангъ Тжэ Тсангъ, Хеми, Тжатсоть—это его имя и титулъ.

Насъ повели по этому монастырскому лабиринту темныхъ угловъ и чулановъ, дворовъ и проходовъ, корридоровъ, крутыхъ и узкихъ лѣстницъ, ведущихъ съ одной террасы храма на другую. Было бы трудно дать хоть нѣсколько ориентирующее описаніе этого страннаго соединенія зданій. Въ постройкахъ не замѣтно никакой архитектуры и дома, имѣющіе форму кубовъ, очевидно выстроены по мѣрѣ надобности. Насъ пригласили войти въ ворота и повели по крутой тропинкѣ, выложенной плоскими камнями и заключенной между двухъ стѣнъ; далѣе мы повернули и вошли въ темный горизонтальный корридоръ, который выходитъ въ рядъ маленькихъ дворовъ, поднялись по очень крутой лѣстницѣ и бѣгло осмотрѣли храмовой залъ, гдѣ позолоченныя изображенія боговъ неясно блестятъ въ полутьмѣ; далѣе насъ вывели на террасу, на которой мы остановились, пораженные великолѣпнымъ видомъ, потомъ мы опять шли по корридорамъ, лѣстницамъ и дворамъ до тѣхъ поръ, пока голова не закружилась.

Лама въ парадномъ одѣяніи.

Въ первомъ залѣ, въ который меня ввели, потолокъ поддерживался красивыми деревянными колоннами, здѣсь возсѣдало божество Долма съ большими блестящими глазами; передъ этимъ богомъ, которому, говорили, 300 лѣтъ, на сто-

лахъ стояли длинные ряды мѣдныхъ чашекъ съ водой, рисомъ, гречихой, мукой, жиромъ и масломъ. Я быстро сдѣлалъ набросокъ другого зала, рисунокъ котораго помѣщенъ на страницѣ 379. Говорили, что это главный залъ Хемиса: передъ золоченымъ и одѣтымъ въ какой-то плащъ изображеніемъ Догтсангъ Распа, два ламы упали на колѣни. Справа отъ него сидитъ Лама Ялсрасъ, а слѣво Санджа съ Шагджа Тоба. Храмовые залы числомъ 7 носятъ названіе „денгкангъ“, а тѣ комнаты, въ которыхъ монахи читаютъ свои „номъ“ (священное писаніе) называются „тсоккангъ“ (по монгольски „суме“).

Въ громадномъ кубковидномъ сосудѣ, „лотжотъ“, въ желтомъ жирѣ въ углубленіи горитъ маленькое пламя, которое въ теченіе всего года не тухнетъ. Религіозныя картины, имѣющія форму штандартовъ, украшаютъ стѣны нѣсколькими рядами, съ потолковъ висятъ драпировки, называемыя „чучепъ“; на колоннахъ висятъ длинныя ленты.

Барабаны, колокола, мѣдныя тарелки и трубы составляютъ часть украшеній; ходишь, какъ по музею и страшно хочется урвать что-нибудь изъ этого скрытаго въ горахъ монастыря. Книжныя полки завалены томами „номовъ“ или священныхъ писаній. Точно также въ другихъ залахъ находятся боги и „чурденъ“ изъ серебра съ рубинами, бирюзой и золотомъ. Черезъ отверстіе въ полу одного зала мы спустились въ „бакангъ“ или цейхаузъ, въ которомъ хранятся одежды, маски, головные уборы, копья, барабаны, трубы и тысячи другихъ предметовъ, употребляемыхъ во время праздничныхъ танцевъ въ началѣ іюля. Нѣсколько ламъ одѣлись въ свое праздничное платье и ничего не имѣли противъ того, что я срисовалъ ихъ.

Старикъ рассказывалъ, что монастырь Хемигомпа былъ возведенъ 300 лѣтъ тому назадъ ламою Догтсангъ Распа, который какъ и Далай-Лама продолжаетъ свое существованіе изъ года въ годъ. Настоящему Догтсангъ Распа было 19 лѣтъ, и онъ уже три года жилъ отшельникомъ совершенно одинъ въ маленькой „гомпа“ въ горахъ, недалеко въ ущельи, гдѣ мѣстность носитъ названіе Готсангъ. Тамъ онъ долженъ былъ жить еще три года. Цѣлыхъ шесть лѣтъ ему нельзя ни видѣть кого либо, ни отходить ни на шагъ отъ своего мѣста заключенія. Все это время онъ упо-

требляетъ на размышленіе и на изученіе священныхъ писаній. По близости живетъ служащій лама, приносящій ему пищу, которую ежедневно подаетъ черезъ маленькое отверстіе, при чемъ обоемъ, однако, не разрѣшается смотрѣть другъ на друга или разговаривать; въ случаѣ особенно важнаго дѣла подаютъ письмо. Вода протекаетъ ключемъ въ непосредственной близости. Я спросилъ, какъ онъ поступаетъ, если заболѣетъ, и мнѣ отвѣтили, что онъ такой святой, что никогда не хвораетъ и что онъ, впрочемъ, знаетъ лекарства противъ всѣхъ болѣзней. Всѣ Догтсангъ Распа проходятъ это испытаніе. По истеченіи этихъ шести лѣтъ Догтсангъ Распа возвращается въ Хемись и когда онъ умираетъ, его душа переходитъ въ новый Догтсангъ Распа. Жизнь отшельника въ теченіе 6 долгихъ зимъ въ такой тихой долиנѣ должна быть ужасна.

Триста ламъ принадлежатъ къ монастырю; большинство проводитъ зимы въ другихъ „гомпа“ и въ Леѣ. Они содержатся монастыремъ, который очень богатъ и владѣетъ обширными воздѣлываемыми землями.

Когда я на слѣдующій день оставилъ храмъ, мнѣ подарили нѣсколько провіанта и овцу, за которую ни подъ какимъ видомъ не хотѣли взять денегъ. Игуменъ верхомъ сопровождалъ насъ до моста черезъ Индъ и въ Таггарѣ мы опять соединились съ нашими.

Возвращеніе домой по Азіи и Европѣ дало бы достаточно матеріала для подробнаго описанія путешествія, но я хочу остановиться лишь на нѣкоторыхъ эпизодахъ.

Мы на якахъ прошли по долинѣ Шейока и дошли до перевала Каракорумъ (5658 м.), поѣхали дальше на лошадяхъ, перевалили черезъ Сугетъ-даванъ и Санджу, отдыхали

Лама въ маскѣ.

нѣсколько дней въ Каргалыкѣ и Яркендѣ и пріѣхали, наконецъ, въ Кашгаръ 14 мая 1902 года. Весна уже развернулась въ полной красѣ, когда я въ давно знакомыхъ мнѣ бесѣдкахъ рассказывалъ моему старому другу, генеральному консулу Петровскому, о моихъ впечатлѣніяхъ и благодарилъ его за всѣ его неоцѣнимыя услуги.

Но долго я не могъ оставаться и поспѣшилъ на западъ черезъ горы. Кучукъ и Ходай-Куллу возвратились въ Лопъ, получивъ щедрыя награды за вѣрную службу. Въ Ошѣ я оставилъ Турду-бая, отрекомендовавъ его полковнику Зайчеву. Въ Черняевѣ я сердечно простился съ Черновымъ, который черезъ Ташкентъ направился въ Вѣрный. Чердоновъ и Лама переѣхали со мной черезъ Каспійское море. Изъ Петровска они поѣхали въ Астрахань, гдѣ Лама поступилъ въ калмыцкій монастырь. Съ Петровскимъ мы рекомендовали его губернатору. Въ Карашахрѣ онъ больше не рисковалъ показаться и Камба-Бомбо разъ навсегда запретилъ ему вѣздъ въ Лхассу; поэтому онъ перешелъ въ русское подданство. Чердоновъ по Сибирской жел. дорогѣ уѣхалъ на родину въ Забайкалье.

Да, было очень тяжело разстаться съ ними; столько лѣтъ я вѣдь прожилъ съ этими молодцами. Ихъ слезы доказывали, что и они съ сожалѣніемъ разставались со мной. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я впослѣдствіи имѣлъ извѣстія, и особенно меня порадовало возвращеніе Шагдурова на родину. Начальникъ Главнаго Штаба генералъ Сахаровъ былъ настолько любезенъ, что нѣсколько разъ увѣдомлялъ меня о судьбѣ моихъ дорогихъ казаковъ.

Король Оскаръ удостоилъ всѣхъ 4 казаковъ особыми золотыми медалями, на ношеніе которыхъ они получили разрѣшеніе. Его Величество Императоръ Николай II наградилъ ихъ знаками отличія—ордена св. Анны и 250 рублями каждаго. Турду-бай и Халметъ-Аксакалъ также получили отъ короля золотыя медали, Файзуллахъ серебряную. Во время аудіенціи въ Петергофѣ Государя Императора очень порадовали мои слова, сказанныя въ похвалу казакамъ, поведеніе которыхъ съ перваго дня до послѣдняго, собственно говоря, стояло выше всякой похвалы. Военному министру

генералу Куропаткину я подалъ офиціальный рапортъ, въ которомъ я упоминалъ о нихъ.

27-го іюня я вернулся въ Стокгольмъ, гдѣ тѣ-же, которые провожали меня, теперь и встрѣтили. Какъ и тогда природа стояла въ лучшемъ расцвѣтѣ и тѣ длинные годы, которые прошли съ тѣхъ поръ, показались мнѣ какъ-бы сномъ.

